

Вестник
АЛЬЯНС-АРХЕО

Вестник
АЛЬЯНС-АРХЕО

41

Москва
Санкт-Петербург
2023

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» осуществляет выпуск электронного издания, на страницах которого размещаются материалы, отражающие результаты исторических и историко-методических исследований, а также представляются публикации нарративных, документальных и изобразительных памятников.

Редактор *С. Н. Кистерев*



© Зарегистрированный в России товарный знак,
свидетельство № 743093

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

*Журнал индексируется в научной библиотеке КиберЛенинка
и поддерживает современный стандарт научной коммуникации —
открытый доступ к науке и открытые лицензии*



Л. В. Мошкова

**ГРАМОТЫ XV — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.
ИЗ Ф. 281 РГАДА: ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
(Статья восьмая)**

*К юбилею
Владислава Дмитриевича Назарова*

Предпоследняя статья цикла¹ посвящена анализу актов из собрания Грамот Коллегии экономии по Ржевскому, Рузскому, Ростовскому, Радонежскому, Сольвычегодскому, Старицкому, Суздальскому, Новоторжскому² и Тверскому уездам.

Среди подлинных актов по Рузскому у. рукоприкладства послухов есть на 20 документах.³ Это немногим больше, чем по Дмитровскому у. (18 актов),⁴ но значительно меньше, чем в Переславском у. (30 актов).⁵ Всего в рассмотренных 20 грамотах упоминаются 94 послуха, но поскольку часть имен повторяется, то реальное число составляет 77 человек. Подавляющее большинство — 64 человека (83,1 %) — упоми-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-09-00360. Ранее вышедшие работы с аналогичным названием изданы в Вестнике «Альянс-Архео»: Статья первая — Вып. 17. М.; СПб., 2016. С. 40–89; Статья вторая — Вып. 19. М.; СПб., 2017. С. 55–81; Статья третья — Вып. 20. М.; СПб., 2017. С. 52–108; Статья четвертая — Вып. 31. М.; СПб., 2020. С. 53–122; Статья пятая — Вып. 33. М.; СПб., 2020. С. 3–60; Статья шестая — Вып. 36. М.; СПб., 2021. С. 3–81; Статья седьмая — Вып. 39. М.; СПб., 2022. С. 3–76 (далее ссылки даются на имя автора и номер статьи).

² При систематизации и описании актов в фонде были выделены Новоторжск (Торжок) и Торжок (Новоторжск) (см.: Описание ГКЭ. 2. № 8329–8441; Описание ГКЭ. 3. № 12043–12050).

³ № 10241, 10243, 10244, 10246, 10247, 10249–10253, 10257, 10258, 10260, 10272, 10343, 10345, 10346, 10350, 10352, 10355.

⁴ См.: Мошкова. Статья пятая. С. 3–4.

⁵ См.: Мошкова. Статья седьмая. С. 3–6.

наются в числе послухов только один раз;⁶ дважды — 9 человек (11,69%); три раза (это максимальное число) послушествовали 4 человека (5,2%).

Число послухов, не оставивших рукоприкладств, 34 человека (44,15%), а 43 подписавшихся составляют 55,84%. В Переславском у. это соотношение иное: рукоприкладства оставили 64,48% послухов.⁷ Вряд ли это свидетельствует о том, что грамотность среди землевладельцев Переславского у. была выше, более вероятно, что на указанные цифры повлияли совершенно иные факторы, первый из которых — сохранность корпуса источников.

Поскольку большинство послухов в Рузском у. упоминаются только в одном акте, число лиц, оставивших единственное рукоприкладство, достаточно высоко — 35 человек (44,45%). Интересно отметить, что 8 человек (10,38%) подписались дважды, и даже Злоба Васильев сын Соболева, бывший послухом три раза (№ 10249, 10250, 10252) и оформивший один акт (№ 10253) приложил руку только к двум грамотам (№ 10250, 10252).

Из достаточно разветвленного семейства Литвиновых рукоприкладство оставил только Игнатий Андреев сын (№ 10253), а выступавшие послухами по три раза Андрей Александров сын, Афанасий и Назарий Федоровы дети свои подписи не поставили. В отличие от них Гаврила и Иван Семеновы дети Пахова приложили руку к обоим документам, где значились послухами (№ 10252, 10253).

Помимо рукоприкладств на грамотах по Рузскому у. есть подписи продавцов и лиц, писавших так называемые записи (№ 10243, 10246, 10257, 10258, 10260, 10272, 10343, 10346, 10352). И здесь надо отметить высокую активность детей Федора Михайлова сына Овцына. Три выданные от его имени документа (№ 10260, 10261, 10343) оформлял сын Иван, а Дмитрий и Андрей оставили свои подписи как участники сделки.

К одному из актов — данной грамоте Евфросинии, вдовы Григория Товаркова, (№ 10257) — приложил руку Федор Чубаров, имя которого в тексте акта не упоминается. Писал грамоту Стефан Федоров сын Чубаров, поэтому можно предположить, что Федор был его отцом. Единственный упомянутый послух — Стефан Тимофеев сын Чубаров — рукоприкладство не оставил, поэтому подпись Федора с некоторой натяжкой можно трактовать как рукоприкладство, сделанное за родственника, хотя в тексте это никак не отражено, писавший

⁶ Что вполне сопоставимо с числом лиц, привлекавшихся единожды к удостоверению актов в Переславском у. — 81,3% (см.: Мошкова. Статья седьмая. С. 4).

⁷ См.: Там же.

констатирует только свое действие: «К сеи данои Федор Чюбаров руку приложил».

Помимо сделанных подсчетов анализ рукоприкладств и сравнение почерков писавших крайне важны при решении вопроса о подлинности акта (см. ниже № 10244, 10245, 10344, 10551, 10552, 11642, 11783, 12496, 12498).

СОКРАЩЕНИЯ

Филигранологические справочники

Брике	— <i>Briquet Ch. M.</i> Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Ed. 2. Leipzig, 1923. Т. 1–4.
Голова шута	— <i>Дианова Т. В.</i> Филиграния XVII–XVIII вв. «Голова шута»: Каталог. М., 1997.
Лауцявичюс	— <i>Laucevicius E.</i> Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Atlasas. Vilnius, 1967.
Лихачев	— <i>Лихачев Н. П.</i> Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1, 3. СПб., 1899.
Лихачев. Мельницы	— <i>Лихачев Н. П.</i> Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
Тромонин	— <i>Тромонин К.</i> Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844.
piccard-online	— https://www.piccard-online.de/start.php

Слова

архим. — архимандрит	кон. — конец	пол. — половина
вел. — великий	кн. — князь	посл. — последняя
ВЗ — водяной знак	кнг. — княгиня	сх. — сходен
верх. — верхний, -ая	м-рь — монастырь	т. б. — тип близкий
втор. — вторая	(при названии)	трет. — третья
ГКЭ — грамоты Коллегии экономии	нач. — начало	у. — уезд
иг. — игумен	ниж. — нижний, -ая	четв. — четверть
идент. — идентично	ок. — около	
	перв. — первый, -ая	

Литература

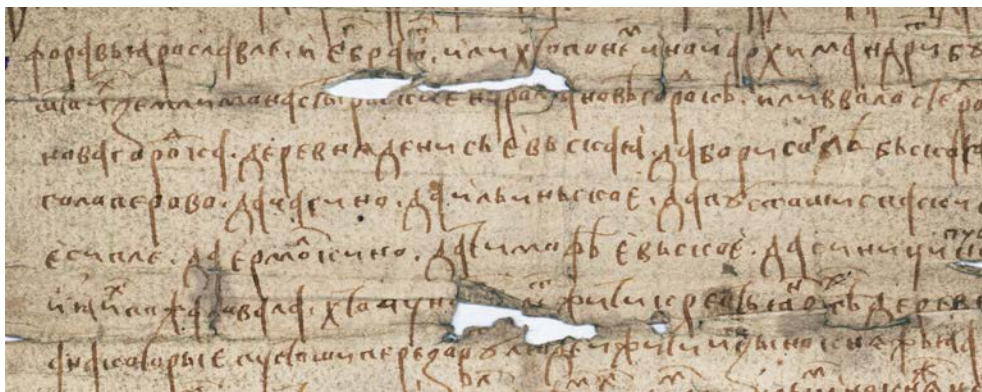
АМСМ	— Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983.
АРГ	— Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.
АСЭИ	— Акты социально экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 1–3. М., 1952–1964.
АССЕМ	— Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1998.

- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1–3. М., 1951–1961.
- Описание ГКЭ. 2 — Описание грамот Коллегии экономии. Т. 2: К–Р / Подгот. А. В. Антонов. М., 2018.
- Описание ГКЭ. 3 — Описание грамот Коллегии экономии. Т. 3: С–Я / Подгот. А. В. Антонов. М., 2020.
- Перечень актов архива ТСМ — Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505–1537 / Сост. С. М. Каштанов, С. Ю. Королева, Л. В. Столярова. М., 2007.

* * *

**№ 10106, 10169, 10170, 10172, 10173, 10232–10258,
10260, 10261, 10272, 10343–10153, 10355, 10538–10548,
10550–10552, 10793, 10862, 10863, 11641–11644,
11780–11789, 11791–11794, 11796–11798, 11820, 12043,
12044, 12247, 12495–12500**

№ 10106 (Романовский у. 1). Жалованная льготная, несудимая и на конское пятно грамота вел. кнг. Марии Ярославны архим. Спасо-Ярославского м-ря Христофору.



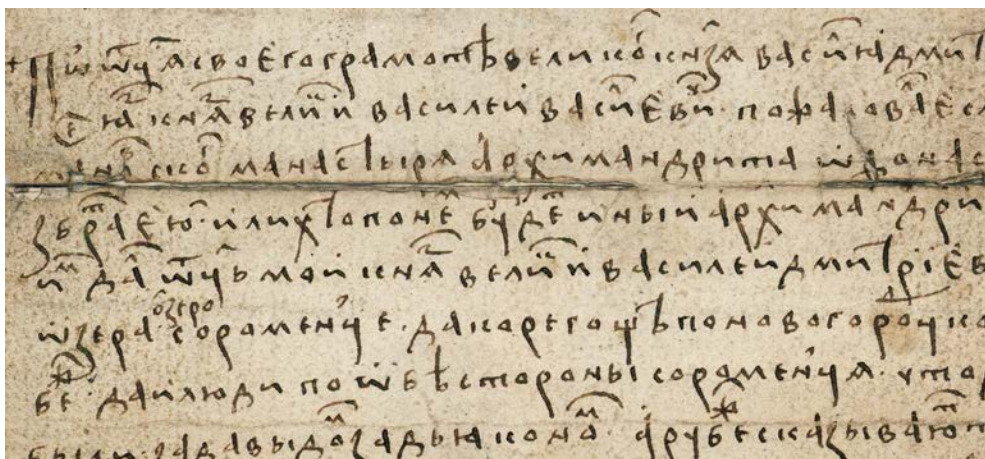
1466 г. марта 17.⁸

ВЗ нет. Ширина понтюзо 35 мм.

Почерк канцелярский полуустав.

№ 10169 (Ржевский у. 1). Жалованная (подтвердительная) льготная и несудимая грамота вел. кн. Василия Васильевича архим. Симонова м-ря Афанасию.

⁸ См.: АСЭИ. Т. 3. № 203.



1460 г. апреля 20.⁹

ВЗ. Якорь с крестом (ниж. часть, с утратами) — по размеру и расстоянию до перекладины креста сх. Лихачев 2478 — 1447–1452 гг., 2480 — 1473 г., 1076 — 1464 г. Ширина понтюзо (крученых) 38 мм.



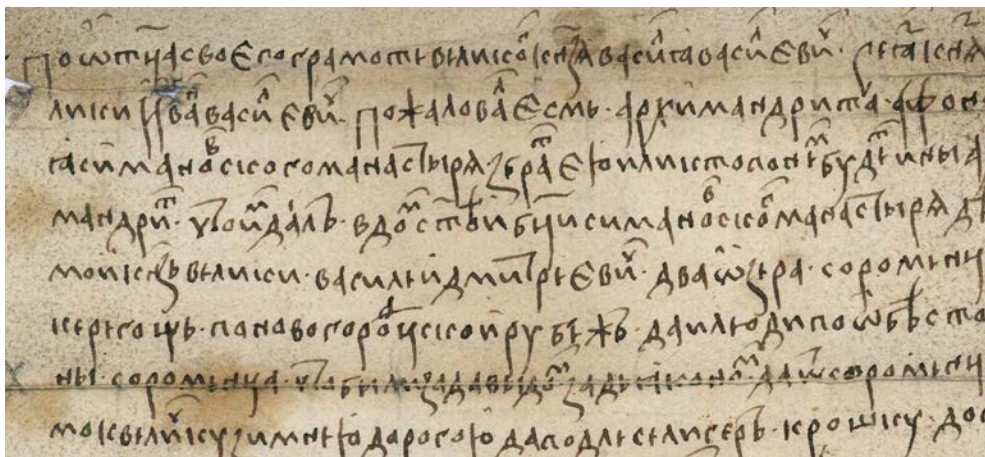
Почерк канцелярский полуустав.

№ 10170 (Ржевский у. 2). Жалованная (подтвердительная) грамота вел. кн. Ивана Васильевича архим. Симонова м-ря Афанасию.

[1462–1463 гг.]¹⁰

ВЗ нет. Ширина понтюзо 37 мм.

Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости.



⁹ См.: АСЭИ. Т. 2. № 360.

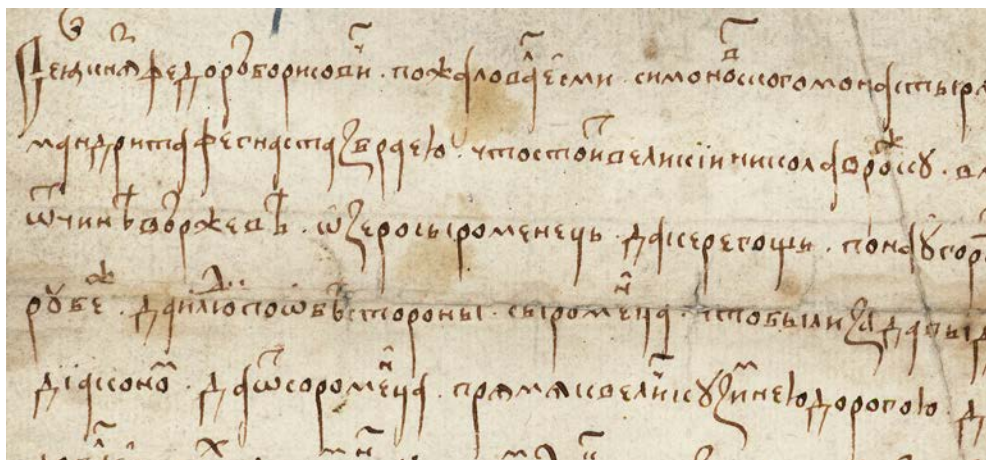
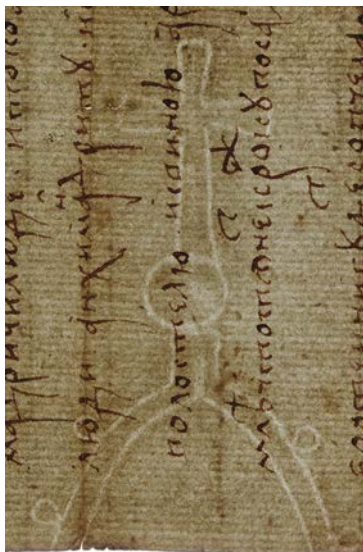
¹⁰ См.: Там же. № 365.

№ 10172 (Ржевский у. 4). Жалованная данная, тарханно-несудимая грамота волоцкого кн. Федора Борисовича архим. Симонова м-ря Феогносту.¹¹

1498/99 г.

ВЗ. Тиара (верх) — наиболее близкий тип Брикe 4891 — 1480 г., 4895 — 1498 г.; сх. Брикe 4899 — 1501–1503 гг.¹² Ширина понтюзо (видны плохо) 34 мм.

Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости.



¹¹ А. В. Антонов считает акт подтвердительным (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10172), однако из текста это не следует.

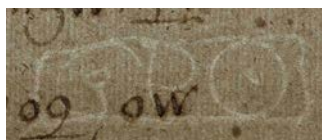
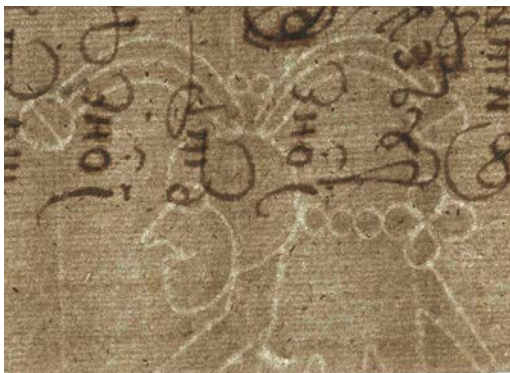
¹² В издании филигрань определена, но не отождествлена (см.: АСЭИ. Т. 2. № 417).

№ 10173 (Ржевский у. 5). Жалованная данная тарханно-несудимая грамота волоцкого кн. Федора Борисовича иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Иосифу.

1500 г. марта 7 = 1677 г. марта 21.¹³

ВЗ. Голова шута в пятизубцовом воротнике с контрамаркой «GPO» — сх. Голова шута. 179 — 1677, 1678 гг.¹⁴ Поскольку ниж. части филигранны на л. 1 и 2 отличаются деталями, для написания списка были использованы листы с так называемыми парными формами.

Почерк скоропись.



Съзъ князь Федоръ Борисовичъ по жалованн.
 еми Иосифу Иосифу яли што понемъ ян
 итме буде да еми буде прѣтма вѣ
 бинъ шовъне вѣтешо утѣе подъ ш
 ме пѣтшо вѣ да што еми прѣтма

¹³ В издании список датирован XVII в. без уточнения (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 25), А. В. Антонов относил его написание к 40–60-м гг. этого столетия (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10173). Странно, что и публикаторы, и составитель описи не поверили дате, прямо указанной на приклеенном листе и процитированной в издании: филигрань свидетельствует, что год указан совершенно правильно.

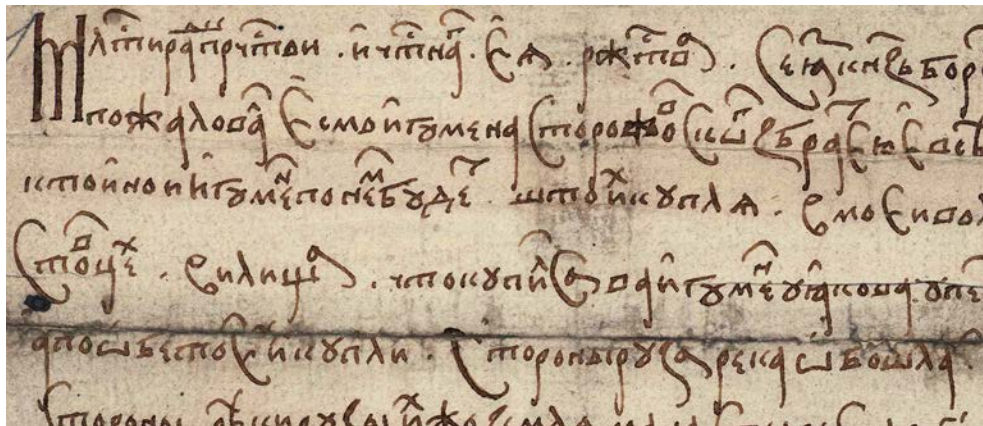
¹⁴ В издании знак определен, но не отождествлен, почерк охарактеризован как полустав, переходящий в скоропись (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 25).

№ 10232 (Рузский у. 1). Жалованная данная грамота волоцкого кн. Бориса Васильевича иг. Савво-Сторожевского м-ря Евсевию.

1470 г. мая 27. = Кон. XV — нач. XVI в.¹⁵

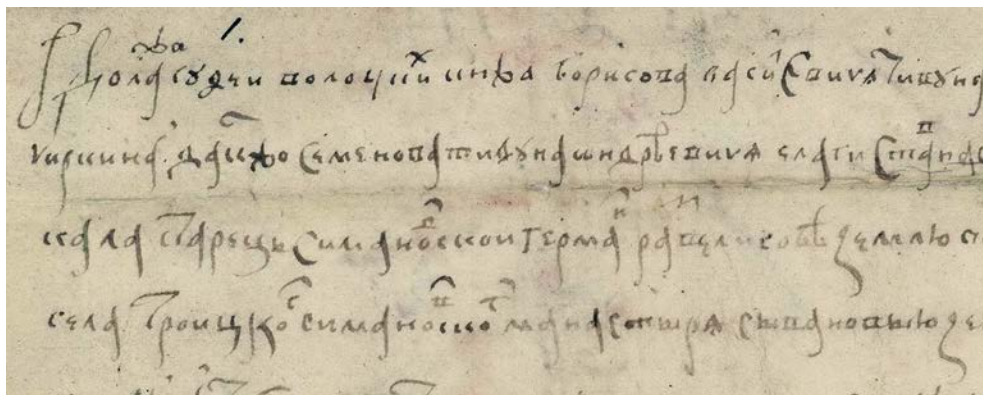
ВЗ нет. Ширина понтюзо 30 мм.

Почерк беглый полуустав.



№ 10233 (Рузский у. 2). Докладная разъезжая старца Симона и Ивана Осоки.

1490/91 г. = Втор. четв. XIX в.¹⁶

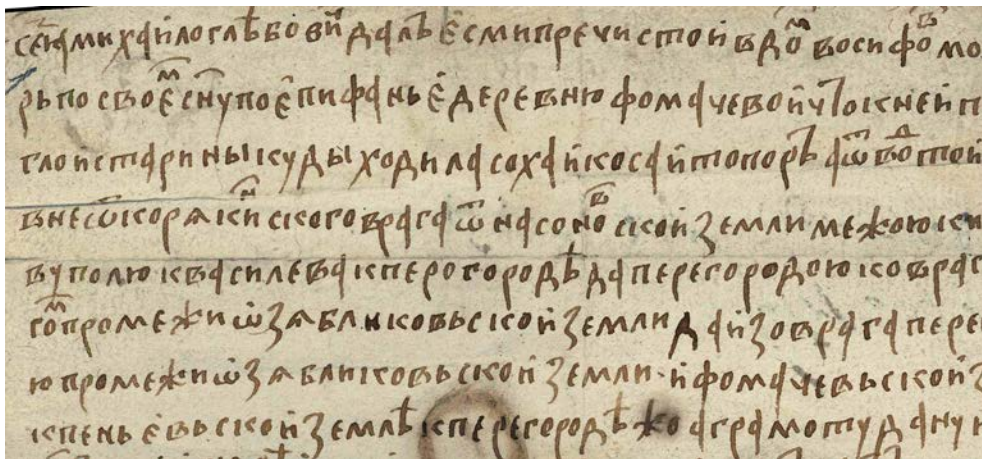


¹⁵ Публикаторы считали акт списком (отсутствует след печати и «подпись» князя), написанным «несколько вычурной скорописью... с многочисленными росчерками» (АСЭИ. Т.3. № 57). На мой взгляд, почерк можно определить как близкий к книжному, что свидетельствует в пользу монастырской копии. А. В. Антонов полагает, что грамота подлинная (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10232).

¹⁶ В издании упоминается как головинская подделка (см.: АСЭИ. Т. 2. № 403). А. В. Антонов называет акт «стилизацией ... под подлинник» (Описание ГКЭ. 2. № 10233). Об особенностях оформления грамоты см.: Мошкова Л. В. Фальсификаты Н. Г. Головина: палеографический анализ // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 4. М., 2017. С. 601, 604–606.

ВЗ нет. Понтюзо параллельны краю листа, их ширина 23 мм.
Почерк стилизованный полуустав с элементами беглости.

№ 10234 (Рузский у. 3). Данная с отводом Михаила Глебовича [Кутузова-Коровина] Иосифо-Волоколамскому м-рю.
[1479–1504 гг.]¹⁷



ВЗ нет. Ширина понтюзо 27 мм.

Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости. Писал «сын мой Андреи своею рукою» (он также оформил № 10351 — купчую на 6 деревень).

Необходимо отметить, что послухи в тексте не упоминаются: документ скреплен прикладной печатью Михаила Глебовича.

Полагаю, по внешним особенностям акт следует датировать последним десятилетием XV — нач. XVI в. (ср. с № 10351).

№ 10235 (Рузский у. 4). Жалованная тарханно-оброчная, несудимая и заповедная грамота рузского кн. Ивана Борисовича архим. Симонова м-ря Вассиану.

1502 г. июля.

ВЗ. Кувшин — наиболее близкий тип Брике 12497 — 1488–1506 гг.; Лихачев Мельницы. 619 — 1493 г., 620 — 1494–1496 гг. Ширина понтюзо 25 и 24 мм.

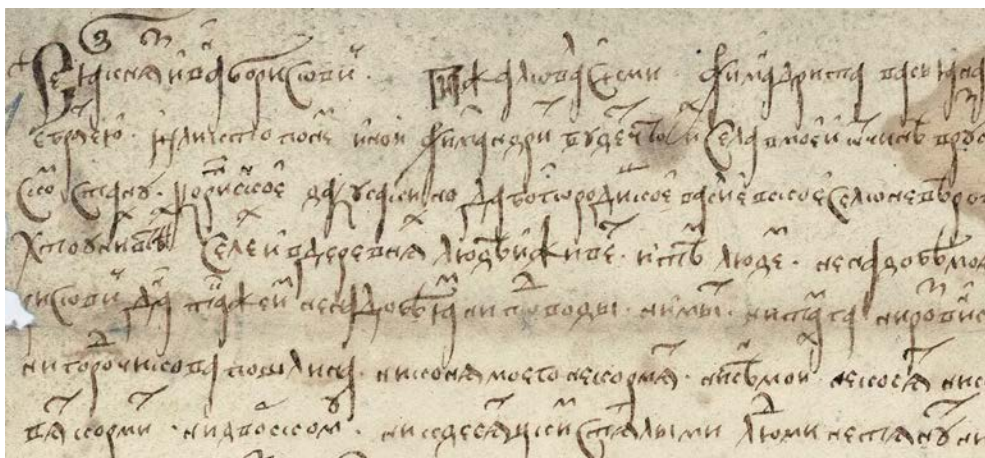
Почерк беглый канцелярский полуустав.

Часть текста, по мнению публикаторов, написана по соскобленному или стертому тексту.¹⁸ Полагаю, что текст



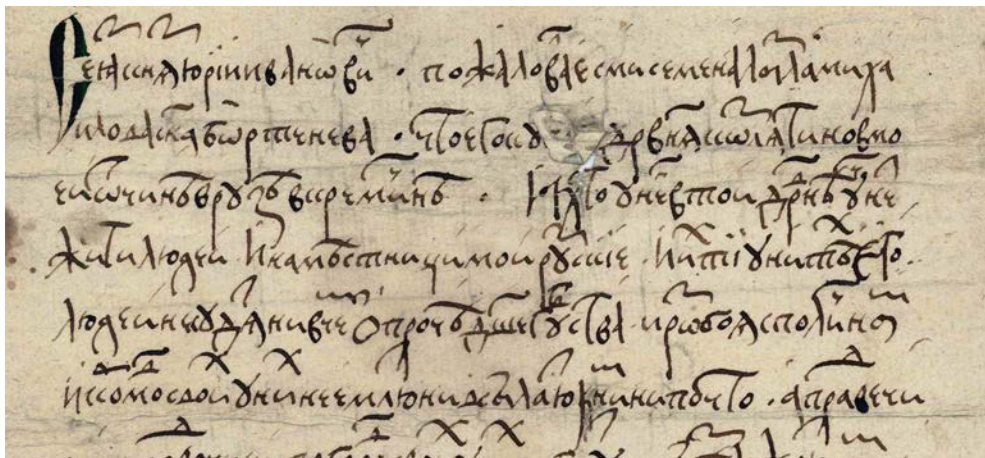
¹⁷ См.: АФЗХ. Ч. 2. № 9; Описание ГКЭ. 2. № 10234.

¹⁸ См.: АСЭИ. Т. 2. № 426.



не соскоблен или стерт, а смыт, так как повреждений бумаги не видно. И, следовательно, это было сделано до того, как чернила засохли.

№ 10236 (Рузский у. 5). Жалованная несудимая грамота дмитровского кн. Юрия Ивановича Семену Лазлу Михайлову сыну Бортеневу. 1505 г. июня 17.¹⁹

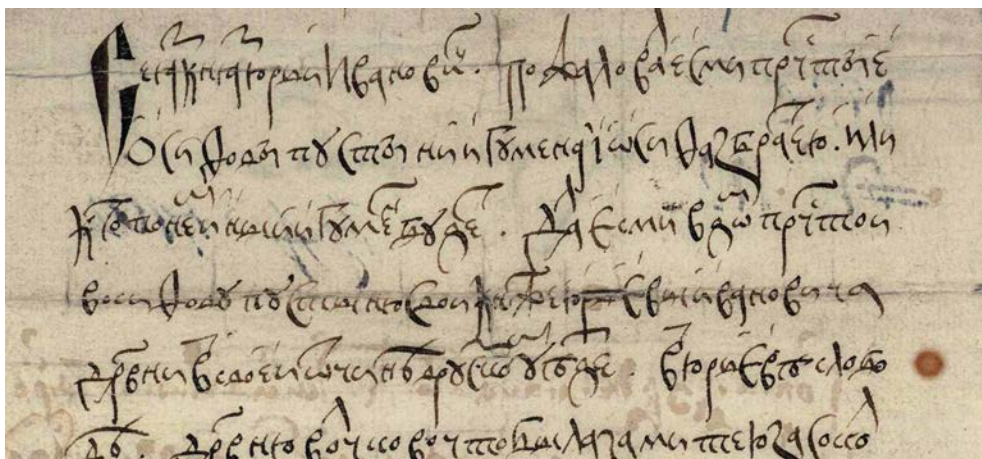


ВЗ нет. Ширина понтюзо не определяется из-за сплошной подклейки. Почерк беглый полуустав.

№ 10237 (Рузский у. 6). Жалованная несудимая грамота дмитровского кн. Юрия Ивановича иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Иосифу. 1506 г. марта 15.



¹⁹ АСЭИ. Т. 3. № 66.



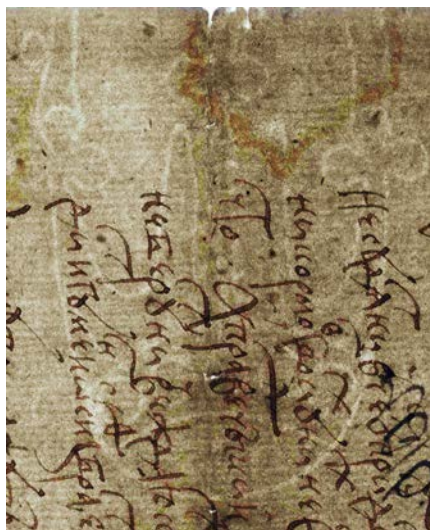
ВЗ. Звезда (фрагмент) — т. б. Лихачев 4042–4044 — 1504 г. Ширина по птюзю 27 мм.²⁰

Почерк беглый полуустав.

№ 10238 (Рузский у. 7). Жалованная несудимая грамота дмитровского кн. Юрия Ивановича иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Иосифу. 1507 г. ноября 16.

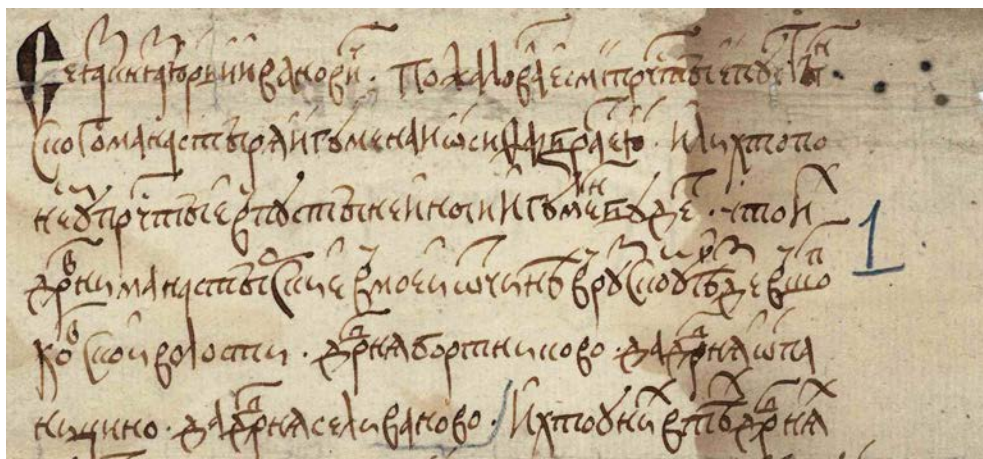
ВЗ. Тиара (ниж. часть) — наиболее близкий тип Лихачев 1387 — 1511 г., 1404 — 1512 г. Ширина по птюзю 32 и 29 мм.²¹

Почерк беглый полуустав.



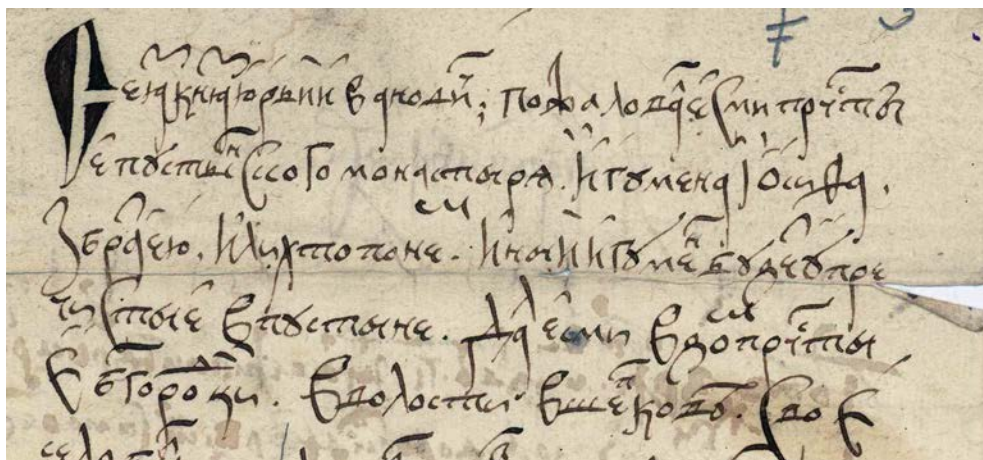
²⁰ АФЗХ. Ч. 2. № 35.

²¹ В публикации знак определен, но не отождествлен (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 38).



№ 10239 (Рузский у. 8). Жалованная данная грамота дмитровского кн. Юрия Ивановича иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Иосифу на с. Белково с деревнями.

1510 г. июля 1.



ВЗ нет. Ширина понтюзо 28 мм.

Почерк беглый полуустав.²²

№ 10240 (Рузский у. 9). Жалованная оброчно-несудимая, заповедная, с правом беспошлинной торговли монастырским крестьянам между собой и на конское пятно грамота дмитровского кн. Юрия Ивановича иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Иосифу на с. Белково с деревнями и сельцо Стан с деревнями.

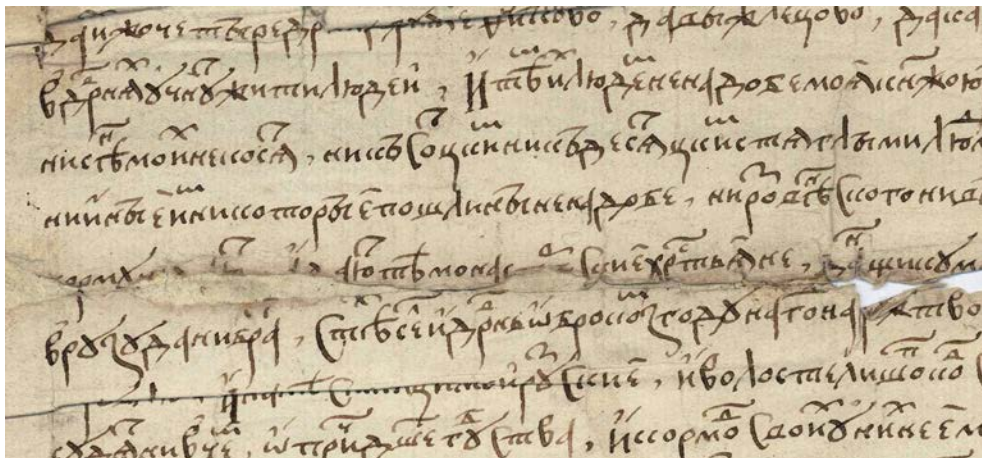
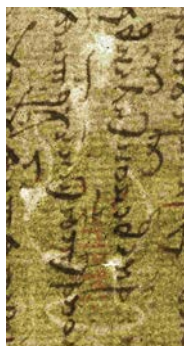
²² В публикации почерк определен как скоропись (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 46).

1510 г. ноября 28.

ВЗ. Кувшин — идент. piccard-online 31322 — 1508 г. (в альбомах Ш. Брике и Н. П. Лихачева подобных знаков нет).²³ Ширина понтюзо 26 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости.

Две последние грамоты показывают, что власти монастыря недолго ждали после княжеского вклада, чтобы попросить о льготах: документы выданы с интервалом чуть меньше 5 месяцев.



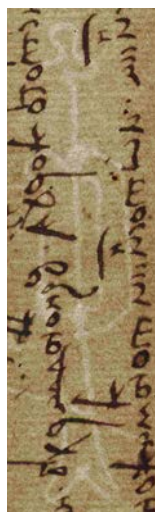
№ 10241 (Рузский у. 10). Купчая с отводом келаря Иосифо-Волоколамского м-ря Гурия у Ивана Васильевича Полева.

1514/15 г.

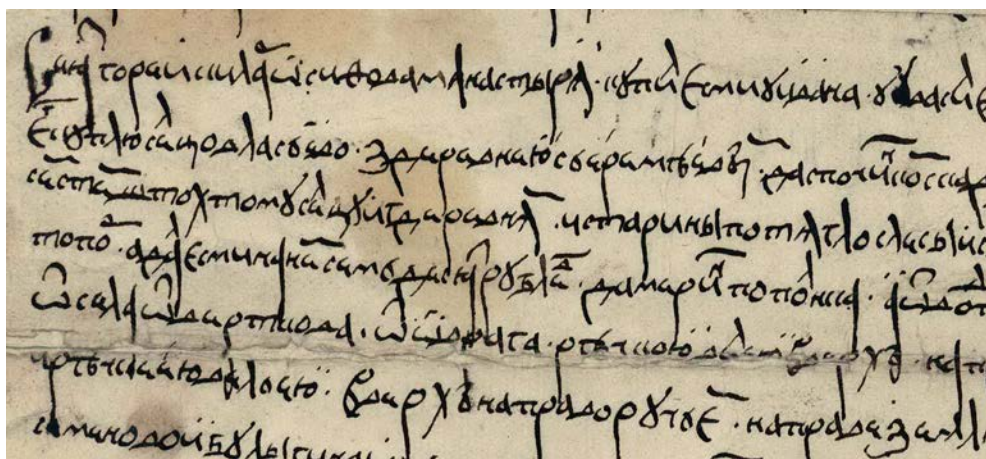
ВЗ. Буква «Р» перечеркнутая с трилистником — наиболее близкий тип Брике 8737 (с трилистником) — 1504 г.²⁴ Ширина понтюзо 22 мм.

Почерк беглый полуустав. Писал Заня Павлов сын Негодяева.

Особенностью купчей является то, что четыре рукоприкладства послухов сделаны на лицевой стороне, хотя в подавляющем большинстве случаев они располагались на обороте.



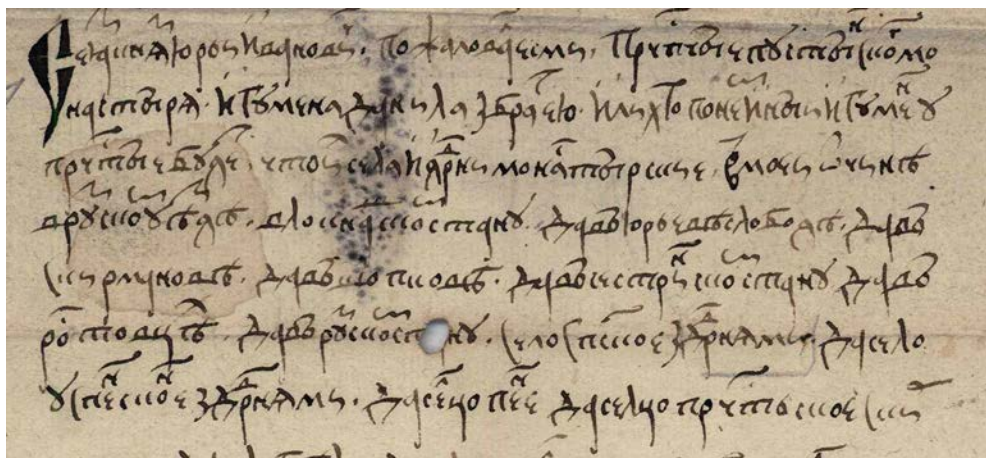
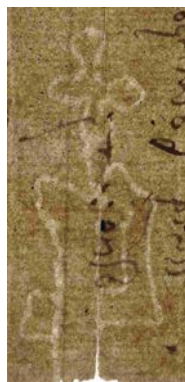
²³ В публикации филигрань определена, но не отождествлена (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 48).



№ 10242 (Русский у. 11). Жалованная на данного пристава и двусрочная грамота дмитровского кн. Юрия Ивановича иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Даниилу. 1516 г. апреля 24.

ВЗ. Буква «Р» с розеткой (верх. часть) — наиболее близкий тип Лихачев 1556 — 1529 г.; Брике 8636 — 1509–1520 гг., 8645 — 1538–1541 гг.²⁵ Ширина пунктуозо 22 мм.

Почерк беглый полуустав.

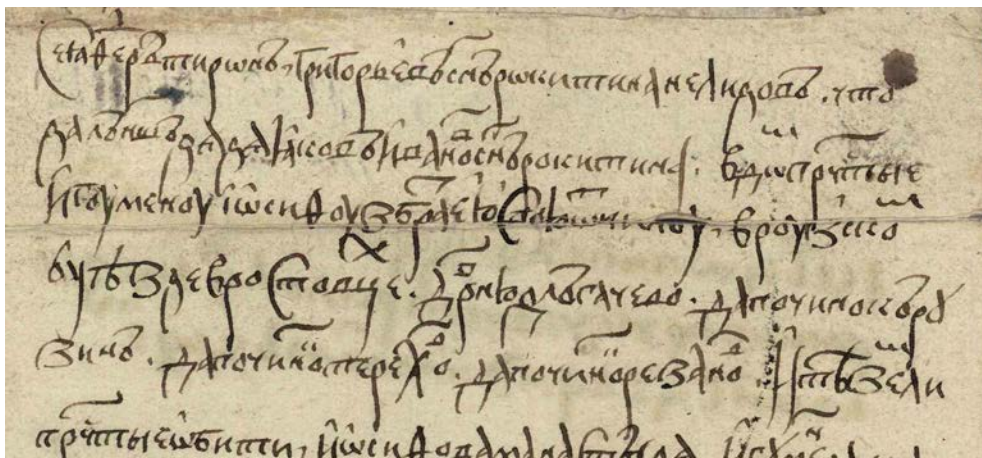


²⁴ В публикации знак определен, но не отождествлен, почерк охарактеризован как полуустав, переходящий в скоропись (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 60).

²⁵ В публикации знак определен, но не отождествлен (см.: Там же. № 71).

№ 10243 (Рузский у. 12). Отступная запись Федора Тирона Григорьева сына Нелидова-Ракитина.

1516/17 г.²⁶



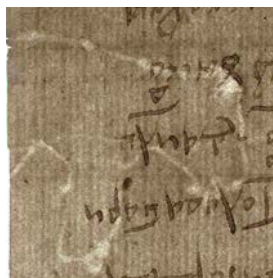
ВЗ нет. Ширина понтюзо (с нечастыми узелками) 20, 22 мм.

Почерк беглый полуустав. Писал «Васюк, Федоров сынишко» (вероятно, сын автора записи).

№ 10244 (Рузский у. 13). Меновная с отводом иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Даниила с братией у Григория Давыдовича Минчакова.

1517 г. октября.

ВЗ. Животное (медведь?; часть знака) — наиболее близкий тип (по размеру и ширине понтюзо) Брике 12291 — 1524 г.; по размеру (ширина понтюзо немного отличается) — Брике 12293, 12294 — 1552–1570 гг. Ширина понтюзо 22 и 20 мм.

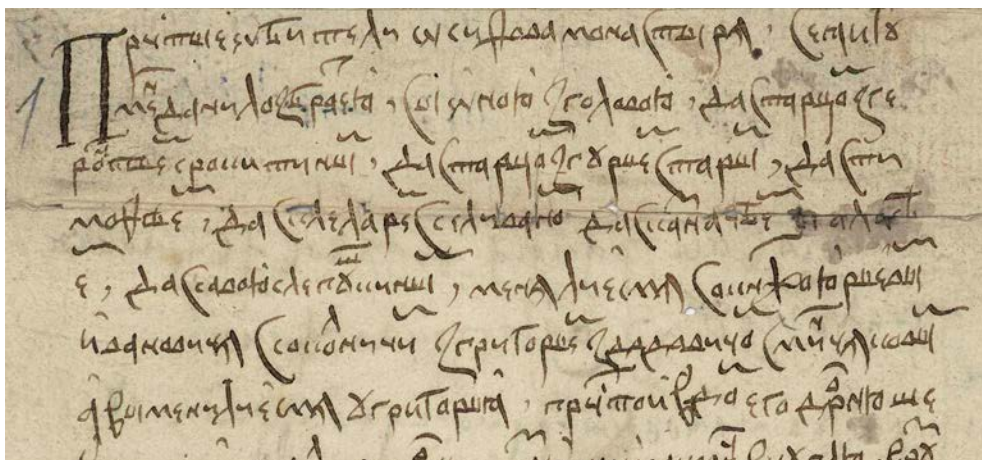


Почерк беглый полуустав. Писал Неклюд Константинов сын Ботвиньев.

В публикации наличие бумажного знака не отмечено.²⁷ Надо заметить, что «медведь» — филигрань неоднозначная. Ш. Брике приводит знаки посл. четв. XV в., которые по рисунку и размеру не имеют ничего общего. Затем наблюдается хронологический перерыв, и до начала второго десятилетия XVI в. подобный сюжет неизвестен, но в указанное время знак появляется вновь. Поэтому можно предположить, что знак встречался крайне редко (кстати, простой рисунок косвенно

²⁶ АФЗХ. Ч. 2. № 73.

²⁷ См.: Там же. № 77.



это подтверждает).²⁸ По счастью, сходный знак нашелся в Сборнике аскетическом, переписанном Досифеем Топорковым в Иосифо-Волоцком м-ре (Ф. 196. Оп. 1. № 1141). К сожалению, книга не датирована, но другие филигранные вполне укладываются в перв. четв. XVI в.²⁹

В тексте грамоты упоминаются пять послухов, на обороте пять рукоприкладств. И поскольку два из них оставили свои подписи на № 10245, необходимо было найти среди документов ГКЭ почерки указанных послухов.

Захарий Голова Борисов сын Обобуров оставил еще одно рукоприкладство на купчей, написанной до 28 ноября 1510 г. (№ 2471), а также оформил данную кн. А. А. Голенина 1508–1515 гг. (№ 10350).³⁰ Почерк Захария на этих актах надежно отождествляется с его рукоприкладством.

Яков Васильев сын Унковского был послухом при оформлении упомянутой выше данной кн. А. А. Голенина (№ 10350). Почерк этих двух рукоприкладств можно атрибутировать одному человеку, но его рукоприкладство на № 10245 выполнено другим почерком. Также разными людьми сделаны рукоприкладства Гаврилы Поповки Иванова сына на № 10244 и 10245 (см. ниже).

Рукоприкладства Юрия Иванова сына Ковурова и Ильи Лукьянова сына Шестакова известны только в № 10244, поэтому материал для сопоставления отсутствует.

²⁸ Проверка знаков «кабан», «единорог» схожего рисунка не выявила. Просмотр «Четвероногих» на ресурсе rissard-online дал тот же результат, так как большинство четвероногих — копытные, поэтому ноги у них тонкие. Этих признаков фрагмент знака лишен: видна толстая лапа и, судя по ее изгибу, это передняя лапа.

²⁹ См.: Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 3. М., 2020. № 174. С. 24, 33.

³⁰ См.: АФЗХ. Ч. 2. № 28, 41.

Проведенное сравнение наглядно показывает, что № 10244 — подлинная меновная грамота, а № 10245 — в лучшем случае, список.

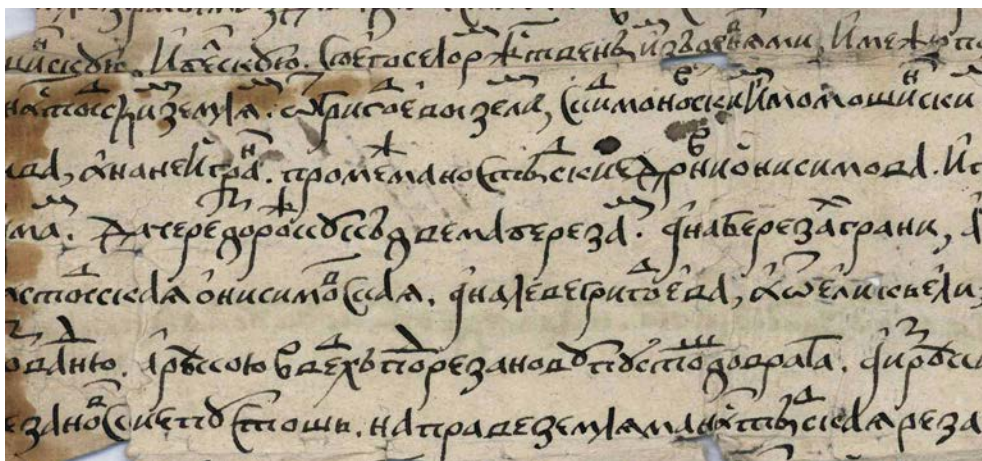
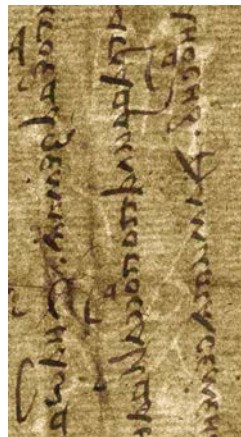
№ 10245 (Рузский у. 14). Разъезжая старца Иосифо-Волоколамского м-ря Гурия с братией и Григория Давыдовича Минчакова.

1517 г. октября = Втор. четв. XVI в.

ВЗ. Рука — наиболее близкий тип Брике 11406 (понтюзо шире) — 1528 г. Ширина понтюзо 23 мм.³¹

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал подьячий Гаврей Микул[ин сын].

Необходимо отметить, что обе подписи бывших на разъезде выполнены одним почерком.³² При этом Яков Васильев сын Унковского пишет прекрасно, а почерк Гаврилы Поповки не имеет ничего общего с его рукоприкладством на № 10244.



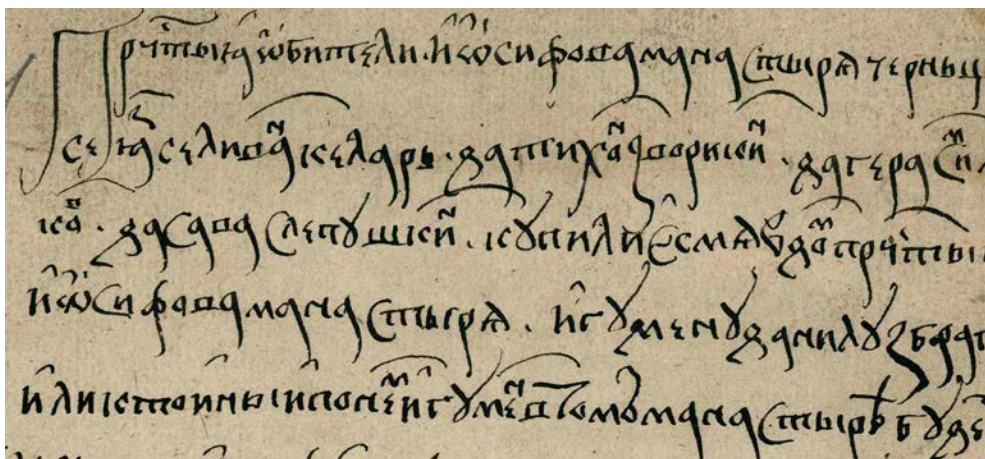
№ 10246 (Рузский у. 15). Купчая келаря Иосифо-Волоколамского м-ря Селивана у Ирины, вдовы Андрея Михайловича Кутузова-Коровина, с детьми.

1520 г. декабря.

ВЗ нет. Ширина понтюзо 32 мм.

³¹ В публикации акт отнесен к подлинным, наличие филиграни не отмечено, почерк определен как скоропись (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 78). А. В. Антонов также считает документ подлинным (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10245).

³² Публикаторы сочли необходимым специально отметить, что «подписи на обороте сделаны разными почерками» (АФЗХ. Ч. 2. № 78), хотя это и не соответствует действительности.

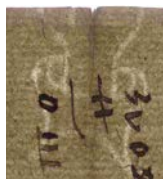


Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Иван Петров сын «Синево».³³

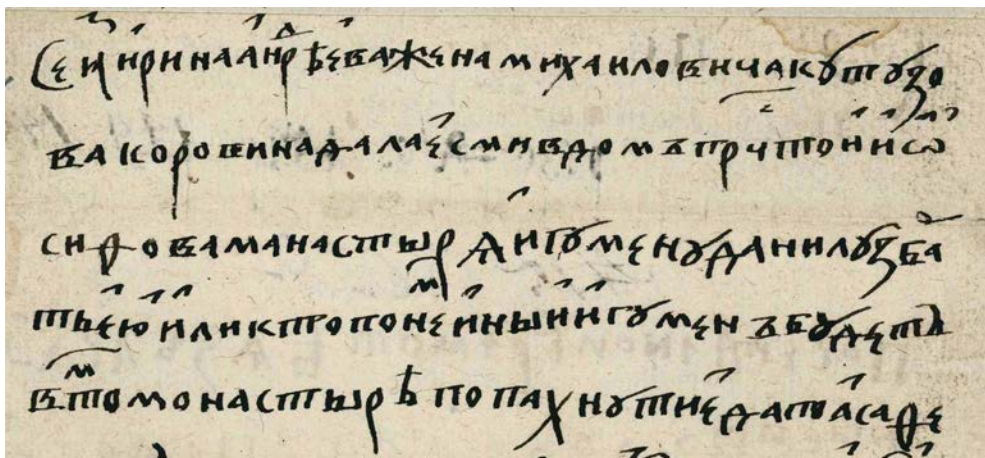
№ 10247 (Рузский у. 16). Данная Ирины, вдовы Андрея Михайловича Кутузова-Коровина, иг. Иосифо-Волоцкого м-ря Даниилу.

1520/21 г.

ВЗ. Рука (запястье и рукав) — т. б. Лихачев 1509 — 1520 г.³⁴ Ширина понтюзо 26 мм.



Почерк полуустав. Писал Иван Андреев сын Кутузова Коровина.



³³ В публикации почерк определен как полуустав, переходящий в скоропись (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 83).

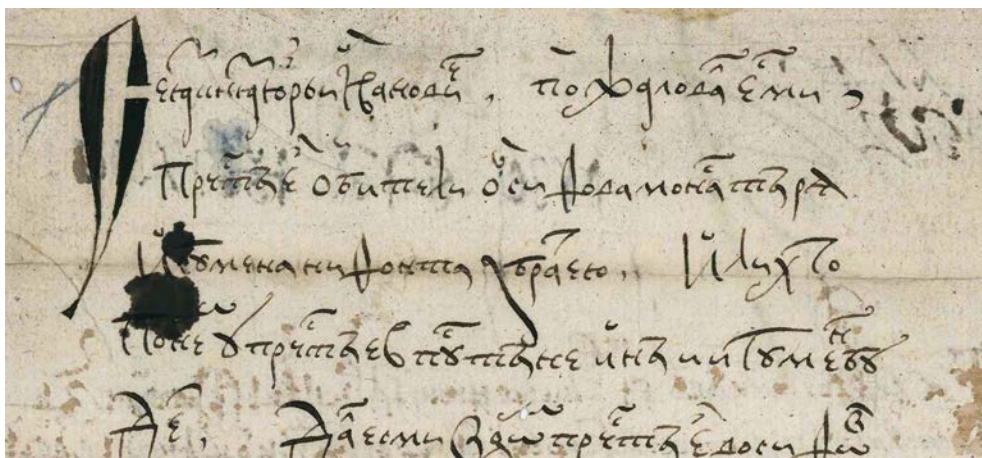
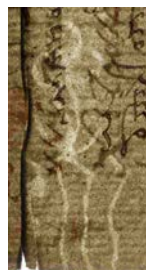
³⁴ В публикации отмечено, что водяной знак неразборчив (см.: Там же. № 84).

№ 10248 (Рузский у. 17). Жалованная данная грамота дмитровского кн. Юрия Ивановича иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту.

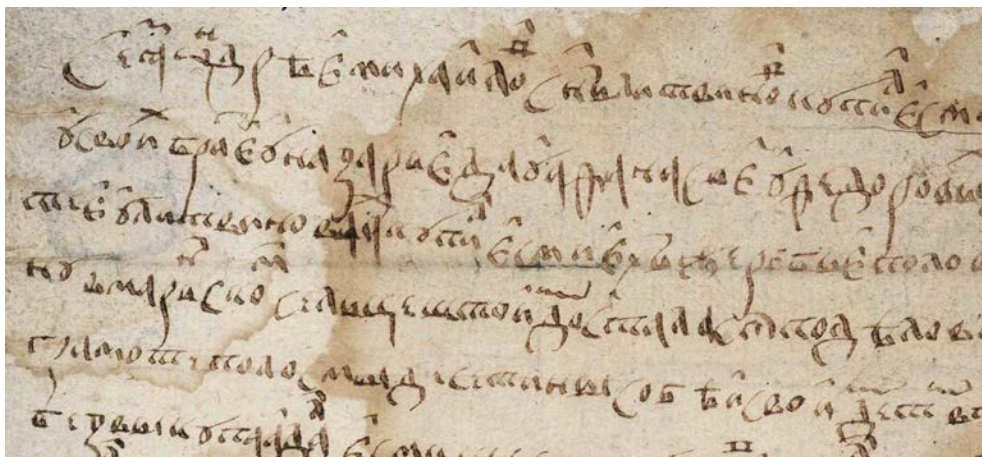
1525 г. июля 3.

ВЗ. Буква «Р» с трилистником (верх. часть) — наиболее близкий тип Ф. 281, № 4998 — 1517 г.; Брикe 8738 — 1516 г., 8743 — 1530 г.³⁵ Ширина понтюзо 23 мм.

Почерк беглый полуустав.



№ 10249 (Рузский у. 18). Купчая Андрея Михайлова сына Литвинова у своих братьев Назария и Афанасия Федоровых детей Литвинова.³⁶



³⁵ В публикации филигрань определена, но не отождествлена (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 95).

³⁶ См.: АМСМ. № 27.

1525/26 г.

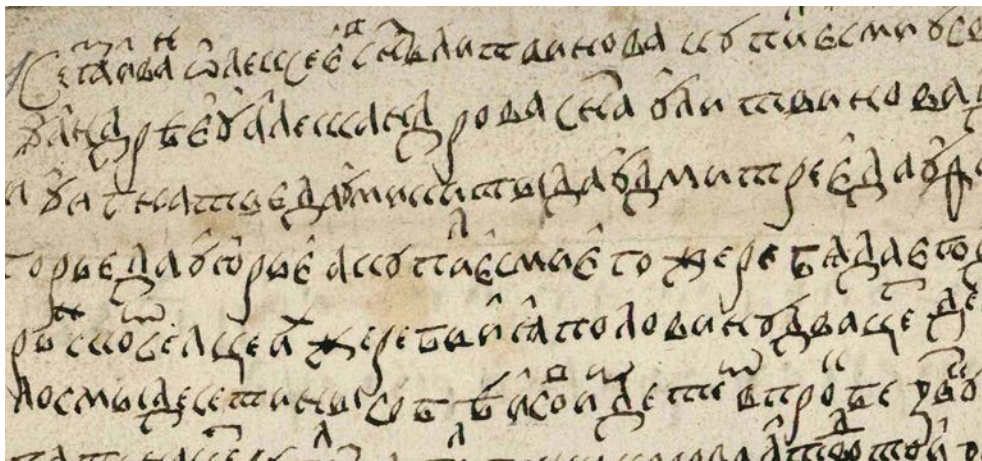
ВЗ нет. Ширина понтюзо 23 мм.

Почерк полуулав с элементами беглости. Писал Игнатий Андреев сын Литвинова (этим же почерком написаны № 10250, 10252).

У нижнего края начало другой грамоты «Се яз Иван» (ср. № 10250).

№ 10250 (Рузский у. 19). Купчая Ивана Алексеева сына Литвинова у своего дяди Андрея Александрова сына Литвинова с детьми.³⁷

1525/26 г.



ВЗ нет. Ширина понтюзо 27 мм (это свидетельствует, что для написания № 10249 и 10250 использована разная бумага).

Почерк полуулав с элементами беглости. Писал Игнатий «на своего отца и на свою братью и на себя своею рукою» (этим же почерком написаны № 10249, 10252).

Имя одного из послухов — Афанасия Федорова сына Литвинова — вписано на оставленное чистым место (с продолжением над следующей строкой) светло-коричневыми чернилами, которыми написан № 10249, 10252).

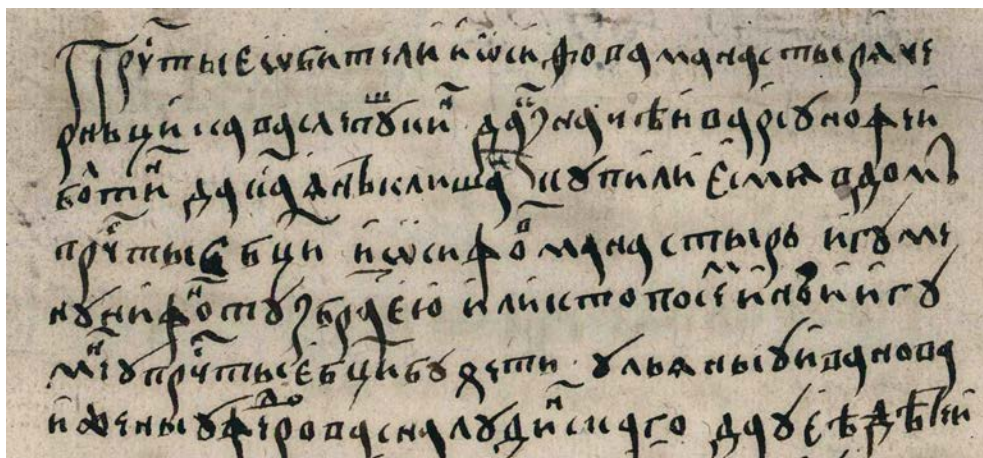
№ 10251 (Рузский у. 20). Купчая старца Иосифо-Волоколамского м-ря Саввы Слепушкина у Ульяны, вдовы Ивана Федорова сына Лудинского, с детьми.

1527/28 г.

ВЗ. Буква «Р» (фрагмент) — по расстоянию между «ножками» сх. Лихачев 1514 — 1524 г., 1532, 1533 — 1527 г.; буква «Р» с трилистником перечеркнутая — Лихачев 1567 — 1530 г.³⁸ Ширина понтюзо 27 мм.

³⁷ См.: АМСМ. № 28.

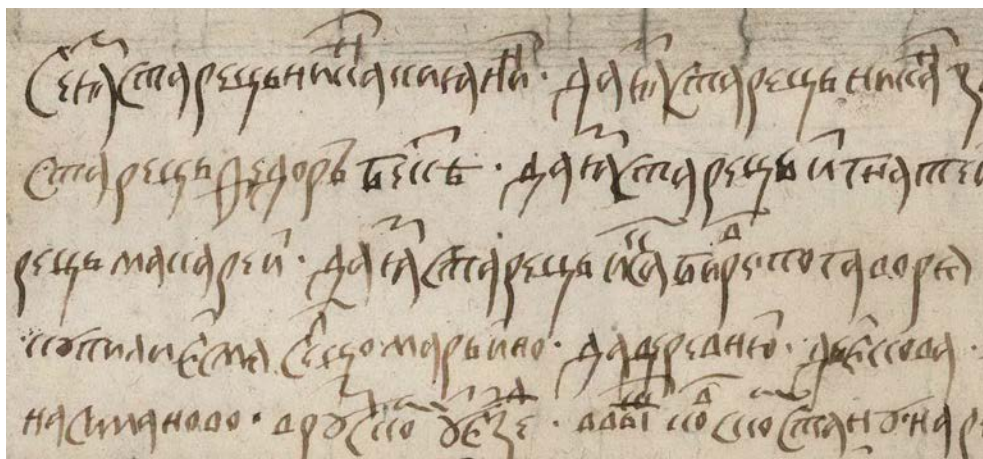
³⁸ В публикации наличие филигранны не отмечено (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 106).



Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Федор Садырь Иванов сын Гаврилова.

№ 10252 (Рузский у. 21). Купчая старцев Симонова м-ря Никона Киянина, Никона Зверева и др. у Ивана Алексеева сына Литвинова с детьми.³⁹

1529 г. февраля 2.



ВЗ нет. Ширина понтюзо 26, 25 мм. Грамота вырезана из края листа, понтюзо параллельны краю (ср. № 10253).

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Игнатий Андреев сын Литвинова (этим же почерком написаны № 10249, 10250).

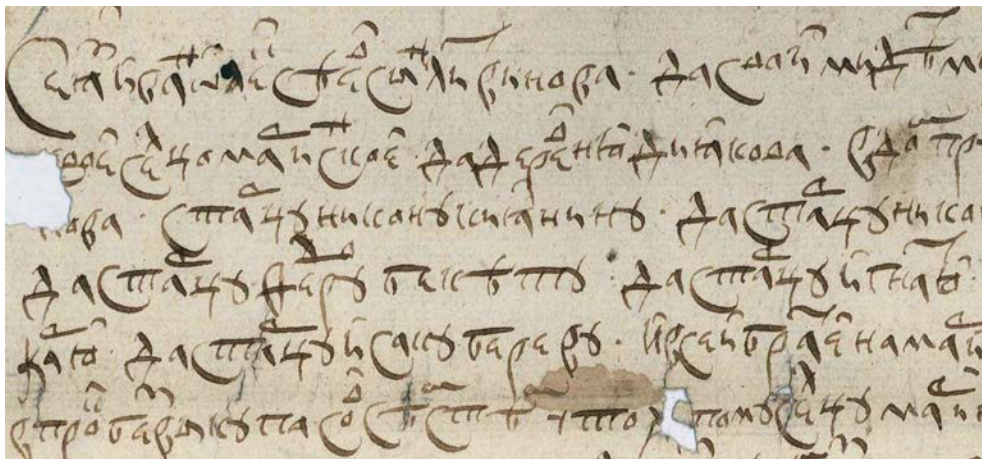
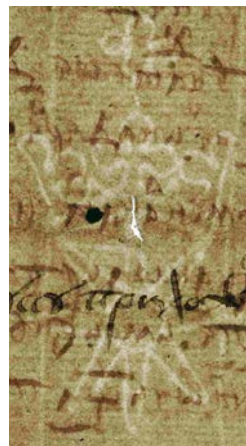
³⁹ См.: АМСМ. № 32.

№ 10253 (Рузский у. 22). Очищальная запись Ивана Алексеева сына Литвинова с детьми старцам Симонова м-ря.

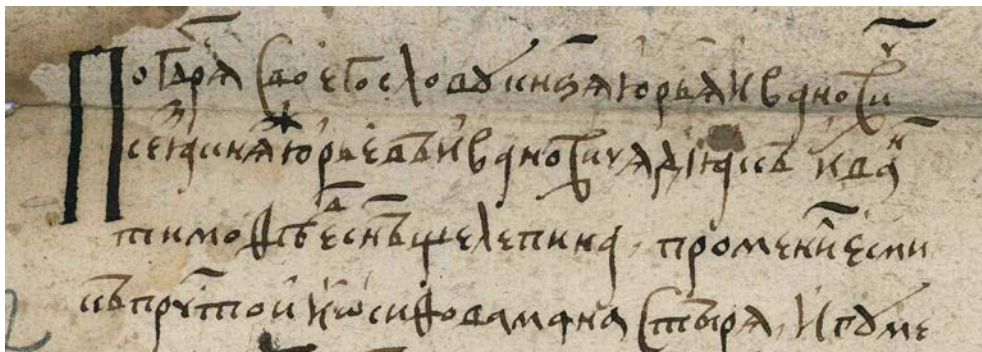
1529 г. февраля 2.

ВЗ. Звезда под короной — сх. Брике 6118 — 1514 г.⁴⁰ Ширина понтюзо 26 и 24,5 мм. Понтюзо параллельны внеш. краю (ср. № 10252). Вероятно, для написания актов использованы части одного листа: тесто и сетка этому не противоречат, а совмещенные вместе грамоты дают на границе нужную ширину понтюзо.

Почерк беглый полуустав. Писал Злоба Васильев сын Соболева.



№ 10254 (Рузский у. 23). Меновная дьяка Ивана Тимофеева сына Шелепина, по слову дмитровского кн. Юрия Ивановича, иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту.



⁴⁰ В публикации знак определен, но не отождествлен (см.: АМСМ. № 33).

1529 г. июня 16.

ВЗ. Рука (край рукава) — наиболее близкий тип Лихачев 1439 (с розеткой) — 1513 г.; Тромонин 331 — 1521 г.⁴¹ Ширина понтюзо 24 мм.

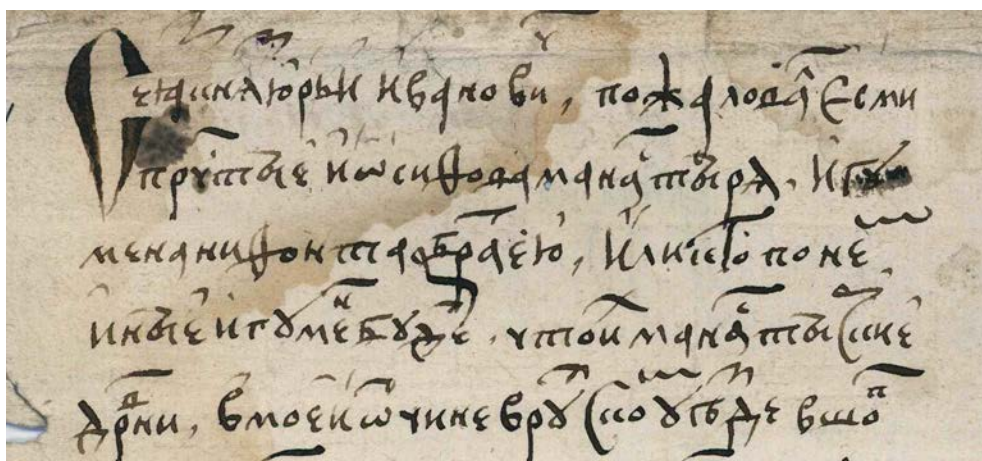
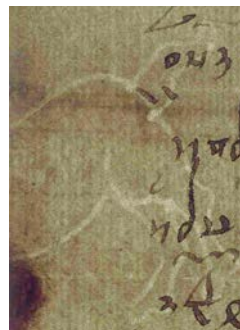
Почерк полуустав с элементами беглости. Писал подьячий Иванец Афанасьев сын Бормасова.

№ 10255 (Рузский у. 24). Жалованная несудимая грамота дмитровского кн. Юрия Ивановича иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту.

1529 г. июня 16.

ВЗ. Единорог (задняя часть) — идент. Лихачев 1538 — 1527 г.⁴² Ширина понтюзо 25 мм.

Почерк беглый полуустав.



№ 10256 (Рузский у. 25). Жалованная грамота татарского царевича Ак-Довлета иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту.

1529/30 г.

ВЗ. Фрагмент знака (вероятно, два копыта единорога) — наиболее близкий тип — Лихачев 1539 — 1527 г.⁴³ Ширина понтюзо 22 мм.

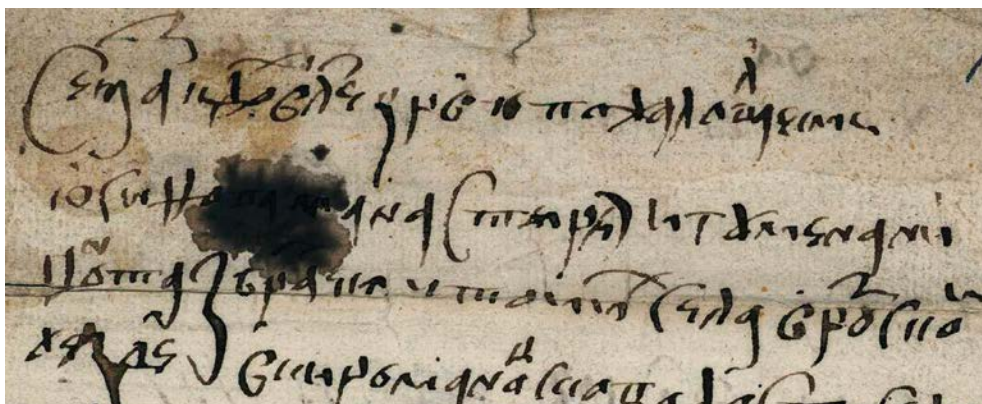
Почерк небрежный полуустав.



⁴¹ В публикации наличие филигрانی не отмечено (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 110).

⁴² В публикации отмечено: «Водяной знак неясен (какой-то зверь)» (Там же. № 111). Шифр указан как 10254а.

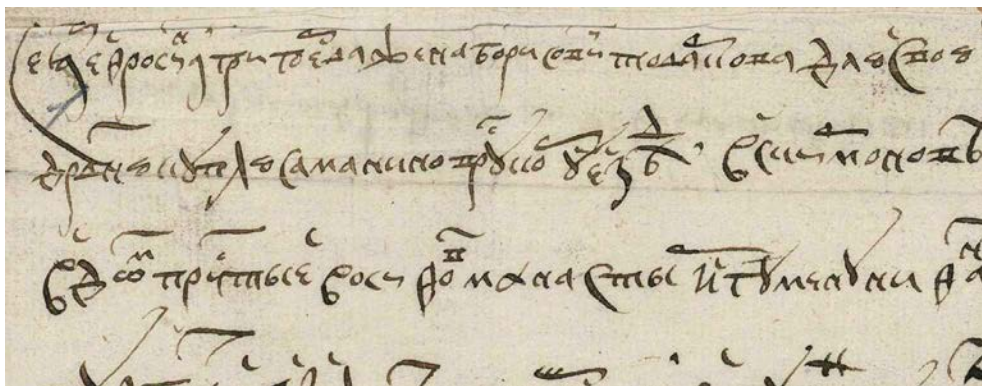
⁴³ В публикации наличие фрагмента знака не отмечено (см.: Там же. № 114).



№ 10257 (Рузский у. 26). Данная Евфросинии, вдовы Григория Борисовича Товаркова, иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту. 1530/31 г.

ВЗ нет. Ширина понтюзо 31 мм.

Почерк беглый полуустав.⁴⁴ Писал Стефан Федоров сын Чубаров.

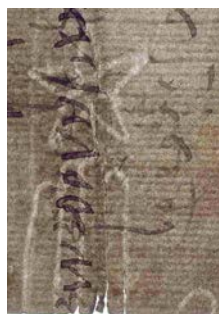


№ 10258 (Рузский у. 27). Купчая келаря Иосифо-Волоколамского м-ря Саввы Слепушкина у Васильевых детей Ступишина.

1533 г. июля 8.

ВЗ. Рука со звездой над пальцами — т. б. Лихачев 1544 — 1529 г., 1660 — 1535–1540 гг., 3107 — 1568 г.; Хив. 2495 — 1531 г.; Ф. 281, № 4683 — 1532 г.⁴⁵ Ширина понтюзо 31 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал «Васьян» Александров сын Воробьева.



⁴⁴ В публикации почерк определен как скоропись (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 117).

⁴⁵ В публикации знак определен, но не оговорен (см.: Там же. № 124).

Присутствѣ Обищии Мосифоах на стирд. кертац
шлари (ва) свадшии датирида (свдшии) дас
па керкои (свдшии) свдшии вронпритиѣ воу (свд)
нана (свд) игоу (свд) свдшии свдшии свдшии
покеи (свд) иши (свд) иодиѣ свдшии свдшии свдшии свдшии

№ 10260 (Рузский у. 29). Купчая с отводом архим. Симонова м-ря Филофея с братией у Федора Михайлова сына Овцына с детьми. 1533/34 г.

и ходоу свдшии свдшии свдшии
мен. свдшии свдшии свдшии
свдшии свдшии свдшии свдшии
свдшии свдшии свдшии свдшии

Присутствѣ Симонѣ архим. Симонова м-ря Филофея с братией у Федора Михайлова сына Овцына с детьми. 1533/34 г.

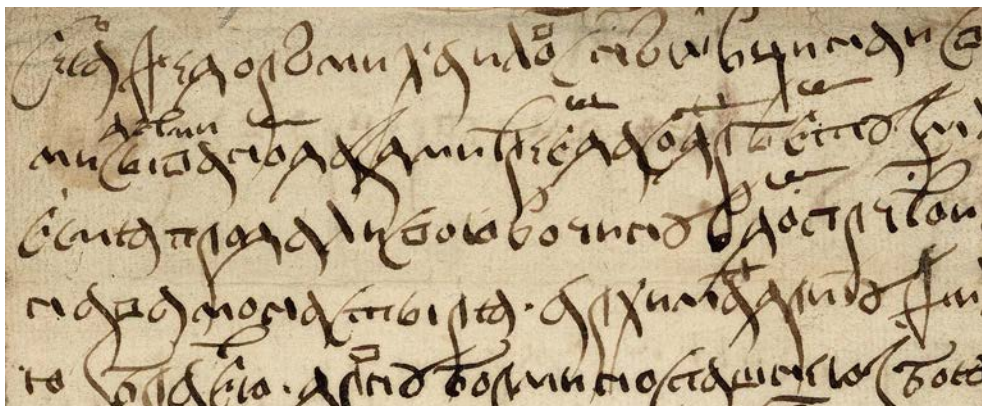
ВЗ. Единорог — сх. Лихачев 1539 — 1527 г., 1806 — 1557 г.⁴⁶ Ширина понтюзо 26 мм. Грамота не столбцового формата: филигрань расположена на листе целиком, понтюзо перпендикулярны краю.

Почерк беглый полуустав. Писал «яз, Иван, на своего отца и на себя, и на свою братию своею рукою» (этим же почерком написаны № 10261, 10343).

В начале грамоты видна обрезанная строка, написанная почерком текста. Вероятно, это ошибка Ивана.

№ 10261 (Рузский у. 30). Запись Федора Михайловы сына Овцына с детьми архим. Симонова м-ря Филофею с установлением цены на проданные деревни.⁴⁷

[1533/34 г.]



ВЗ нет. Ширина понтюзо 26 мм (ср. № 10260; тесто немного отличается (взят край листа), но можно предположить, что бумага та же).

Почерк беглый полуустав, который можно отождествить с письмом предыдущей грамоты (этим же почерком написан № 10343).

№ 10272 (Рузский у. 41). Запись-обязательство Бориса Александра сына Ступишина иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Нифонту о разъезде своей земли с проданной м-рю детьми Василия Петрова сына Ступишина земель.

[Ок. 1533 г. июля 8].

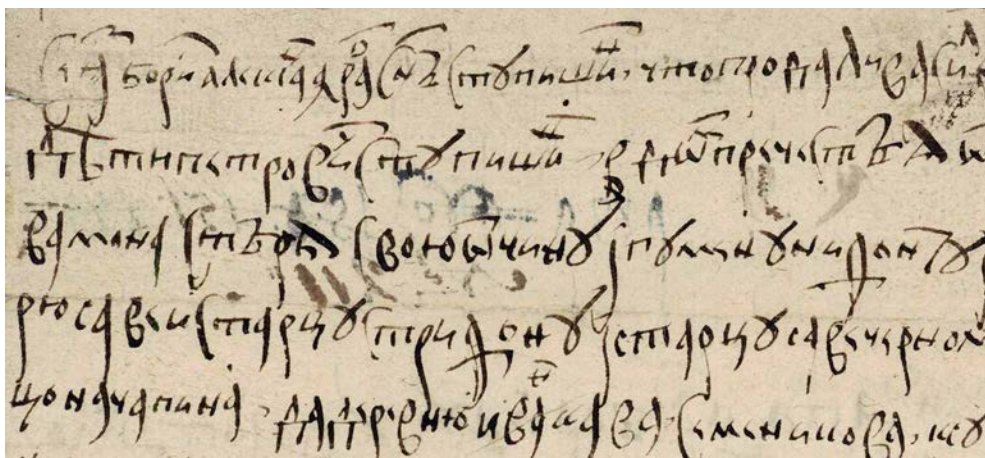
ВЗ. Олень (голова) — сх. Ф. 281, № 3346 — 1533 г.⁴⁸ Ширина понтюзо 26 мм.



⁴⁶ В публикации отмечено, что знак отдаленно напоминает Лихачев 1565 — 1529 г. (см.: АМСМ. № 40).

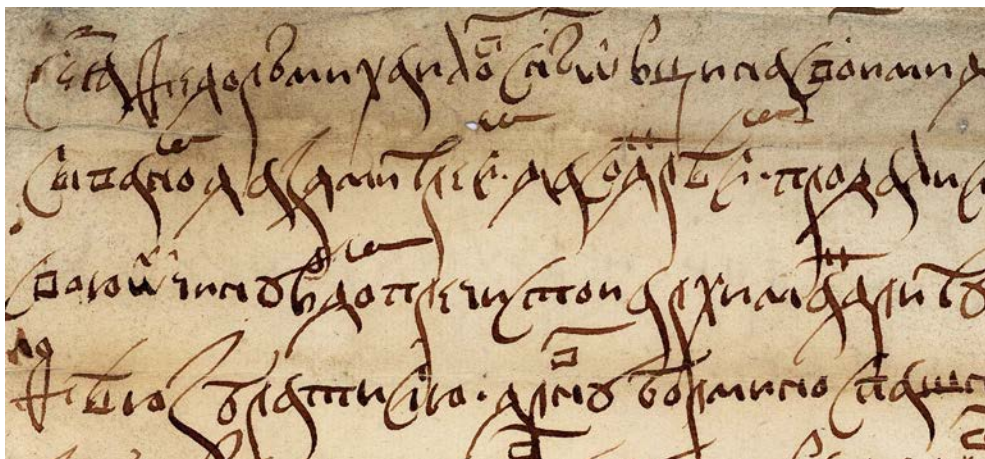
⁴⁷ См.: Там же. № 42.

⁴⁸ В публикации наличие филигрانی не отмечено (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 125).



Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Федор Константинов сын Садыкова.

№ 10343 (Рузский у. 112). Очищальная запись Федора Михайлова сына Овцына с детьми архим. Симонова м-ря Филофею.⁴⁹
[1533/34 г.]



ВЗ нет. Ширина понтюзо 23 и 26 мм.

Почерк беглый полуустав. Писал «яз, Иван, на своего отца и на себя, и на свою братию своею рукою» (этим же почерком написаны № 10260, 10261).

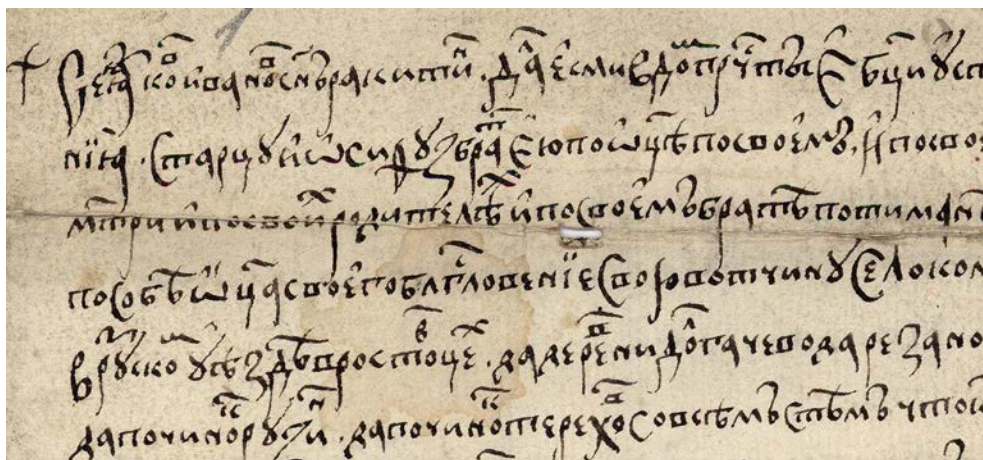
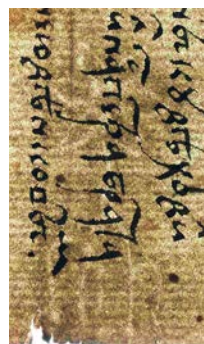
№ 10344 (Рузский у. 113). Данная грамота Якова Иванова сына Ракитина старцу Успенского [Иосифо-Волоколамского] м-ря Иосифу с братией.

⁴⁹ Акт издан по списку (см.: АМСМ. № 43).

[До 1515 г.] = Перв. четв. XVI в.

ВЗ. Рука с цветком над пальцами (верх. часть) — т. б. Брике 11164 — 1493–1495 гг., 11167 — 1506 г. (варианты этого знака 1493 — 1522 гг.); Лихачев 1301 — 1493–1495 гг. (ширина понтюзо меньше); Ф. 281, № 2409 — 1516–1517 г. (ширина понтюзо совпадает); Тромонин 320 — 1521 г.⁵⁰ Ширина понтюзо 39 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Костя Иванов сын Остафьева.

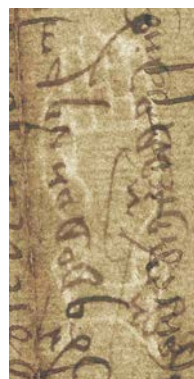


Поскольку текст на лицевой стороне, а также подпись вкладчика и три рукоприкладства на обороте написаны одним почерком, акт является списком.⁵¹

№ 10345 (Рузский у. 114). Купчая келаря Иосифо-Волоколамского м-ря Селивана с братией у Настасьи Васильевой жены Ржевского и ее сына.

[1515–1522 гг.]

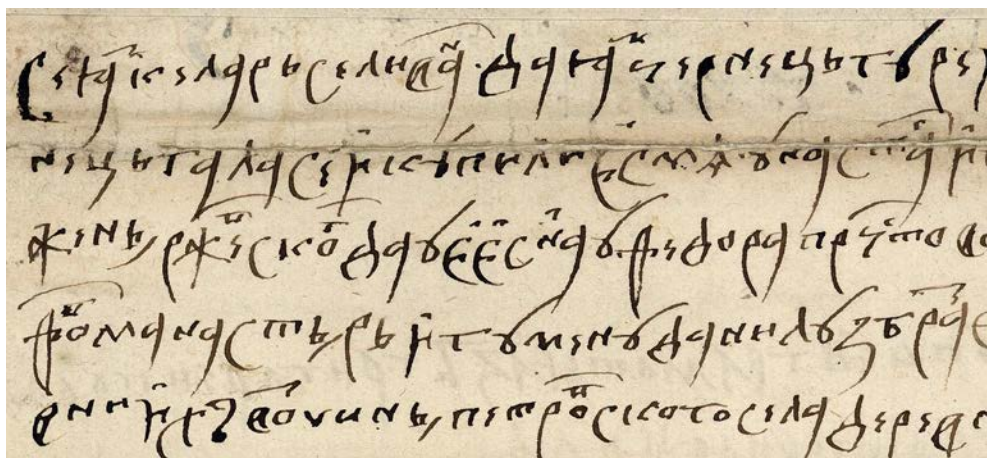
ВЗ. Рука — сх. Лихачев 1509 — 1520 г. (знак приведен у Брике под номером 11405 с этой же датой); Тромонин 839 — 1508 г.⁵² Ширина понтюзо 28 мм. В альбоме Брике аналогичная ширина понтюзо у знака «рука» схожего рисунка, но большего размера 11406 — 1528 г. Филигрань расположена примерно по середине документа, понтюзо перпендикулярны краю.



⁵⁰ Грамота опубликована по копийной книге (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 27).

⁵¹ А. В. Антонов считает акт подлинным (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10344).

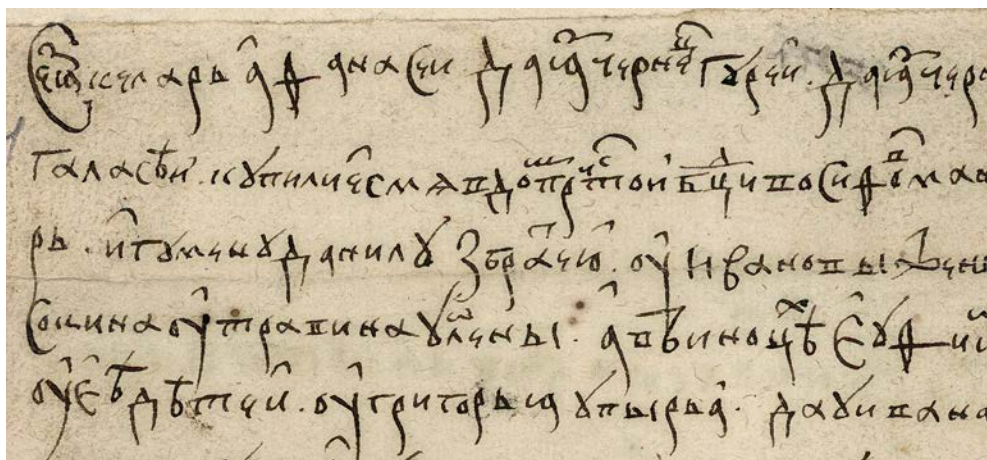
⁵² В публикации знак определен, но не отождествлен (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 68).



Почерк небрежный полуустав. Писал Михайло Матвеев сын Ржевского.

№ 10346 (Рузский у. 115). Купчая келаря Иосифо-Волоколамского м-ря Афанасия с братией у Елены, Ивановой вдовы Осокина Травина (во инокинях Евфимии), с детьми.⁵³

[1515–1522 гг.]



ВЗ нет. Ширина понтюзо 28 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Павел Кипреянов сын.

№ 10347 (Рузский у. 116). Купчая с отводом старцев Иосифо-Волоколамского м-ря Гурия и Варлаама у Андрея Григорьева сына Мечева.

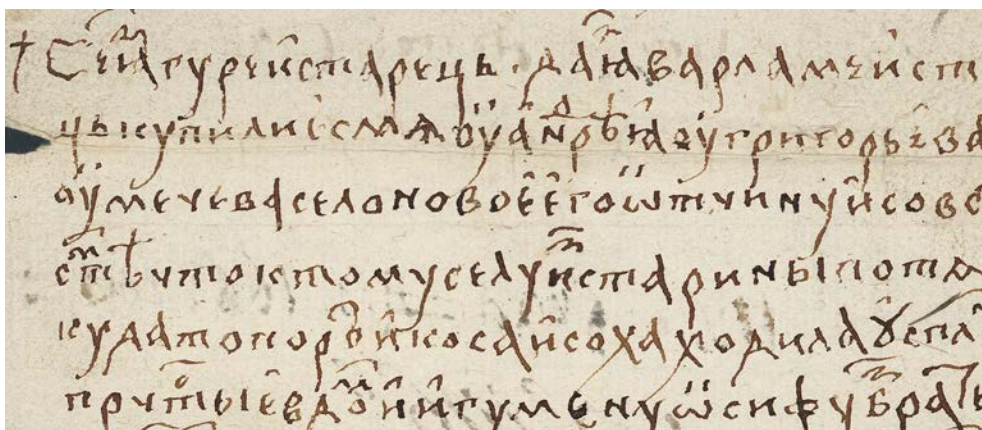
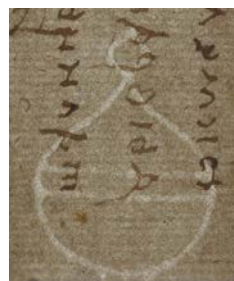
⁵³ АФЗХ. Ч. 2. № 67.

[1479–1494 гг.] = 1510-е гг.

ВЗ. Чаша (верх. часть) — идент. Лихачев 1413 — 1512 г.; сх. Лихачев 1412 — 1512 г.⁵⁴ Понтюзо 29 и 33 мм.

Почерк полуустав. Писал подьячий кн. Бориса Васильевича Терешко Федоров сын.

В издании акт фигурирует как подлинник и датируется временем между основанием монастыря и смертью волоцкого князя, подьячий которого оформлял купчую (этого же мнения придерживается и А. В. Антонов).⁵⁵ Однако филигрань «чаша» — знак более позднего времени,⁵⁶ поэтому акт следует считать копией. При этом, на мой взгляд, в почерке явно присутствует элемент стилизации: писавший «копировал» канцелярский полуустав (возможно, с элементами беглости), которым должен был писать подьячий Терентий.



№ 10348 (Рузский у. 117). Меновная с отводом иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Иосифа с братией у Ивана Гаврилова Маринина.

[Нач. XVI в.]

ВЗ. Тиара — т. б. Лихачев 1404, 1406 — 1512 г.; Ф. 281. № 2473 — 1516–1522 гг.; Ф. 281. № 8769 — 1505/06 г.⁵⁷ Ширина понтюзо 35 мм.

Почерк беглый канцелярский полуустав. Писал Ивашко, подьячий дворцовый, дьяконов сын Яковлев.

⁵⁴ В публикации знак определен как «сфера» (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 6).

⁵⁵ См.: Там же; Описание ГКЭ. 2. № 10347.

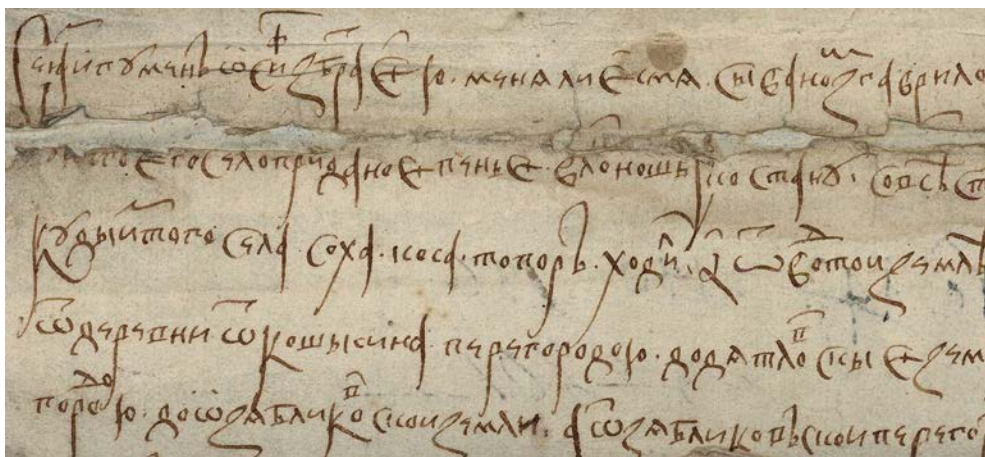
⁵⁶ Среди грамот ГКЭ он встречается дважды: в 1511 и 1517 гг. (№ 754, 5632).

⁵⁷ В публикации акт датирован 1494–1515 гг., филигрань определена, но не отождествлена (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 19). А. В. Антонов относит составление акта к 1500–1515 г. (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10348).



В тексте меновой упоминаются пять послухов, но рукоприкладств нет. Однако на лицевой стороне располагается подпись Ивана Гаврилова сына Маринина, написанная тем же почерком, что и № 10349. Следовательно, акт подлинный и его можно датировать самым началом XVI в., поскольку рукоприкладства начинают появляться на актах в середине первого десятилетия указанного столетия.⁵⁸ Предложенную датировку подтверждает и филигрань № 10349.

⁵⁸ См.: Мошкова. Статья третья. С. 53.

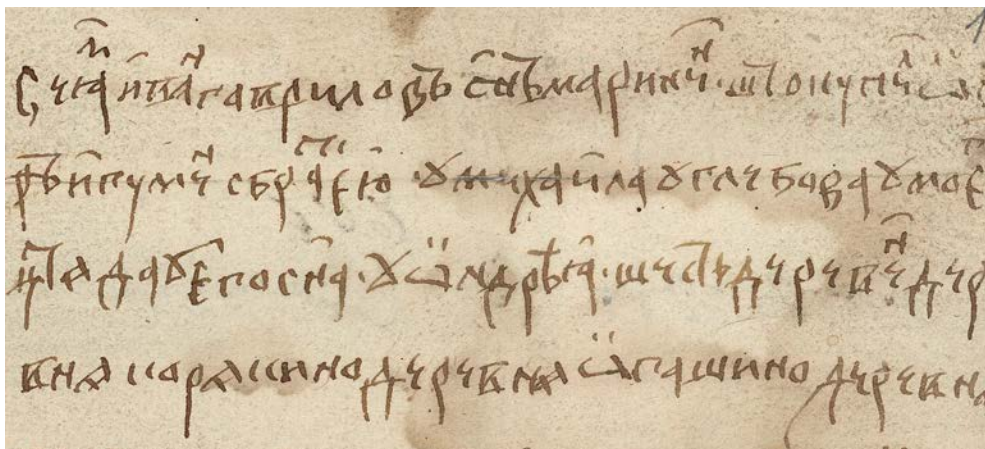


№ 10349 (Рузский у. 118). Отступная запись Ивана Гаврилова сына Маринина иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Иосифу на купленные монастырем у Михаила Глебова [сына Кутузова-Коровина] деревни (см. № 10351).

[Кон. XV (?) — нач. XVI в.]

ВЗ. Лилия под короной (верх. часть) — т. б. Лихачев 1266 — 1497 г., 1343 — 1504 г.⁵⁹ Ширина понтюзо 24 и 22 мм.⁶⁰

Почерк полуустав. Писал Иван своею рукою (см. № 10348).



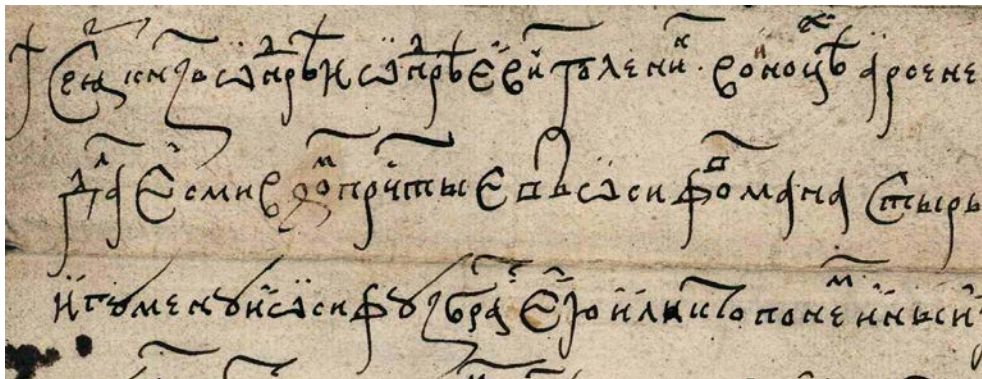
⁵⁹ В публикации акт датируется 1479–1504 гг., знак определен как «корона», но не отождествлен (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 11). Этой же датировки придерживается А. В. Антонов (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10349).

⁶⁰ Поскольку приведенные Н. П. Лихачевым знаки извлечены из русских книг, датировка акта основывается на них.

№ 10350 (Рузский у. 119). Данная кн. Андрея Андреевича Голенина иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Иосифу.

[1508–1515 гг.]

ВЗ. Единорог (часть головы) — сх. Лихачев 1442 — 1514 г.⁶¹ Ширина понтюзо 22 мм.



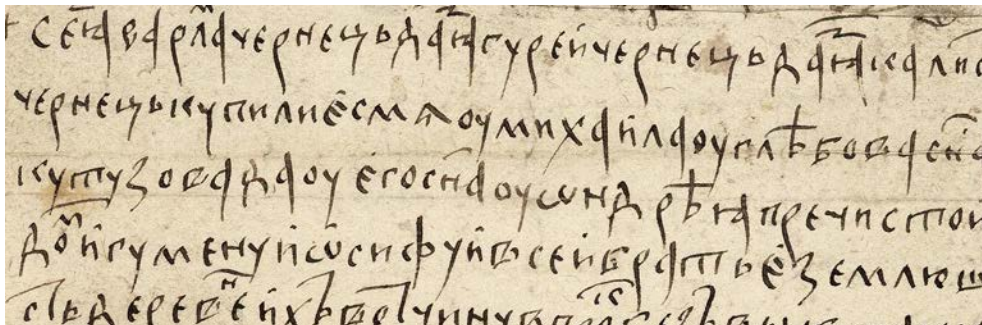
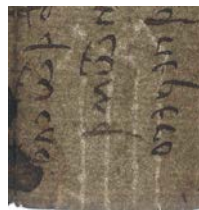
Почерк беглый полуустав. Писал Голова Борисов сын Обобуров.

Филигрань, извлеченная Н. П. Лихачевым из рукописи, написанной в Иосифовом м-ре, свидетельствует, что грамота была выдана ближе к концу указанного периода.

№ 10351 (Рузский у. 120). Купчая с отводом старцев Иосифо-Волоколамского м-ря Варлаама и др. у Михаила Глебова сына Кутузова [Коровина] с сыном.

[Кон. XV (?) — нач. XVI в.]

ВЗ. Буква «Р» (верх. часть) — т. б. Лихачев 1513–1515 — 1524 г., 1629 — 1536 г.⁶² Ширина понтюзо 23 мм.



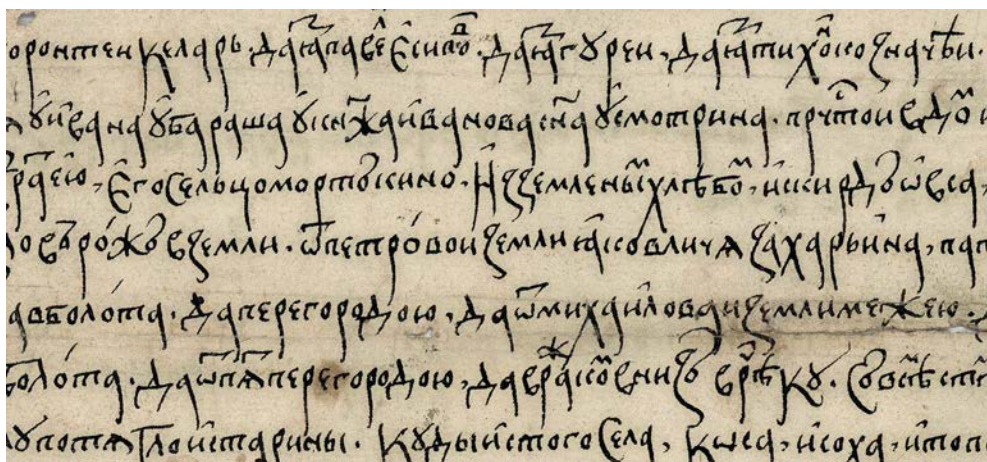
⁶¹ В публикации наличие филигранны не отмечено (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 41).

⁶² В публикации составление акта отнесено к 1479–1504 гг., наличие филигранны не отмечено (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 10). А. В. Антонов придерживается этой же датировки (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10351).

Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости. Писал Андрей Михайлов сын своею рукою (этим же почерком написан № 10234).

№ 10352 (Рузский у. 121). Купчая с отводом келаря Иосифо-Волоколамского м-ря Геронтия с братией у кн. Ивана Бараша Иванова сына Смотрина.

[Нач. XVI в. — 1515 г.]⁶³



ВЗ нет. Ширина понтюзо (параллельны боковому полю) 26–25 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал «Кипреяник попов Игнатъев сын Зачатского [Пест]ина».

Поскольку на обороте грамоты есть рукоприкладство одного из послухов, она была оформлена не ранее середины первого десятилетия XVI в.⁶⁴

№ 10353 (Рузский у. 122). Купчая старца Иосифо-Волоколамского м-ря Гурия и казначея Тимофея у Ивана, Василия и Григория Михайловых детей Писцова.

[Нач. XVI в. — 1515 г.]⁶⁵

ВЗ нет. Ширина понтюзо 23, 21 мм.

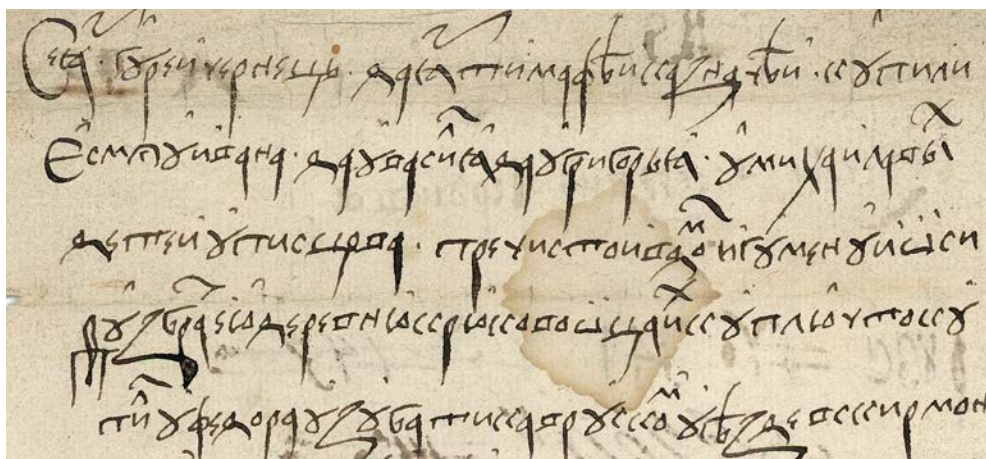
Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Иван сам своею рукою; далее помещена подпись второго продавца: «а Григорей, брат его, руку свою приложил».

В тексте указаны три послуха: Василий «Уской» Петров сын Есипова, Федосей иконик Денисьев сын, Кипреян попов сын Игнатъев

⁶³ См.: АФЗХ. Ч. 2. № 30. А. В. Антонов датирует документ 1500–1515 гг. (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10352).

⁶⁴ См. выше № 10348.

⁶⁵ См.: АФЗХ. Ч. 2. № 31. А. В. Антонов датирует грамоту 1505–1515 гг. (см.: Описание ГКЭ. № 10353).



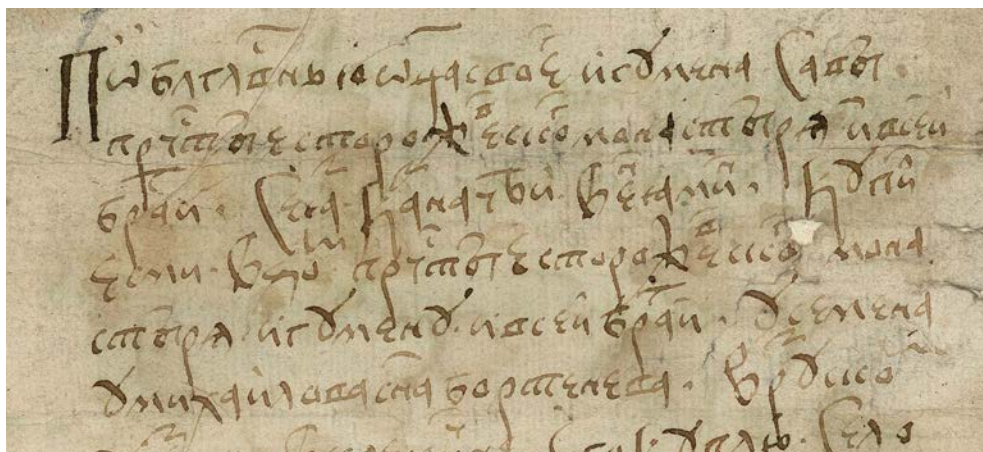
(последний оформил № 10352), однако рукоприкладств нет. Это свидетельствует о том, что составление грамоты надо относить ближе в нач. XVI в.

№ 10355 (Рузский у. 124). Купчая казначея Савво-Сторожеского м-ря Венимамина у Семена Михайлова сына Бартенева.

1517/18 г.⁶⁶

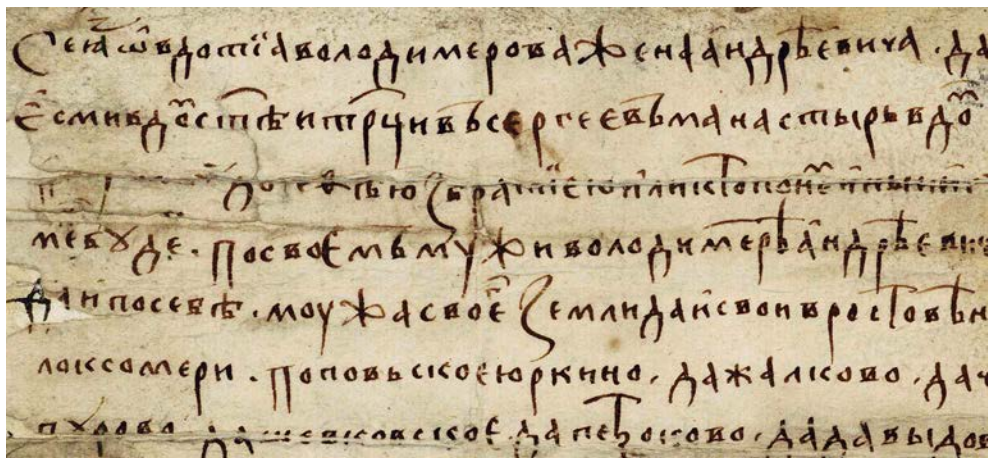
ВЗ. Чаша (верх. часть) — идент. Лихачев 1414–1418 — 1512 г.; Ф. 281, № 5632 — 1517 г. Ширина понтюзо 24 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Ивашко Окулов сын Бусурменова.



⁶⁶ Акт издан по списку (см.: Саввин-Сторожеский монастырь в документах XVI в. М., 1992. № 3).

№ 10538 (Ростовский у. 1). Данная Евдокии, вдовы Владимира Андреевича [Зворыкина], иг. Троице-Сергиева м-ря Досифею.
[1446–1447 гг.]⁶⁷

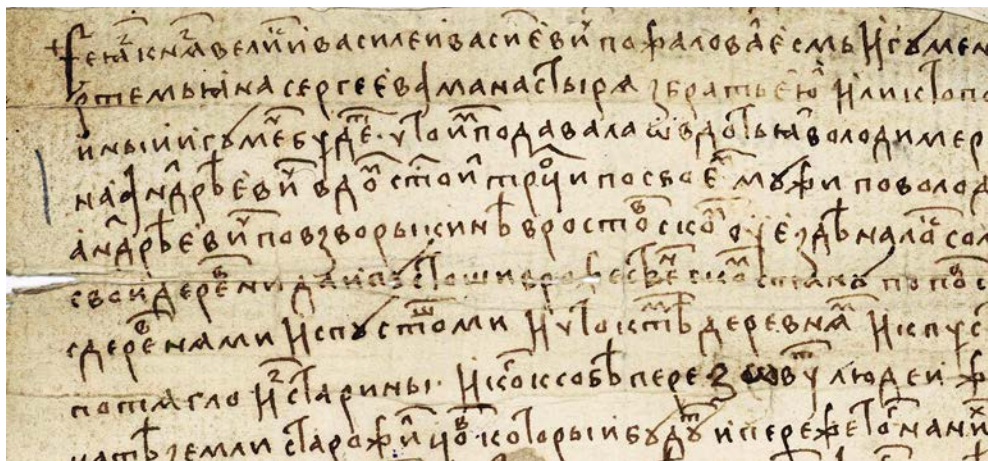


ВЗ нет. Ширина понтюзо не определяется из-за подклейки.
Почерк полуустав. Писал Кузьма Борисов сын.

№ 10539 (Ростовский у. 2). Жалованная льготная, несудимая и трехсрочная грамота вел. кн. Василия Васильевича иг. Троице-Сергиева м-ря Мартиниану.

1453 г. марта 9.

ВЗ. Якорь (?; верх. часть) — по ширине понтюзо и рисунку верх. части наиболее близкий тип Брикe 354 — 1438–1448 гг., 356–358 — 1459–1479 гг., 375, 376 — 1433–1440 гг.



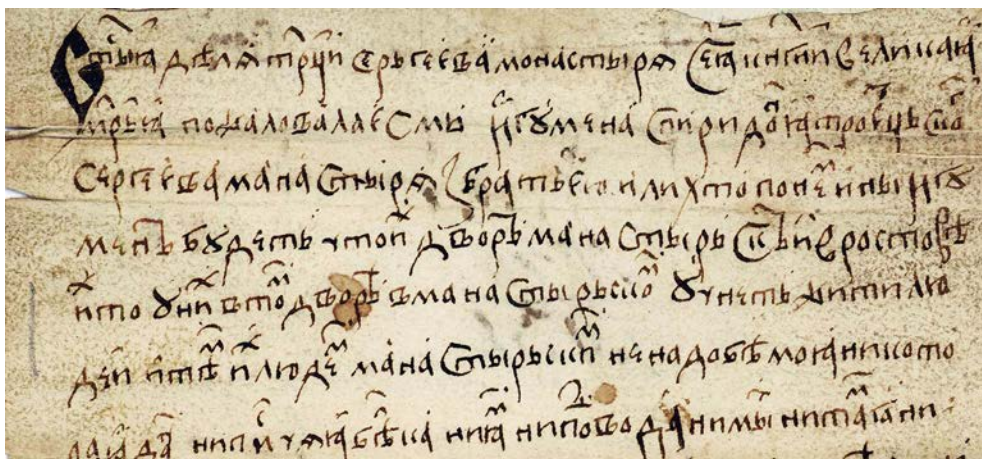
⁶⁷ АСЭИ. Т. 1. № 185.

Если считать фрагмент знака частью арбалета, наиболее близкие знаки Лихачев 507 — 1448–1452 гг., 2459, 2462 — 1440–1460 гг.; по ширине понтюзо сх. Брикe 726 (арбалет) — 1447–1457 гг.⁶⁸ Ширина понтюзо 40 мм.⁶⁹

Почерк полуустав.

№ 10540 (Ростовский у. 3). Жалованная тарханно-несудимая грамота вел. кнг. Марии Ярославны иг. Троице-Сергиева м-ря Спиридону.

[1467–1474 гг.]



ВЗ. Корона (верх. часть) — наиболее близкий тип Лихачев 1068, 1070 — 1464 г., 2579 — 1470–1490 гг.⁷⁰ По ширине понтюзо сх. Брикe 4640, 4641 — 1441–1444 гг. Ширина понтюзо 35 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости.

№ 10541 (Ростовский у. 4). Меновая с отводом Александра Григорьевича Мисина [Кутузова] с детьми иг. Троице-Сергиева м-ря Авраамию.

[1474–1478 гг.]⁷¹

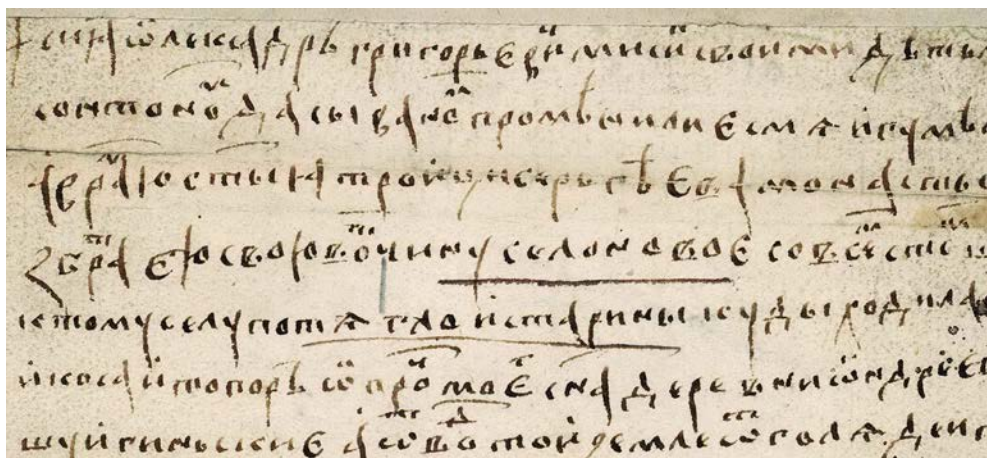
ВЗ нет. Ширина понтюзо 36–37 мм.

⁶⁸ В публикации отмечено: «Водяной знак — неясная часть — рукоять (топора?)» (АСЭИ. Т. 1. № 243).

⁶⁹ Анализ филиграни показывает, что знак соответствует времени выдачи грамоты.

⁷⁰ В публикации отмечено: «Водяной знак (верх) похож на украшение над короной — Лихач. 1022 — 1459 г., (из ркп. 1459 г.), 2570 — 1461 г. и др. под.» (АСЭИ. Т. 1. № 349).

⁷¹ См.: АСЭИ. Т. 1. № 437. Интересна запись в копийной книге: «А лета у меновные грамоты и послуховых рук нет; а у ее две печати: одна печать князь Александрова..., а другая келарская, потому что послухи грамоте не умели» (Там же).



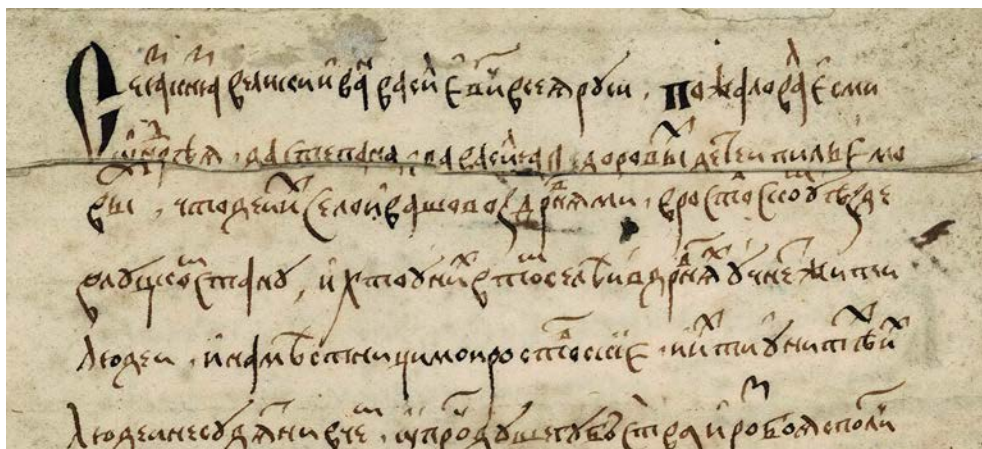
Почерк полуустав. Писал «Митук Михайлов сын Оничков».

№ 10542 (Ростовский у. 5). Жалованная несудимая грамота вел. кн. Ивана Васильевича Андрею, Степану и Василию Федоровым детям Пильемовым.

1497 г. января 3.

ВЗ. Голова быка с трехконечным крестом (л. 2) — наиболее близкий тип Лихачев 1247, 1248 — 1496 г.⁷² Понтюзо видны плохо, их ширина не определяется.

Почерк беглый канцелярский полуустав.



№ 10543 (Ростовский у. 6). Данная Юрия Романова сына Алексева иг. Троице-Сергиева м-ря Памве.

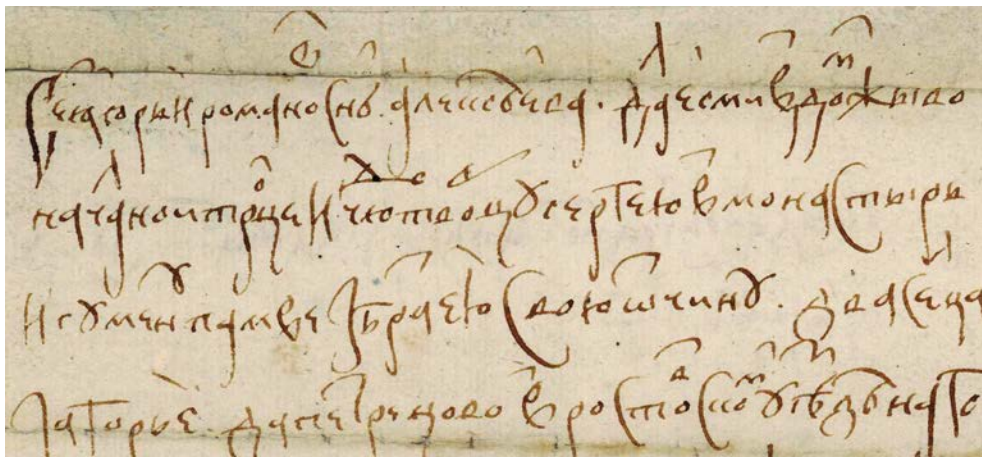
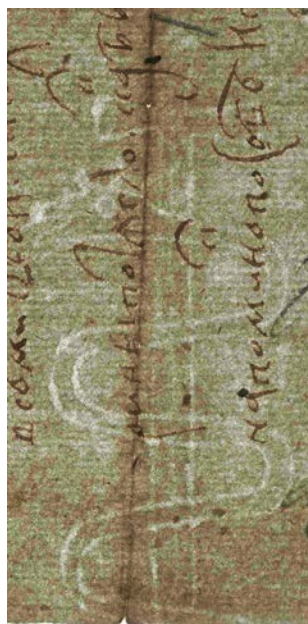
[1511 г. июня 28 — 1512 г. февраля 3].

⁷² В публикации наличие филигранны не отмечено (см.: АСЭИ. Т. 1. № 611).

ВЗ. Голова быка с крестом и змеей (верх. часть) — сх. Лихачев 2917 — ок. 1498 г., 1365 — 1508 г.⁷³ Ширина понтюзо 32, 37 и 34 мм (см.: Ф. 281. № 667).

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал слуга Троице-Сергиева м-ря Олферко Лабуня Михайлов сын Кривякина (этим же почерком написана другая данная грамота Юрия — № 667).⁷⁴

Оба вклада оформлялись одновременно: акты написаны на двух частях одного бумажного листа одним почерком.



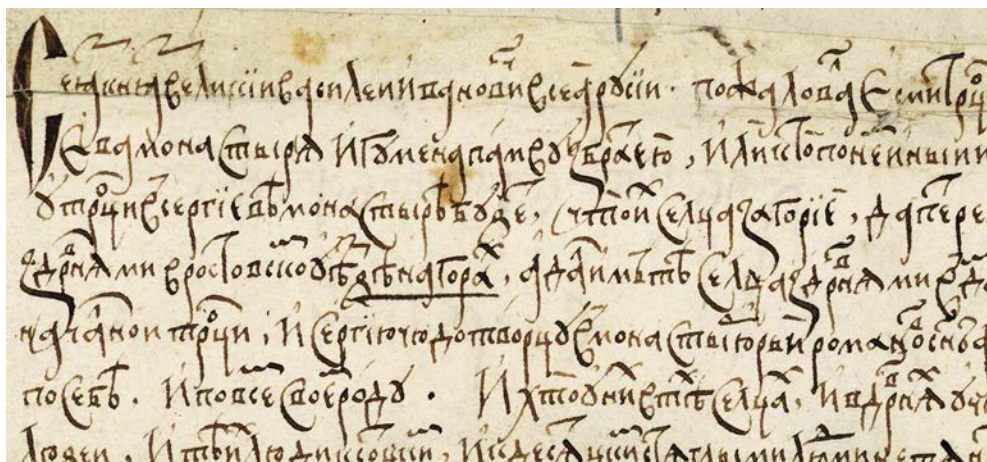
№ 10544 (Ростовский у. 7). Жалованная обельно-несудимая грамота вел. кн. Василия Ивановича иг. Троице-Сергиева м-ря Памве. 1512 г. февраля 3.⁷⁵

ВЗ нет. Ширина понтюзо, параллельных боковым сторонам, 33 мм. Почерк беглый полуустав.

⁷³ В публикации филигрань определена как часть креста, обвитого змеей (фрагмент головы быка), но не отождествлена (см.: АРГ. № 82).

⁷⁴ Мошкова. Статья первая. С. 51. Надо отметить, что подпись вкладчика на лицевой стороне № 10543 украшена: он явно старался писать красиво.

⁷⁵ См.: АРГ. № 98.

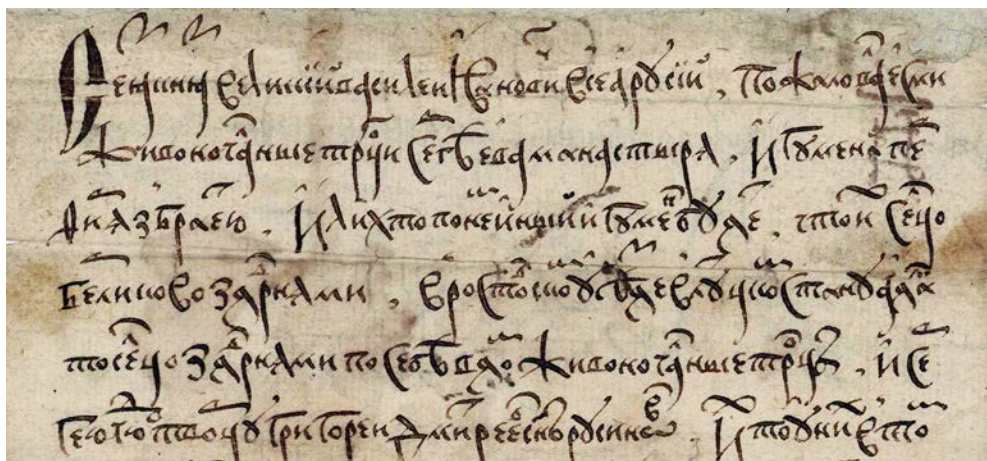


№ 10545 (Ростовский у. 8). Жалованная обельно-несудимая грамота вел. кн. Василия Ивановича иг. Троице-Сергиева м-ря Порфирию.

1522 г. января.

ВЗ. Сюжет не определен (сходного по рисунку знака в альбомах Н. П. Лихачева и Ш. Брике нет) — не отождествлен.⁷⁶ Ширина понтюзо 45 мм.

Почерк беглый полуустав.



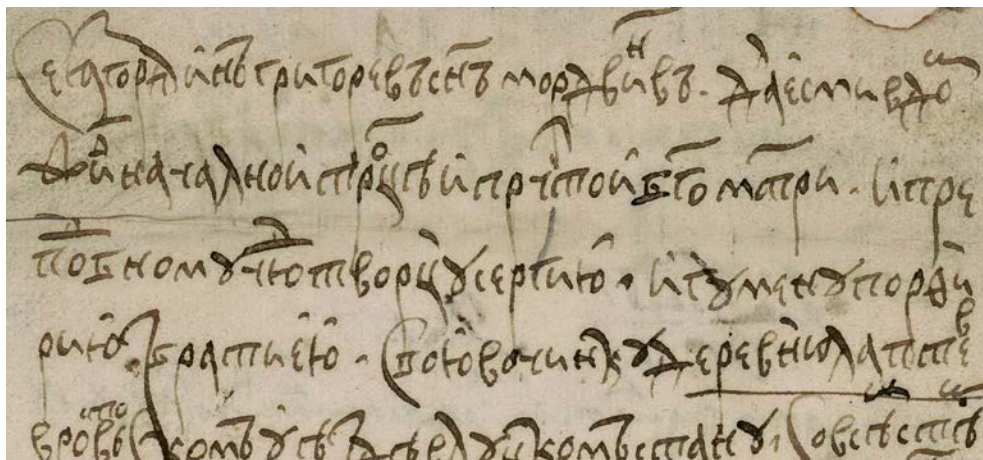
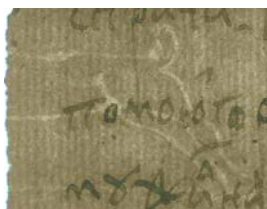
№ 10546 (Ростовский у. 9). Данная Горяина Григорьева сына Мординова иг. Троице-Сергиева м-ря Порфирию.

⁷⁶ В публикации знак определен как готическое «Р» или лигатура, над которой стебель с цветком из 7 лепестков — Брике 8708 — 1519–1522 гг. (см.: АРГ. № 205), однако рисунок в альбоме не совпадает со знаком документа.

1523/24 г.

ВЗ. Олень (задняя часть) — наиболее близкий тип Брике 3321 — 1528–1534 гг.⁷⁷ Ширина понтюзо (неровных) 25, 30 и 23 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Горяин своей рукой.

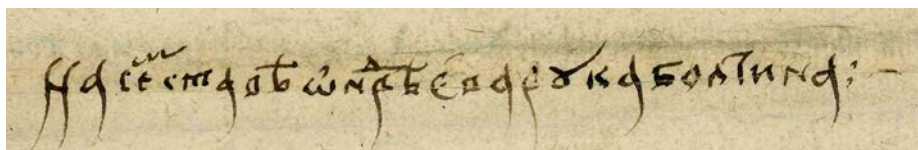
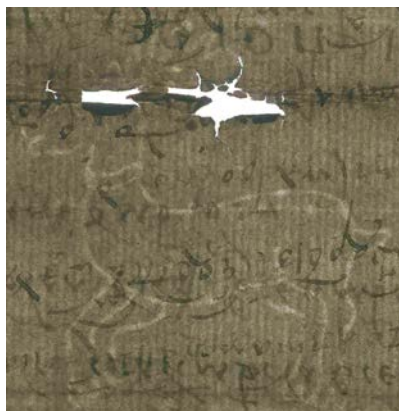


№ 10547 (Ростовский у. 10). Меновая келаря Троице-Сергиева м-ря Серапиона Курцева с братией и Андрея Семенова сына Болтина.

1533 г. июля 1.⁷⁸

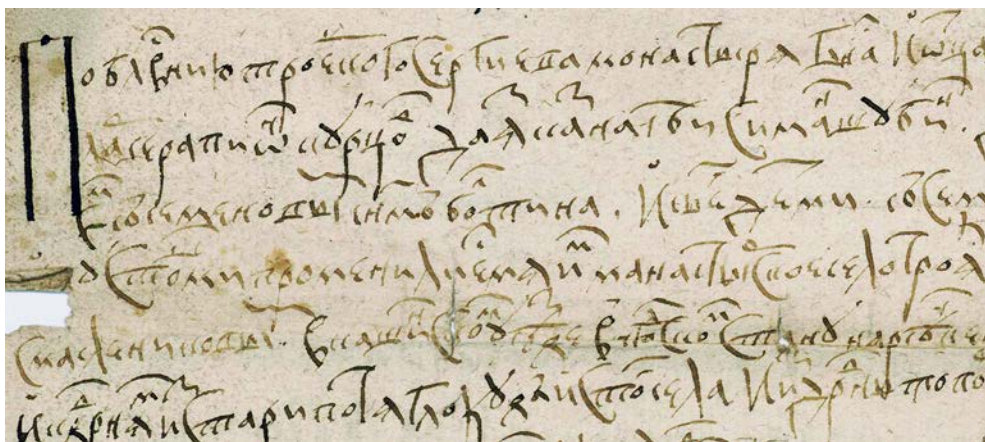
ВЗ. Олень (с ошейником) — наиболее близкий тип Брике 3319 (с ошейником и розеткой над спиной, ориентация относительно понтюзо отличается) — 1522 г. Ширина понтюзо 25–26 мм (ср. № 10548).

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Михайло Кузмин сын Микифорова.



⁷⁷ В публикации филигрань отождествлена с Брике 3320–3322 — 1526–1528 гг.; Лихачев 1557 — 1527 г. (см.: АРГ. № 221).

⁷⁸ Акт не издан (см.: Перечень актов ТСМ. № 402).

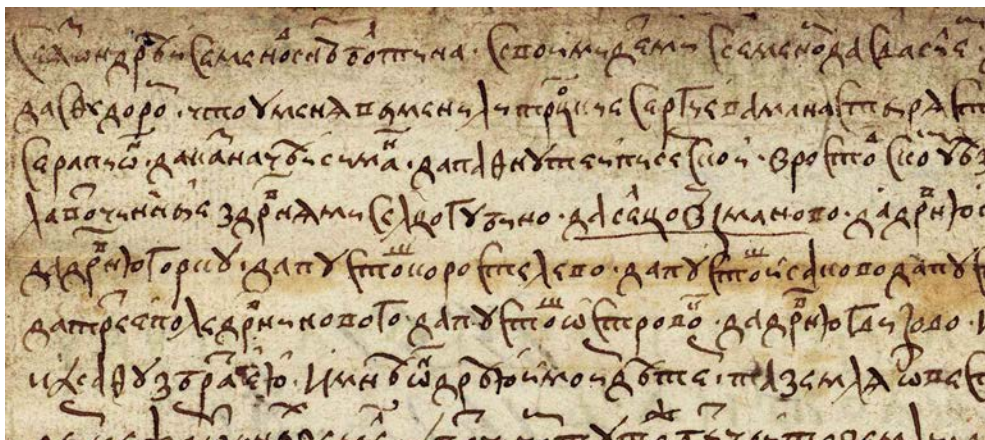


На обороте, кроме развернутой подписи А. Болтина и одного рукоприкладства, скрепа по сставу: «На сем ставе Ондреева рука Болтина».

№ 10548 (Ростовский у. 11). Запись-обязательство Андрея Семенова сына Болтина с детьми келарю Троице-Сергиева м-ря Серапиону с братией об отводе промененной вотчины.⁷⁹

1533 г. [1 июля — 31 августа].⁸⁰

ВЗ. Олень (с ошейником?) — сх. Ф. 281, № 3346 — 1533 г. Ширина понтюзо 25 мм (ср. № 10547).



⁷⁹ А. В. Антонов датирует акт «ок. 1533 г. июля 1» и считает, что обязательство дано иг. Иоасафу (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10548).

⁸⁰ Акт не издан, датируется 1 июля — 31 августа 1533 г. (см.: Перечень актов ТСМ. № 404).

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Широкий Савин сын.

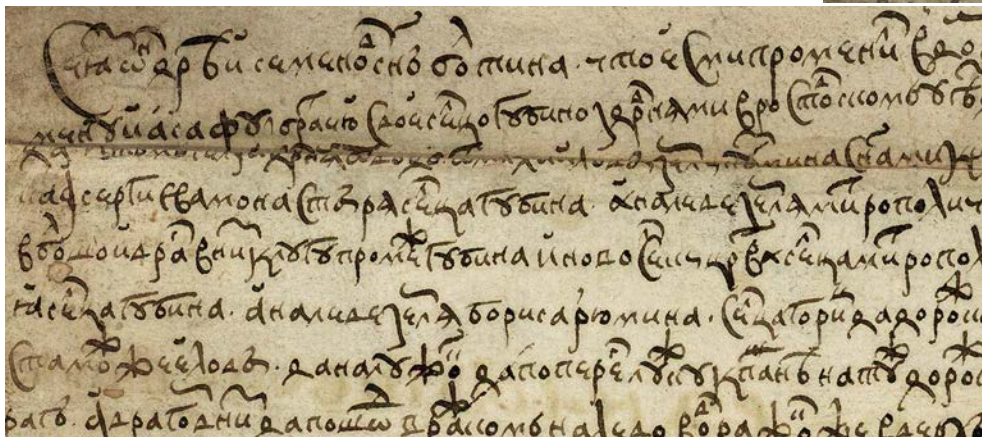
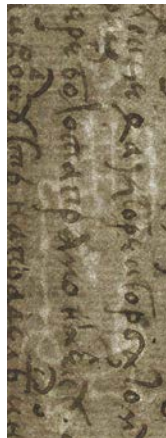
Бумага грамот № 10547 и 10548 отличается по тесту и рисунку знака (первая, пожалуй, более низкого качества).

№ 10550 (Ростовский у. 13). Отводная запись Андрея Семенова сына Болтина иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу на променное сельцо с деревнями.

1533/34 г.⁸¹

ВЗ. Рука с розеткой над пальцами — наиболее близкий тип Лихачев 1605 — 1535 г., 2978 — 1540 г.; Брике (ширина понтюзо совпадает) 11421 — 1483 г., 11424 — 1502–1512 гг. Ширина понтюзо 22 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Петрок Васильев сын Шеин.



№ 10551 (Ростовский у. 14). Данная Ильи Петрова сына Морева (по духовной дяди Григория Дмитриевича Русинова) иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу.

1533/34 г.⁸²

ВЗ. Кувшин с буквами «DO» (?) — не отождествлен. Ширина понтюзо 26 мм.

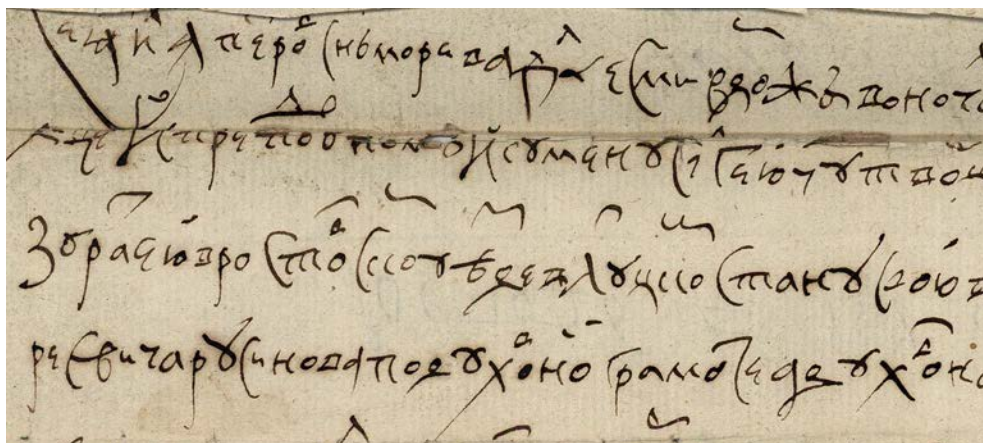
Почерк беглый полуустав. Писал «Илья на свою вотчину и на себя свою рукою».

⁸¹ Акт не издан (см.: Перечень актов ТСМ № 415).

⁸² В литературе акт фигурирует как подлинник (см.: Перечень актов ТСМ № 406; Описание ГКЭ. 2. № 10551 — противень 1).

Самые ранние кувшины с буквами в справочниках датируются более поздним временем: Лихачев 3346 («BR») — 1542 г. (знак повторен с этой же датировкой, см.: Брикe 12704); 1735 («CM») — 1547 гг. (кувшин почти аналогичного рисунка с этими же буквами см. Брикe 12712 — 1542 г.). На ресурсе *riccard-online* самый ранний кувшин с буквами также датируется 1542 г. Но широкое распространение бумага с подобными знаками получила во втор. пол. XVI в. Если же считать, что это не буквы, а деформированные украшения на тулове (ср. № 10552), то наиболее близки по размеру Лихачев 3347 — 1546 г.; Брикe 12664 (ширина понтюзо отличается) — 1544 г.

Эти сомнения заставили пристальней взглянуть на почерки. На обороте данной три рукоприкладства, выполненные разными людьми. Андрей Иванов сын Баскакова, который оставил первое рукоприкладство, не слишком уверено владел пером, но букву «ж» написал одним быстрым росчерком. Муртаза Микитин сын Чуфарова, который в тексте упоминается первым в числе послухов, но расписался последним, свободно владеет письмом и пишет достаточно красиво.⁸³ Но окончательно разрешила сомнения в подлинности акта купчая казначея Троице-Сергиева м-ря у Ильи Морева 1538/39 г., также написанная продавцом собственноручно.⁸⁴ Поскольку почерк этих двух актов можно атрибутировать одному человеку, следует признать, что № 10551 —



⁸³ В 1555–1557 гг. подьячий Муртаза Чуфаров вместе с кн. Иваном Ростовским проводил описание земель (см.: Описание ГКЭ. 2. 10669).

⁸⁴ Надо отметить, что составлена она на деревни Федоровское и Поповское (см.: Там же. № 10556), хотя эти владения фигурируют в более ранней данной грамоте.

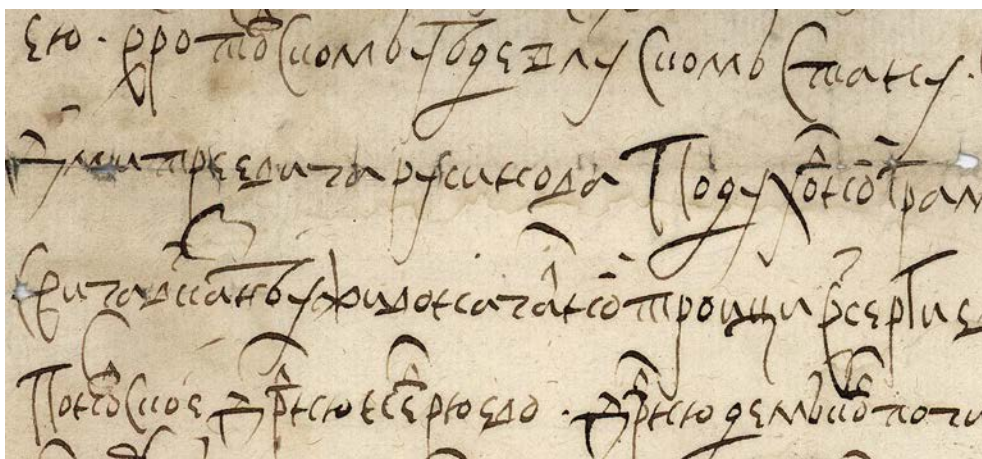
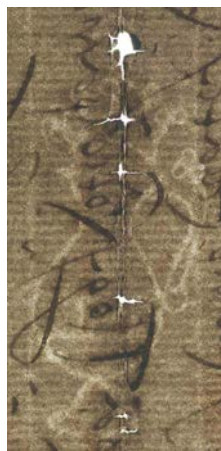
подлинник (невзирая на подозрительную филигрань и некоторые отличия в манере письма).

№ 10552 (Ростовский у. 15). Данная Ильи Петрова сына Морева (по духовной дяди Григория Дмитриевича Русинова) иг. Троице-Сергиева м-ря Иоасафу.

[1533/34 г.] = Втор. четв. XVI в.⁸⁵

ВЗ. Кувшин с полоской на тулове — т. б. Ф. 281. № 10557 — 1542 г.; в альбомах по размеру наиболее близкий тип Брике 12663 (с одной полоской на тулове) — 1543 г. (ширина понтюзо совпадает); Лауцявичюс 502, 503 (с двумя полосками на тулове) — 1550, 1551 гг. Ширина понтюзо 23 мм.

Почерк беглый полуустав. Писал «Илья на свою вотчину и на себя своею рукою». Однако почерк не совпадает с № 10551, а рукоприкладства сделаны чело-
веком, писавшим текст на лицевой стороне, следова-



тельно, документ является списком. Необходимо отметить, что внизу листа виден отпечаток, схожий со следом от печати. Поскольку на бумаге со сходным по типу знаком написана данная 1542 г.,⁸⁶ список можно датировать нач. 40-х гг. XVI в.

⁸⁵ А. В. Антонов считает, что это противень 2 (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10552).

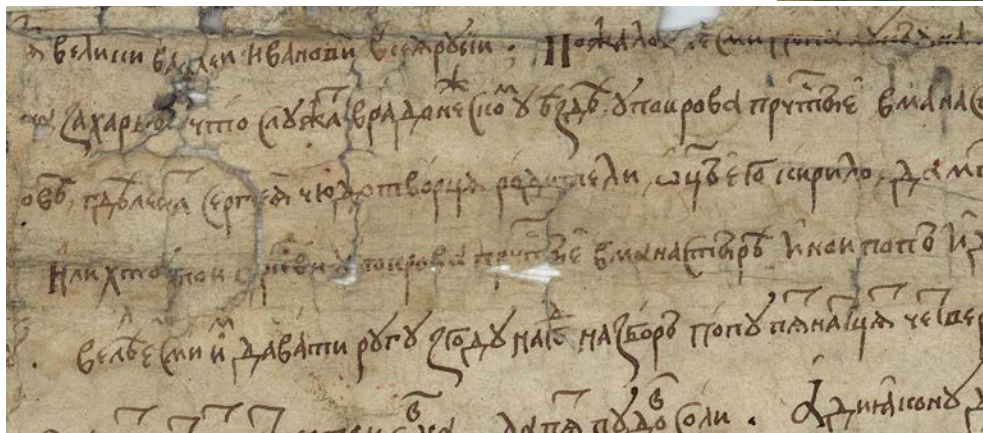
⁸⁶ Ф. 281, № 10557 (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10557). Филигрань кувшин с полоской на тулове по типу наиболее близок Брике 12665 — 1545 г. Необходимо отметить, что грамота скреплена не только двумя прикладными печатями, но и рукоприкладствами тех, кто «сидел» у данной (послухи в тексте не упоминаются). Подобная «двойная» заверка в документах ГКЭ перв. трети XVI в. не встречается.

№ 10793 (Радонежский у. 1). Жалованная ружная грамота вел. кн. Василия Ивановича попу церкви Покрова Богородицы м-ря «[на Хотьк]ове» Лукьяну и дьякону Захарию.⁸⁷

1506 г. марта 1.

ВЗ. Буква «Р» (возможно, с розеткой: на этом месте видны закругленные разрывы) — наиболее близкий тип Лихачев 1453 — 1514 г., 1585 (с розеткой) — 1531 г.; Брике 8628 — 1496–1506 гг.⁸⁸ По ширине понтюзо сх. буква «Р» с розеткой перечеркнутая — Брике 8669 — 1486–1491 гг., 8675 — 1496–1505 гг. Ширина понтюзо 23 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости.



№ 10862 (Сольвычегодский у. 1). Данная тарханно-несудимая грамота кн. Ивана Константиновича [Льяловского] с матерью кнг. Оксиньей архим. Спасо-Ярославского м-ря Христофору.

1478 г. января 2.

ВЗ. Якорь (ниж. часть) — сх. Лихачев 1150 — 1477 г.⁸⁹ Ширина понтюзо (крученых) 38 мм.

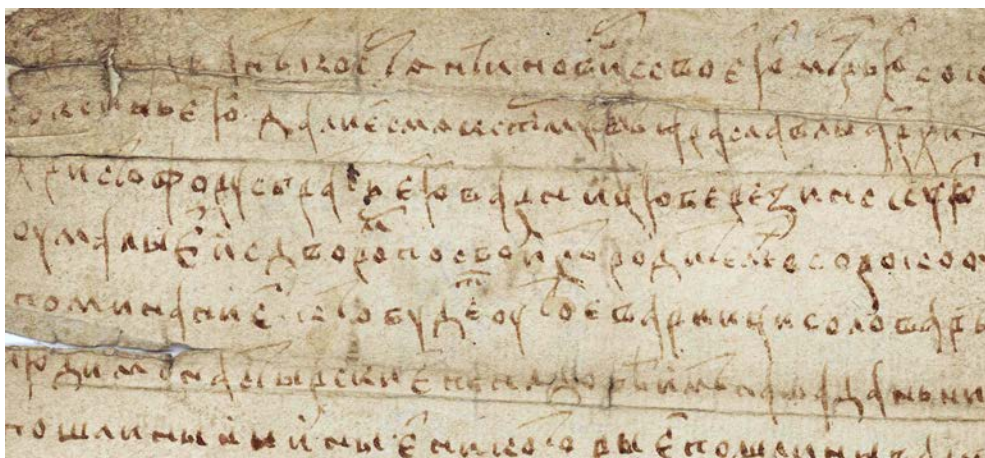
Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости.



⁸⁷ А. В. Антонов ошибочно считает, что грамота была выдана попу Захарию (см.: Описание ГКЭ. 2. № 10793).

⁸⁸ В публикации знак определен, но не отождествлен (см.: АРТ. № 15).

⁸⁹ В публикации знак определен, но не отождествлен (см.: АСЭИ. Т. 3. № 207).



№ 10863 (Сольвычегодский у. 2). Жалованная тарханно-несудимая грамота вел. кн. Ивана Васильевича архим. Спасо-Ярославского м-ря Христофору.

[1463–1478 гг.]

ВЗ. Якорь (ниж. часть) — наиболее близкий тип Лихачев 1149 — 1477 г.; Брике 355 — 1447 г.; сх. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 43 а — 1462–1464 гг.⁹⁰ Ширина понтюзо не определяется из-за подклеек.

Почерк беглый канцелярский полуустав.

Поскольку филигрань близка к знаку бумаги, на которой написано dokonчание вел. кн. Ивана III с вел. кн. тверским Михаилом Борисовичем 1462–1464 гг., выдачу жалованной следует относить примерно к этому же времени.



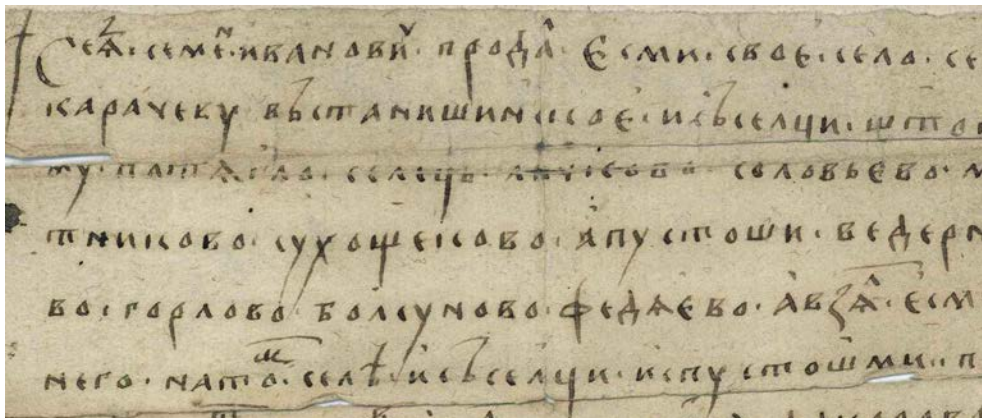
⁹⁰ В публикации наличие филиграни не отмечено (см.: АСЭИ. Т. 3. № 195).

№ 11641 (Старицкий у. 1). Купчая (продажная) Семена Ивановича Семену Карачеву.

[Ок. 1460–1480-х гг.]⁹¹ = Посл. четв. XV в.

ВЗ нет. Бумага с плохо различимыми понтюзо, ширина которых не определяется.

Почерк полуустав. Писал Кузьма Нетребуев.



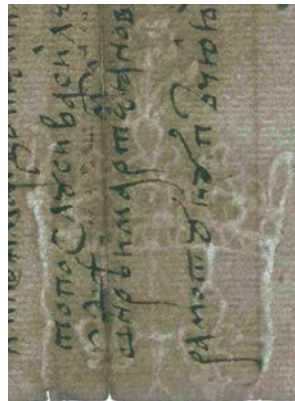
№ 11642 (Старицкий у. 2). Купчая (продажная) Василия Полукарпова на проданную Александру Семеновичу Карачеву пустошь Чупрово.

[Ок. 1470–1480-х гг.] = Нач. или перв. четв. XVI в.

ВЗ. Гербовый щит с тремя лилиями (верх. часть) — Брике 1829 — 1497–1515 гг.⁹² Ширина понтюзо 27, 28 мм.

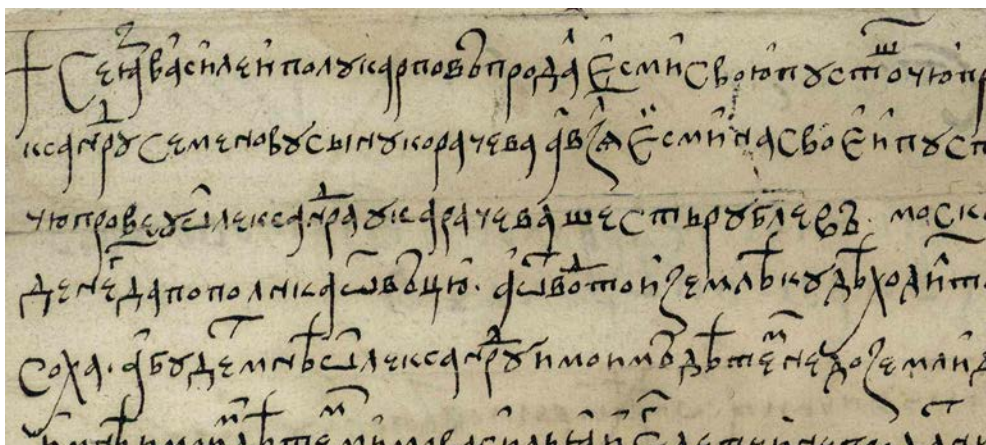
Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Михаил Затыкин.

В тексте упоминаются пять послухов, на обороте два рукоприкладства. Составители АСЭИ определили грамоту как «Подл. (?)» и отметили, что аутентичность рукоприкладств вызывает сомнения, «хотя на первых взгляд они писаны разными лицами; однако 1-е явно держится той же манеры употребления твердого знака в положении между согласными, как и последняя фраза купчей; 2-е сходно в почерке с текстом купчей». Помимо этого совершенно справедливо указано, что грамота написана «полууставом, довольно ясно уклоняющимся в скоропись, кон. XV — нач. XVI в.»⁹³



⁹¹ В публикации акт определен как «Список (?) современный» (АСЭИ. Т. 1. № 392). А. В. Антонов считает его подлинным (см.: Описание ГКЭ. З. № 11641).

⁹² В публикации знак определен, но не отождествлен (см.: АСЭИ. Т. 1. № 481).

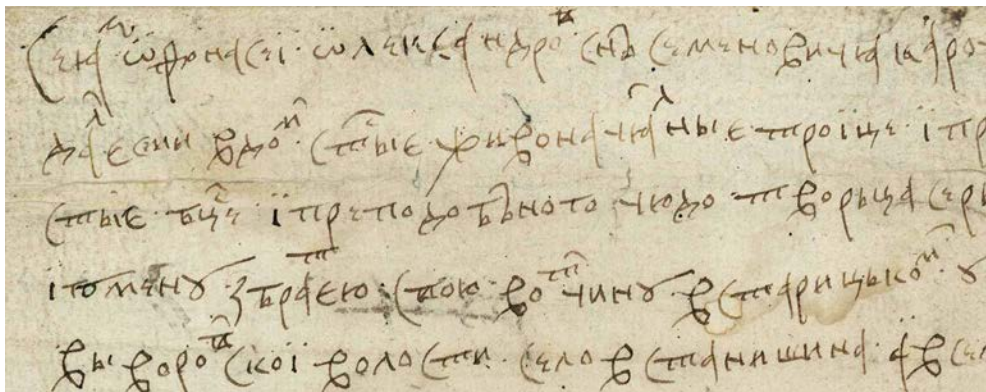


№ 11643 (Старицкий у. 3). Данная Афанасия Александрова сына Семеновича Карачева Троице-Сергиеву м-рю.

1524 г. сентября 8.⁹⁴

ВЗ нет. Ширина понтюзо 36, 35 мм.

Почерк беглый канцелярский полуустав. Писал Григорий Каша Васильев сын «Огарьков».



№ 11644 (Старицкий у. 4). Жалованная подтверждательная грамота вел. кн. Василия Ивановича иг. Троице-Сергиева м-ря Арсению.

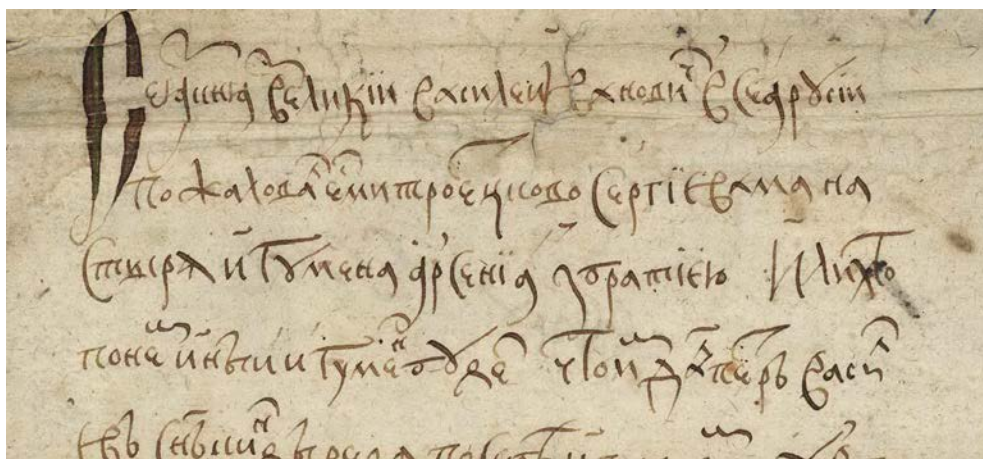
1525 г. августа 16.⁹⁵

ВЗ нет. Бумага с плохо различимой сеткой, ширина понтюзо не определяется.

⁹³ АСЭИ. Т. 1. № 481. А. В. Антонов считает акт подлинным (см.: Описание ГКЭ. 3. № 11642).

⁹⁴ См.: АРГ. № 232.

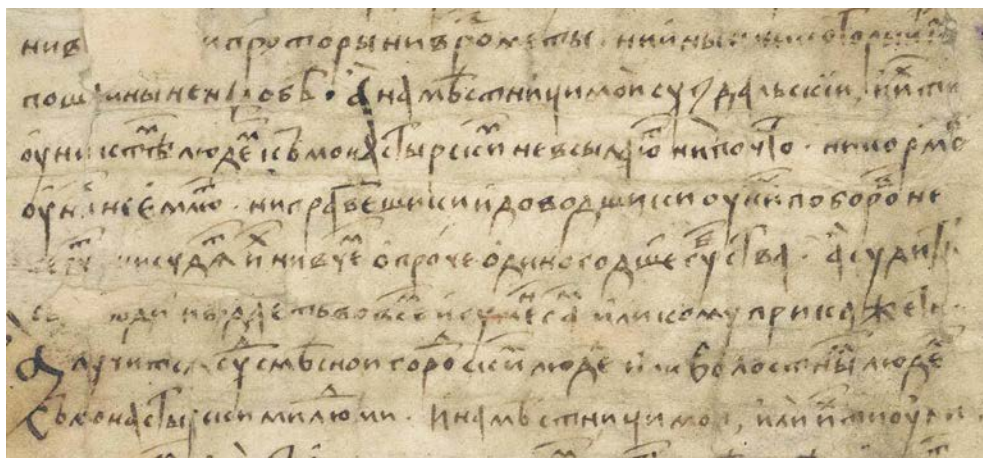
⁹⁵ См.: АРГ. № 250. А. В. Антонов ошибочно указал № 254 (см.: Описание ГЕЭ. 3. № 11644).



Почерк беглый полуустав.

№ 11780 (Суздальский у. 1). Жалованная тарханно-несудимая и оброчная грамота вел. кн. Василия Васильевича иг. Троице-Сергиева м-ря Мартиниану.

1448/49 г.



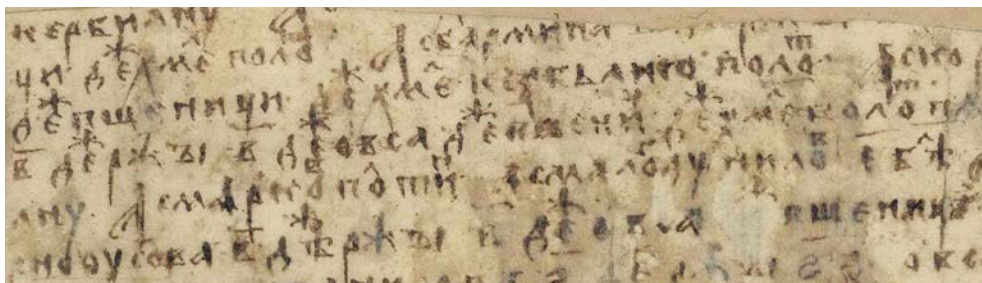
ВЗ нет. Ширина понтюзо и вержеров не определяется из-за реставрации.

Почерк полуустав с элементами беглости.

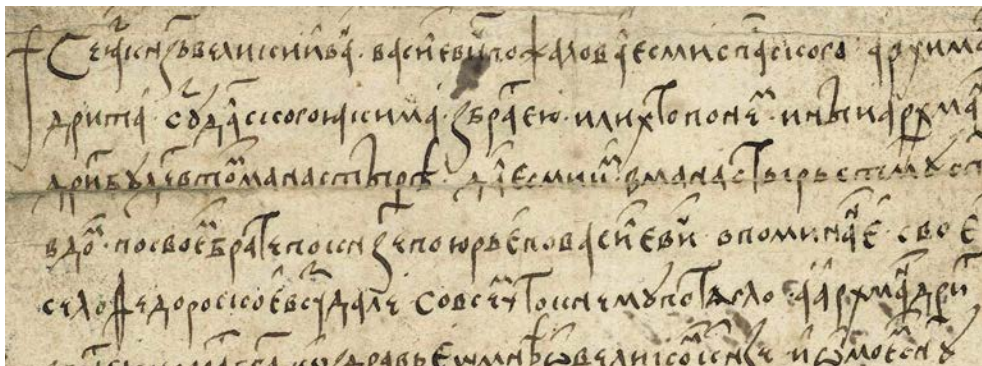
В публикации отмечено, что «последние две коротенькие строчки как бы вписаны левее печати, уже после ее приложения. При общей ветхости всей грамоты последняя полоска бумаги (с печатью) выглядит гораздо более крепкой и, м. б., позднее приставленной к извешавшему подлиннику (ср. иную ширину левого поля), причем на нее, м. б., переписан кончик текста и перенесена печать (отгиб бумаги, к которому приложена печать, не является единым целым со всей ниж-

ней полосой — край бумаги правее печати обрезан, а не загнут)». ⁹⁶ Полагаю, в сказанном верно только одно: последние слова грамоты добавлены после приложения печати, но написаны они тем же почерком и чернилами, что и остальной текст.

Подклеенный к жалованной кусок старой бумаги с текстом был отделен в реставрационной мастерской и сдублирован на желтую бумагу, поэтому разглядеть сетку невозможно (филиграни, по свидетельству составителей АСЭИ, на подклейке не было). Содержащийся на ней текст — роспись оброка с троицких деревень, которая была датирована втор. пол. XVI в. на основании времени поступления некоторых деревень в собственность монастыря. При этом отмечено, что текст написан «весьма архаизированным почерком; такой почерк мог принадлежать м-рскому писцу богослужебных книг, посаженному за писание хозяйственной документации». ⁹⁷ С последним утверждением категорически нельзя согласиться: почерк росписи оброка, действительно, книжный, но датировать его следует сер. — трет. четв. XV в., а не столетием позже. ⁹⁸



№ 11781 (Суздальский у. 2). Жалованная данная грамота вел. кн. Ивана Васильевича архим. Спасо-Евфимьева м-ря Иоакиму.



⁹⁶ АСЭИ. Т. 1. № 221.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ С этой датировкой согласен А. А. Турилов.

1472 г. октября 20.⁹⁹

ВЗ нет. Ширина понтюзо 40 мм. Вержеры толстые, редкие. Возможно, знак этой бумаги — якорь.

Почерк полуустав с элементами беглости.

№ 11782 (Суздальский у. 3). Указная с прочетом грамота вел. кн. Ивана Васильевича Юрьевскому наместнику Семену Карповичу.

1493 г. декабря 6.¹⁰⁰



ВЗ нет. Бумага с плохо различимыми понтюзо, ширина которых, вероятно, ок. 32 мм.

Почерк беглый канцелярский полуустав.

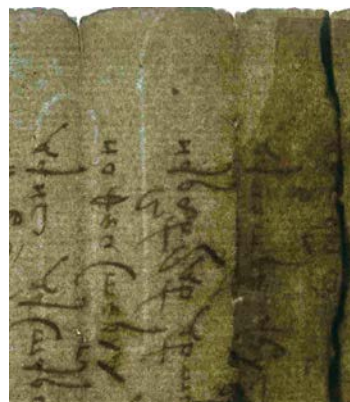
№ 11783 (Суздальский у. 4). Разъезжая великокняжеского судьи Василия Аксакова земле Спасо-Евфимьева м-ря с землею кн. Данилы Васильевича [Щени].

1497/98 г. = Кон. XV в.

ВЗ. Три горы (с крестом; ниж. часть) — сх. Лихачев 2429 — 1488–1501 гг., 1272 — 1497 г.; Брике 11808 — 1490–1501 гг.¹⁰¹ Ширина понтюзо не определяется.

Почерк беглый канцелярский полуустав. Писал спасский дьяк Иванко Филатов сын.

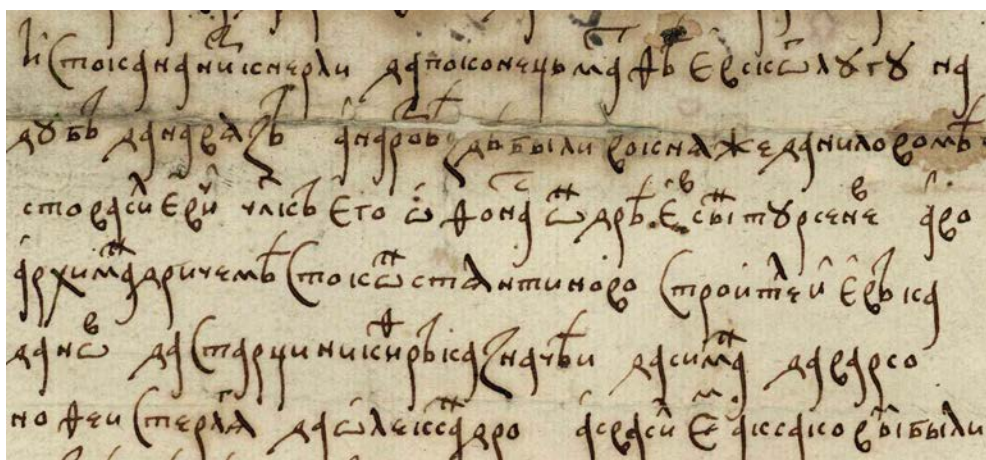
Полагаю, можно согласиться с утверждением, что подпись кн. Данилы на лицевой



⁹⁹ См.: АСЭИ. Т. 2. № 467.

¹⁰⁰ См.: АСЭИ. Т. 1. № 573.

¹⁰¹ В издании знак отождествлен с Лихачев 1272 — 1497 г., 1338 — 1501 г.; документ назван списком, современным времени выдачи, и отмечено, что по ниж. обрезу видны следы от первой строки дальнейшего текста (см.: АСЭИ. Т. 2. № 491). А. В. Антонов считает акт подлинным (см.: Описание ГКЭ. 3. № 117883).



стороне сделана переписчиком, теми же чернилами, что и текст, при этом видно старание несколько изменить почерк.¹⁰²

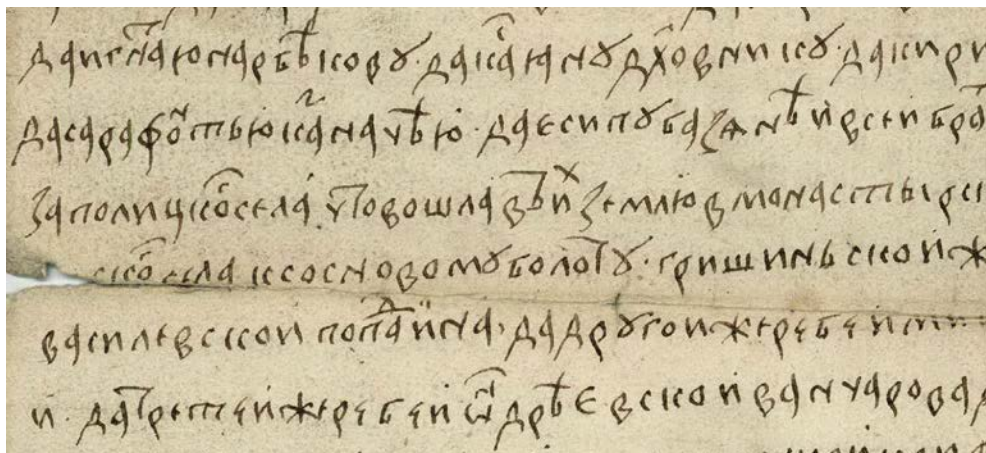
№ 11784 (Суздальский у. 5). Меновая кн. Семена Ивановича [Ряполовского] архим. Спасо-Евфимьева м-ря Иоакиму.

[1472–1479 гг.]

ВЗ. Голова быка [со звездой из пересечения трех линий] (ниж. часть) — сх. Лихачев 1167 — 1477 г., 3803 — 1476 г.¹⁰³ Ширина понтюзо 36, 37 мм.



Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости. Писал Злоба Омосов сын (этим же почерком написан № 11785).



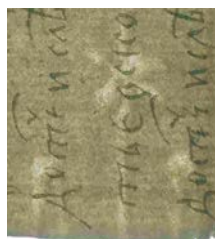
¹⁰² См.: АСЭИ. Т. 2. № 491.

¹⁰³ В публикации знак определен, но не отождествлен, и отмечено, что верх. часть этого знака видна на № 11785 (см.: Там же. № 470).

№ 11785 (Суздальский у. 6). Меновая кн. Семена Ивановича [Ряполовского] архим. Спасо-Евфимьева м-ря Иоакиму.

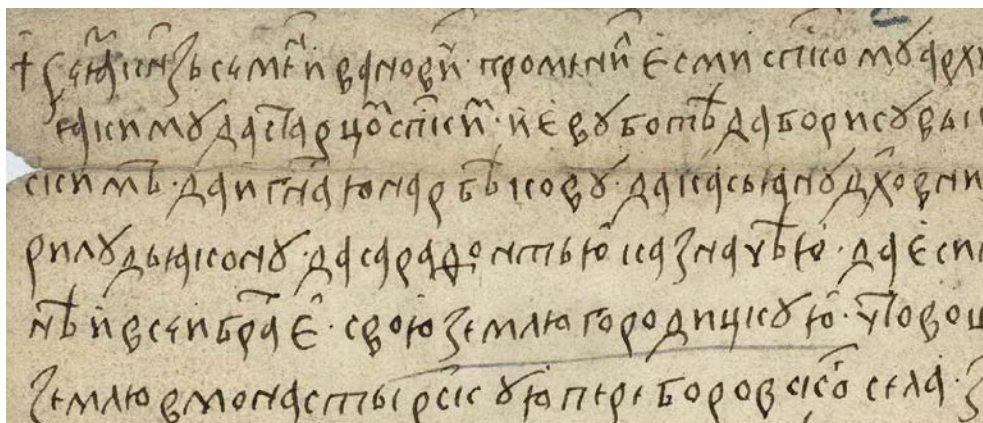
[1472–1479 гг.]

ВЗ. Голова быка со звездой из пересечения трех линий (верх. часть) — сх. Лихачев 1167 — 1477 г., 3803 — 1476 г.¹⁰⁴ Ширина понтюзо 36, 37 мм.



Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости. Писал Злоба Омосов сын (этим же почерком написан № 11784).

Полагаю, можно согласиться с тем, что обе меновные кн. Семена написаны на частях одного листа одним почерком, что свидетельствует об их одновременном составлении.¹⁰⁵



№ 11786 (Суздальский у. 7). Докладной судный список, с доклада вел. кн. Ивану Васильевичу, суда Остафия Суцова, выданный властям Спасо-Евфимьева м-ря.

[1465–1466 гг. ?]¹⁰⁶

ВЗ. Буква «Р» (ниж. часть) — по рисунку в альбоме Н. П. Лихачева сходных нет, по размеру слишком много знаков можно объявить близкими. По ширине понтюзо, примерному размеру и рисунку наиболее близкий тип Брике 8531 — 1481 г.; буква «Р» с розеткой: Брике 8597 — 1464 г., 8600 — 1466–1475 гг., 8601 — 1467–1469 гг. Ширина понтюзо 38 и 36 мм.

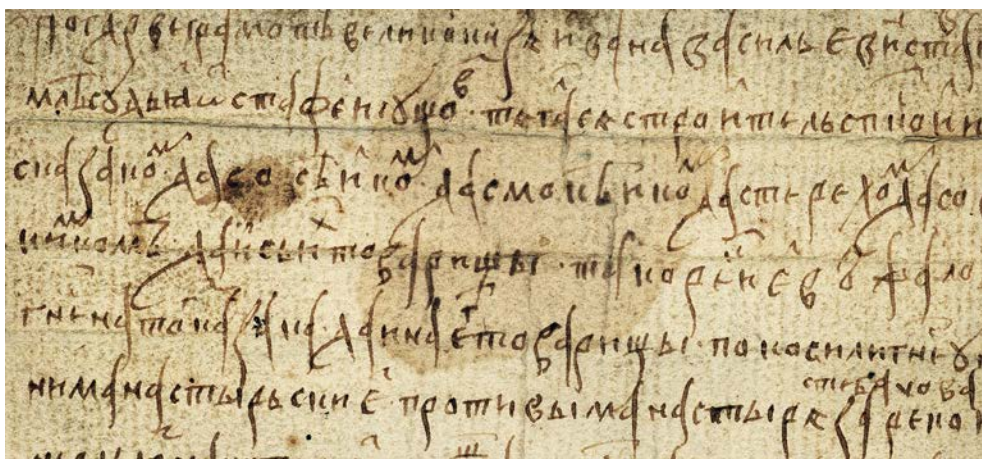


Почерк беглый канцелярский полуустав.

¹⁰⁴ В публикации филигрань определена, но не отождествлена, и отмечено, что другая часть этого знака видна на № 11784 (см.: АСЭИ. Т. 2. № 471).

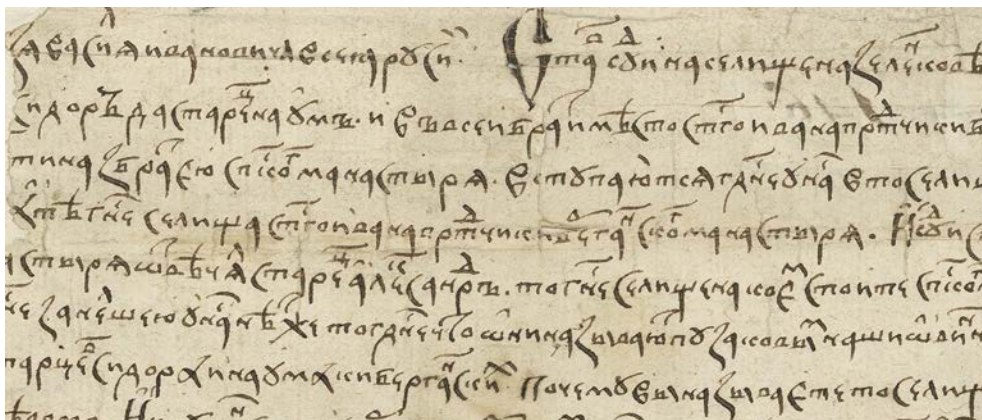
¹⁰⁵ См.: Там же. № 470, 471.

¹⁰⁶ А. В. Антонов датирует акт 1460-ми гг. и считает подлинным (см.: Описание ГКЭ. З. № 11786).



В публикации акт фигурирует как подлинник, филигрань, по мнению составителей, близка к Лихачев 2607 (сер. XV в.), подпись княжеского дьяка Василия признана аутентичной, и отмечено, что текст судного списка под именем правой грамоты процитирован в акте 1586 г. из этого же фонда № 11862 (Суздальский у. 83).¹⁰⁷ Вероятно, по каким-то причинам монастырским властям не была выдана скрепленная печатью судьи правая грамота, и в архиве сохранился только незаверенный судный список.

№ 11787 (Суздальский у. 8). Докладной судный список, с доклада кн. Дмитрию Владимировичу [Овце], суда Василия Никифорова сына Аксакова и Прокофия Якимова сына Языкова, по тяжбе старца Спасо-Евфимьева м-ря Александра и иг. Иоанно-Предтеченского Киберганского м-ря Саввы с братьей.



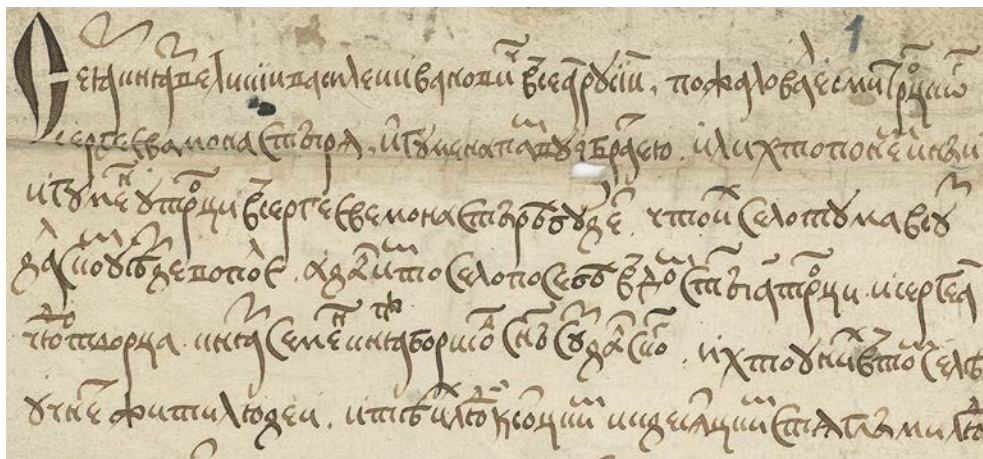
¹⁰⁷ См.: АСЭИ. Т. 2. № 463.

1509 г. февраля 13.

ВЗ. Кувшин — знаков подобного размера в справочниках Ш. Брике, Н. П. Лихачева и на ресурсе *piccard-online* нет; по рисунку и ширине понтюзо наиболее близкий тип Брике 12491 — 1491–1496 гг., 12492 — 1508 г.¹⁰⁸ Ширина понтюзо 28, 29 мм.

Почерк беглый канцелярски полуустав.

№ 11788 (Суздальский у. 9). Жалованная обельно-несудимая грамота вел. кн. Василия Ивановича иг. Троице-Сергиева м-ря Памве. 1511 г. июля 16.¹⁰⁹



ВЗ нет. Ширина понтюзо 24 мм.

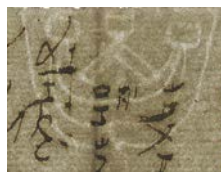
Почерк беглый полуустав.

№ 11789 (Суздальский у. 10). Полюбовная разгезжая иг. Спасо-Евфимьева м-ря Кирилла с братией и иг. Иоанно-Предтеченского Киберганского м-ря Ионы с братией.

1511/12 г.

ВЗ. Гербовый щит с корабликом (ниж. часть) — т. б. Ф. 281, № 4996 — 1511 г.; Брике 2042 — 1485–1523 гг.; Лихачев 2939, 2940 — ок. 1504 г.¹¹⁰ Ширина понтюзо 19 и 22 мм.

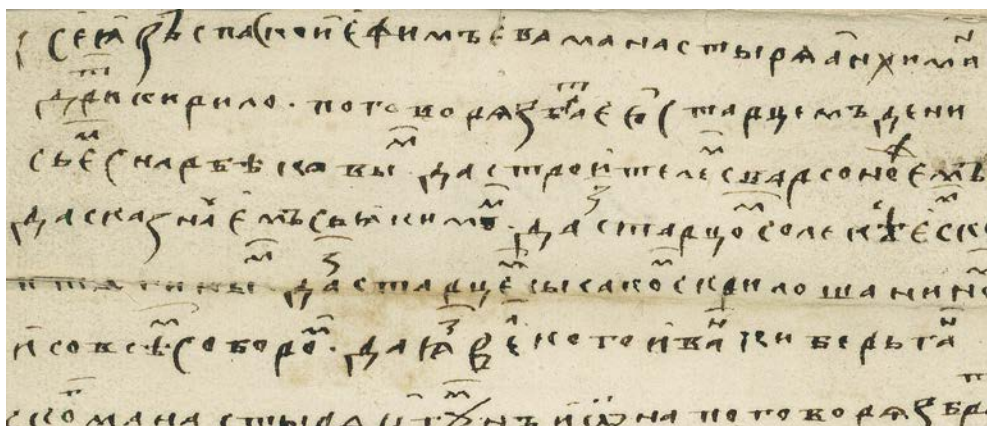
Почерк полуустав. Писал иг. Киберганского м-ря Иона своею рукою.



¹⁰⁸ В публикации наличие филигрانی не отмечено (см.: АСЕМ. № 3). На грамоте видны следы круглой печати, но место ее прикрепления на обороте заклеено.

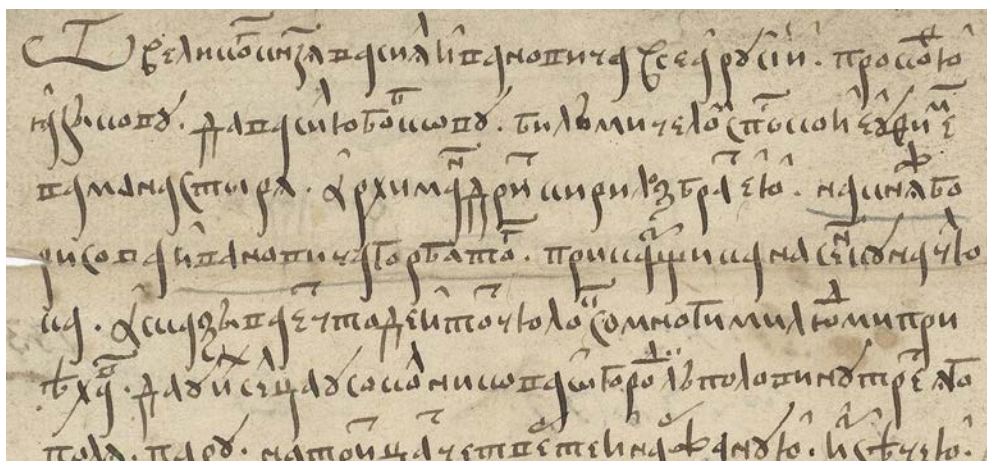
¹⁰⁹ См.: АРГ. № 83.

¹¹⁰ В публикации наличие филигрانی не отмечено (см.: АСЕМ. № 6).



№ 11791 (Суздальский у. 12). Указная грамота вел. кн. Василия Ивановича Прокофию [Якимову сыну] Языкову и Василию [Гаврилову сыну] Бобкову.

1516 г. сентября 1.¹¹¹



ВЗ нет. Ширина понтюзо 22 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости.

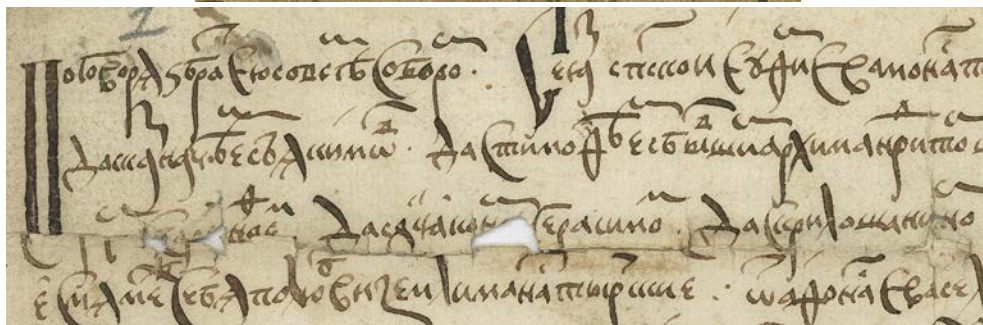
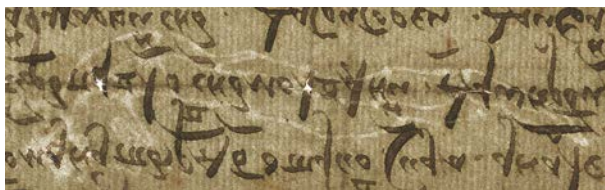
№ 11792 (Суздальский у. 13). Полюбовная разъезжая архим. Спасо-Евфимьева м-ря Кирилла с братией и Афанасия Ефимова сына Корובה.

1518/19 г.

ВЗ. Змея в короне — т. б. Лихачев 1392 — 1513 г.; сх. Брике 13749 — 1511 г.¹¹² Ширина понтюзо 28 мм.

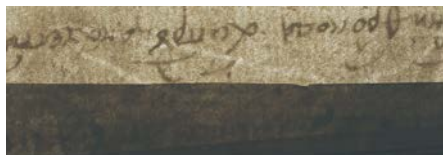
¹¹¹ См.: АСЕМ. № 9.

¹¹² В публикации наличие филиграни не отмечено (см.: АСЕМ. № 12).



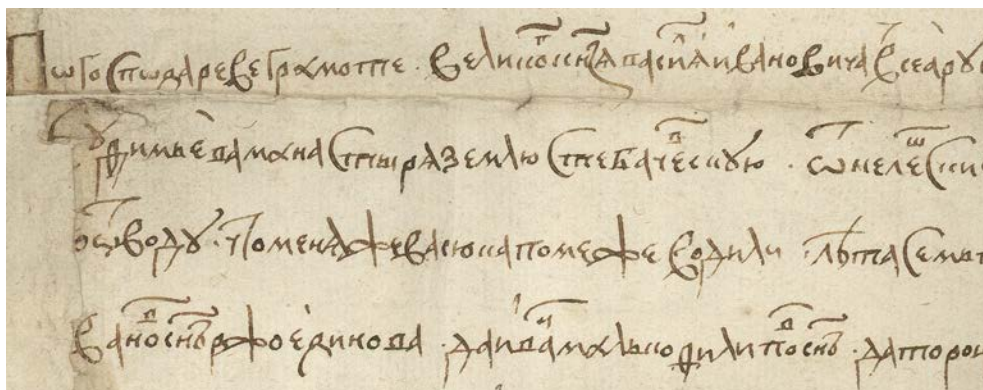
Почерк беглый полуустав. Писал монастырский дьяк Митя Семенов сын Бункова.

№ 11793 (Суздальский у. 14). Разъезжая, по грамоте вел. кн. Василия Ивановича, Васюка Гаврилова сына Бобкова земле Спасо-Евфимьева м-ря с землей Матвея Иванова сына Судимантова.



1519 г. октября 7.

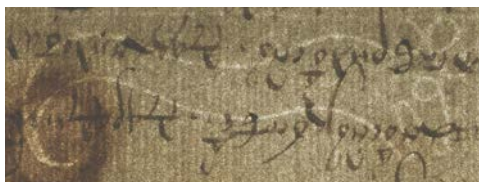
ВЗ. Рука с цветком или звездой (большая часть знака уходит под заклею) — наиболее близкий тип Брике 10718 — 1499–1515 гг., 10719 — 1501–1503 гг, 11190 — 1506 г.; Тромонин 319, 320 — 1521 г.¹¹³ Ширина понтюзо 38 мм.



¹¹³ В публикации наличие филиграни не отмечено (см.: АСЕМ. № 15).

Почерк беглый канцелярский полуустав. Писал Васюк своею рукою.

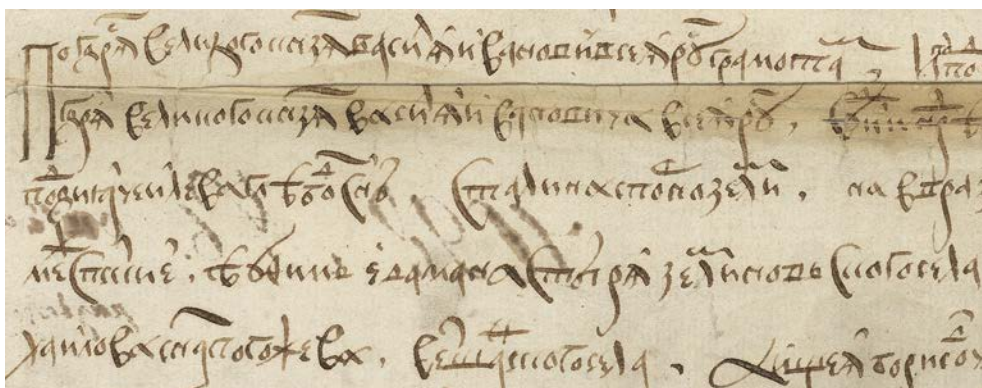
№ 11794 (Суздальский у. 15). Разъезжая судьи Андрея Леонтьева сына Трегубова и подьячего Леонтия Глебова сына земле Спасо-Евфимьева м-ря с землей Бориса Михайлова сына Погожева.



1519 г. октября 14.

ВЗ. Змея — т. б. Брике 13787 — 1517– 1518 гг.¹¹⁴ Ширина понтюзо 27–29 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости.



№ 11796 (Суздальский у. 17). Разъезжая данного судьи Василия Гаврилова сына Бобкова земле Троице-Сергиева м-ря с землей кн. Ивана Михайловича Мезецкого.

1526 г. ноября 21 = Втор. четв. XVI в.

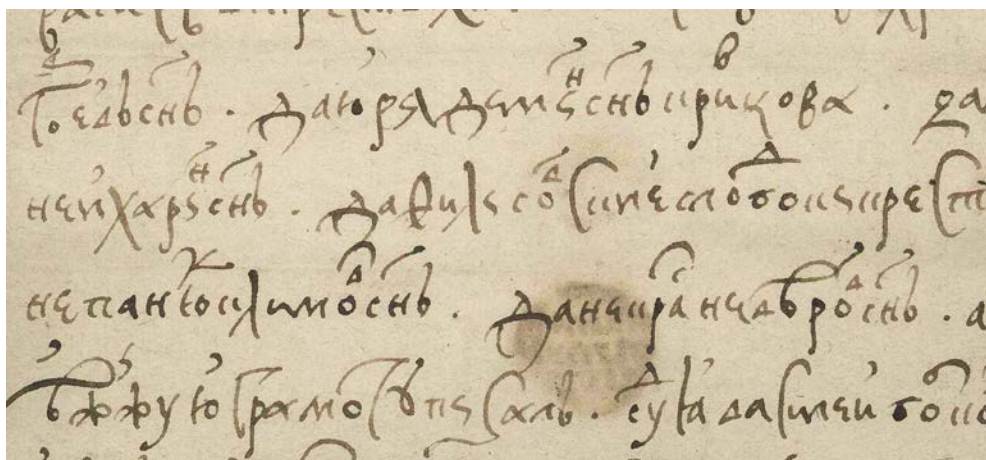
ВЗ. Лилия (ниж. часть) — по размеру и рисунку наиболее близкий тип Брике 6953 — 1544 г.; по ширине понтюзо сх. Брике 6954 (лилия меньше) — 1551–1556 гг.¹¹⁵ Ширина понтюзо 25 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Василий Бобков сын своею рукою.

Поскольку на приложенной печати читается надпись: «кела...я Серг...», акт является заверенной монастырской копией. Полагаю, филигрань правильно характеризуют время написания: это не 1526 г., а более позднее время.

¹¹⁴ В публикации наличие филиграни не отмечено (см.: АСЕМ. № 16).

¹¹⁵ В публикации знак отождествлен с Брике 6953 — 1544 г., а документ признан списком (см.: АРГ. № 279). А. В. Антонов считает разъезжую подлинной (см.: Описание ГКЭ. 3. № 11796).

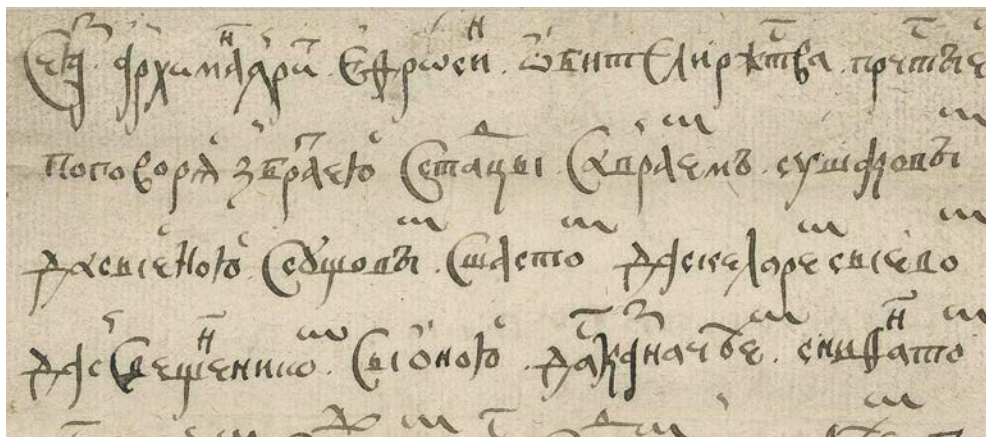


№ 11797 (Суздальский у. 18). Меновая архим. Рождественского владимирского м-ря Ефросина и иг. Троице-Сергиева м-ря Александра.

1526/27 г.

ВЗ. Рука (ниж. часть) — наиболее близкий тип Лихачев 1492 (с розеткой) — 1520 г.; по ширине понтюзо и рисунку сх. Брике 11404 — 1507 г.¹¹⁶ Ширина понтюзо 24, 25 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости. Писал казенный дьяк Рождественского м-ря Нечайко Дмитриев сын Дворского.



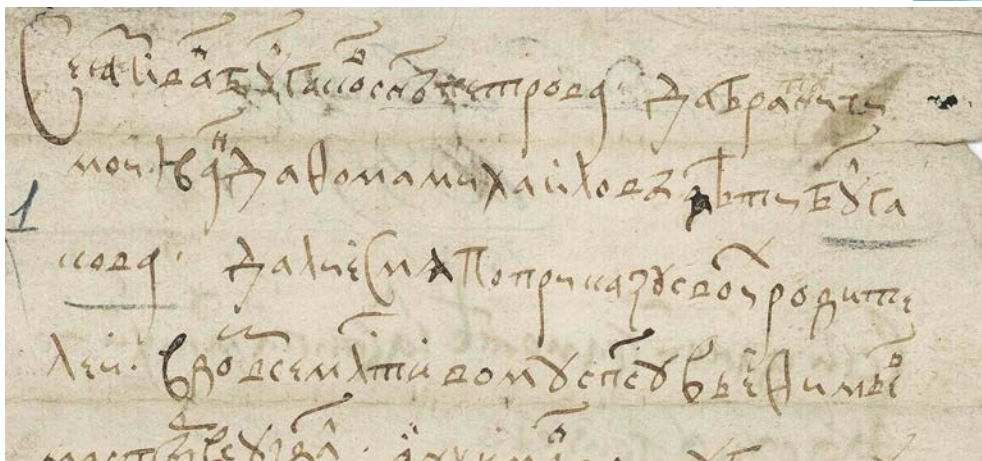
№ 11798 (Суздальский у. 19). Данная Ивана Булгакова сына Петрова с племянниками архим. Спасо-Евфимьева м-ря Герману.

1530/31 г.

¹¹⁶ В публикации знак отождествлен с Лихачев 1509 — 1520–1521 гг., Брике 11404, 11405 — 1507–1520 гг. (см.: АРГ. № 293).

ВЗ. Лилии в гербовом щите (часть) — наиболее близкий тип Лихачев 1454 — 1514 г.; Брике 1738 — 1523–1528 гг.¹¹⁷ Ширина понтюзо 25, 24 мм.

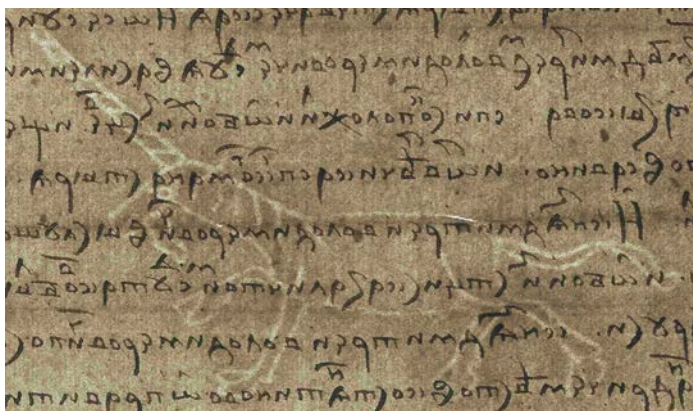
Почерк полуустав с элементами беглости. Писал Иван Михайлов сын Булгакова «на своего дядю и на себя, и на брата».



№ 11820 (Суздальский у. 41). Правая грамота, с доклада кн. Дмитрию Владимировичу [Овце], суда Василия Никифорова сына Аксакова и Прокофия Якимова сына Языкова старцу Спасо-Евфимьева м-ря Александру по тяжбе с иг. Иоанно-Предтеченского Киберганского м-ря Саввой с братией.

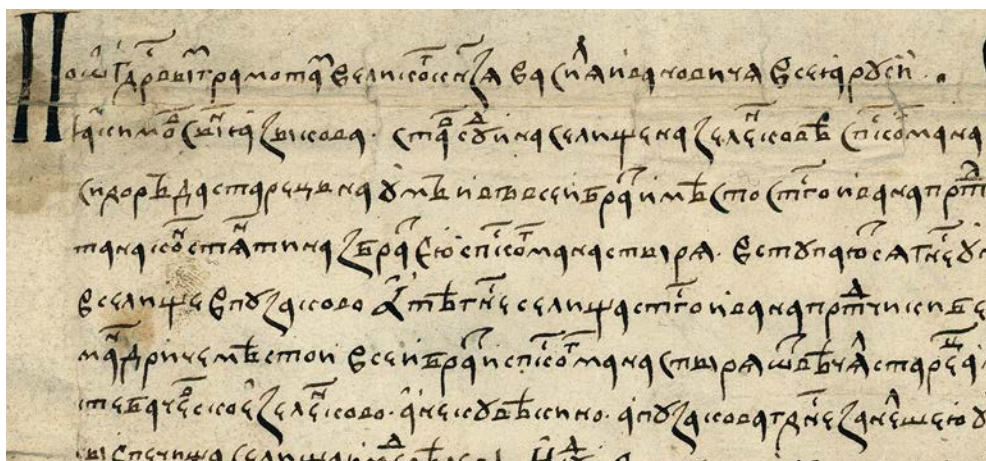
1509 г. февраля 13.

ВЗ. Единорог — сх. Лихачев 1436 — 1513 г.¹¹⁸ Ширина понтюзо 26, 28 и 24 мм.



¹¹⁷ В публикации наличие филигрانی не отмечено (см.: АСЕМ. № 29).

¹¹⁸ В публикации наличие филигрانی не отмечено (см.: АСЕМ. № 4).



Почерк полуустав с элементами беглости.

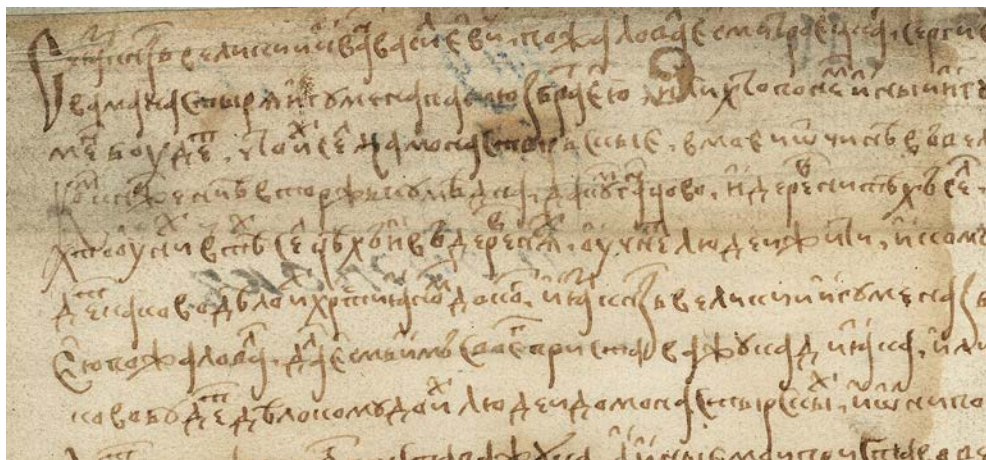
№ 12043 (Новоторжский у. 1). Жалованная на данного пристава и односрочная грамота вел. кн. Ивана Васильевича иг. Троице-Сергиева м-ря Паисию.

1481/82 г. = Кон. XV (?) в.¹¹⁹

ВЗ нет. Ширина понтюзо 30, 31 мм.

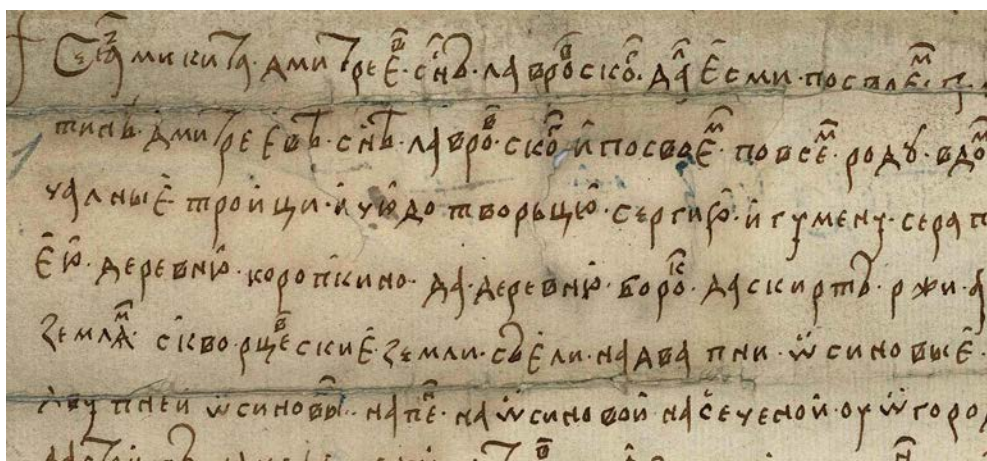
Почерк полуустав с элементами беглости.

Полагаю, список написан ближе к концу века, чем к дате выдачи.



№ 12044 (Новоторжский у. 2). Данная с отводом Никиты Дмитриева сына Лавровского иг. Троице-Сергиева м-ря Серапиону.

¹¹⁹ В публикации акт назван современным монастырским списком (см.: АСЭИ. Т. 1. № 495). А. В. Антонов, несмотря на отсутствие печати, считает документ подлинным (см.: Описание ГКЭ. 3. № 12043).



[1495–1506 гг.]¹²⁰

ВЗ нет. Ширина понтюзо 34–35 мм.

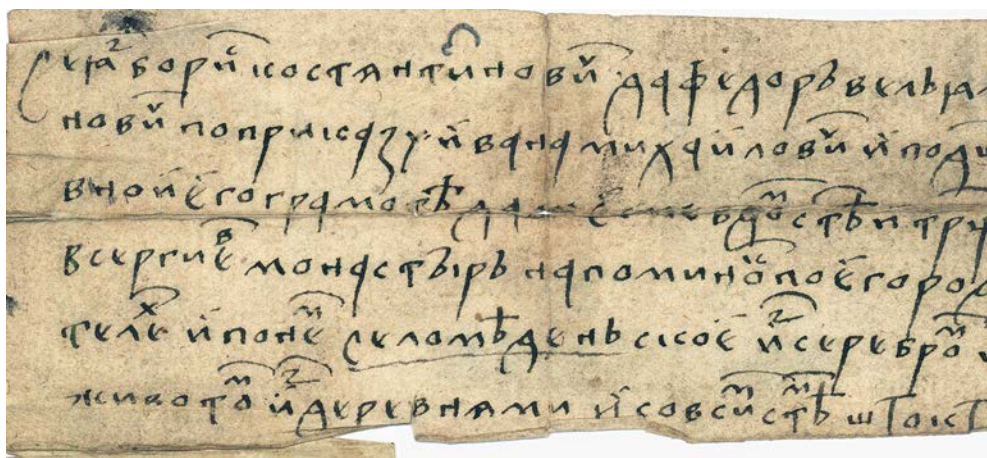
Почерк полуустав. Писал Микита Есипов сын Тихменева.

№ 12047 (Новоторжский у. 5). Л. 1. Данная (первая) Бориса Константиновича и Федора Вельяминовича, душеприказчиков Ивана Михайловича [Крюкова Фоминского], Троице-Сергиеву м-рю.

[Ок. 1430 г.]¹²¹

ВЗ нет. Ширина понтюзо не определяется из-за малого размера акта.

Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости. [Писал Ивашко Выпуков — ср. ниже].



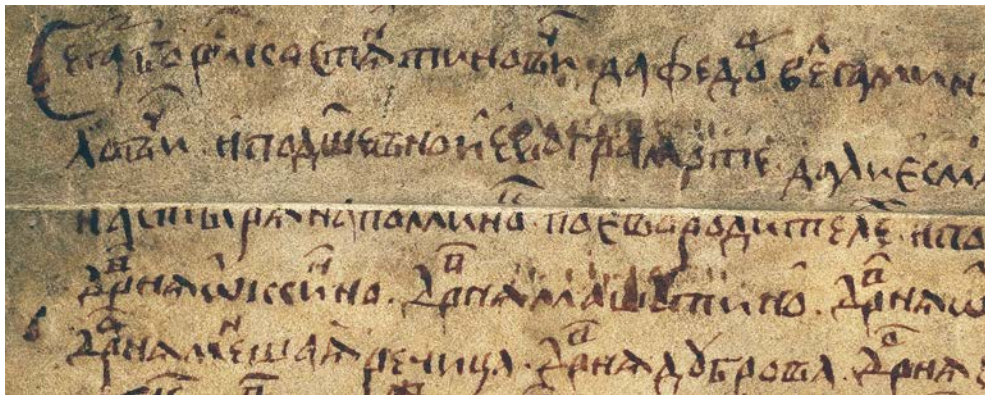
¹²⁰ См.: АСЭИ. Т. 1. № 599.

¹²¹ В публикации акт фигурирует как подлинник (см.: АСЭИ. Т. 1. № 70). Имя писавшего грамоту восстановлено составителями по копийной книге.

Л. 2. Данная (вторая) Бориса Константиновича и Федора Вельяминовича, душеприказчиков Ивана Михайловича [Крюкова Фоминского], Троице-Сергиеву м-рю.

[Ок. 1430 г.] = Не ранее перв. четв. XVI в.

Пергамен.¹²²

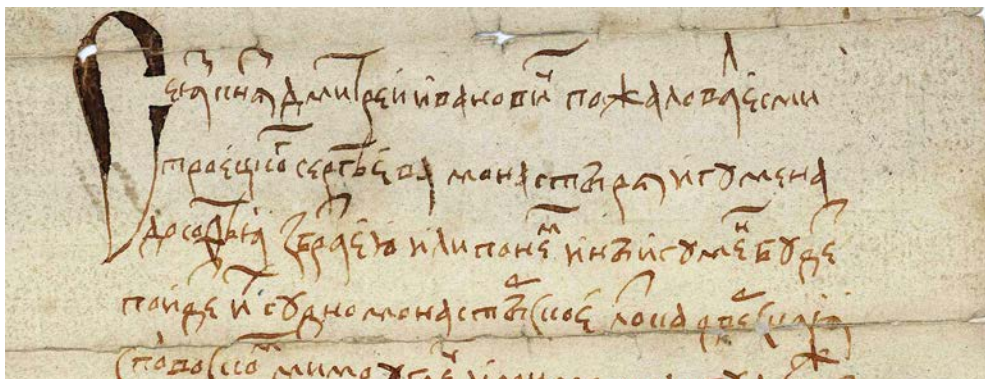


Почерк полуустав. Писал «Ивашко Выпусков» (ср. выше).

Категорически нельзя согласиться с тем, что пергаменная грамота написана той же рукой, что и первая данная: в актах представлены совершенно разные по типу почерки. Полагаю, так называемая вторая данная изготовлена уже в XVI в., и в ней присутствуют элементы стилизации почерка.

№ 12495 (Тверской у. 2). Жалованная проезжая грамота угличского кн. Дмитрия Ивановича иг. Троице-Сергиева м-ря Досифею.

1506 г. октября 1.¹²³



¹²² В публикации акт фигурирует как подлинник, и отмечается, что пергамен жесткий, плохо выделанный (см.: АСЭИ. Т. 1. № 71). А. В. Антонов также считает пергаменную данную подлинником (см.: Описание ГКЭ. 3. № 120476).

¹²³ См.: АРГ. № 22.

ВЗ нет. Ширина понтюзо 24, 25 мм.

Почерк беглый полуустав.

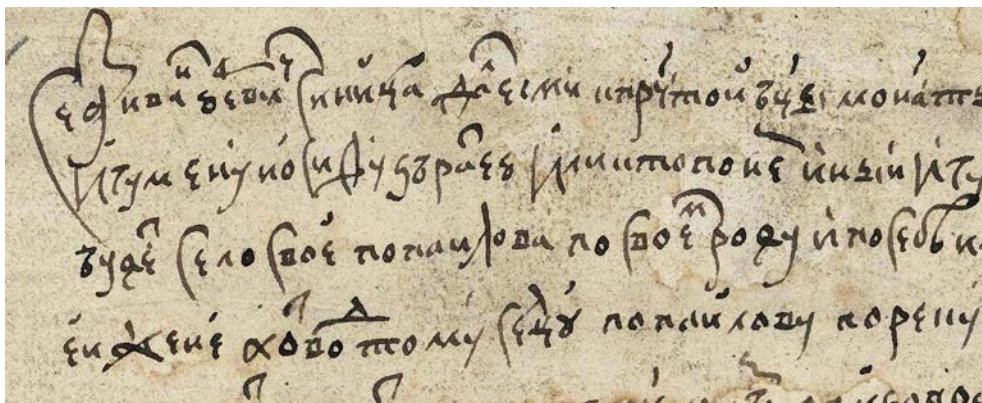
№ 12496 (Тверской у. 3). Данная (первая) с отводом Ивана Юрьевича Синеицы иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Иосифу.

1511/12 г. = Втор. четв. XVII в.

ВЗ. Кувшин двуручный (ниж. часть) — т. б. Кувшин XVII в. 506 — 1632–1637 гг.¹²⁴ Ширина понтюзо 22 мм.

Почерк беглый полуустав. Писал «Васюк Савин сын Степанов внук Родивонова» (этим же почерком написан № 12498).

Полагаю, текст и два рукоприкладства на обороте написаны одним почерком, а в оформлении грамоты явно присутствуют элементы стилизации.

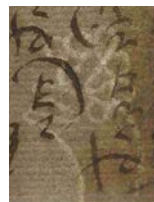


№ 12497 (Тверской у. 4). Грамотка старицы Варсонофьи, вдовы Андрея Федоровича Челядинина, иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Даниилу.

1516 г. февраля 1.

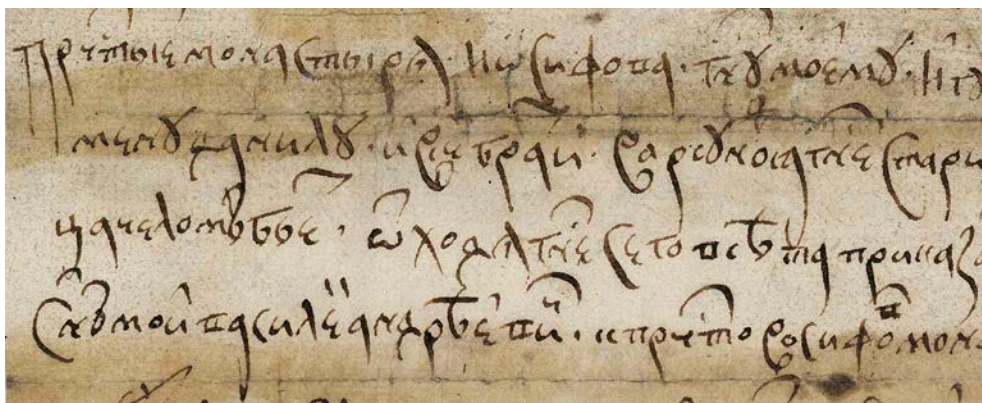
ВЗ. Змея (голова) — наиболее близкий тип Брике 13795 — 1514–1539 гг.; Лихачев 1646 — 1537 г.¹²⁵ Ширина понтюзо 29 мм.

Почерк полуустав с элементами беглости.



¹²⁴ В издании наличие филиграни не отмечено, акт фигурирует как подлинник (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 51). Этому же мнения придерживается и А. В. Антонов (см.: Описание ГКЭ. 3. № 12496). Вторая данная И. Ю. Синеицы, хранившая под шифром ф. 281, № 12494 (Тверской у. 1), утрачена (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 52; Описание ГКЭ. 3. № 12494).

¹²⁵ В публикации отмечено, что водяной знак почти не виден (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 70).

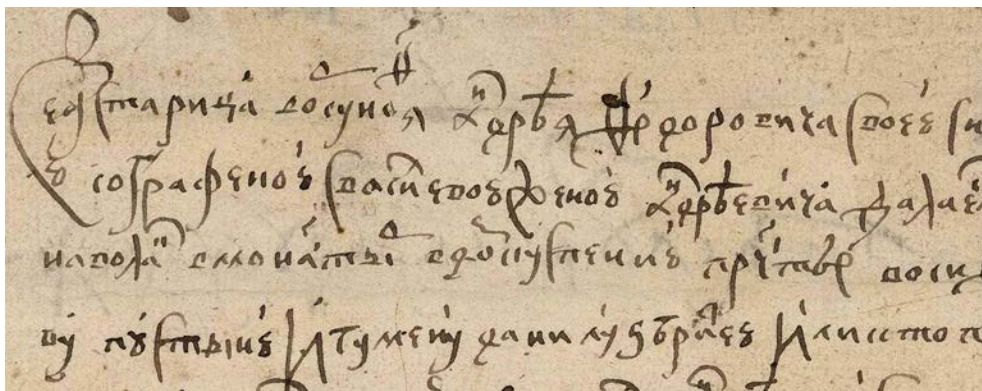


№ 12498 (Тверской у. 5). Данная старицы Варсонофии, вдовы Андрея Федоровича Челядина, со снохой Аграфеной иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Даниилу.

1515/16 г. = Перв. треть XVII в.¹²⁶

ВЗ нет. Ширина понтюзо 22, 23 мм.

Почерк беглый полуустав. Писал подьячий Гридя Федоров (этим же почерком написан № 12496).



В тексте упоминаются два послуха — дьяки великого князя Сумарок и Меншик Путятины. На обороте два рукоприкладства.

Грамота написана на бумаге низкого качества крайне небрежно, с исправлениями: патроним одного из послухов написан по соскобленному, далее зачеркнуты слова «а на то послуси». Такие ошибки, скорее, могли возникнуть при невнимательном копировании, чем при написании. Почерк акта нельзя датировать 1515/16 г.: он относится к более позднему времени и отождествляется с почерком № 12496. Рукоприкладства на обороте выполнены небрежно (одной рукой?),

¹²⁶ В литературе акт фигурирует как подлинник (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 65; Описание ГКЭ. 3. № 12498).

и почерки не имеют ничего общего с рукоприкладствами Сумарока и Меншика Путятиных на подлинной данной старицы Варсонофии Троице-Сергиеву м-рю (Ф. 281, № 3737).¹²⁷ И, наконец, в тексте явно видны пробелы между словами, которых в подлинных документах перв. четв. XVI в. нет. Все это свидетельствует о том, что № 12498 является более поздним списком, который можно датировать так же, как и № 12496.

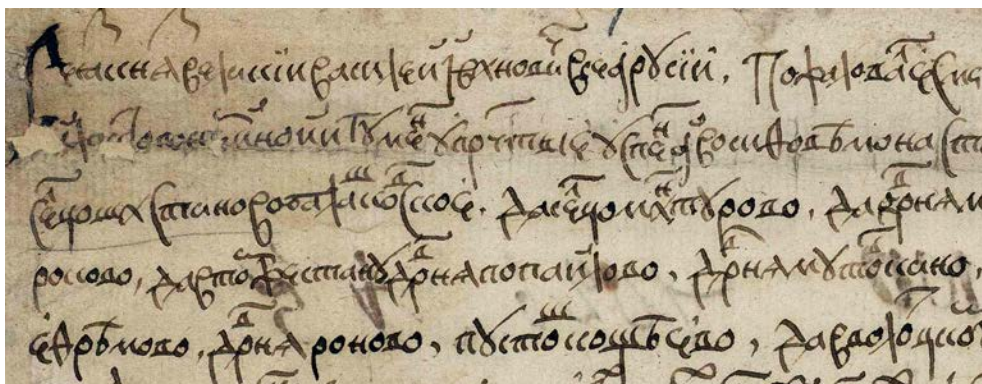
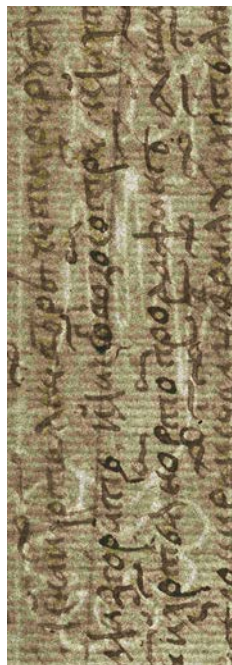
№ 12499 (Тверской у. 6). Жалованная тарханно-несудимая и заповедная грамота вел. кн. Василия Ивановича иг. Иосифо-Волоколамского м-ря Даниилу.

1517 г. декабря 18 = Сер. XVI в.

ВЗ. Рука с короной над пальцами — т. б. Брике 10959 — 1550–1554 гг.; другие наиболее близкие типы: Лихачев 1714 — 1546 г.; Брике 10912 — 1543 г.¹²⁸ Ширина понтюзо 25, 27 мм.

Почерк беглый полууустав.

Поскольку перед текстом указано: «Снимак з грамоты царя и государя великого князя», акт всегда считался списком. Надо отметить, что подтверждение от 20 января 1536 г. на обороте грамоты написано почерком основного текста, а подтверждение от 17 мая 1551 г. — другой рукой.



¹²⁷ Данная опубликована (см.: АРГ. № 132); об этой грамоте также см.: Мошкова. Статья пятая. С. 26–27.

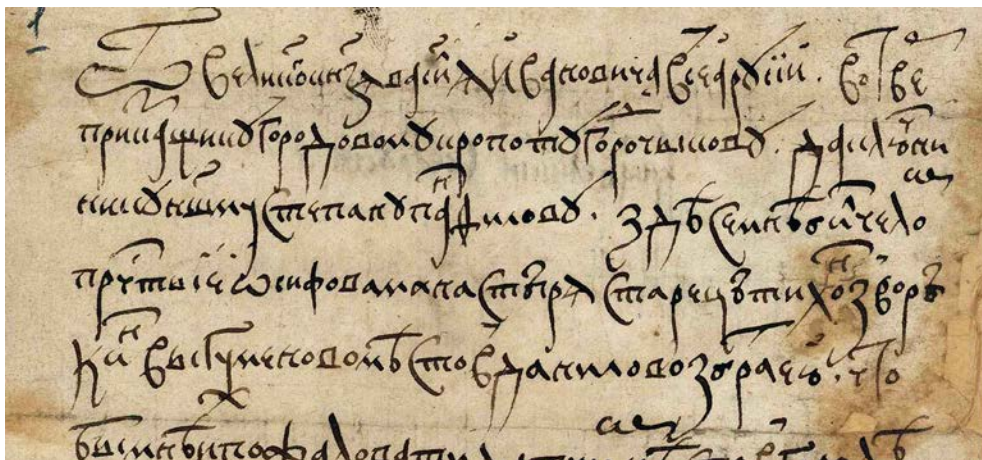
¹²⁸ Акт упоминается как список XVI в. (см.: АФЗХ. Ч. 2. № 79), А. В. Антонов датирует его 1550–1570-ми гг. (см.: Описание ГКЭ. 3. № 12499).

№ 12500 (Тверской у. 7). Указная с прочетом грамота вел. кн. Василия Ивановича тверскому городовому приказчику Кропоту Городчикову и ключнику Степану Панфилову.

1521 г. декабря 15.¹²⁹

ВЗ нет. Ширина понтюзо 20, 23 мм.

Почерк беглый полуустав.



* * *

Настоящая статья приурочена к юбилею Владислава Дмитриевича Назарова. На самом деле автор мог бы посвящать ему каждую свою работу, в которой рассматривает актовый материал, поскольку единственным поводом для этих занятий стала просьба юбиляра проверить филигрань одной из грамот, хранящихся в ф. 281.¹³⁰ Предполагали ли Владислав Дмитриевич, что его вопрос положит начало многолетним изысканиям? Вряд ли... Но он выступил в роли крестного отца, открыв для меня совершенно новый и крайне интересный пласт источников, за что не устаю его благодарить.

¹²⁹ См.: АФЗХ. Ч. 2. № 86.

¹³⁰ Выводы автора статьи в сокращенном виде вошли в: Назаров В. Д. Грамоты Нагих XVI столетия: Загадки и интерпретации // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. Материалы XXIV Международной научной конференции. М., 2012. С. 77–78.

Л. А. Тимошина

**ГРАМОТА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО
ПАТРИАРХА ТИМОФЕЯ II ИЕРУСАЛИМСКОМУ
ПАТРИАРХУ ФЕОФАНУ III (АПРЕЛЬ 1618 г.)**

Одним из важных событий религиозной жизни первой четверти XVII в., постоянно привлекающим внимание исследователей разных стран, является так называемое восстановление православной иерархии в Киевской митрополии в 1620–1621 годах, самым тесным образом связанное с пребыванием и деятельностью в этот период иерусалимского патриарха Феофана III Каракалла на землях Польско-Литовского государства. Юридическим основанием правомерности архиерейского служения иерусалимского владыки на территории чужой, находившейся в ведении константинопольской кафедры епархии явилась, по мнению некоторых, но не большинства исследователей, выданная Феофану III от имени константинопольского патриарха Тимофея II Мармариноса грамота, датированная апрелем 1618 г., в соответствии с которой иерусалимскому владыке было делегировано право вести «церковные священнодействия» и «архипастырские дела» «в наших», то есть находящихся в юрисдикции константинопольской кафедры, «епархиях».

Оригинал грамоты Тимофея II не сохранился или до настоящего времени не обнаружен, а текст документа известен по двуязычной, на греческом и польском языках, публикации в изданном в 1621 г. Виленским православным братством полемическом сочинении «*Verificatia niewinności...*», написанном, как полагают многие, Мелетием Смотрицким, известным церковным и общественным деятелем, одним из образованнейших людей своего времени, хорошо знавшим греческий язык.¹ Действительно, этот славящийся своей ученостью чело-

¹ См., например: *Короткий В. Г.* Мелетий // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 346–350; *Галинская И. Л.* Труды и дни Мелетия Смотрицкого //

век приехал в Киев около 15 августа 1620 г. и, задержавшись там до ноября, мог узнать о грамоте Тимофея II непосредственно от находившегося в городе уже несколько месяцев иерусалимского патриарха, тем более, что Феофан III рукоположил Мелетия, присланного к нему «на поклон» епископом Владимирским и Брестским Леонтием в качестве послушника, в епископа Полоцкого и Витебского, о чем сам новоявленный архиерей как будто разослал универсалы в Витебск, Мстислав и по другим, входившим в Полоцкую епархию, территориям.² Допустимо поэтому думать, что Смотрицкий, который лично встречался и, видимо, не один раз с иерусалимским патриархом, имел возможность без ошибок или с минимальным количеством оных скопировать предоставленный ему из первых рук документ, а затем опубликовать его. Впоследствии текст грамоты Тимофея II в составе указанного сочинения Мелетия Смотрицкого «*Verificatia niewinności...*» был воспроизведен в седьмом томе первой части «Архива Юго-Западной России», вышедшем в 1887 г.³

Столь очевидная вторичность имеющегося в распоряжении исследователей текста не вызвала у многих из них сомнений в существовании, вероятно, оставшегося у самого Феофана подлинника патриаршей грамоты, но из-за кажущегося отсутствия необходимых источников истории предпочитали не задумываться о конкретных мотивах, побудивших константинопольского патриарха выдать иерусалимскому первосвятителю такое разрешение именно в апреле 1618 г., и не обращать внимание на обстоятельства появления и бытования грамоты Тимофея II у Феофана III, а без выяснения этих вопросов понять значение документа для русско-греческо-украинских церковных связей того времени затруднительно. Поэтому стоит попытаться, используя другие, связанные с начавшимся в 1617 г. путешествием иерусалимского патриарха в Русское государство и продолжавшимся по территории Речи Посполитой, источники, определить причины возникновения этого документа, предварительно рассмотрев характеристику грамоты константинопольского патриарха в некоторых работах раз-

Культурология. 2001. № 2 (18). С. 209–212; Тимошенко Л. В. 1) Мелетий // ПЭ. Т. 44. М., 2016. С. 549–559; 2) Руська релігійна культура Вільна. Контекст доби. Осередки. Література та книжність (XVI — перша третина XVII ст.). Дрогобич, 2020. С. 374–376; и др. работы этого автора.

² См., например: Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 403–407.

³ АЮЗР. Ч. 1. Т. 7. Киев, 1887. С. 279–344 (грамота Тимофея II: Там же. С. 297–298). В написанном С. Т. Голубевым предисловии к тому указывается, что текст «*Verificatia niewinności...*» был напечатан по хранящемуся в Публичной библиотеке первому изданию сочинения Мелетия Смотрицкого (Голубев С. Предисловие // Там же. С. XV).

личных исследователей, не претендуя, разумеется, на сколько-нибудь полный анализ всей огромной историографии, связанной с поездкой Феофана III Каракалла в 1617–1621 годах в Россию и Речь Посполитую.

I

Впервые, насколько мы можем судить, в отечественной историографии о предоставлении Тимофеем II Феофану III полномочий на архiereйское служение в подведомственных константинопольской кафедре епархиях написал А. Н. Муравьев, отметивший, что иерусалимский патриарх «посетил Киев, древнюю мать православия, страдавшую безначалием церковным» и «...именем патриарха Константинопольского утвердил Богоявленское братство в Киеве ставропигиальным».⁴ Однако основанием для такого суждения автору обзорной работы послужил не документ апреля 1618 г., о существовании которого он, скорее всего, не знал, а грамота самого Феофана Иерусалимского от 26 мая 1620 г. о ставропигии Киевского Богоявленского братства. А. Н. Муравьев не указывает источник своих сведений об этом акте. Тем не менее, представляется вероятным, что таковым стала публикация этой грамоты в первой части обширного труда префекта Новгородской семинарии иеромонаха Амвросия.⁵ В тексте документа от 26 мая 1620 г. при обосновании прав патриарха Феофана на такое пожалование отмечено, что иерусалимский первосвященник получил их «властию и благодатью всесвятого и животворящего Духа, маючи зуполную моць и позволение от сполбрата и сослужителя смирения нашего кир Тимофея, вселенского патриарха Константинопольского, належного пастыря Руских земель и самое митрополии Киевской и Галицкой отца»,⁶ что, несомненно, свидетельствовало о наличии у Феофана к середине 20-х чисел мая 1620 г. некоего выданного от имени константинопольского патриарха разрешения.

Вопрос восстановления высшей православной иерархии в Киевской митрополии был затем рассмотрен М. Кояловичем в его обширном труде, посвященном литовской церковной унии. Отметив странное, по его мнению, обстоятельство — «Православные почти полгода держатся в стороне от Феофана, как бы чуждаются его, а польское правительство окружает его своим изысканным вниманием», автор иссле-

⁴ [Муравьев А. Н.] Сношения России с Востоком по делам церковным. Т. 1. СПб., 1838. С. 348.

⁵ Амвросий, иеромонах. История российской иерархии. Ч. 1. М., 1807. С. 463–468.

⁶ Там же. С. 466–467.

дования пишет, что «Феофан признан был действительным патриархом в Москве, при нем был экзарх константинопольского патриарха и от него (то есть константинопольского патриарха. — Л. Т.) грамоты».⁷ И в подтверждение своих слов не только сослался на грамоту Тимофея II апреля 1618 г., но и повторно воспроизвел ее перевод на польский язык, заимствуя, о чем свидетельствуют указания на листы в этом и других случаях печатного издания «*Verificatia niewinności...*» 1621 г., указанный вариант, как, по его словам, более доступный читающей публике, из первой публикации сочинения Мелетия Смотрицкого.⁸

Очень кратко о посвященных патриархом Феофаном во время его пребывания в Киеве в 1620 г. православных духовных лицах, не упоминая никаких подробностей и дат их поставления, писал П. А. Кулиш в исследовании о воссоединении южнорусских земель с Россией. Основной же занимавший автора книги вопрос состоял в том, кто был инициатором таких действий. Пытаясь найти ответ, П. А. Кулиш, в первую очередь, обратил внимание на религиозность запорожцев вообще, и Петра Конашевича Сагайдачного, в частности, и, характеризуя мировоззрение гетмана, отметил: «Что касается Сагайдачного, то нам трудно составить понятие о характере его христианского благочестия. Он, в качестве казака, провел всю свою жизнь молча, а церковные дела его незадолго до смерти объясняются влияниями неказачьими».⁹ А религиозное чувство самих казаков «удовлетворялось пожертвованием на церковь или монастырь», они были готовы разграбить имущества отступников от православия или «утопить в проруби униата, ... но дальше этих актов благочестия козаки не ходили»¹⁰ и, в целом, «не имели не только религиозной, но и политической тенденции», доказательством чему служило прибывшее в Москву в марте 1620 г., направленное от имени П. Сагайдачного посольство Петра Одинца с предложением перейти на службу к царю Михаилу Федоровичу и просьбой о жалованье.¹¹ Учитывая все эти обстоятельства и проведя аналогию между Брестской унией 1596 г., которая, по мнению П. А. Кулиша, «была делом решимости иезуитских патеров», и поставлением православных иереев Феофаном III, автор сочинения пришел к выводу, что и в 1620 г. человеком, в голове которого могла зародиться мысль о восстановлении православной иерархии, был отличавшийся ученостью Иов Борецкий, выбравший в архиереи подобных себе «тоже ученых и литературных людей» — Исаию Купинского,

⁷ Коялович М. Литовская церковная уния. Т. 2. СПб., 1861. С. 110.

⁸ Там же. С. 317–318

⁹ Кулиш П. А. История воссоединения Руси. Т. 2. СПб., 1874. С. 364.

¹⁰ Там же. С. 366.

¹¹ Там же. С. 376.

Мелетия Смотрицкого и других.¹² Ни о каком, требующемся иерусалимскому патриарху, разрешении на подобные деяния со стороны константинопольской кафедры, в виде общих слов о некоем, имеющемся у Феофана III документе или указания на конкретную грамоту, в работе П. А. Кулиша не говорилось. Понятно, что к началу 1870-х годов «*Verificatia niewinności...*» с текстом грамоты Тимофея II еще не была переиздана, а о хранящемся в Публичной библиотеке издании сочинения Мелетия Смотрицкого 1621 г. он, возможно, не знал. Другое дело, что более чем за два десятилетия до начала работы П. Н. Кулиша над своим трудом сотрудниками Киевской комиссии для разбора древних актов была еще раз издана вышеупомянутая грамота Феофана III от 26 мая 1620 г. Киевскому Богоявленскому братству с определенно читающимся там указанием на наличие у иерусалимского владыки предоставленных ему константинопольским патриархом полномочий.¹³ Предположить незнакомство П. Н. Кулиша с этой публикацией уже гораздо труднее, почему остается думать об отсутствии у автора книги интереса к канонической стороне восстановления православного епископата в Киевской митрополии.

Первое упоминание самой грамоты Тимофея II апреля 1618 г. содержится в многотомном сочинении митрополита Макария Булгакова. Перечисляя выданные иерусалимским патриархом в Киеве 17 и 26 мая 1620 г. всем «обывателям киевским», находившемуся в этом городе православному братству и новозаложенной братской церкви во имя Богоявления и Благовещения богородицы акты и указывая на правомерность действий иерусалимского патриарха, историк церкви обратился, как следует из соответствующей ссылки, непосредственно к изданию «*Verificatia niewinności...*» Мелетия Смотрицкого 1621 г., видимо, обретя эту книгу в Публичной библиотеке, и подчеркнул, что «...Феофан действительно имел грамоту от патриарха Тимофея, которою предоставлялось ему, Феофану, совершать всякие архиерейские священнодействия и распоряжения в епархиях, подведомых Царегородской кафедре, какие только посетит он во время путешествия».¹⁴

В вышедшем через несколько лет после сочинения митрополита Макария подробном, хорошо аргументированном, написанном на основании внимательного изучения большого количества источников исследовании С. Т. Голубева, посвященном истории Киевской духовной академии, автор, рассказывая о восстановлении «западно-русской иерар-

¹² Кулиш П. А. История воссоединения Руси. Т. 2. С. 379–384.

¹³ Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 2. Киев, 1846. Отд. 1. № 4.

¹⁴ Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Кн. 6. С. 401 и примеч. 187.

хии» и описывая главенствующую, по его мнению, роль, которую играло в этом процессе Киевское Богоявленское православное братство, кратко заметил, что «Феофан имел полномочие от константинопольского патриарха (в ведении которого находились западно-русские области)», и подчеркнул наличие у иерусалимского патриарха некоего разрешения Тимофея II.¹⁵ Тем не менее, для подтверждения своего суждения историк сослался на опубликованную в 1846 г. (издав текст этого документа уже в третий раз)¹⁶ все ту же грамоту патриарха Феофана Киевскому Богоявленскому братству от 26 мая 1620 г. о праве его прямого подчинения константинопольскому патриархату¹⁷ с читающимися там, также хорошо знакомыми еще по труду иеромонаха Амвросия, словами о «зуполной моци» и позволении «от сполбрата и сослужителя смирения нашего кир Тимофея, вселенского патриарха Константинопольского».¹⁸

¹⁵ Голубев С. История Киевской духовной академии. Вып. 1. Киев, 1886. С. 162.

¹⁶ Там же. Приложения. № 4. С. 12–15.

¹⁷ Там же. С. 162. Примеч. 1.

¹⁸ Сравнение всех опубликованных текстов показывает наличие у них, несмотря на некоторые разночтения — «моць» или «моць» у Амвросия и киевских археографов (в данной статье используется текст грамоты 26 мая 1620 г. по второму изданию публикации: Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 2. Киев, 1897. Отд. 2. № 4. С. 398–399), «моць» у С. Т. Голубева; «Руских земель» с заглавной буквой в первом слове и одной буквой «с» у Амвросия, «русских земель» без употребления заглавной буквы и с удвоением «с», «Русских земель» у С. Т. Голубева — общего протографа. В воспроизведенном в издании 1897 г. предисловии 1846 г. к подготовленным Киевской археографической комиссией материалам указано, что подлинники документов, связанных с Киевским Богоявленским братством, к числу которых относится и грамота 26 мая 1620 г., находившиеся непосредственно в монастыре, в результате войн и пожаров имевших место в XVII–XVIII вв. погибли. Однако киевский митрополит Гавриил в 1774 г. представил в Синод, то есть в Санкт-Петербург, «копии со всех актов, какие в тогдашнее время имела Киевская духовная академия. Из этих копий киевский митрополит Евгений составил сборник, хранящийся в библиотеке Киевской духовной академии», откуда и была заимствована большая часть опубликованных актов (Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 2. С. I). Очевидно, что «митрополит Евгений» — это известный историк церкви, археограф, библиограф Евгений Болховитинов, с 24 января 1822 г. ставший архиепископом Киевским, с 16 марта — митрополитом Киевским и Галицким и пребывавший на этом посту до своей смерти в феврале 1837 г. (Э. П. Р. Евгений // ПЭ. Т. 17. М., 2008. С. 63–68). Следовательно, оказавшийся в Киеве сборник был создан в период 1822–1837 годов. Исходя из этих дат, можно думать, что работавший гораздо ранее и включивший в свой труд текст грамоты от 26 мая 1620 г. иеромонах Амвросий использовал находившиеся в Синоде копии киевского митрополита Гавриила. Допустимо поэтому полагать, что удвоенное «с», воспроизведенное в киевской публикации актов и у С. Т. Голубева, появилось именно в сборнике Евгения Болховитинова, а в копиях 1774 г. читалось более адекватное документам XVII в. «русских» с одной согласной. Что же касается употребления и прописной, и строчной букв при воспроизведении в различных публикациях

Такое использование С. Т. Голубевым только документа от 26 мая 1620 г., а не грамоты Тимофея II апреля 1618 г. кажется странным. Сам историк в своей вышедшей тремя годами ранее и также основанной на большом количестве источников работе, посвященной митрополиту Петру Могиле, не только подробно изложил биографию Мелетия Смотрицкого, но и проанализировал причины появления и содержание того самого сочинения, «*Verificatia niewinności...*», где был помещен текст послания константинопольского владыки.¹⁹ Трудно сказать, почему так получилось. Допустимо, конечно, предположить, что С. Т. Голубев, готовя свою, увидевшую свет в 1886 г. книгу, не успел ознакомиться с появившимся тремя годами ранее, в 1883 г., соответствующим томом «Истории Русской церкви» митрополита Макария, где были указаны содержавшие греческий и польский тексты грамоты апреля 1618 г. страницы «*Verificatia niewinności...*», а сам занимавшийся изучением киевских духовных организаций историк просто не обратил на грамоту внимание, возможно, из-за отсутствия в документе каких-либо конкретных упоминаний Киевской митрополии или находившихся на ее территории церковных структур.

Довольно подробно обстоятельства, предшествующие восстановлению православной иерархии в Киевской митрополии, были рассмотрены П. Н. Жуковичем в середине — второй половине 1900-х годов. Церковный историк задался вопросом о событиях «тогдашней западно-русской жизни вообще», справедливо полагая, что именно «в них заключается объяснение этого факта (восстановления иерархии. — Л. Т.), — самой возможности его в тот исторический момент».²⁰ Первым в ряду таковых, по мнению П. Н. Жуковича, явилось положение запорожского казачества после заключения в декабре 1618 г. Деулинского перемирия. Несмотря на то, что предводитель войска Петр Конашевич Сагайдачный удостоился королевского универсала от 23 июля 1619 г., где Сигизмунд III благодарил его за участие в московском походе и брал под свою защиту гетмана, его жену и потомство после смерти Сагайдачного, само участие запорожских казаков в военных дейст-

этого, относящегося к государственному образованию определения, то следует, видимо, говорить или об особенностях трактовки термина проживавшими в различных городах и, возможно, имевшими различные общественно-политические убеждения археографами, или просто об уровне их профессиональной подготовки и грамматических знаниях.

¹⁹ Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (опыт исторического исследования). Т. 1. Киев, 1883. С. 92–109.

²⁰ Жукович П. Н. Исторические обстоятельства, предшествовавшие восстановлению патриархом Феофаном западно-русской церковной иерархии // ХЧ. 1905. № 5. С. 634.

виях на варшавском сейме 1619 г. замалчивалось, а обещанное им вознаграждение выплачено не было. Не вполне отвечал желаниям запорожцев и подписанный Сагайдачным в октябре 1619 г. с польскими властями Раставицкий договор, определявший место проживания, численность, величину годового жалованья казаков и другие вопросы их повседневной жизни.²¹ Перед Сигизмундом же стоял вопрос о военной помощи императору Фердинанду в его борьбе со своими политическими противниками, и польский король стремился воспользоваться помощью запорожского войска, с одной стороны, а с другой — избавиться от «лисовчиков», то есть отрядов литовско-польских добровольцев, находившихся в Смуту под командованием А. Лисовского, но сохранивших свое военное устройство и после смерти предводителя в 1616 г., отправив их на имперскую службу.²²

Следствием сложившегося, затруднительного для казаков положения, а отнюдь не отсутствием у них «политической тенденции», явно намекая этими словами на позицию П. А. Кулиша,²³ явилось, по мнению П. Н. Жуковича, обращение гетмана П. Конашевича Сагайдачного к царю Михаилу Федоровичу с предложением службы запорожского казачества русскому монарху и отправление в Москву делегации в составе 15 человек во главе с атаманом Петром Одинцом, которая в январе 1620 г. была в Путивле, а 26 февраля этого года состоялся ее официальный прием думным дьяком И. Грамотиным и дьяком С. Раманчуковым.²⁴

При описании всех этих зимне-весенних событий 1620 г. П. Н. Жукович подчеркивает, что «посольство Петра Одинца в Москву не было вызвано религиозными причинами», хотя «кое-где религиозные мотивы» можно «подметить».²⁵ Основания для такого утверждения иссле-

²¹ Жукович П. Н. Исторические обстоятельства... // ХЧ. 1905. № 5. С. 634–643.

²² Там же. С. 644–657. О «лисовчиках» подробнее см., например: Зорин А. В. Лисовчики: Александр Юзеф Лисовский и его полк в истории Смутного времени. М., 2017.

²³ Не исключено, что вообще все пространное повествование П. Н. Жуковича о положении запорожцев представляло собой скрытую полемику с П. А. Кулишем и его отрицательной, в целом, характеристикой казаков и казачьих движений. Показательно, что в своей работе П. Н. Жукович вообще ни разу не упомянул указанную книгу П. А. Кулиша, сославшись, и то всего один раз, только на подготовленный им сборник материалов «для истории воссоединения Руси» (Жукович П. Н. Исторические обстоятельства, предшествовавшие восстановлению патриархом Феофаном западно-русской церковной иерархии // ХЧ. 1905. № 6. С. 756, примеч. 42).

²⁴ Жукович П. Н. Исторические обстоятельства... // ХЧ. 1905. № 6. Июнь. С. 755–757.

²⁵ Там же. С. 757. О том, что целью приезда П. Одинца с товарищами в Москву было только стремление выразить «полную готовность со стороны гетмана служить московскому царю», писал десятью годами ранее Д. И. Яворницкий (Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. М., 2017. С. 193–194 (первое издание: СПб., 1895)).

дователь находил в тексте «Протестации» киевского митрополита Иова Борецкого и других православных иерархов от 28 апреля 1621 г.²⁶ П. Н. Жукович процитировал довольно большой фрагмент из этого сочинения с весьма положительной, опять-таки стремясь, как представляется, опровергнуть суждения П. А. Кулиша, «религиозно-нравственной характеристикой» запорожских казаков и, основываясь на заявлении Иова Борецкого о якобы одновременном пребывании в Москве иерусалимского патриарха и казаков, высказал следующую мысль: «Протестация митр. Иова Борецкого и других православных иерархов, из которой мы только что привели в извлечении религиозную характеристику запорожского казачества, представляет несколько новых данных, позволяющих сделать предположение о существовании предварительных (до прибытия в южную Русь) сношений этого казачества с иерусалимским патриархом Феофаном».²⁷

Повествуя далее об условиях пребывания патриарха Феофана в Киеве в доме Богоявленского братства (на Подоле), П. Н. Жукович отмечает: «Хотя от польского правительства им не испрошено было особого разрешения на те или иные церковно-иерархические действия, он однако же считал вправе к ним приступить, официально известивши короля о своем прибытии в Киев и имея на них полномочия от константинопольского патриарха. Патриарх не только лично посещал церкви и монастыри в Киеве и окрестных местах, но и особыми благословенными грамотами утверждал существование православных братств, давая им права патриарших ставропигий».²⁸ Иными словами, П. Н. Жукович видел подтверждение легитимности действий иерусалимского патриарха на подведомственных в каноническом отношении константинопольской кафедре польско-литовских землях с православным населением в двух обстоятельствах: уведомлении Сигизмунда III о приезде Феофана III на территорию Речи Посполитой и наличии у этого последнего обозначенных в самой общей форме полномочий от константинопольского патриарха. Тем не менее, никаких ссылок на ту или иную публикацию греческого и польского вариантов текста

²⁶ Жукович П. Н. Исторические обстоятельства... // ХЧ. 1905. № 6. С. 758–759. К моменту выхода статьи текст этого, хранившегося в то время в архиве Синода, документа еще только готовился П. Н. Жуковичем к изданию и был опубликован в 1910 г.: Жукович П. Протестация митрополита Иова Борецкого и других западно-русских иерархов. СПб., 1909 (= Статьи по славяноведению. Вып. 3. СПб., 1910. С. 135–153).

²⁷ Жукович П. Н. Исторические обстоятельства... // ХЧ. 1905. № 6. С. 759. Об ошибочности этого мнения исследователя см.: Тимошина Л. А. Историографические мифы об иерусалимском патриархе Феофане III // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 35. М.; СПб., 2021. С. 57–69.

²⁸ Жукович П. Н. Исторические обстоятельства... // ХЧ. 1905. № 6. С. 762.

грамоты Тимофея II апреля 1618 г. в работе П. Н. Жуковича нет. То ли историк церкви действительно не знал о существовании этого источника, что представляется маловероятным,²⁹ то ли по не сообщенной читателям причине относился к указанному документу с недоверием, остается непонятным. Однако, ссылаясь на «Протестацию» Иова Борецкого, П. Н. Жукович утверждал, что Феофан III имел верительные грамоты от константинопольского, александрийского и антиохийского патриархов.³⁰

Откровенным заимствованием части работы предшественника явилась вышедшая через четыре месяца после публикации исследования П. Н. Жуковича статья П. Орловского, посвященная участию запорожцев в восстановлении православной иерархии патриархом Феофаном.³¹ Озаботившись все той же «религиозно-нравственной характеристикой» казаков, П. Орловский привел со ссылкой на номер хранения рукописи в архиве Синода фрагмент текста «Протестации», полностью повторяющий процитированное ранее и также с указанием архивного шифра П. Н. Жуковичем, и пришел к выводу: «Протестация митрополита Иова Борецкого и других православных иерархов, из которой мы привели в извлечении религиозную характеристику запорожцев, представляет несколько данных, позволяющих сделать предположение о существовании предварительных (до прибытия в южную Русь) сношений запорожцев с иерусалимским патриархом Феофаном».³² Сравнив сказанное с приведенной выше цитатой из статьи П. Н. Жуковича, нетрудно заметить не только тождество смысла высказываний двух авторов, но и почти полное текстуальное совпадение обоих фрагментов. Очень немногочисленные отличия состоят в раскрытии П. Орловским имеющегося у П. Н. Жуковича сокращения «митр.», замене выражения «запорожское казачество» или слова «казачество» на «запорожцев» и исключения слов «только что» и «новых» в выражении «новых данных». Конечно, такие ухищрения, особенно последняя уловка, формально отводят от П. Орловского обвинения в плагиате и приписывании себе чужих заслуг при использовании полемиического

²⁹ В другом месте своей работы П. Н. Жукович упоминает о вышедшем в Вильно в 1621 г. полемическом сочинении «*Verificatia niewinności...*» и его авторе Мелетии Смотрицком, используя повторную публикацию текста в седьмом томе первой части «Архива Юго-Западной России» (*Жукович П. Н. Исторические обстоятельства... // ХЧ. 1905. № 6. С. 775 и примеч. 74).*

³⁰ *Жукович П. Н. Исторические обстоятельства... // ХЧ. 1905. № 6. С. 762, примеч. 50.*

³¹ *Орловский П. Участие запорожских казаков в восстановлении (иерусалимским патриархом Феофаном) православной южно-русской церковной иерархии в 1620 году // Киевская старина. 1905. Т. 91. Октябрь. С. 133–141.*

³² Там же. С. 135.

сочинения киевского митрополита и других иереев. Тем не менее, отсутствие в помещенном в «Киевской старине» опусе не только требовавшихся бы, казалось, ссылок на статью П. Н. Жуковича, но и простого, в любой форме, упоминания серьезного исследования предшественника позволяет говорить об очевидной несамостоятельности работы П. Орловского. Поэтому не должно вызывать особого удивления уже знакомое по исследованию П. Н. Жуковича, высказанное также в самой общей форме, без упоминания грамоты апреля 1618 г., суждение П. Орловского о юридической основе действий патриарха Феофана на территории Киевской митрополии: «Хотя от польского правительства ему не выдано было разрешения на церковно-иерархические действия, однако же он, на основании своих полномочий от цареградского патриарха считал себя вправе не только посещать церкви и монастыри в Киеве и окрестных местах, но особыми благословенными грамотами утверждал существование православных братств, давая им права патриарших ставропигий».³³

М. С. Грушевский, характеризуя, по его собственному выражению, «статейку» П. Орловского, отметил, что она мало что дает по сравнению с недавно открытой «Протестацией» Иова Борецкого,³⁴ текст которой будет вскоре опубликован с предисловием профессора Жуковича. Оценка работы П. Орловского, на наш взгляд, крайне неточна. Речь идет не о совпадении содержания более ранней статьи с появившимся позднее источником, а о беззастенчивом повторении (фактическом плагиате) П. Орловским некоторых фрагментов из исследования П. Н. Жуковича.

Что же касается самого М. С. Грушевского, то в вышедшей в 1909 г. и охватывавшей период до 1625 г. части своей многотомной работы, историк, рассматривая поставление митрополита и православных епископов во время пребывания Феофана Иерусалимского на польско-литовских землях и указывая на основные, заинтересованные в подобных действиях восточного иерарха силы — киевское духовенство, в особенности, представителей местного православного братства, и запорожское казачество,³⁵ заметил, что Феофан «взял» (при дословном

³³ Орловский П. Участие запорожских казаков... С. 136.

³⁴ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 7. Київ, 1995. С. 587 (репринт издания: Київ-Львів, 1909. Ссылка на только еще предстоящее издание П. Н. Жуковичем «Протестации» Иова Борецкого не должно удивлять, так как публикация источника и указанный том сочинения по истории Украины и России вышли в одном и том же, 1909, году. Вероятно, М. С. Грушевский, когда писал эти слова, еще не успел ознакомиться с уже опубликованным текстом «Протестации», хотя, видимо, от самого П. Н. Жуковича знал о завершении археографической работы.

³⁵ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 7. С. 432.

переводе употребленного М. С. Грушевским слова) от царьградского патриарха полную власть для отправления различных церковных действий в его (то есть константинопольского патриарха. — Л. Т.) киевском диоцезе.³⁶ Анализ этого краткого, но весьма любопытного по своему содержанию высказывания историка позволяет обратить внимание на некоторые важные моменты.

Во-первых, М. С. Грушевский, как ранее П. Н. Жукович, не говорит об источнике своих сведений и не указывает на наличие официального документа с предоставлением Феофану Иерусалимскому соответствующих полномочий, несмотря на то, что, подобно предшественнику, он также постоянно использовал в своем труде «*Verificatia niewinności...*» Мелетия Смотрицкого по публикации текста полемического сочинения в седьмом томе первой части «АЮЗР», причем дважды ссылался на страницы этого издания чуть ниже приведенного высказывания о полномочиях Феофана Иерусалимского.³⁷ Следовательно, не зная о существовании грамоты константинопольского патриарха Тимофея II апреля 1618 г. он, судя по всему, не мог. Вместе с тем, использованный М. С. Грушевским термин «повновласть» отсылает читателей, как представляется, к упоминавшемуся выше тексту грамоты патриарха Феофана Киевскому Богоявленскому братству от 26 мая 1620 г. с читающимся там выражением «зуполная моць», что показывает знакомство историка с этим документом и позволяет думать, что М. С. Грушевский, сославшись на более поздний и вторичный акт, действительно не посчитал необходимым сказать о «константинопольской» грамоте.

Во-вторых, исходя из семантики употребленных М. С. Грушевским лексических единиц, активной стороной, которой принадлежала инициатива получения разрешения на «архиерейское служение», предстает иерусалимский патриарх Феофан, «взявший» у константинопольского владыки полную власть и, тем самым, как будто имевший уже в первой половине 1618 г. далеко идущие планы, при том, что причины выдачи константинопольским патриархом подобного разрешения Феофану III в труде М. С. Грушевского не рассматривались.

Казалось бы, можно говорить о не совсем удачном выборе историком отдельных слов, однако такой оценке высказывания М. С. Грушевского мешает третье обстоятельство. Вопреки опубликованному на двух, греческом и польском, языках тексту грамоты Тимофея II апреля 1618 г. с самым общим, без какой-либо географической кон-

³⁶ «Теофан узав від царгородського патріарха повновласть на всякі церковні функції в його кийвській дієцезії» (*Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 7. С. 434*).

³⁷ Там же. Примеч. 3 и 5.

кретизации, разрешением иерусалимскому патриарху на архиерейское служение в константинопольской епархии М. С. Грушевский пишет о совершенно конкретном «киевском диоцезе», то есть о вполне определенной церковной структуре. Допустимо поэтому думать, что речь шла не о случайной оговорке или описке историка, а о сознательной, тенденциозной трактовке источника для создания у читателя впечатления о санкционированной константинопольским патриархом целенаправленной деятельности иерусалимского патриарха Феофана III, касающейся церковных дел именно на территории Киевской митрополии. Понятно, что в таком случае ссылка на «константинопольскую» грамоту, дающая возможность читателю убедиться в самом общем характере предоставленных Феофану III полномочий, была бы неудобна.

Кстати, допустимо предположить, что представленной в томе умозрительной конструкции мешала и датировка грамоты Тимофея II апрелем 1618 г., заставляющая допустить возникновение этого документа почти за два года до появления иерусалимского патриарха в Киеве, когда при существовании, разумеется, общего недовольства религиозной политикой униатского духовенства среди сторонников православия, никаких особых планов скорейшего восстановления православной церковной иерархии ни у каких заинтересованных в подобном мероприятии слоев, будь то представители братств на польско-литовских землях или запорожские казаки, не существовало, по крайней мере, М. С. Грушевский о подобных намерениях ничего не сообщает. Поэтому историку надо было бы или доказывать ошибочность указанной в «*Verificatia niewinności...*» даты, что потребовало бы от него значительных источниковедческих усилий без всякой уверенности в итоге изысканий, или просто, во избежание возникновения у читателей излишних вопросов, не ссылаться на этот документ, просто указав на «повновласть» Феофана Иерусалимского. Не стоит, к тому же, забывать, что отсылка на текст грамоты апреля 1628 г. нет и в хорошо известной М. С. Грушевскому и постоянно используемой им работе П. Н. Жуковича. Что же касается трудов М. Кояловича и митрополита Макария, где грамота Тимофея II упоминалась, то следов их использования у М. С. Грушевского, по крайней мере, в этой части его исследования, не имеется.

Через несколько лет после появления работ П. Н. Жуковича и М. С. Грушевского грамота константинопольского патриарха Тимофея II апреля 1618 г., разрешавшая иерусалимскому патриарху Феофану «отправлять все архиерейские дела» (*sprawy*) в подчиненных константинопольскому патриарху епархиях, с указанием, что этот документ на греческом и польском языках был помещен в «*Verificatia niewinności...*», оказалась упомянутой в книге П. Подвысоцкого,

посвященной появлявшимся в 1620-х годах полемическим сочинениям, связанным с историей восстановления православной иерархии в Киевской митрополии.³⁸ Помимо достаточно точной оценки содержания грамоты, в труде этого автора имеется еще ряд справедливых утверждений, относящихся к патриарху Феофану, которые отсутствуют в работах двух названных выше историков. В частности, со ссылкой на обзорную работу А. Н. Муравьева, упоминается предыдущий приезд этого духовного лица, в то время еще архимандрита, в 1603 г. к царю Борису Годунову с грамотой от тогдашнего иерусалимского патриарха Софрония или отмечается появление Феофана III в Москве уже в апреле 1619 г.³⁹ Однако большая часть рассуждений П. Подвысоцкого, связанных с обстоятельствами появления «константинопольской» грамоты, содержит столько фактических ошибок и хронологических несуразностей, что имеет смысл воспроизвести написанное им полностью, чтобы читатель имел возможность убедиться в справедливости следующих за этим высказыванием замечаний: «Еще до прибытия своего в пределы Западной Руси патриарх Феофан был знаком с некоторыми членами Западно-русской православной церкви, именно — запорожскими казаками, так как еще по дороге в Москву он, по причине войны России с Польшей, был задержан в Туле, где тогда находилось польское войско, а в числе его и запорожские казаки, и пробыл здесь более года. Несомненно, здесь же, в пределах Московского государства, патриарх Феофан узнал о состоянии западно-русской православной церкви, по всей вероятности, от гетмана запорожских казаков Петра Конашевича Сагайдачного, весьма преданного интересам своей церкви, и обещал казакам на обратном пути из Москвы заехать в Западную Русь и помочь их бедственному положению. С этой целью патриарх Феофан выхлопотал себе у константинопольского патриарха Тимофея грамоту, разрешавшую ему» архиерейское служение.⁴⁰

Разумеется, говорить о нахождении польского войска летом-зимой 1618 г. в Туле, где осенью-зимой этого же года действительно довольно долго жил патриарх Феофан, не приходится, так как король Владислав со своими вооруженными людьми во время разрушительного похода на русские земли в 1618 г. в этом городе не был. Столь же фантастично и предположение не только о возможной встрече, но и, видимо, продолжительных беседах главы одной из восточных

³⁸ *Подвысоцкий П.* Западно-русские полемические сочинения по вопросу о восстановлении православной иерархии в Западной Руси в 1620 году. Могилев, 1915. С. 30, примеч. 16.

³⁹ Там же. Примеч. 13 и 14.

⁴⁰ Там же.

патриарших кафедр с гетманом запорожских казаков, набег которого — «Саадашново приход» — расценивался русскими людьми хуже вторжений татар и «воровских» людей, тем более, что непосредственно в Тулу ни П. Конашевич Сагайдачный, ни его войско также не заходили. Кроме того, в реалиях 1618 г. невозможно представить обсуждение вопросов веры восточным патриархом с активно участвовавшими в военных действиях на стороне католика, польского королевича Владислава, запорожцами и в любом другом месте. О недостоверности подобных построений, основанных на крайне субъективной и неточной трактовке источников, мы уже писали.⁴¹ Кроме того, даже оставляя в стороне вопрос, насколько сам П. Конашевич Сагайдачный, с весны 1618 г. находившийся в военном походе, был озабочен вопросом о восстановлении православной иерархии в Киевской митрополии и, сугубо гипотетически, принимая мнение П. Подвысоцкого о каких бы то ни было переговорах Феофана III с запорожскими казаками, по-прежнему невозможно обойти хронологическое противоречие: иерусалимский патриарх, узнав о «бедственном положении» православной церкви в «Западной Руси» лишь во время своего пребывания в Туле, то есть, в любом случае, во второй половине 1618 г., «выхлопотал» грамоту у константинопольского патриарха, датированную *апрелем* этого года.

Стоит, впрочем, отметить, что П. Подвысоцкий первым, насколько мы можем судить, среди историков, рассматривавших восстановление православного епископата, задался вопросом о месте получения Феофаном III грамоты константинопольского патриарха. По его мнению, это могло произойти или в Туле, куда документ доставил «находившийся в Западной Руси при патриархе Феофане Арсений „великий архимандрит Великия церкви и экзарх константинопольского патриарха“», или в Киеве, «так как здесь патриарх Феофан получал письма из Константинополя».⁴² Однако, обратив внимание на очень интересное и важное обстоятельство, связанное с историей бытования грамоты апреля 1618 г., П. Подвысоцкий, к сожалению, не привел никаких доказательств своих суждений, а высказанные им предположения или противоречат имеющимся документальным свидетельствам, или выглядят логически противоречивыми. Во-первых, Арсений, который на определенном этапе пребывания в Москве и во время поездки в Речь Посполитую действительно сопровождал иерусалимского владыку, отправившись из Константинополя вместе с послами П. Мансуровым и С. Самсоновым 9 сентября 1617 г. и на два года

⁴¹ Тимошина Л. А. Историографические мифы... С. 40–69.

⁴² Подвысоцкий П. Западно-русские полемические сочинения... С. 31, примеч. 16.

задержавшись в пути, появился в русской столице только 5 октября 1619 г.,⁴³ в то время как Феофан уже более полугодом проживал в Кремле. Получается, что сначала кто-то должен был доставить находившемуся на территории Крымского полуострова, затем в Азове и потом на землях донских казаков послание константинопольского патриарха архимандриту Арсению, а этот последний — передать документ в руки Феофана, но никак не в Туле, а уже в Москве. Во-вторых, если иерусалимский патриарх получил грамоту апреля 1618 г. в Киеве, то есть после второй половины марта 1620 г., то остается совершенным непонятным, где же на протяжении почти двух лет она «путешествовала».

В очередной раз грамота Тимофея II была упомянута К. Ходыницким в его объемном сочинении, посвященном истории православной церкви в Польше. Остроумно заметив, что дело восстановления православной иерархии на землях Польско-Литовского государства, «вероятно, не возникло как *Deus ex machine* 15 августа 1620 года»,⁴⁴ К. Ходыницкий написал со ссылкой на текст послания константинопольского патриарха по публикации в «АЮЗР»: «Во всяком случае, иерусалимский патриарх Феофан, отправившись из Константинополя в Москву, получил от царьградского патриарха Тимофея лист от 1 апреля 1618 года, в котором он наделял его властью, благословением и рукоположением в странах, через которые он будет проходить».⁴⁵ Непонятно, откуда польский историк взял указание на число, так как в «*Verificatia niewinności...*» таких сведений нет, а ни о каких

⁴³ О дате приезда П. Мансурова и С. Самсонова см.: *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 2. М., 2003. С. 342.

⁴⁴ «Cała ta sprawa nie powstała prawdopodobnie jak *Deus ex machine* w dniu 15 sierpnia 1620 r.» (*Chodynicki K.* Kościół Prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370–1632. Warszawa, 1934. S. 421). К 15 августа 1620 г., храмовому празднику Киево-Печерской лавры, в Киев собралось большое количество православных со всех польско-литовских земель, которые стали просить иерусалимского патриарха о поставлении православных митрополита и епископов (см., например: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 403). В комментарии к этому суждению историка церкви современный исследователь М. В. Дмитриев заметил: «Остается неясным, входило ли восстановление православной иерархии в первоначальные планы патр. Феофана или это решение было принято под давлением участников съезда, казаков и вообще православного населения и духовенства Украины и Белоруссии», так как «...источники, повествующие об этих событиях («*Verificatia niewinności...*» Мелетия Смотрицкого и «Протестация» Иова Борецкого. — *Л. Т.*), были созданы несколько позже» (Комментарии // *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 665. № 156).

⁴⁵ «W każdym razie patriarchy jerozolimski Teofan, wybierając się z Konstantynopola do Moskwy, otrzymał od patriarchy carogrodzkiego Tymoteusza, list z d. 1 kwietnia 1618 r., w którym nadał mu władzę, błogosławieństwo i wyświęcenie w krajach, przez które będzie przejeżdżał» (*Chodynicki K.* Kościół Prawosławny... S. 421).

других, позволяющих уточнить дату послания Тимофея II, источниках К. Ходыницкий не сказал. Можно, конечно, полагать, что за обозначение числа польский историк принял указание на индиктный счет, читающийся в конце документа «...ξρκς. Ινδικτίου α. μηνί ἀπριλλίφ» — «7126, Indicta 1, miesiąca Kwietnia».⁴⁶ Впрочем, само содержание грамоты передано им правильно. Не менее точно и сделанное К. Ходыницким указание на весьма важное, уже отмечавшееся митрополитом Макарием, обстоятельство, а именно тот факт, что «письмо патриарха не упоминает, о каких странах идет речь, а называются только в общих чертах митрополиты и другие священнослужители». Впрочем, далее следует ни на чем не основанный вывод: «...однако нет сомнений, что здесь речь должна идти и о Польше».⁴⁷

Трудно, в полной мере, согласиться и с изложением К. Ходыницким предыстории появления грамоты Тимофея II. Исследователь, выделяя те общественно-политические силы, которые были наиболее заинтересованы в восстановлении православной иерархии в Польско-Литовском государстве, включает в них три составляющие: 1) киевское православное духовенство; 2) греческий патриархат; 3) Москва, «для которой Польша была теперь самым грозным врагом».⁴⁸ Что же касается запорожского казачества, то К. Ходыницкий подчеркивает, во многом повторяя высказанные шесть десятилетиями ранее суждения П. А. Кулиша, что, во-первых, они «непосредственно ... не были заинтересованы в исправлении метрополии», во-вторых, они грабили имения епископов и топили наместников униатского митрополита, что и представлялось запорожцам как защита православной церкви, но в деле восстановления православной иерархии не они, «наверное, сыграли роль инициаторов».⁴⁹ «Сагайдачный, как до сих пор принимала вся историография, — продолжает польский историк, — или Бородавка, как это доказывает не совсем убедительно профессор Жукович, могли сыграть лишь вспомогательную роль».⁵⁰

⁴⁶ АЮЗР. Ч. 1. Т. 7. С. 298.

⁴⁷ «Pismo patryarchy nie wspomina wprawdzie zupełnie, o jakie kraje chodzi, a wymienia tylko ogólnikowo metropolitów i innych duchownych, jednakże nie ulega wątpliwości, że tu chodzić musi także i o Polskę (*Chodynicki K. Kościół Prawosławny... S. 421*).

⁴⁸ «...1) duchowni prawosawni w Kijowie; 2) patryarchat grecki; 3) Moskwa, dla której Polska była teraz najgroźniejszą nieprzyjaciółką» (*Chodynicki K. Kościół Prawosławny... S. 420*).

⁴⁹ «Grabié majątki biskupów, topic namiesników metropolity unickiego wimię obrony Kościoła prawosławnego — na to zawsze byli gotowi — ale w sprawie wskrzeszenia hierarchji nie oni chyba odegrali rolę inicjatorów» (*Chodynicki K. Kościół Prawosławny... S. 420*).

⁵⁰ «Sahajdaczny, jak dotychczas przyjmowała cała historjografja, czy Brodawka, jak tego dowodzi w niezupełnie przekonujący sposób prof. Zukowicz, mogli odegrać jedynie rolę pomocniczą» (*Chodynicki K. Kościół Prawosławny... S. 421*).

Решающим же, по мнению К. Ходыницкого, фактором были неизвестные переговоры между Константинополем, Москвой и Киевом, которые могли проходить не только в патриархате, но и при дворе султана.⁵¹

К сожалению, К. Ходыницкий не привел никаких документальных подтверждений или собственных логических рассуждений, свидетельствующих о намерении трех перечисленных сторон, вкупе с людьми турецкого правителя, провести такую встречу, видимо, исходя из даты грамоты и времени отъезда Феофана из Константинополя, в первой трети 1618 г.⁵² Помимо этого, автором книги по истории православной церкви в Речи Посполитой не указаны, хотя бы предположительно, и не объяснены причины, которые могли бы побудить представителей высшего константинопольского, киевского и московского духовенства вместе с турецкими светскими властями задуматься именно в этот момент о необходимости восстановления православного епископата на землях Польско-Литовского государства. Остается также не вполне понятным возможный состав участников такого «совещания»: если Константинополь мог быть представлен на этих «переговорах» патриархом Тимофеем II Мармариносом или его доверенными людьми, то совершенно неясно, кто мог бы участвовать со стороны Москвы и Киева: находившийся в Речи Посполитой и принявший унию Игнатий, на этот момент формально являвшийся московским патриархом? кто-то из проживавших в русской столице митрополитов или епископов, каким-то чудом попавший в Константинополь? киевский униатский митрополит Иосиф Рутский или, наоборот, кто-то из членов недавно (в 1615 г.) возникшего Киевского православного братства?

Все эти вопросы остаются без ответа, так как К. Ходыницкий, ограничившись самыми общими утверждениями, не проанализировал никаких особенностей религиозно-общественной жизни и борьбы сторонников православного вероисповедания в различных государствах,

⁵¹ «Decydującym czynnikiem były niesnane rokowania pomiędzy Konstantynopolem (nie tylko może w patryjarchacie, ale i na dworze sułtana), Moskwą a Kijowem» (*Chodynicki K. Kościół Prawosławny... S. 421*).

⁵² О возникшем в Константинополе именно в 1618 г. плане совместных действий греческого патриарха, Москвы и Османской империи, когда в Русское государство был послан «политический агент» — иерусалимский патриарх, за год до появления книги К. Ходыницкого, в 1933 г., писал другой польский историк, К. Томкевич (см.: *Апанович К. О. 1*) Иерусалимский патриарх Феофан и восстановление православной иерархии 1620 года в Речи Посполитой: религиозный и политический аспекты // Вестник Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2013. № 9. С. 59; 2) Киевская митрополия и восточные патриархи после Брестской унии (1596–1632 гг.). Минск, 2019. С. 125).

которые могли бы привести к выработке ими плана совместных действий.⁵³ Однако в дальнейшем утверждения польского исследователя о существовании созданного в Константинополе плана восстановления православной иерархии в Речи Посполитой и об активном участии в этих проектах Москвы, исходившей из собственных политических интересов, продолжали повторяться.

Так, немецкий историк Г. Херинг, вкратце касаясь поездки иерусалимского патриарха в Русское государство и Речь Посполитую, отметил, что первоначально Феофан III вряд ли руководствовался политическими соображениями, так как существовавший, по мнению исследователя, план соответствовал естественной и предсказуемой реакции православной церкви, которая хотела вернуть свои бывшие приходы и их зарегистрированную собственность во владение православных же епископов, а также лишить украинцев духовного влияния Римской церкви.⁵⁴ Однако затем, со ссылками на работу К. Ходыницкого, повторив совершенно ошибочное утверждение предшественника об участии Феофана III в переговорах в Деулино,⁵⁵ Г. Херинг утверждал, также не приводя никаких доказательств, что иерусалимский патриарх всячески демонстрировал свою заинтересованность в происходящих политических событиях («...und auf Weise sein Interesse an den politischen Vorgängen bekunder hatte»), чем не преминули воспользоваться «москвичи».⁵⁶ И далее исследователь отметил, что, если не считать конфессиональной солидарности, которая могла побудить царя Михаила Федоровича и его отца поддерживать своих православных братьев по вере, то усилий по восстановлению православия в Польше требовали и общие политические интересы Москвы. В результате, под влиянием планов и замыслов своих «московских хозяев» («Moskauer Gastgeber») патриарх Феофан стал предпринимать необходимые действия и не мог больше отделять церковную сферу своей деятельности от политических соображений.⁵⁷ О грамоте Тимофея II в книге немецкого исследователя не упоминается.

⁵³ Отсутствие в работе К. Ходыницкого ссылок на источники и недоказанность целого ряда положений, связанных с вопросом о восстановлении православной иерархии и ролью в этом процессе Феофана Иерусалимского, уже отмечались в литературе (см., например: *Аланович К. О.* 1) Иерусалимский патриарх Феофан... С. 60; 2) Киевская митрополия... С. 126–127).

⁵⁴ *Hering G. Ökumenisches Patriarchat und europäische Politik 1620–1638.* Wiesbaden, 1968. S. 31.

⁵⁵ Подробнее о возникновении высказываемого не только К. Ходыницким, но и другими исследователями ошибочного мнения об участии иерусалимского патриарха в русско-польских переговорах см.: *Тимошина Л. А.* Историографические мифы... С. 43–52.

⁵⁶ *Hering G. Ökumenisches Patriarchat...* S. 31–32.

⁵⁷ *Ibid.* S. 32.

Современный польский историк церкви А. Миронович подчеркнул, так же как К. Ходыницкий и Г. Херинг не утруждая себя доказательствами, что «православные Речи Посполитой вели переговоры не только с патриархом (имеется в виду константинопольский патриарх Тимофей II. — Л. Т.), но и с султаном».⁵⁸ Когда же сам константинопольский владыка «из-за польско-турецкого конфликта не мог отправиться в Киев и рукоположить новых епископов», то заинтересованные стороны стали искать удобный случай, каковой и представился при поездке в Москву иерусалимского патриарха. «Визит патриарха Феофана, — продолжал исследователь, — готовился несколько лет. Глава Иерусалимской церкви получил от вселенского патриарха Тимофея (1612–1621⁵⁹) письмо от 1 апреля 1618 г., которым святитель предоставил ему полномочия и благословил на рукоположение епископов в тех странах, через которые он будет проезжать по пути в Москву. Патриаршее письмо не указывает названий этих стран, но, можно предположить, что под ними в первую очередь понимались земли Речи Посполитой».⁶⁰

Из приведенной цитаты нетрудно заметить, что А. Миронович не столько основывался на сведениях источников, сколько, впрочем, без соответствующих ссылок, на суждениях К. Ходыницкого. Об этом обстоятельстве лучше всего свидетельствует указание на дату грамоты Тимофея II — 1 апреля 1618 г., отсутствующее в опубликованном тексте документа, но читающееся в книге 1934 г. Нельзя не обратить внимание и на совпадающий у двух историков церкви вывод о том, что под не названными в грамоте странами следует обязательно понимать Речь Посполитую (у А. Мироновича) или Польшу (у К. Ходыницкого). Что же касается сделанного А. Мироновичем, правда, на наш взгляд, в неверном направлении, «шага вперед», выразившегося в утверждении о подготовке поездки Феофана III в течение нескольких лет, а не одного года, то и на этот раз никаких документальных доказательств своего утверждения автор не привел, да и вряд ли они существуют в действительности. Давно известно, что патриарх Феофан отправился из Константинополя в Русское государство за милостыней в 1617 г. по собственной инициативе, поэтому в связанных с поезд-

⁵⁸ *Миронович А.* Деятельность иерусалимского патриарха Феофана III в Речи Посполитой // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 7. М., 2009. С. 117; и др. работы этого автора.

⁵⁹ Эта последняя дата неверна. Преемник Тимофея II Мармариноса Кирилл I Лукарис занял константинопольскую патриаршую кафедру 4 ноября 1620 г. (см., например: *Ченцова В. Г.* Икона Иверской богородицы (Очерки истории отношений греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2010. С. 321).

⁶⁰ *Миронович А.* Деятельность иерусалимского патриарха Феофана III... С. 117.

кой первосвященника источниках ни о какой предварительной подготовке этой миссии и, соответственно, о стоявших перед иерусалимским патриархом задачах восстановления православной иерархии на польско-литовских землях не говорится.⁶¹

Возвращаясь же к несколько нарушенному хронологическому обзору литературы, необходимо отметить, что во второй половине XX — начале XXI в. появился целый ряд обобщающих работ и исследований более узкой тематической направленности по истории церкви или запорожского казачества, где затрагивались вопросы восстановления православной иерархии на польско-литовских землях и участия в этом процессе иерусалимского патриарха. Обратим внимание, ни в коей мере не претендуя на сколько-нибудь полный охват современной литературы, в той или иной степени касающейся этих проблем и включающей десятки, если не сотни, наименований книг и статей, на некоторые исследования, входившие на том или ином хронологическом отрезке в историографический оборот, часто используемые в настоящее время или сочетающие в себе обе эти характеристики.

Имя Феофана III Каракала упоминается в монографии В. А. Гуслистого о запорожском казачестве. Рассматривая связанные с судьбой казаков события первой четверти XVII в., исследователь кратко заметил: «Летом 1620 г., во время пребывания в Киеве константинопольского (выделено нами. — Л. Т.) патриарха Феофана, Сагайдачный принял живое участие в восстановлении православной иерархии, ликвидированной польскими властями после Брестской унии. Посвящение православных владык происходило в Киеве 6–9 октября ... Примерно в то же время Сагайдачный со всем реестровым войском торжественно вступил в члены Киевского братства».⁶² В этом высказывании удивляет, прежде всего, допущенная историком ошибка в обозначении той патриаршей кафедры, которую возглавлял Феофан III, являвшийся, как известно, не константинопольским, а иерусалимским патриархом. Кроме того, очевидно, что В. А. Гуслистый вообще не задавался вопросом о каноничности решений иерусалимского пат-

⁶¹ Подробнее о целях поездки патриарха Феофана III Каракала в Россию см., например: *Кантерев Н. Ф.* Собрание сочинений. Т. 2. М., 2008. С. 20–22; *Ченцова В. Г.* Разрешительная грамота иерусалимского патриарха Феофана «по духу дочери» Мелании // Труды Київської духовної академії. № 32. Київ, 2020. С. 59–60; *Тимошина Л. А.* Историографические мифы... С. 42–43.

⁶² *Гуслистый В. А.* Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 173. О точных датах восстановления православной иерархии на польско-литовских землях среди историков до сих пор ведутся споры (см., например: *Антоний (Паканич).* Візит до Українських земель Єрусалимського патріарха Феофана в контексті конфесійної боротьби в Речі Посполитой на початку XVII ст. // Труды Київської духовної академії. № 32. Київ, 2020. С. 21–23).

риарха и не обращался к конкретному, связанному с получением подобного разрешения документу, только отметив активное участие в этом процессе двух сил — казаков во главе с П. Конашевичем Сагайдачным, в большей степени, и киевских братчиков, в меньшей. Скорее всего, именно этими обстоятельствами, невниманием к юридической стороне вопроса и структуре греческой церкви, и объясняется появление такой удивительной ошибки. Допустимо, впрочем, предположить, что, просматривая большое количество опубликованных материалов, историк, возможно, бегло отметил исходивший от константинопольского патриарха акт, но, не вчитываясь внимательно в его содержание, не обратил внимание на то, что подписанная одним патриархом грамота была адресована совершенно другому первосвятителю.⁶³

Удивительно, но ошибочное обозначение патриаршей кафедры Феофана III присутствует в еще одной работе общего характера, вышедшей вскоре после книги В. А. Гуслистого, но посвященной не светской, а церковной истории. А. В. Карташев в изданных впервые в Париже, в 1959 г., незадолго до его смерти, «Очерках по истории русской церкви» в специальном разделе о положении православной церкви в Польше от Брестской унии до соединения с Московским патриархатом уделил патриарху Феофану следующий пассаж: «Этот план (восстановления православной иерархии. — Л. Т.), конечно, тайно подготовлялся издавна. Но вот настал благоприятный момент, когда константинопольский патриарх послал своего помощника, патриарха *Антиохийского* (выделено нами. — Л. Т.) Феофана, сначала с особой миссией в Москву. Православным в Польше, конечно, было известно, что патр. Феофан, проезжавший через Киевщину в Москву для сбора милостыни и участвовавший там в церемонии возведения на патриарший трон освобожденного из польского плена митр. Филарета (1619 г.), имеет большие полномочия от Вселенского патриарха

⁶³ В дальнейшем, в появлявшихся позднее работах, связанных с историей казачества или православия на Украине постоянно повторялись эти же три, по-прежнему не подкреплявшиеся никакими ссылками на грамоту Тимофея II апреля 1618 г., положения: посвящение в сан иерусалимским патриархом Феофаном III митрополита и епископов; особые усилия гетмана П. Конашевича Сагайдачного в процессе восстановления православной иерархии; участие членов православных братств в защите веры (см., например: *Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. Т. 1.* Київ, 2006. С. 82; *Мицик Ю.* За віру православну! Київ, 2009. С. 268; и др.). К ним можно добавить определение деятельности патриарха Феофана на территории Польско-Литовского государства как «антиуниатской реформы православной церкви», но опять-таки без указаний на источник таких полномочий у иерусалимского владыки (*Серчик В. А.* Речь Посполитая и казачество в первой четверти XVII в. // *Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 188).*

также и на устройство православной церкви в Польше». ⁶⁴ Конечно, требовать от книги, не претендующей, как следует из ее названия, на полное и всестороннее изложение всех вопросов, связанных с историей православных церковных структур не только на территории России, но и Польского-Литовского государства, не приходится, поэтому общее указание на некие полученные от константинопольского патриарха полномочия при отсутствии в работе А. В. Карташева ссылок на конкретную грамоту Тимофея II не должно удивлять, но допущенная известным историком церкви ошибка в определении патриаршей кафедры кажется более чем странной. ⁶⁵ Кроме того, в процитированном фрагменте нельзя не заметить целый ряд других неточностей и спорных суждений. Никак не доказанным является утверждение о готовившемся издавна — с какого момента времени и кем именно? — некоего плана восстановления православной иерархии; совершенно непонятно, какие именно произошедшие события, удачно складывавшиеся обстоятельства или что-то иное А. В. Карташев подразумевал под «благоприятным моментом»; никаких принципов соподчиненности патриархов, даже если предполагать существование в системе восточного патриархата определенных иерархических различий, не существовало, ⁶⁶ поэтому называть антиохийского патриарха, кто бы в данный момент ни занимал эту кафедру, «помощником» константинопольского недопустимо; путь иерусалимского патриарха в Москву проходил через Черное море, Крымское ханство и южное пограничье, но никак не по территории «Киевщины»; о какой «особой миссии», по словам историка церкви, Феофана III могла идти речь, если чуть ниже сам автор книги указывает на цель приезда иерарха как сбор милостыни? Все вышеизложенное не позволяет относиться к высказанному А. В. Карташевым суждению об обстоятельствах восстановления Феофаном Иерусалимским православной иерархии на польско-литовских землях сколько-нибудь серьезно.

Вопрос о религиозных преобразованиях в Речи Посполитой в 1620 г. в контексте «нового этапа народно освободительного движения» был

⁶⁴ *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 276–277.

⁶⁵ Не исключено, впрочем, что в данном случае речь может идти о содержащейся в более позднем, «московском», издании опечатке. Сверить текст по «парижскому» изданию мы не имели возможности.

⁶⁶ Можно сослаться на весьма точное замечание В.-О. Олара по этому поводу: «Четыре патриархата вели, по-братски и не претендуя на первенство, их духовные дела: Константинополь, Александрия, Антиохия, Иерусалим» («Quatre Patriarcats gèrent, fraternellement et sans prétention de primauté, leurs affaires spirituelles: Constantinople, Alexandrie, Antioche et Jérusalem» (*Olar O.-V.* La boutique de Théophile. Les relations du patriarche de Constantinople Kyrillos Loukaris (1570–1638) avec la réforme. Paris, 2019. P. 103).

кратко рассмотрен в третьей части посвященной восточному славянству книги В. Т. Пашуто, Б. Н. Флоря и А. Л. Хорошкевич «Древнерусские традиции и борьба восточных славян за воссоединение». Автор этой части, Б. Н. Флоря, отметил, что в 1620 г. по инициативе представителей недовольных политикой правительства Речи Посполитой социальных группировок — православной шляхты, духовенства, мещанства и казачества — «...была предпринята гораздо более серьезная, общегосударственная акция, означавшая настоящий удар по планам контрреформации на Украине и в Белоруссии: по требованию широких кругов белорусского и украинского православного населения патриарх иерусалимский Феофан поставил новых православных епископов, вместо тех, которые перешли в унию».⁶⁷ Подчеркнув далее, что, несмотря на широкую социальную базу, основными силами этого движения являлись казачество и мещанство в лице членов православных братств, исследователь проанализировал «исторические обоснования» такой «программы борьбы», представленные в виде сочинений публицистов, входивших в круг князя К.-В. Острожского, «Протестации» Иова Борецкого и иных православных иереев, «*Verificatia niewinności...*» Мелетия Смотрицкого и некоторых других.⁶⁸ Однако, несмотря на бесспорное знакомство с сочинением Смотрицкого и, соответственно, читающимся там в двух вариантах текстом грамоты Тимофея II, Б. Н. Флоря не только не упомянул этот документ, но и вообще не указал на такое немаловажное обстоятельство, как настоятельная потребность иерусалимского патриарха в официальном разрешении со стороны константинопольской кафедры на архиерейское служение на подведомственных Константинополю в церковном отношении территориях, без чего деятельность Феофана III, даже с учетом требований указанных «широких кругов», не имела под собой, пусть и не признававшихся польскими светскими и духовными властями, но значимых в глазах православных, религиозно-догматических обоснований.

Через несколько лет в обширной и насыщенной фактическим материалом статье о взаимоотношениях, правда, не иерусалимского, а константинопольского патриархата с Россией Б. Н. Флоря отметил, что во второй половине 1610-х годов, в отличие от константинопольского патриарха, то есть Тимофея II Мармариноса, не демонстрировавшего, по мнению исследователя, особого желания к установлению политических или церковных связей с Москвой, «такую инициативу

⁶⁷ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 195.

⁶⁸ Там же. С. 195–196.

проявил иерусалимский патриарх Феофан. В 1618 г. он отправился в Россию, надеясь на помощь русского правительства в освобождении храма Гроба Господня в Иерусалиме от власти „франков“.⁶⁹ О продолжении его путешествия на территорию Польско-Литовского государства в этой статье не говорится. Однако о поставлении Феофаном III православных иерархов по просьбе представителей шляхты, мещан и казачества Б. Н. Флоря писал, по-прежнему не упоминая грамоту Тимофея II, в ряде других работ 1990-х годов («Посетивший Киев иерусалимский патриарх Феофан по просьбе представителей православной шляхты, мещан, казачества поставил для православных митрополита и новых епископов вместо тех, которые заключили унию и перешли под власть римского папы»⁷⁰) и в новейшем исследовании: «Само это восстановление иерархии стало результатом совместных действий православной шляхты, мещанства, казачества, побудивших посетившего Киев иерусалимского патриарха Феофана поставить для Киевской митрополии митрополита и епископов».⁷¹

Гораздо большее внимание обстоятельствам восстановления православной иерархии на польско-литовских землях уделил С. Плехий. Прежде всего, исследователь выступил против утверждений П. А. Кулиша и К. Ходыницкого о том, что подобная инициатива исходила от различных групп духовенства, включая константинопольский патриархат, и Москвы, а не от казаков, не имевших якобы «религиозного чувства». Поддержав мнение М. С. Грушевского, он подчеркнул, опять-таки отрицая суждения П. А. Кулиша и К. Ходыницкого, что казаки издавна были сторонниками православной церкви и сами, а не по наущению представителей духовенства, проявили

⁶⁹ Флоря Б. Н. К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской епархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 10. Указание на 1618 г. не совсем точно. Феофан III покинул Константинополь, направляясь в Русское государство в 1617 г., а в указанном году, задержавшись в пути, он только пересек границу России (см. ниже).

⁷⁰ Флоря Б. Н. Вопрос о «новой унии» в украинско-белорусском обществе 20-х — 40-х гг. XVII в. // Дмитриев М. В., Заборовский Л. В., Турилов А. А., Флоря Б. Н. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — первой половине XVII в. Ч. 2. М., 1999. С. 122; см. также: Флоря Б. Н. 1) Казачество и религиозная борьба на Украине в первой половине XVII в. // Очерки по истории Украины. Пособие к курсу лекций. М., 1993. С. 91–92; 2) Брестская уния 1596 г. и некоторые вопросы конфессиональных отношений на Украине и в Белоруссии в первой половине XVII века // Славяноведение. 1996. № 2. С. 23; и др. работы этого автора.

⁷¹ Флоря Б. Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019. С. 99.

инициативу в деле ее воссоздания,⁷² хотя, конечно, «история восстановления новой православной иерархии связана с пребыванием на территории Украины иерусалимского патриарха Феофана».⁷³ Описывая же действия Феофана III при поставлении митрополита Иова Борецкого и православных епископов⁷⁴ и попутно задаваясь вопросом, но не обращая на это обстоятельство особого внимания, об отрицавшейся униатами легитимности такого рода деятельности патриарха за пределами территорий, подведомственных иерусалимской патриаршей кафедре, С. Плохий подчеркивает, что признание такого права за иерусалимским предстоятелем в глазах православных обуславливалось наличием у Феофана разрешения из Константинополя.⁷⁵ Однако грамота константинопольского патриарха Тимофея II на архиерейское служение в подведомственной ему епархии в книге историка, как и у многих его предшественников, не упомянута.

Вместо этого С. Плохий для подтверждения канонической обоснованности действий Феофана III на польско-литовских землях с православным населением ссылается на опубликованный относительно недавно Ю. Мыцьком текст датирующейся 1621 г. (без указания месяца) «Жалобы» киевского митрополита Иова Борецкого, поданной им в киевский градский суд на архиереев-униатов, отрицавших юридическую правомерность поставления православных иерархов и преследовавших виленских православных мещан. С. Плохий процитировал один из фрагментов опубликованного Ю. Мыцьком документа, где в общем виде сообщалось, что иерусалимский патриарх Феофан, один из вселенских пастырей и учителей всей Руси, вместе со своими коллегами, тремя патриархами, издавна имел и имеет духовное верховенство и власть над православным и благочестивым народом как над своими овечками.⁷⁶ Впрочем, далее в тексте «Жалобы» Иова Борецкого после этих эмоционально окрашенных слов

⁷² «...козаки з давними прихильниками православної церкви та сприяли висвяченню з власної ініціативи, а не за намовою духовних осіб» (Плохий С. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2006. С. 140–141. С. 151; первое издание: *Plokhyy S. The Cossacks and Religion in Modern Ukraine. Oxford University Press, 2002*).

⁷³ «Історія висвячення нової православної ієрархії пов'язана з перебуванням на території України ієрусалимського патріарха Теофана» (Плохий С. Наливайкова віра. С. 151).

⁷⁴ Там же. С. 152–155.

⁷⁵ «Православні постійно наголошували на тому, що Теофан мав відповідні повноваження від Константинополя» (Там же. С. 154, примеч. 32).

⁷⁶ «Теофан, ерусалимський патріарх, один із всесвітніх пастирів і вчителів цієї Русі, котрий зі своїми колегами, трьома патріархами, від давніх часів духовну зверхність і владу над цим народом, як своїми овечками, мав і має» (Мицик Ю. Із листування українських письменників-полемістів 1621–1624 років // Записки Наукового

следует более прозаическое, но не обратившее на себя внимание С. Плохия, замечание о том, что Феофан действовал благодаря вверенной ему не только от бога, но и от вселенского константинопольского патриарха, канонического главы епархии, силой и властью («...і повіреною йому силою і владою, як Богом, згідно його жостого сповідування, так найсвятішим вселенським константинопольським патріархом, пастирем усієї Русі у справі канонічного епарха...»⁷⁷). Очевидно, что под главой епархии, то есть в данном случае и Киевской митрополии, понимался Тимофей П, а слова об обретении от бога и от главы константинопольской кафедры «силы и власти» можно расценивать как намек на грамоту апреля 1618 г., хотя о самом этом документе в «Жалобе» ничего не говорится.

Трудно сказать, почему С. Плохий ограничился только явно полемическим пассажем, отражавшим происходившую уже после отъезда Феофана борьбу за поставленных иерусалимским патриархом иереев, где имелось в виду верховное духовное руководство восточных патриархов всей православной паствой в целом, и не обратил внимание на упоминание единственного иерарха, разрешение которого действительно требовалось иерусалимскому патриарху с тем, чтобы его, связанные с архиерейским служением действия на не подведомственных иерусалимской кафедре территориях являлись каноническими. Тем не менее, в книге С. Плохия нет не только указаний на грамоту апреля 1618 г., но отсутствует и само имя константинопольского патриарха Тимофея П.

В 2004 г. появилась работа О. Юрчишин-Смит, посвященная очень интересному и самым тесным образом связанному с поставлением православных иерархов Феофаном III предметом — сохранившимся до наших дней антиминомом, выданным в 1620 г. иерусалимским патриархом киевской Богоявленной церкви. Как ни странно, этот необходимый при отправлении богослужений атрибут, без которого нельзя осуществлять литургию, вообще не привлекал к себе внимание исследователей, а статья О. Юрчишин-Смит после ее публикации использовалась отнюдь не всеми историками.⁷⁸ Предваряя рассказ

товариства імені Т. Шевченка. Т. 225. Львів, 1993. № 4. С. 328 (перевод на украинский язык; С. 326 (оригинал на польском языке); *Плохий С.* Наливайкова віра. С. 154, примеч. 32 (фрагмент воспроизведен с некоторыми орфографическими изменениями по сравнению с публикацией Ю. Мыцька).

⁷⁷ *Мицик Ю.* Из листування українських письменників-полемістів... № 4. С. 328 (перевод на украинский язык; С. 326 (оригинал на польском языке)).

⁷⁸ *Yurchyshyn-Smith O.* The Antimension (1620) of Theofanes, Patriarch of Jerusalem // *Oriens christianus.* № 88. 2004. S. 93–122. Показательным примером является монография П. М. Саса, где эта статья не упомянута (*Сас П. М.* Витоки українського національного руху. Київ, 2010. С. 650–655 (библиография)).

об антиминос кратким описанием пребывания Феофана III в России и Речи Посполитой, ссылаясь на не раз уже упоминавшуюся грамоту Киевскому Божоявленскому братству 26 мая 1620 г., исследовательница сначала пишет о том, что его приезд был поддержан константинопольским патриархом Тимофеем, антиохийским Афанасием и александрийским Кириллом,⁷⁹ а затем отмечает, что Феофан имел полученную от патриарха Тимофея грамоту с предоставлением ему всех необходимых полномочий. При этом О. Юрчишин-Смит ссылается только на польский вариант текста документа, опубликованный М. Кояловичем,⁸⁰ но, тем не менее, ее знакомство с выданным Тимофеем II разрешением не приходится отрицать.

Довольно подробно процесс восстановления православной иерархии на польско-литовских землях был рассмотрен П. М. Сасом в двух, вышедших почти одновременно работах.⁸¹ Автор исследований, в первую очередь, отметил, что уже осенью 1619 г. в «светских политически активных кругах украинского общества созрело твердое намерение восстановить иерархию православной церкви».⁸² Доказательством, по мнению автора книги, служит тот факт, что в начале ноября 1619 г. находившиеся в Киеве светские и духовные лица составили соответствующую петицию, которую через киевского воеводу Т. Замойского хотели передать королю, сенату и «Речи Посполитой».⁸³ И далее исследователь рассмотрел такие, связанные с православным духовенством Киевской митрополии события, как вступление запорожцев в Киевское братство в период, по мнению П. М. Саса, между 25 мая и 9 июля 1620 г., процедуру рукоположения православных архиереев, хронологические рамки этого действия в отношении отдельных духовных лиц, места проведения хиротоний, обстоятельства отъезда иерусалимского патриарха из Киева и многие другие.⁸⁴ Однако, внимательно анализируя связанные с восстановлением православной иерархии, положением духовенства или запорожских казаков довольно много-

⁷⁹ *Yurchyshyn-Smith O. The Antimension (1620) of Theofanes... S. 94.*

⁸⁰ *Ibid.*

⁸¹ *Сас П. М. 1) Витоки українського націоналізму; 2) Відновлення православної церковної ієрархії Київської митрополії (1620 р.) // Український історичний журнал. 2010. № 4. С. 15–39.*

⁸² «...світських політично активних колах українського суспільства визрів твердий намір відновити ієрархію православної церкви» (*Сас П. М. Витоки українського націоналізму. С. 436*).

⁸³ Там же. К сожалению, рассказывая об этом интересном эпизоде, П. М. Сас не указал источник своих сведений. Равным образом, остается непонятной дальнейшая судьба обращения. Использование автором монографии прошедшего времени — «хотіли передати» — как будто говорит о неосуществившемся намерении, но так ли это было на самом деле, судить трудно.

⁸⁴ Там же. С. 450–493.

численные источники и подробно разбирая высказанные предшественниками мнения, П. М. Сас, как и многие другие, не обращал особого внимания на церковно-юридические основания действий иерусалимского патриарха.

Подчеркнув, не приведя, впрочем, никаких доказательств своего утверждения, что про «...місію патріарха патриарха Феофана у Московській державі безперечно знали в Україні»,⁸⁵ разбирая затем на нескольких страницах не раз упоминавшееся полемическое сочинение «Протестация», направленное на доказательство того, что Феофан III не являлся турецким шпионом, и анализируя особенности пребывания в Москве делегации запорожцев зимой-весной 1620 г., их переговоры с думным дьяком И. Грамотиным и т. д.,⁸⁶ П. М. Сас только потом задается вопросом о легитимности деятельности Феофана III в подведомственной константинопольской кафедре епархии и предоставленных ему от патриарха Тимофея II полномочиях («Скористовавшись дозволом і наданими йому повноваженнями від Константинопольського патріарха Тимофія»). Неудивительно поэтому, что автор книги в доказательство полученного иерусалимским властью «дозвола» ссылается на все ту же, известную уже иеромонаху Амвросию грамоту от 26 мая 1620 г. Киевскому Богоявленскому братству на «права патриаршей ставропигии» с читающимися там словами о константинопольском патриархе как «належащем» пастыре «Рускихъ земель и самое митрополіи Кіевское и Галицкое отца».⁸⁷ Речь же о грамоте Тимофея II апреля 1618 г. и в этой монографии, к сожалению, не шла.⁸⁸ Показательно, что в вышедшей, видимо, чуть ранее монографии статье, специально посвященной восстановлению православной иерархии в Киевской митрополии, П. М. Сас также не затрагивал вопрос о каноничности действий иерусалимского патриарха, ставя своей задачей выяснение конкретно-исторических обстоятельств и хронологии последовавших в 1620 г. событий.⁸⁹

⁸⁵ Сас П. М. Витоки українського націотворення. С. 436. Сразу хочется задаться вопросами — когда и через кого именно эти сведения дошли до территории Польско-Литовского государства, тем более, что речь должна идти о времени до 20-х чисел марта 1620 г., когда Феофан приехал в Киев, а посольство запорожских казаков во главе с атаманом Петром Одинцом еще не вернулось?

⁸⁶ Там же. С. 436–449.

⁸⁷ Там же. С. 453 и примеч. 2.

⁸⁸ В дальнейшем Б. Н. Флоря охарактеризовал книгу П. М. Саса как «обобщающее исследование, подводящее итог изучению этой важной темы (восстановление православной иерархии в Киевской митрополии. — Л. Т.)» (Флоря Б. Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства... С. 99).

⁸⁹ Сас П. М. Видновлення православної церковної ієрархії Київської митрополії (1620 р.). С. 15–39; ср.: Сас П. М. Витоки українського націотворення. С. 464–493 (книга подписана в печать 08.06.2010).

Чрезвычайно близко к книге П. М. Саса и высказанным там суждениям, в частности, к мысли о появлении уже осенью 1619 г. в политически активных светских кругах украинского общества намерения восстановить православную иерархию, иногда со ссылками на написанное предшественником, а подчас и без оных, но, разумеется, гораздо более кратко, излагают события, связанные с приездом иерусалимского патриарха в Польско-Литовское государство, авторы вышедшей через два года после указанных исследований П. М. Саса статьи.⁹⁰ Несмотря на то, что основной смысл работы Л. А. Сухих и В. В. Страшко сводился к анализу найденной в Центральном государственном историческом архиве Украины разрешительной грамоты от имени Феофана III 1620 г. некоему Ждану Молкевичу, авторы статьи ни словом не обмолвились о каноничности подобных действий иерусалимского владыки, ограничившись упоминанием, что Феофан III выдал грамоты семи православным братствам, митрополиту и шести епископам.

В этом же, 2012, году была опубликована весьма интересная, на наш взгляд, статья А. Гиля, посвященная холмскому православному епископу Паисию Черхавскому, где автор совершенно справедливо отметил и сложную, внутреннюю и внешнюю, ситуацию, сложившуюся в Речи Посполитой в период восстановления иерусалимским патриархом Феофаном православной иерархии, и большой интерес ученых-историков к этому процессу, и нерешенность целого ряда важных и подчас спорных вопросов, в частности, о роли «Московской Руси, Османской империи и Молдавского княжества», о том, кто подбирал кандидатов на епископские должности, чьими «клиентами» они были и др. Особенно спорным и сомнительным представляется А. Гилю, следующему в этом отношении за П. А. Кулишем и К. Ходыницким, утверждение об особом значении деятельности при восстановлении иерархии, если расценивать ее «не в политических, а в эккле-

⁹⁰ *Сухих Л. А., Страшко В. В.* До перебування 1620 року ерусалимського патриарха Феофана в Києві // Архіви України. 2012. № 12. С. 217–229. Обращает на себя внимание не только единомыслие писавших в разное время историков, но и определенное стилистико-лексическое сходство использованных выражений: «Патріарх Феофан приїхав до Києва весняного дня 25 березня 1620 р. ... Серед особ, які його супроводжували, був екзарх Константинопольського патриарха Арсеній та кілька архімандритів...» (*Сас П. М.* Витоки українського націотворення. С. 450) — «Феофан прибув до Києва 25 березня 1620 р. ... Серед його супроводу був екзарх Константинопольського патриарха Арсеній та кілька архімандритів...» (*Сухих Л. А., Страшко В. В.* До перебування 1620 року... С. 220); «Турботу про безпеку іменитого гостя взяли на себе козаки» (*Сас П. М.* Витоки українського націотворення. С. 450) — «Захист їхньої безпеки взяли на себе козаки» (*Сухих Л. А., Страшко В. В.* До перебування 1620 року... С. 220).

зиологических категориях», запорожских казаков.⁹¹ Отмечая далее существующую в историографии недооценку «политических, общественных и религиозных реалий Речи Посполитой», А. Гиль подробно знакомит читателя с личностью Паисия Ипполитовича, поставленного в епископа Холмского и Белзского в феврале 1621 г. Автор статьи замечает, со ссылкой на работу К. Ходыницкого, что этот «акт иерусалимского патриарха был неканоничным в свете церковного права и нелегальным в свете государственных законов», почему и не был принят властями Речи Посполитой.⁹² Однако, указывая далее на факторы, которые, по мнению А. Гиля, могли бы хоть в какой-то мере способствовать юридической правомерности действий Феофана III, он выделяет одобрение кандидатов на епископские должности прихожанами их будущих епархий и рассылку иерусалимским патриархом окружного послания от 13 августа 1620 г. православному населению Речи Посполитой, но ни слова не говорит о грамоте Тимофея II апреля 1618 г.

Исходя из содержания и научно-справочного аппарата статьи, можно предположить, что игнорирование А. Гилем этого документа объясняется особенностями использованной современным автором предшествовавшей литературы. Упомянутые в сносках М. С. Грушевский, К. Ходыницкий, С. Плохий, А. Миронович, независимо от того, соглашается ли А. Гиль с высказанными ими мнениями или спорит с предшественниками, как, например, с переоценкой, по его мнению, С. Плохием роли казачества, действительно, как показано выше, ничего не писали о грамоте константинопольского патриарха, соответственно, не обратил внимания на этот документ и сам польский исследователь. Что же касается труда митрополита Макария, ссылка на работу которого в статье А. Гиля также имеется, то там отмечены исключительно страницы с упоминанием событий 1621 г.,⁹³ но не предшествовавших им обстоятельств.

Более определенно позиция польского историка вырисовывается в параграфе о деятельности патриарха Феофана в 1620–1621 годах на территории Речи Посполитой в написанной им совместно с И. Скочиласом книге по истории Киевской митрополии с середины XV до конца XVIII в. Большая часть этого параграфа посвящена все тому же Паисию Черхавскому и обстоятельствам его жизни до и после поставле-

⁹¹ Гиль А. Паисий Черхавский — холмский православный епископ (1621–1636) // Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: общее и различное. М., 2012. С. 184–187.

⁹² Там же. С. 187.

⁹³ Там же. С. 184, примеч. 2.

ния в епископы.⁹⁴ Канонические же основания подобного действия иерусалимского патриарха в виде грамоты апреля 1618 г. в книге по-прежнему не рассматриваются. Однако в начале параграфа читаются несколько неожиданные, учитывая содержание статьи 2012 г., утверждения о том, что деятельность «палестинского иерарха», несомненно, была связана с тогдашней политикой Романовых как по отношению к Речи Посполитой, так и к Киевской митрополии, не считавшейся отдельной от неканонически созданного Московского патриархата структурой, почему назначенный Феофаном православный епископат во главе с митрополитом Иовом Борецким был ориентирован в основном на Москву и видел в ней фактического сюзерена.⁹⁵ Не вдаваясь в обсуждение выходящих за рамки данной статьи вопроса о «неканоничности» поставления московского патриарха Иова в 1589 г. или о церковной юрисдикции Киевской митрополии, можно заметить, что такие суждения вкупе с отсутствием в книге 2014 г. ссылок на работу митрополита Макария дают основания думать, что А. Гиль и, видимо, И. Скочилас не столько не знали о существовании грамоты Тимофея II апреля 1618 г. иерусалимскому патриарху, сколько сознательно не упоминали этот документ как нарушающий их общетеоретические построения.

Через год после появления статьи А. Гиля увидела свет статья же К. О. Апанович, которая затем, в дополненном виде, вошла в ее монографию.⁹⁶ Белорусская исследовательница, в определенной степени солидаризируясь с мнением А. Мироновича о подготовке проекта восстановления православной иерархии в Константинополе, указала, что «заинтересованность внутривосточной ситуацией в Речи Посполитой Вселенского патриарха, являвшегося главой православной церкви в Речи Посполитой, оправдана». Более того, К. О. Апанович

⁹⁴ Gil A., Skoczylas I. Kościoły Wschodnie w państwie polsko-litewskim w procesie przemian i adaptacji: metropolia kijowska w latach 1458–1795. Lublin; Lwów, 2014. S. 191–206. Рецензии на эту книгу см.: Ченцова В. Г. Новая книга по истории Киевской митрополии // Вестник церковной истории. 2014. № 3/4 (35/36). С. 359–363; Альмес И. Gil A., Skoczylas I. Kościoły Wschodnie w państwie polsko-litewskim w procesie przemian i adaptacji: metropolia kijowska w latach 1458–1795. Lublin; Lwów, 2014 // Вісник Наукових товариств ім. Швченка. Ч. 51–52. Львів, 2014. С. 51–53.

⁹⁵ «Актыwność palestyńskiego hierarchy niewątpliwie skorelowana była z ówczesną polityką Romanowów tak wobec Rzeczypospolitej, jak i metropolii kijowskiej, nieuznawanej za byt odrębny od utworzonego niekanonicznie patriarchatu moskiewskiego. Powołany przez Teofanesa prawosławny episkopat na czele z metropolitą Hiobem Boreckim zorientowany był zasadniczo na Moskwę i w niej upatrywał faktycznego zwierzchika» (Gil A., Skoczylas I. Kościoły Wschodnie... S. 190).

⁹⁶ Апанович К. О. 1) Иерусалимский патриарх Феофан... С. 59–65; 2) Киевская митрополия... С. 125–138.

подчеркнула, не приведя, к сожалению, никаких серьезных документальных подтверждений и не опираясь на логическую систему доказательств, что после Брестского собора 1596 г. «...главной целью восточных патриархов становится восстановление православной иерархии в Киевской митрополии, что удалось реализовать в 1620 году».⁹⁷

После этого, совпадающего и в статье 2013 г., и в книге 2019 г. высказывания, в последовавшей через семь лет монографии исследовательницы имеется важное дополнение. К. О. Апанович обратила внимание на появившуюся в 2014 г. работу А. Борковского об участии восточных патриархов в делах Речи Посполитой, где, в ее изложении, содержались сведения о запланированном еще на 1616 г. приезде в Польско-Литовское государство одного из патриархов, а на синоде, состоявшемся 1 апреля 1618 г. «в Константинополе, проходившем под председательством Вселенского патриарха Тимофея II было принято решение утвердить полномочия на совершение священнодействий в Киевской митрополии за иерусалимским патриархом Феофаном, находившимся с официальным визитом в Российском государстве».⁹⁸ К сожалению, К. О. Апанович не отмечает, на основании каких источников А. Борковский получил изложенные выше сведения, никак не характеризует достоверность использованных им материалов и не высказывает своего отношения к суждению исследователя об участии не только константинопольского, но и других восточных патриархов в якобы принятом решении о восстановлении православной иерархии в Речи Посполитой. Тем не менее, отсутствие возражений дает основания полагать, что К. О. Апанович признает такое, пусть имеющее не «политическую», а «религиозную» направленность, участие восточных патриархов в указанном процессе, косвенным подтверждением чего является имеющаяся в ее монографии ссылка на опубликованную Киевской комиссией по разбору древних актов грамоту патриарха Феофана от 20 июня 1620 г. из так называемого Луцкого сборника на права ставропигии луцкой братской Крестовоздвиженской церкви, где упоминается не только константинопольский патриарх Тимофей, но и александрийский патриарх Кирилл III Лукарис и антиохийский Афанасий II Даббас.⁹⁹

Между тем, в точности сообщенных А. Борковским данных заставляет сомневаться упоминавшаяся К. Ходыницим и А. Мироно-

⁹⁷ Апанович К. О. 1) Иерусалимский патриарх Феофан... С. 61; 2) Киевская митрополия... С. 129.

⁹⁸ Апанович К. О. Киевская митрополия... С. 129–130 и примеч. 349. Речь идет об издании: Borkowski A. Patriarchaty Wschodu w dziejach Rzeczypospolitej (1583–1601). Białystok, 2014. Ознакомьтесь с этой книгой современного польского историка мы не имели возможности.

⁹⁹ Апанович К. О. Киевская митрополия... С. 132 и примеч. 358.

вичем и повторенная уже третьим польским историком церкви дата — 1 апреля 1618 г. — как точное определение хронологии имевшего место в этот день заседания синода. В действительности, как показано выше, указание на день является следствием ошибки К. Ходыницкого, неправильно воспроизведшего индиктный счет как число месяца, повторенной затем, возможно, даже не заглядывавшим в опубликованный текст грамоты Тимофея II А. Мироновичем. Не исключено, что точно так же поступил и А. Борковский, по-своему интерпретировав прочитанное у К. Ходыницкого или А. Мироновича указание на дату документа как день заседания некоего синода, удвоив тем самым допущенную почти сто лет назад ошибку.

Далее и в статье 2013 г., и в книге 2019 г. К. О. Апанович пишет о датируемой апрелем 1618 г. грамоте константинопольского патриарха Феофану III, однако и в этом случае между разделенными шестилетним промежутком работами наблюдается одно очень важное отличие. В статье отмечается, что патриарх Тимофей передал патриарху Феофану «полномочия на совершение священнодействий в Киевской митрополии»,¹⁰⁰ а в книге такого, не соответствующего тексту документа утверждения, к счастью, нет, зато читается воспроизведенный по публикации «Verificatia niewinności...» в «АЮЗР» наиболее значимый фрагмент послания Тимофея II, где сообщается о поездке Феофана III в «Московскую землю».¹⁰¹ Саму же грамоту апреля 1618 г. Феофан получил, как полагает исследовательница (со ссылкой на сочинение П. Подвысоцкого и в статье, и в книге) в Туле или в Киеве.¹⁰²

На работы М. С. Грушевского, С. Плохия и О. Юрчишин-Смит, ни в одной из которых грамота Тимофея II апреля 1618 г. не упоминалась, сослался, соответственно, также не сказав ни слова об этом, исходящем от константинопольского патриарха документе, В.-О. Олар, кратко характеризуя деятельность Кирилла Лукариса, следующего предстоятеля константинопольской кафедры, и иерусалимского патриарха Феофана летом-осенью 1620 г.: «В то время, как патриарх

¹⁰⁰ Апанович К. О. Иерусалимский патриарх Феофан... С. 61.

¹⁰¹ Апанович К. О. Киевская митрополия... С. 130.

¹⁰² Апанович К. О. 1) Иерусалимский патриарх Феофан... С. 61; 2) Киевская митрополия... С. 130. Не вполне понятно, почему К. О. Апанович, подробно разбирая исследования В. Томкевича, К. Ходыницкого, А. Мироновича и некоторых других авторов, обошла стороной работу П. Подвысоцкого с целым рядом содержащихся там сомнительных утверждений, несмотря на довольно частые ссылки на это появившееся в 1915 г. в Могилеве сочинение (Апанович К. О. 1) Иерусалимский патриарх Феофан... С. 61–63; 2) Киевская митрополия и восточные патриархи... С. 130, примеч. 350; С. 131, примеч. 356; С. 136, примеч. 375; и др.).

Феофан Иерусалимский восстанавливал, понуждаемый киевским братством и казаками, „православную“ иерархию в польском королевстве, Лукарис держал своих союзников в курсе развития событий».¹⁰³

Грамота Тимофея II от апреля 1618 г. как полученное от константинопольского патриарха разрешение на архиерейское служение в его епархии была несколько раз упомянута В. Г. Ченцовой — в написанной совместно с Б. А. Березенко или собственной статьях.¹⁰⁴ В последней из указанных работ с более подробным описанием документа (по публикации его текста в «АЮЗР») она отмечает: «В апреле 1618 г. Константинопольский патриарх Тимофей II своей грамотой дал Феофану Иерусалимскому разрешение на архиерейское служение в своей епархии». Далее исследовательница обращает внимание на весьма важное обстоятельство, а именно на тот факт, что дозволение было получено «иерусалимским патриархом лишь спустя год (если принять дату его отъезда как март 1617 г. — Л. Т.) после того, как он отправился в путешествие».¹⁰⁵ Какими причинами была обусловлена эта задержка, по мнению автора статьи, «остается неясным», так как для находящегося в Причерноморье и намеренного продвигаться далее на север, «к границам Московии», по переведенному В. Г. Ченцовой греческому выражению, такое разрешение иерусалимского патриарха «уже изначально было необходимо в том случае, если он предполагал отправлять церковные службы».¹⁰⁶ В дальнейшем, отмечает В. Г. Ченцова, грамота патриарха Тимофея, «которая была дана патр. Феофану в связи с поездкой в Московское царство, стала для православных Речи Посполитой основанием, позволяющим утверждать, что восстановление церковной иерархии, осуществленное Иерусалимским предстоятелем в Киевской митрополии было законным».¹⁰⁷ Вторая часть вывода представляется весьма убедительной. Однако в контексте этих высказываний может сложиться, пусть и произвольно, совершенно неверное суждение о том, что грамота Тимофея была дана с учетом цели предполагаемой поездки иерусалимского патриарха для возможности проводить священнодействия именно на тер-

¹⁰³ «Tandis que le patriache Théophane de Jérusalem rétablit, forcé par la confrérie de Kiev et par les cosaques, la hiérarchie „orthodoxe“ dans le royaume polonaise, Loukaris tenait ses alliés au courant de l'évolution des hostilités» (*Olar O.V. La boutique de Théophile. P. 127*).

¹⁰⁴ *Березенко Б. А., Ченцова В. Г.* Киевский «Феофанов крест» и сучавский митрополит Феофан II // *Historia est magistra vitae. Civilizație, valori, paradigmă, personalități. In honorem professor Ion Eremia. Chișinău, 2019. С. 105, примеч. 2; Ченцова В. Г.* Разрешительная грамота... С. 59–60.

¹⁰⁵ *Ченцова В. Г.* Разрешительная грамота... С. 60.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

ритории «Московского царства», что неверно. В 1610-х годах Московский патриархат представлял собой самостоятельную церковную единицу, возглавлявшуюся пятым, московским, патриархом. Независимо от того, где в этот момент находился патриарх Игнатий и кем он признавался, проживавшие на территории Русского государства православные не находились под юрисдикцией константинопольской кафедры, почему и на архиерейское служение требовалось бы разрешение высшего московского духовенства. Получить же такое, исходящее от константинопольского патриарха, позволение, Феофан III мог, как отмечает В. Г. Ченцова со ссылкой на статью К. О. Апанович 2012 г. либо в Туле, либо «на обратном пути, когда он находился в Киеве».¹⁰⁸

В 2020 г., в том же сборнике трудов Киевской духовной академии, где была опубликована статья В. Г. Ченцовой о разрешительной грамоте некоей женщине по имени Мелания, появились еще две, связанные с 400-летним юбилеем приезда иерусалимского патриарха Феофана на земли Речи Посполитой, работы, где, конечно же, затрагивались и вопросы восстановления православной иерархии в Киевской митрополии.¹⁰⁹ Остановимся только на первой из них, так как сочинение епископа Сильвестра посвящено дальнейшей судьбе поставленных иерусалимским патриархом духовных лиц и, соответственно, не включает упоминание грамоты Тимофея II.

А. Паканич, отмечая важность миссии Феофана III и довольно подробно излагая предшествующую событиям 1620 г. историю положения православных на польско-литовских землях после Брестского собора 1596 г. и предысторию появления иерусалимского владыки в Киеве, довольно точно пишет, что цель отправившегося из Константинополя в 1617 г. в Москву и пробывшего в русской столице более года патриарха была вполне традиционна («Мета його мандрівки була цілком традиційною») и заключалась в получении милостыни от нового царя Михаила Федоровича. Причем Феофан решил ехать не обычным путем через Речь Посполитую, а через Крымское ханство, чтобы миновать территории, где велись военные действия между Польшей и Московской державой, однако был вынужден на год задержаться в Бахчисарае.¹¹⁰ Затем автор статьи перечисляет все те же выданные патриархом Феофаном грамоты Киевскому, Луцкому, Могилевскому и Слуцкому братствам и следовавшие затем поставления православного митрополита и шести епископов, но точно так же,

¹⁰⁸ Ченцова В. Г. Разрешительная грамота... С. 60, примеч. 8.

¹⁰⁹ Антоний (Паканич). Візит до Українських земель... С. 11–28; Сильвестр (Стойчев). «Феофанівської ієрархії» в 1620–30-ті рр. // Там же. С. 29–45.

¹¹⁰ Антоний (Паканич). Візит до Українських земель... С. 18–19.

как и многие его предшественники, не задается вопросом о канонической правомерности действий иерусалимского владыки.¹¹¹

Впрочем, завершив это повествование, А. Паканич замечает, что после посвящения новых иерархов патриарх Феофан выдал по этому поводу адресованную православному населению Речи Посполитой грамоту, которая, по мнению автора статьи, заслуживает особого внимания.¹¹² Именно в этом документе, как считает А. Паканич, и были указаны юридические основания деяний Феофана, предпринятых им в отношении православного населения Речи Посполитой не по собственной инициативе, а на основании устных распоряжений и письменных грамот, данных ему от всех восточных патриархов — Тимофея Константинопольского, Кирилла Александрийского и Афанасия Антиохийского. Как представляется автору статьи, патриарх сообщает в этой грамоте, что все четыре восточных владыки обсудили между собой сложившуюся в Речи Посполитой после провозглашения унии ситуацию и посланный туда по общему решению патриархов Феофан III подтвердил отлучение от церкви принявших унию епископов, а также властью этих же четырех высших восточных иереев провозгласил новое отлучение митрополита Иосифа Рутского, полоцкого архиепископа Иосафата Курцевича и других униатских иереев.¹¹³ И далее А. Паканич говорит о некоем *Соборе четырех патриархов*, как высшем органе церковной власти, уполномоченном принимать решения в столь сложных ситуациях.¹¹⁴

Насколько же точна трактовка содержания этого, подменившего в статье А. Паканича грамоту Тимофея II апреля 1618 г. документа? Для выяснения вопроса целесообразно обратиться еще раз к тексту опубликованного в «АЮЗР» источника, тем более, что грамота, видимо, обращала на себя внимание и других исследователей, писавших, хотя, подчас, и без ссылок на этот документ, об общей заинтересованности восточных патриархов в восстановлении православной иерархии и об их участии в делах Киевской митрополии.

Действительно, в начале написанной от имени Феофана грамоты читаются имена трех других восточных патриархов: «Ведомо всем сотворихом, яко мы промыслительным всесильного бога благоволением, усты же и чрез грамоты единомысленным изволением и вручением братий сопастырей наших святых апостольских престолов свя-

¹¹¹ Антоний (Паканич). Візит до Українських земель... С. 21–23.

¹¹² «Після висвяти нових ієрархів патріарх Феофан видав із цього приводу грамоту до православного населення Речі Посполитої. Вона заслуговує на особливу увагу» (Там же. С. 23).

¹¹³ Там же. С. 24.

¹¹⁴ Там же. С. 25.

тейших патриархов: Тимофея, архиепископа Константинопольского, новаго Рима и вселенского патриарха, Кирилла Александрийского, судии вселенского, и Афонасия Антиохийского, приехавше здраво до короны Польского королевства...».¹¹⁵

Строго говоря, опираясь на процитированный фрагмент, можно сделать только один вывод: патриарх Феофан прибыл в Речь Посполитую в соответствии с устными и письменными пожеланиями трех патриархов, но без указания цели его поездки. Приехав в Киев, общается далее в грамоте, иерусалимский владыка увидел то, о чем все четыре патриарха и так уже давно знали и слышали («о чем между всеми четырех нас пред взятием издавна ведомости умысленного совета и глагол слышахом»), а именно — о выходе части епископов и киевского митрополита «из послушания святейшего патриарха Константинопольского» и их переходе в униатство.¹¹⁶ Затем в документе повествуется о высказанном от лица патриархов присутствовавшими на Брестском соборе 1596 г. протосинкелом константинопольского патриарха Никифором и Кириллом Лукарисом «извержении и проклятии» на согласившихся на унию митрополита Михаила Рогозу и других иереев. Точно так же и сейчас Феофан провозглашает от имени «трех вышереченных ныне живых сопастырей наших» «извержение и проклятие» на перешедших в унию митрополита Иосифа Вениамина Рутского и других духовных лиц.¹¹⁷ Таким образом, ни о каком специально созванном перед поездкой Феофана Иерусалимском соборе четырех патриархов в грамоте не говорится, а только упоминается имевший место в 1596 г. прецедент.

Между тем, в тексте этого акта, помимо общих слов о «единомысленном изволении» патриархов, есть вполне конкретное, ускользнувшее от внимания А. Паканича, замечание о полученной Феофаном именно от патриарха Тимофея «власти» на рукоположение митрополита и епископов в константинопольской епархии: «...властию нам от бога данную, и от брата и спастыря нашего святейшаго архиепископа Константинопольского кир Тимофеа, от лица его врученную».¹¹⁸ В этих словах вполне можно видеть намек на грамоту апреля 1618 г. с разрешением архиерейского служения.

Еще важнее то обстоятельство, что вся эта, исходящая якобы от имени иерусалимского патриарха грамота характеризуется рядом интересных, обращающих на себя внимание деталей.

¹¹⁵ АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. Киев, 1872. I. Материалы. № 1. С. 1–2.

¹¹⁶ Там же. С. 2.

¹¹⁷ Там же. С. 2–3.

¹¹⁸ Там же. С. 5.

В первую очередь, необходимо отметить, что вошедшие в пятый том первой части «АЮЗР» под названием «Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату (1620–1691 гг.)» документы, как следует из «Предисловия» к тому, в действительности представляют собой тематическую подборку материалов, озаглавленную «Икона или изображение великие соборные церкве всероссийского и всех северных стран патриарша престола приключившихся дел в разные времена и лета».¹¹⁹ О достаточно позднем происхождении этого рукописного сборника, помимо стилистико-лексических особенностей самого заголовка, свидетельствует и читающаяся там дата — март 1700 г.¹²⁰ Включенные же в сборник материалы, по мнению автора «Предисловия», делятся на три группы: 1. Документы об отношении восточных патриархов к южно-восточной церкви; 2. Документы по делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату; 3. Документы об участии московских патриархов в делах южно-русской церкви.¹²¹ Грамота патриарха Феофана открывает первую группу, а следом за ней опубликован относящийся уже к гораздо более позднему времени документ — грамота от 8 сентября 1667 г. патриархов Паисия Александрийского, Макария Антиохийского и Иоасафа Московского о возведении Черниговской епископии на степень архиепископии.¹²²

Говоря об истории создания сборника, автор «Предисловия», подчеркнув то обстоятельство, что «списков „Иконы“ в южно-русских библиотеках не существует», зато они имеются в хранилищах расположенных на севере, выступил против суждения митрополита Евгения Болховитинова, приписавшего составление сборника киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, и высказал предположение о северно-русском происхождении рукописи, подготовленной, возможно, в канцелярии (приказе) московского патриарха.¹²³ В любом случае, достаточно позднее происхождение «Иконы», даже если относить создание сборника к личности Варлаама Ясинского,¹²⁴ несомненно.

¹¹⁹ Предисловие // АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. С. V. «Предисловие», в отличие от следующей за ним вводной статьи С. А. Терновского об истории подчинения Киевской митрополии Московскому патриархату (АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. С. 1–172; подробнее об этой статье см.: *Ченцова В. Г.* Синодальное решение 1686 г. о Киевской митрополии // ДРВМ. 2017. № 2 (68). С. 89), осталось анонимным.

¹²⁰ Предисловие // АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. С. V.

¹²¹ Там же. С. X.

¹²² АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. I. Материалы. № 1. С. 1–9; № 2. С. 9–11.

¹²³ Предисловие // АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. С. VI–IX.

¹²⁴ Варлаам Ясинский был избран митрополитом Киевским 1 июня 1690 г., хиротонисан московским патриархом Адрианом в Успенском соборе в Кремле 31 августа этого же года, умер в 1707 г. (*Алексеев А. И.* Варлаам // ПЭ. Т. 6. М., 2000. С. 605–607).

Что же касается самой грамоты патриарха Феофана, то очевидна ее хронологическая и, в значительной степени, тематическая обособленность в сравнении с другими, помещенными в рукописи материалами.

Не менее показательны и некоторые лексические особенности текста включенной в сборник «Икона» грамоты:

а) язык документа, о чем могут свидетельствовать и приведенные выше цитаты, лишен следов южнорусизмов или полонизмов;

б) в грамоте нет не только каких-либо упоминаний запорожских казаков, их гетманов Петра Конашевича Сагайдачного или Тимофея Бородавки, но и вообще слов «казаки», «запорожские казаки», «запорожцы» и т. д. Вдохновителями избрания православных митрополита и епископов представлены исключительно «благородные мужи», «велебные и честные» архиереи, архимандриты, игумены, иеромонахи и иереи киевских и других, находящихся на польско-литовских землях монастырей;¹²⁵

в) удивляет использование слов «Малая Россия» («...к святейшему вашему архиепископу, Константинопольскому вселенскому патриарху, новоизбранному на митрополии вашу Малой России избранием...»¹²⁶), не встречающихся ни в каких других, написанных в 1620 г. от имени иерусалимского патриарха и известных в настоящее время грамот;

г) нельзя не заметить существенную лексическую разницу при упоминаниях константинопольского патриарха в этой грамоте — «от брата и пастыря нашего святейшаго архиепископа Константинопольского кир Тимофея»,¹²⁷ и в других, исходящих от имени Феофана документах — «от сполбрата и сослужителя смирения нашего кир Тимофея, вселенского патриарха Константинопольского, належного пастыря русских земель и самое митрополии Киевское и Галицкое отца»¹²⁸ в грамоте от 26 мая 1620 г. Киевскому Богоявленскому братству на ставропигию»; «от сполбрата и сослужителя смирения нашего кир Тимофея, вселенского патриарха Конъстантинопольского, належащего пастыра Руских земель и самое митрополии Киевское и Галицкое отца» в грамоте 20 июня 1620 г. Луцкому православному братству при Крестовоздвиженской церкви.¹²⁹ Почти полное, за исключением некоторых орфографических различий, совпадение текстов грамот от 26 мая и 20 июня 1620 г. свидетельствует о том, что оба документа

¹²⁵ АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. I. Материалы. № 1. С. 3.

¹²⁶ Там же. С. 5.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 2. Отд. 2. № 4. С. 398–399.

¹²⁹ Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 1. Издание второе. Киев, 1898. Отд. 1. № 4. С. 9.

или писал один и тот же писец, или у них имелся общий, по крайней мере, в формулярной части, протограф. Что же касается грамоты более общего характера о поставлении православных архиереев, то явно отличающаяся форма именованного константинопольского патриарха говорит о совершенно иных (или ином) составителях этого документа и, видимо, другой истории возникновения грамоты. Настораживает и отсутствие подписи и печати Феофана III на этом акте, хотя на пусть и немногочисленных, известных в настоящее время в виде оригиналов грамот от лица этого патриарха — слущкому (6 июня 1620 г.), львовскому (7 сентября 1620 г.), рогатинскому православным братствам (начало 1621 г.) и разрешительной грамоты Ждану Молкевичу августа 1620 г. — все эти элементы имеются.¹³⁰ Можно, конечно, допустить, что в процессе неоднократного копирования или во время подготовки к публикации сборника «Икона» указания на важнейшие атрибуты, удостоверяющие подлинность документа патриаршие подпись и печать, были утрачены, но такое предположение выглядит несерьезно.

И, наконец, стоит обратить внимание на упоминавшиеся в грамоте даты. Перечисляя имена поставленных православных митрополита и епископов, Феофан в числе прочих называет «честнаго и преподобнейшаго мужа Паисия», ставшего епископом «Холмским и Бельским».¹³¹ Речь идет о Паисии Ипполитовиче, акт его хиротонии патриарх Феофан совершил в начале февраля 1621 года, уже уехав из Киева, чтобы никогда больше не возвращаться в этот город, в Брацлавском воеводстве, в принадлежавшем князю Стефану Четвертинскому местечке Животове.¹³² В таком случае, и грамота могла быть составлена вне пределов Киева не ранее февраля 1621 г. Однако в опубликованном тексте документа читается: «Дан в Киеве лета от создания мира 7128, а от воплощения едиnorodного Сына Божия лета 1620, индикта 3».¹³³ Получается, что если ориентироваться на указанную по принятому на Руси летоисчислению дату «от сотворения мира», то документ должен был появиться в хронологический проме-

¹³⁰ Tchentsova V. *Tel qu'en lui-même? Modèle et chronologie des représentations du patriarche Théophane de Jérusalem* // *Revue des études slaves*. 2019. XC/3. P. 356–358.

¹³¹ АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. I. Материалы. № 1. С. 4.

¹³² Подробнее см.: Гиль А. Паисий Черхавский — холмский православный епископ... С. 191–192. Время посвящения Паисия в епископа Холмского и Белзского как будто намекает на допущенную в грамоте Феофана ошибку в указании даты «от сотворения мира» — не «7128-й», а «7129-й» (1 сентября 1620 — 31 августа 1621) год, однако настаивать именно на такой неточности в настоящее время не приходится.

¹³³ АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. I. Материалы. № 1. С. 9.

жуток с 1 сентября 1619 г. по 31 августа 1620 г.; если же учитывать индиктный счет «лета 1620» «от Рождества Христова», ориентируясь на принятый в византийском летоисчислении тот же сентябрьский год, то индикт «3» будет приходиться на период с 1 сентября по 31 декабря 1620 г., а время с 1 января по 31 августа этого же года — на индикт «2». Ни одна из этих дат не соответствует времени поставления Паисия Ипполитовича. Определить причины такого несовпадения на основании только опубликованного текста грамоты невозможно. Тем более, не стоило бы с уверенностью использовать этот документ без необходимого серьезного изучения истории создания самого сборника «Икона» и его последующего бытования, без выяснения места и времени включения в рукопись грамоты патриарха Феофана и определения первоисточника текста. В противном случае весь этот документ представляется весьма сомнительным и требующим большой осторожности при использовании в научных исследованиях, в том числе и при определении различных общественных сил, заинтересованных в защите православного населения Речи Посполитой.¹³⁴

Таким образом, рассмотрение ряда работ, в той или иной форме, более или менее подробно затрагивавших вопрос восстановления православной иерархии в Киевской митрополии во время пребывания на территории Польско-Литовского государства Феофана III Каракалла показывает, что в большей части таких исследований основное внимание уделялось выяснению роли в этом процессе представителей тех или иных социально-общественных групп населения Речи Посполитой (запорожское казачество, члены православных братств, православное духовенство и исповедующие это же направление христианства представители шляхты) или изучению осуществлявшегося извне влияния восточных патриархов и России, описанию обрядов посвящения, определению места и времени проведения хиротоний. Что же касается вопроса о каноничности подобных действий иерусалимского патриарха в «чужой», находящейся под юрисдикцией константинопольских патриархов епархии, то он не привлекал особого интереса писавших, что, тем не менее, позволяет выделить несколько прослеживающихся в историографии подходов к его решению.

¹³⁴ Текст этой грамоты Феофана по публикации в «АЮЗР» использовал П. М. Сас для обоснования своей периодизации поставления православного духовенства. Отметив индиктный счет и тот факт, что новый год индиктного цикла начинался с 1 сентября, но не соотнес его с датами от «Рождества Христова» и «сотворения мира», историк уверенно считал, что последним днем выдачи грамоты могло быть 31 августа 1620 г., несмотря на то, что и сам отметил отдельные, свойственные этому документу несообразности, например, в титулатуре некоторых вновь поставленных иереев (Сас П. М. 1) Видновлення православної церковної ієрархії... С. 23–24; 2) Витоки українського національного відродження. С. 476).

Некоторые авторы, указывая на православное духовенство (П. А. Кулиш), запорожское казачество и членов православных братств (В. А. Гуслистый, Б. Н. Флоря, Л. А. Сухих, В. В. Страшко, В.-О. Олар) как движущие силы процесса восстановления православной иерархии и не сомневаясь в юридической правомерности действий Феофана III, вообще не задумывались о необходимости получения иерусалимским патриархом разрешения на архиерейское служение в находящейся в ведении другого патриарха епархии, воспринимая деятельность приехавшего в Польско-Литовское государство как нечто само собой разумеющееся. К ним примыкают историки, стоящие на противоположных позициях и отрицавшие юридическую, религиозную и политическую правомерность поставления иерусалимским патриархом православных иерархов (А. Гиль, И. Скочилас), но и они не обращали внимания на сложные догматико-канонические вопросы, связанные с такими хиротониями.

В работах второй группы исследователей, представители которой рассматривали те или иные, внутренние или внешние силы, способствовавшие возобновлению православного епископата — запорожских казаков с участием в большей или меньшей степени православного духовенства и братств (С. П. Голубев, М. С. Грушевский, П. Орловский, С. Плохий, П. М. Сас), восточных патриархов (А. В. Карташев), восточных патриархов с православными братствами и казаками (П. Н. Жукович, А. Паканич), восточных патриархов и «Москвы», то есть русских властей (А. Борковский, Г. Херинг), вполне определенно указывалось на наличие у иерусалимского патриарха канонически необходимых полномочий, предоставленных ему «царьградским», по выражению М. С. Грушевского, константинопольским патриархом (П. Н. Жукович, А. В. Карташев) или просто «из Константинополя» (С. Плохий). Вместе с тем, ни один из указанных авторов не сослался на конкретный документ, делегировавший иерусалимскому первосвятителю эти принадлежавшие константинопольскому владыке права. Все они предпочитали говорить о легитимности деятельности Феофана, опираясь практически на одни и те же, в большинстве своем опубликованные или повторно изданные в середине — второй половине XIX в. источники:

1) возникшие в начале 1620-х годов в Речи Посполитой полемические произведения — «Протестация» Иова Борецкого и других иереев и, в меньшей степени, «*Verificatia niewinności...*» Мелетия Смотрицкого, не обращая, впрочем, внимания на включенную в это сочинение грамоту Тимофея II апреля 1618 г. с предоставлением права на священнодействия иерусалимскому патриарху Феофану III;

2) грамоты иерусалимского патриарха Киевскому Богоявленскому братству с предоставлением права ставропигии от 26 мая 1620 г. и

грамоту от 20 июня 1620 г. Луцкому православному братству с читающимися там указаниями на «разрешение», полученное Феофаном III от константинопольского патриарха Тимофея;

3) опубликованную в сборнике «Икона», не имеющую точной даты грамоту иерусалимского патриарха о поставлении православных иерархов с перепутанным указанием на год «от сотворения мира» и индиктный счет.

В целом, такое игнорирование грамоты Тимофея II апреля 1618 г. указанными, весьма многочисленными, авторами представляется странным, так как никакие самые благие намерения или горячие пожелания тех или иных групп православного населения, проживавшего на территории Польско-Литовского государства, не принесли бы ему никакой пользы без разрешения со стороны константинопольского патриарха на архиерейское служение появившемуся в его епархии предстоятелю другой патриаршей кафедры. Вряд ли такие полномочия могли быть выражены в устной форме, конечно же требовалось некое их письменное подтверждение, каковым и была грамота Тимофея II. К сожалению, с уверенностью определить причины такого небрежного отношения к этому документу при использовании других, вторичных, источников затруднительно. Речь может идти об обычной невнимательности, однако допустимо высказать и иное предположение. Дело в том, что, если выстроить довольно четко прослеживающуюся преемственную линию наиболее подробных, включающих рассмотрение вопроса о восстановлении православной иерархии трудов, то окажется, что в основе их, в зависимости от мировоззренческой позиции самих работавших в дальнейшем историков, будут лежать работы П. А. Кулиша, П. Н. Жуковича, М. С. Грушевского, ни в одной из которых грамота Тимофея II апреля 1618 г. непосредственно не упоминалась (возможные причины такого отказа со стороны П. Н. Жуковича и М. С. Грушевского изложены выше), а их хронологические последователи не отмечали в своих книгах этот акт, просто следуя сложившейся историографической традиции, не подозревая о необходимости самостоятельного обращения к тексту «*Verificatia niewinności...*» и внимательного изучения его, посчитав вполне достаточным воспроизведение содержания сочинения Мелетия Смотрицкого предшественниками.

И, наконец, третья, заметно меньшая часть историков в доказательство предоставленных Феофану Иерусалимскому константинопольским патриархом Тимофеем II полномочий ссылалась непосредственно на грамоту апреля 1618 г. (митрополит Макарий Булгаков, П. Подвысоцкий, О. Юрчишин-Смит, К. О. Апанович, В. Г. Ченцова), иногда, правда, ошибаясь в дате документа или повторяя допущенную предшественником неточность (К. Ходыницкий, А. Миронович).

Однако в трактовке содержания и предназначения этого документа у них имеются довольно существенные различия.

Так, митрополит Макарий, в соответствии с опубликованными в сочинении Мелетия Смотрицкого на греческом и польском языках текстами, где слова «Киевская митрополия» или схожие по смыслу отсутствуют, совершенно справедливо рассматривал грамоту Тимофея II как документ общего характера, предназначенный для архиерейского служения и распоряжения во всех, находящихся в юрисдикции константинопольской кафедры епархиях, куда мог попасть Феофан III, но без каких-либо географических уточнений. Подобным же образом грамоту апреля 1618 г. оценивала О. Юрчишин-Смит. Весьма точно, на наш взгляд, значение этого документа определила В. Г. Ченцова, которая, подчеркнув общую направленность грамоты, указала, что этот акт впоследствии был просто использован для обоснования законности восстановления церковной иерархии в Киевской митрополии, если, конечно, не обращать внимание на, возможно, случайно возникшую под пером исследовательницы географическую приуроченность грамоты к «Московскому царству».

Однако П. Подвысоцкий, К. Ходыницкий, А. Миронович считали, что полученная от Тимофея II грамота (по выражению П. Подвысоцкого, Феофан III «выхлопотал» ее у константинопольского патриарха) была специально предназначена для помощи находящемуся в бедственном положении в Западной Руси (П. Подвысоцкий), Польше (К. Ходыницкий) или Речи Посполитой (А. Миронович) православному населению. Иными словами, эти авторы, не приводя никаких оснований и вопреки опубликованному тексту, заведомо и заранее, но совершенно бездоказательно полагали, что документ был приурочен к точно обозначенной территории и предназначен для выполнения не менее определенной цели. Разумеется, грамота Тимофея II, в общем виде позволявшая иерусалимскому патриарху священнодействия во всех уголках подчинявшейся константинопольской кафедре епархии, подразумевала, конечно же, и православное население, проживавшее в Польско-Литовском государстве, как, равным образом, в Крымского ханстве или Дунайских княжествах, но никаких прямых, подчеркнем это еще раз, указаний на те или иные земли в документе нет, соответственно, отсутствует и заведомо предполагаемая этими исследователями причина его составления. Впрочем, точно такого же мнения придерживался и М. С. Грушевский, не упоминаящий, как отмечено выше, саму грамоту апреля 1618 г., но писавший о данных константинопольским патриархом иерусалимскому первосвященителю правах исключительно в отношении «киевского диоцеза».

Не вполне понятна позиция К. О. Апанович: то ли она отказалась от высказанного в статье 2013 г. утверждения о специальном предо-

ставлении патриарху Феофану этой грамотой прав на священнодействие в Киевской митрополии, не отметив изменений своих представлений в вышедшей позднее книге, то ли в 2019 г. при подготовке монографии этот фрагмент был случайно пропущен.

Помимо географической приуроченности и якобы заранее определенной в грамоте Тимофея II цели, нельзя не обратить внимание на сделанное сперва П. Подвысоцким, а затем просто повторенные в исследованиях других авторов (К. О. Апанович, В. Г. Ченцова) указания на места возможного получения Феофаном Иерусалимским патриаршей грамоты — Тула или Киев, что требует своего особого рассмотрения и обоснования, так как ни тот, ни другой вариант не вызывают доверия. Учитывая сложившуюся в южных пределах Русского государства летом 1618 г. крайне сложную обстановку из-за похода королевича Владислава и, особенно, набега запорожских казаков с гетманом П. Конашевичем Сагайдачным, трудно представить, каким образом предположительно посланный константинопольским патриархом во второй половине весны 1618 г. гонец с грамотой сумел в одиночку попасть в Тулу, да и вообще узнал, принимая во внимание годовую задержку патриарха иерусалимского в Бахчисарае, куда ему надо ехать. Если же речь идет о Киеве, то разумному объяснению не поддается почти двухгодичное, с апреля 1618 г. по вторую половину марта 1620 г., «путешествие» грамоты Тимофея II опять-таки по остающимся неизвестными территориям.

Вместе с тем, для всех входящих в третью группу исследователей характерна одна общая черта. Все они, по-разному оценивая значение грамоты Тимофея II, воспринимали документ, ориентируясь только на воспроизведение его текста Мелетием Смотрицким, как некую данность и не пытались путем привлечения других источников выяснить историю создания и причины появления грамоты апреля 1618 г. Стремясь по мере возможности исправить этот пробел, целесообразно обратиться к русским документам, связанным с путешествием патриарха Феофана в 1617–1620 годах, и содержащимся там сведениям.

II

В сентябре 1615 г. из Москвы в Османскую империю было снаряжено посольство Петра Мансурова и дьяка Семена Самсонова¹³⁵ для продолжения русско-турецких переговоров, начатых посольством Петра Солового Ивановича Протасьева и дьяка Михаила Данилова,¹³⁶ и со-

¹³⁵ О нем см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 463–464.

¹³⁶ О нем см.: Там же. С. 142–143.

общения султану Ахмеду о смерти в дороге его посла Алей чеуша.¹³⁷ Из-за ряда встреченных в пути трудностей послы вынужденно зазимовали в Воронеже и появились в Константинополе только 13 июля 1616 г. Почти сразу по приезде, 16 июля, к ним пришли чеуш и письменный голова от великого визиря, 18 июля, они отправили визирю жалованье и в этот же день константинопольский патриарх Тимофей II Мармарис прислал к П. Мансурову и С. Самсонову селунского митрополита Сильвестра спросить о здоровье и о государевых грамотах.¹³⁸ Началось долгое, сопровождаемое трудными переговорами русской стороны с меняющимися друг друга двумя великими визирями (Мехмед-паша и Халил-паша) и двумя же султанами (Ахмед и Мустафа I) пребывание дипломатов в турецкой столице, во время которого П. Мансуров и С. Самсонов встречались не только со светскими высшими должностными лицами Османской империи, но и с находившимися в Константинополе представителями православного духовенства. Именно на эти встречи стоит обратить внимание, чтобы понять предшествовавшие получению Феофаном Иерусалимским грамоты от константинопольского патриарха Тимофея II обстоятельства и выяснить их значение для появления документа.

23 июля 1616 г. состоялась аудиенция русских послов у великого визиря Мехмед-паши, и сразу выявилось серьезное, мешавшее переговорам затруднение, для преодоления которого П. Мансуров и С. Самсонов были вынуждены немедленно обратиться к константинопольскому патриарху. Дело в том, что из Москвы с послами был отправлен переводчик Резеп Устокасимов, но в Азове они получили грамоту с предписанием вернуть его в Москву,¹³⁹ в результате в Константи-

¹³⁷ Подробнее о посольстве П. Мансурова и дьяка С. Самсонова см., например: *Соловьев С. М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 5. М., 1990; С. 59–63; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М., 1946. С. 6; История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 220–221; *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 1. М., 2003. С. 41, 259–261; Вып. 2. С. 336, 342, 386; *Виноградов А. В.* Переводчики Посольского приказа в русских посольствах в Крымское ханство на завершающем этапе Смуты // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия. Материалы международной конференции Москва, 29–30 сентября 2021 г. Вып. 2. М., 2021. С. 26; *Опарина Т. А.* Посольство Петра Мансурова и Семена Самсонова (1615–1619 гг.) и «греческая» миграция // ЭНОЖ «История». Вып. 5 (103). 2021.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 89. Сношения с Турцией. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 48, 50.

¹³⁹ П. Мансуров и С. Самсонов пришли в Азов 18 мая 1616 г. и 25 июня этого же года отправились в Кафу (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 19). О Резепе Устокасимове см.: *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М., 2021. С. 206–207. Не совсем понятно читающаяся в справочной статье и относящаяся к возвращению переводчика фраза «...однако по дороге в июне 1616 г. отозван до Азова в Москву» (Там же.

нополе присланную к султану Ахмеду царскую грамоту никто не мог перевести,¹⁴⁰ так как в посольстве остался только толмач Степан Афанасьев, видимо, действительно, не владевший навыками письменного перевода. Обратившиеся к патриарху Тимофею, Петр и Семен, по рекомендации иерарха, «добыли» греческого толмача Михаила Савина, который знал «и турецкой, и русской язык», и вместе с С. Афанасьевым они смогли перевести документ.¹⁴¹ Забегая немного вперед, скажем, что М. Савин постоянно, практически до отъезда русских послов из Константинополя 9 сентября 1617 г., будет помогать им в переговорах с великими визирями и другими турецкими должностными лицами, и эта помощь станет особенно существенной после 25 сентября 1616 г., когда приехавший с П. Мансуровым и С. Самсоновым толмач С. Афанасьев умрет.¹⁴²

28 июля 1616 г., в воскресенье, состоялась встреча, разрешение на которую было предварительно испрошено у великого визиря,¹⁴³ П. Мансурова и С. Самсонова с патриархом Тимофеем II. Сначала они все вместе слушали обедню в соборной церкви Георгия Страсто-терпца, а затем пошли в Крестовую палату, где отдали константинопольскому владыке царскую грамоту, «и говорил патриарх Петру и Семейке, чтоб вам ко мне государева жалованья соболей явно не посылати, а прислати б вам ко мне вкратце в те поры, как я пришлю своего приказного человека».¹⁴⁴ Во время беседы патриарх рассказал, что 25 июля был у великого визиря и сообщил о желании русских дипломатов посетить его. Мехмед-паша, в свою очередь, просил патриарха расспросить послов «подлинно по своей крестьянской вере», с какой целью русские пришли к султану Ахмеду, «с прямою ли правдою, что быти великому государю вашему с великим государем их в братцкой в крепкой дружбе и в любви и в ссылке навеки неподвижно». И послы на встрече 28 июля подтвердили, что пришли к султану «с прямою правдою».¹⁴⁵ Затем П. Мансуров и С. Самсонов стали обсуждать с Тимофеем будущее бракосочетание царя Михаила Федоровича, и патриарх желал, чтоб «великому государю дал бог сыны сынов в наследок», рассказали об усилиях молодого царя по восста-

С. 206). Следует ли из этого, что Резеп Устокасимов был отправлен обратно еще до приезда посольства в Азов или речь идет о не исправленной опечатке — замене предлога «из» предлогом «до»?

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 80.

¹⁴¹ Там же. Л. 81.

¹⁴² Там же. Л. 89, 120, 144, 151, 174, 183, 204, 207, 208.

¹⁴³ Там же. Л. 81.

¹⁴⁴ Там же. Л. 82–84.

¹⁴⁵ Там же. Л. 85–86.

новлению всего разрушенного во время многолетних военных действий, подчеркнули, что «государство его строитца», и патриарх «учал хвалу богу воздавати». В заключение встречи все перешли в «гостиную келью», где был накрыт стол, а с после пира с присутствовавшими, помимо русских представителей и Тимофея П, приставом и двумя чеушами, «патриарши певчие дьяки про царское многолетнее здоровье пели строками по-гречески».¹⁴⁶ На следующий день послы отослали патриарху государево жалованье, шесть сороков соболей, с архидьяконом и с толмачом М. Савиным.¹⁴⁷

5 августа 1616 г. к П. Мансурову и С. Самсонову от патриарха Тимофея приезжали ираклийский митрополит Тимофей же и чеуш Али и, совместно, силой духовного наставления и светского убеждения пытались внушить приехавшим, чтобы русский государь «для дружбы» «ратных своих людей в украинных городех ... держати не велел, а все рати велел послать на кызылбашсково шаха и на общего недруга польского короля». Одновременно встал вопрос о донских казаках, и патриарх через своего посланника «говорил ... Петру и Семейке, скажите вы мне коротко, что мне, приехав к везирю Ахмет-паше, от вас сказати, писати ли вам к донским казаком грамота, чтоб они с азовцы смирились и на море для воровства не ходили, и велит ли великий государь ваш тех казаков за их воровство смирить или не велит».¹⁴⁸ Послы ответили, что от царя послана к султану Ахмету «любительная грамота», которую они подали и о чем может сказать и патриарх, но после того они «... у Ахмет-салтана на дворе и у везиря не бывали и о тех всех делех нам не ведомо».¹⁴⁹ Трудно сказать, встречался ли после этого патриарх с великим визирем и передал ли ему слова П. Мансурова и С. Самсонова, однако 16 августа сами прибывшие из Москвы были у Мехмед-паши, который сообщил, что султан слушал перевод с этой самой «любительной грамоты» и велел писать ответ.

14 сентября 1616 г., то есть через полтора месяца после встречи с константинопольским патриархом, на двор к «Петру и Семейке» приходили от иерусалимского патриарха Феофана черный священник Христофор, архидьякон Михаил и два старца. Такой временной разрыв во встречах П. Мансурова и С. Самсонова с представителями двух восточных патриархий объясняется, скорее всего, достаточно просто: Феофан Иерусалимский летом этого года еще не находился в Константинополе, приехав в столицу Османской империи только

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 87–89.

¹⁴⁷ Там же. Л. 89.

¹⁴⁸ Там же. Л. 91–93.

¹⁴⁹ Там же. Л. 95.

с наступлением осени. Священник Христофор и другие пригласили русских послов на иерусалимское подворье.¹⁵⁰ Эти последние выразили свое согласие, но подчеркнули, что необходимо получить разрешение от великого визиря, каковое им было прислано 16 сентября.¹⁵¹

17 сентября к послам приехал архидьякон Михаил с лошадьми и просил Петра и Семена отправиться к патриарху. По приезде на патриаршем дворе их встретил сам Феофан, спрашивал о здоровье, затем все пошли в Крестовую палату, где патриарх стал рассказывать, что христиано́м была «теснота и гонение великое» «от бусурманов, от турок и от арап, и от халдеян и от фрянских людей», но Феофану стало известно «подлинно», что на Московском государстве «учинился великий государь царь и великий князь Михаил Федорович», и все патриархи и другие люди греческой веры молят бога про «устроение по-прежнему безмятежно навеки».¹⁵²

Затем начался обед, и иерусалимский патриарх опять пространно говорил, что «всех нам пуще ставятца Фрянские земли люди потому, есть в Ерусалиме Голгофа, а по-русски лобное место ... от того места Ахмет-салтану даывали ис прежних лет откупу по 3000 золотых на год, и те Францовские земли люди Ахмет-салтану оболгали, бутось в том храму Воскресения господа бога и спаса нашего Иуса Христа пения нет и дани Ахмет-салтану не даем, и своим ложным челобитьем у Ахмет-салтана то место откупили и дали откупу 7000 золотых с натдачею, и устроили было в том храме пение свое. А крестьян греческие веры в тот храм пуцати не велели. И я, патриарх, со всею братьею посылали к Ахмет-салтану на францовских людей бити челом о сыску царегороцково лутчево человека Скерлата, которой при вас сидит, и Ахмет-салтан нас пожаловал, велел по сыску у Воскресения Христова нам, греком, пети по-прежнему, и посулили от того перед фрянскими людьми наддачи 4000 золотых, и стало то святое место откупом в 11000 золотых, и мы в то число дали в уплату 7000 золотых, а недоплатили 4000 золотых. И ныне на мне тех недоплатных денег правят, а взяти негде».¹⁵³ Очевидно, дело касалось продолжения тянувшейся уже не одно столетие борьбы представителей различных христианских вероисповеданий за Святые места,¹⁵⁴ когда главным объектом соперничества выступал храм Гроба Господня, названный в речи Феофана храмом Воскресения. В начале — первой трети XVII в.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 114.

¹⁵¹ Там же. Л. 115.

¹⁵² Там же. Л. 116–117.

¹⁵³ Там же. Л. 117–118.

¹⁵⁴ См., например: *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М., 2012. С. 311–344.

особенно активную позицию в противостоянии за Святые места по понятной причине занимали именно иерусалимские патриархи. По сведениям К. А. Панченко, во второй половине 1600-х годов православный патриарх Феофан «при содействии Высокой Порты выбил латинян с южной части Голгофы,¹⁵⁵ но в 1611 г. потерял и эту половину холма и владения в Вифлеемском храме», так как «франки» привлекли на свою сторону турецкие власти, предоставив им большое количество золотых и даров, а «в 1614 г. привилегии католиков были еще раз подтверждены османами по просьбе западных государей».¹⁵⁶ По всей вероятности, как раз об этих событиях иерусалимский патриарх, приехавший в Константинополь, чтобы при помощи денег добиться, по выражению современного историка, «радикального передела собственности» на Святых местах,¹⁵⁷ и рассказывал русским послам.

Отсюда и совершенно ясный, сделанный дипломатам намек, прекрасно, как показывают ответные речи Мансурова и Самсонова, понятый ими: «И Петр и Семейка патриарху Феофану говорили, великий государь наш, царское величество к Ахмет-салтану послал нас вскоре и присылки с нами царские заздравные милостине нет никому. А ведомо вам самим, что прежних великих государей наших бывала к вам царская великая милость неоскудная. А как Божиим праведным судом учинилось Московскому государству от польского и литовского Жигимонта короля и от панов рад разоренье, и польские и литовские люди государскую казну поимали всю без остатка, а как, даст бог, великому государю нашему, его царского величества добротным премудрым разумом и счастьем все его великие преславные государства будут в покое и в тишине и казна его, царская, учнет збиратца по-прежнему, и великий государь наш, его царское величество, по своему царскому милосердому обычаю учнет к вам для Святых мест свое царское милостивое призрение держати и свою царскую милостину присылати, и вперед его царское величество учнет вас имети в своей царской милости незабытно».¹⁵⁸

После такого «обмена речами» сам Феофан «встав, за государево царево и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии многолет-

¹⁵⁵ В основном тексте монографии пишется, что это событие произошло в 1607 г. (Панченко К. А. Ближневосточное Православие под османским владычеством. С. 322), но в Приложении, где приводятся годы правления восточных, в том числе, иерусалимских патриархов, указано, что Софроний находился на патриаршей кафедре с 5 мая 1579 г. по 1608 г., а Феофан занял ее в 1608 г. (Там же. С. 577), то есть в предыдущем году он еще не был патриархом.

¹⁵⁶ Панченко К. А. Ближневосточное Православие под османским владычеством. С. 322.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 118.

ное здоровье чашу пил и Петру и Семейке подавал, да и всем людям, которые за столом сидели ... и в те поры про царское многолетнее здоровье пели патриаршие певчие дьяки строками по гречески».¹⁵⁹

20 декабря 1616 г. произошла встреча с антиохийским патриархом Афанасием, который, как представляется, тоже приехал в Константинополь незадолго до этого события, иначе трудно объяснить пятимесячный совместный срок проживания в Константинополе русских послов и главы еще одной восточной кафедры без каких-либо контактов друг с другом. Только на этот раз не Мансуров и Самсонов ходили на патриаршее подворье, а сам первосвященитель пришел в сопровождении двух старцев и толмача-араба к ним на двор. Петр и Семен встретили патриарха Афанасия «с великою честью». Антиохийский владыка сказал, что «по вся дни на проскомисанье и в охтенях» «зздравно» поминает имя царя Михаила Федоровича, и уточнил, что от царей Федора Ивановича и Бориса Федоровича «зздравную милостыню присылавали неоскудную». В ответ П. Мансуров и С. Самсонов сказали Афанасию то же, что и Феофану: зздравные милостыни ныне не прислано потому, что они «посланы к Ахмет-салтану для государевых дел вскоре», а как Московское царство «очиститца», и царь «учнет свое государево великое жалованье зздравную милостыню присылати по-прежнему». Потом послы патриарха «потчивали», давали подарки и провожали.¹⁶⁰ Возможно, что приезд патриарха Афанасия в Константинополь и визит к русским послам также был обусловлен острой финансовой необходимостью. Как отмечал К. А. Панченко, после смерти Досифея Антиохийского «последовал новый раунд борьбы за патриарший престол», в которой победил хауранский митрополит, уроженец Дамаска Афанасий Даббас, «пообещавший ежегодно выплачивать за своих прихожан недоимки податей» и давший в том письменное обязательство. Однако, как часто и бывает, выполнить обещанное он не смог, «христиане привлекли его к суду у дамасского кади», и около 1618 г. Афанасий попал в тюрьму.¹⁶¹ Не исключено,

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 119. Следующие далее за описанием торжественного обеда слова «Патриарх Феофан сказывал за столом Петру и Семейке которые речи, и те его речи писаны внизу сего списка особоною статьею царегородского патриарха Тимофея с речьми вместе потому, что говорили речи, быв меж собою порознь, а одни речи» Д. В. Лисейцев, наряду с некоторыми другими аргументами, использовал, чтобы высказать справедливое, на наш взгляд, мнение о существовании не только черновика и беловика статейного списка П. Мансурова и С. Самсонова, но и некоего, более раннего, «исходного» варианта текста, который затем использовался для составления черновика (*Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 1. С. 259–261*).

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 132–133.

¹⁶¹ *Панченко К. А.* 1) Триполийское гнездо. Православная община г. Триполи в культурно-политической жизни Антиохийского патриархата XVI — первой половины

что его появление в столице Османской империи, видимо, в декабре 1616 г. и было неудачной, в том числе, из-за отсутствия русской царской милостыни, попыткой найти необходимые средства.¹⁶²

В этот же день, 20 декабря 1616 г., старец иерусалимского патриарха Аникей и дьяк константинопольского патриарха Ласкарь «сказывали» русским послам, придя, видимо, к ним на двор, что «литовского короля посланник пан Ян Кохоновской у Ахмет-салтана из Царягорода отпросился на том, что король запорожских черкас велит унять и под турецко Ахмет-салтановы города и волости войною ходить и на море кораблей и комяг громить не велит, а пожаловав, тех запорожских черкас литовской Жигимант король на весну пошлет великого государя нашего земли воевать». На этих условиях султан Ахмед отпустил польского посланника в «Литву». Одновременно сам Я. Кохановский дал визирям Халил-паше и Мехмед-паше 3000 золотых, а семи «пашам большим» семь тысяч ефимков, чтобы «...турской на литовского короля ратей своих не посылал и крымскому б царю и царевичам, и князем, и мурзам заказ крепкой учинил, чтоб они на литовские украины войною не приходили».¹⁶³ Иными

XVII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. 2009. № 3 (17). С. 22–23; 2) Ближневосточное Православие под османским владычеством. С. 200.

¹⁶² Заметим, что обращения патриархов к русским послам с просьбой о денежном вспомоществовании, упоминание царей Федора Ивановича и Бориса Федоровича Годунова, приславших «неоскудную» «заздравную милостыню» и, главное, реакция П. Мансурова и С. Самсонова, которые не удивились таким заявлениям и не думали отрицать существование подобной практики, а, наоборот, указали на ее обязательное продолжение, как только в России восстановится хозяйство и нормальная жизнь, показывают неточность повторяющегося из статьи в статью суждения о создании системы русской милостыни представителям духовенства Христианского Востока в 1622 г. в связи с подготовкой посольства И. Кондырева и Т. Бормосова и пребыванием в Москве Иоанния Грека: «С избранием на царство в 1613 г. Михаила Федоровича и восшествием на московский патриарший престол в 1619 г. его отца Филарета Никитича, когда формируется внешняя политика России после Смуты, русское правительство, как об этом свидетельствуют источники, начинает создавать своего рода систему (выделено авторами статьи. — Л. Т.) материальной помощи Христианскому Востоку» (Фонкич В. Л., Оборнева З. Е. Кирилл Лукарис и Россия (Создание русским правительством системы материальной по мощи Христианскому Востоку в 20-х годах XVII в.) // Монфоко. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 4. М., 2017. С. 136); «С избранием в 1613 г. на царство Михаила Федоровича и восшествием в 1619 г. на патриарший престол его отца Филарета Никитича Московское государство начинает создавать своего рода систему материальной помощи Христианскому Востоку» (Оборнева З. Н. Характер милостыни Московского государства константинопольским монастырям и храмам в первой половине XVII в. // Монфоко. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 8. М., 2022. С. 361).

¹⁶³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 150.

словами, представители сразу обоих патриархов известили П. Мансурова и С. Самсонова о результатах переговоров польского посланника Я. Кохановского, продемонстрировав тем самым и согласованность действий, и взаимную договоренность Тимофея II и Феофана III о поддержке с приехавшими из Русского государства единоверцами тесных и, елико возможных, доверительных связей. Эти сведения были действительно важны, так как указанные договоренности турецкой и польской сторон стали в недалеком будущем одной из составных частей Бушевского мирного договора Османской империи и Речи Посполитой 1617 г.¹⁶⁴

Следующая встреча с одним из патриархов произошла 16 января 1617 г. Когда послы, возвращаясь от нового великого визиря Халил-паши, проходили мимо патриаршего двора, Тимофей II послал позвать их на подворье в Крестовую палату. П. Мансуров и С. Самсонов рассказали, что новый визирь показал себя «в государских делах смирно и глатко приятельным обычаем», а теперь патриарх должен «раденье свое показать, визиря Халилия-пашу на то привести, чтоб он ... все государственные дела переделал и грамоту б от Ахмет салтана к великому государю нашему велел написать» и весной отпустить послов домой. Тимофей ответил, что прежний визирь «на гречан был гонитель и поругатель великой ..., и мне было при нем помогать вам в государственных делах никакими мерами не уметь, а у новаго визиря чаю к себе приятельства и буду великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси за его царское жалование о его государских делах работать и промышлять»,¹⁶⁵ и рекомендовал послам отправить визирю два или три сорока соболей добрых, а сам патриарх пошлет завтра к нему своего дьяка Мануила «об ваших делах побити челом».¹⁶⁶ Совет был исполнен, и на следующий день, 17 января, послы купили шубу, «а в ней полтретья сорока соболей», за 180 рублей и отправили ее визирю с патриаршим дьяком Мануилом и своим кречетником Иваном Петровым.¹⁶⁷

8 марта 1617 г. от патриарха Тимофея к послам приехал уже упоминавшийся толмач М. Савин и пригласил их на следующий день слушать обедню в Георгиевской соборной церкви.¹⁶⁸

¹⁶⁴ Османская империя в первой четверти XVII века. Сборник документов и материалов. М., 1984. С. 188–189 (текст договора). О поездке Я. Кохановского см., например: Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 5. С. 62; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 61–62.

¹⁶⁵ См. также: Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 5. С. 62.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 141–142.

¹⁶⁷ Там же. Л. 143.

¹⁶⁸ Там же. Л. 144.

9 марта 1617 г., в последнее воскресенье перед Великим постом, П. Мансуров и С. Самсонов были на обедне вместе с двумя патриархами, константинопольским Тимофеем и антиохийским Афанасием. Потом, во время обеда, послы сидели «возле патриарха Афанасия с правую сторону ... а под Петром и под Семейкою сидели и з другою блюда ели греки лутчие люди», всего 20 человек, и говорили, что они рады «очищению» городов Московского государства от «полсково короля».¹⁶⁹

Затем, на протяжении нескольких месяцев (середина марта — середина июля) никаких сведений о контактах с православным духовенством в статейном списке П. Мансурова и С. Самсонова нет. В это время послы всеми силами пытались решить вопрос о своем отъезде, так как сначала, 15 мая 1617 г., великий визирь Халил-паша, который в самом скором времени по султанскому указу должен будет уехать на войну против персидского шаха, сказал Петру и Семену, что отпускная грамота султана Ахмеда готова, и пообещал им, что прощальная аудиенция «будет вскоре». Однако внезапно, по не объясненной в отчетном документе и, может быть, не ведомой самим послам причине турецкие власти изменили свое решение: вернуться в Москву должен был только один посол, а второй остаться в Константинополе и дожидаться ответной грамоты от царя Михаила Федоровича.¹⁷⁰ П. Мансуров и С. Самсонов воспротивились такому решению и стали искать приемлемый для себя выход. На протяжении второй половины мая — начала июля они несколько раз обращались к муфтию и к великому визирю, уже знакомому им Мехмед-паше, занявшему во второй раз это место после отъезда Халил-паши, с одной и той же просьбой — уехать вместе.¹⁷¹ Казалось бы, вопрос об их отъезде начал решаться положительно, и 2 июля великий визирь при встрече с послами обещал отпустить их вскоре,¹⁷² но через два дня, 4 июля, в Константинополь пришла неутешительная для Самсонова и Мансурова весть о новом нападении донских казаков на турецкие корабли. И муфтий, у которого послы были в этот же день, сказал, что «мне вас к государю вашему отпустить не уметь», Мехмед же паша на встрече 7 июля 1617 г. был гораздо более категоричен: после случившегося «вам за казаками из Царягорода отпуску не будет» до тех пор, пока послы не напишут казакам.¹⁷³

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 145.

¹⁷⁰ Там же. Л. 150–153.

¹⁷¹ Там же. Л. 154–183.

¹⁷² Там же. Л. 183а–184.

¹⁷³ Там же. Л. 185–195.

В такой сложной ситуации П. Мансуров и С. Самсонов решили прибегнуть к помощи греков, духовных и светских лиц. 17 июля 1617 г. «Петр и Семейка посылали ко царегородцкому муфтею ерусалимского старца Аникея да гречан, которые к ним советны, Костянтина да Яника, говорить, чтоб муфтей ... службу свою показал в государственных делах ..., велел новому везирию Мегмет-паше переделывать против великого государя нашего грамоты и их бы, послов ... велел отпустить, не задержав».¹⁷⁴

18 июля 1617 г. старец Аникей и двое греков пришли к послам и сообщили, что виделись с сыном муфтия и его дворецким. Эти люди им сказали, что у турецких властей «приговорено» все по-прежнему — «ис посланников отпустить одново к великому государю к Москве, а другово оставить во Царегороде», а так как «посланники не похотели ростатца, и их потому задержали обеих, и быть де им во Царегороде засаженым многие лета».¹⁷⁵

Однако через несколько дней, после того, как послы дали великому везирию память на себя в 3000 золотых, Мехмед-паша пообещал говорить султану об их отъезде «беспрестанно».¹⁷⁶ 5 августа П. Мансуров и С. Самсонов сами были на аудиенции у Ахмед-султана и вручили ему «любительную грамоту», по-видимому, привезенную в Константинополь служилыми татарами Зенгильдеем Исеневым, Григорием Бидеевым и Замятней Коротаевым 8 июня 1617 г.¹⁷⁷ Тут возникло новое затруднение — в окружении султана документ не смогли перевести, о чем послам сообщил приехавшие к ним чеуш и толмач М. Савин, чтобы те как-то решили вопрос с переводом. В результате, 7 августа 1617 г. П. Самсонов и С. Мансуров позвали к себе дьяка патриарха Тимофея П Ласкаря, того же «ерусалимского патриарха Феофанова старца Аникея» и толмача М. Савина, велели им перевести грамоту на турецкий язык и сразу же отослали перевод к великому везирию с подьячим Е. Епифановым.¹⁷⁸

Последний раз встреча русских послов с высшим греческим духовенством произошла перед отъездом П. Мансурова и С. Самсонова из Константинополя. 5 сентября 1617 г. к ним пришел митрополит города Варны Феофан, принес грамоту к царю Алексею Михайловичу от константинопольского патриарха Тимофея и сказал, что «вселенский патриарх Тимофей беспрестанно соборне молит всецадраго в Троице славимаго бога и пречистую его богоматерь, и небесных сил, и всех

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 197–198.

¹⁷⁵ Там же. Л. 198.

¹⁷⁶ Там же. Л. 200–204.

¹⁷⁷ Там же. Л. 173.

¹⁷⁸ В справочной литературе имя этого подьячего отсутствует.

святых о царском многолетнем здравье и чтоб всемогущий бог подал великому государю победу и одоление на врагов на польских и на литовских людей и на бусурман, и послал бы господь бог ему, великому государю, свыше милосердие свое, и царство б его, великого государя, устроил смирно и немятежно и непоколебимо навеки, и возвысил бы господь бог великого государя царскую руку надо всеми враги его и недруги, остающая на нь, и чтоб святая и непорочная истинная православная крестьянская вера греческаго закона была нерушима по-прежнему и все б бояря и всяких чинов люди и все православное крестьянство государским досмотрением было в тишине и в покое и во благоденстве, и великого государя его царское имя пред всеми великими государи крестьянскими и бесерменскими славилось ко очищению и к прибавленью великих его государств». ¹⁷⁹ Через несколько дней после этих переданных через митрополита Феофана прощальных напутственных слов константинопольского патриарха, 9 сентября 1617 г. послы сели на корабль и пошли к Кафе, ¹⁸⁰ чтобы попасть в Москву после долгих задержек в пути только 5 октября 1619 г. ¹⁸¹

Рассмотрение отчета П. Мансурова и С. Самсонова позволяет сказать, что с того момента, когда перевозивший их корабль пристал в Константинополе (13 июля 1616 г.) и до отплытия от этой же пристани 9 сентября 1617 г. в Кафу, ¹⁸² то есть за период несколько более года, они виделись в столице Османской империи с тремя восточными патриархами — константинопольским, иерусалимским и антиохийским. Первая встреча с константинопольским патриархом Тимофеем II Мармариносом состоялась примерно через две недели после их прибытия — 28 июля 1616 г., с иерусалимским патриархом Феофаном III Каракаллом — через два месяца, 17 сентября, а с антиохийским патриархом Афанасием II Даббасом — более чем через пять месяцев,

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 212–213. Оригинал грамоты константинопольского патриарха Тимофея II царю Михаилу Федоровичу, написанной не позднее 5 сентября 1617 г., в настоящее время неизвестен — не сохранился или не найден. Однако сомневаться в том, что русские послы доставили ее по назначению все же не приходится. П. Мансуров и С. Самсонов вернулись в Москву 5 октября 1619 г. (*Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 2. С. 342), а в описи Посольского приказа 1626 г. числится список с царской грамоты константинопольскому патриарху, отправленный «во 128-м году» (*Опись архива Посольского приказа 1626 года.* Ч. 1. М., 1977. С. 75). Не будет слишком смелым предположить, что датированный 1619/20 г. документ и был ответным посланием из России в Константинополь.

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 10.

¹⁸¹ *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 2. С. 342.

¹⁸² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 48, 237.

20 декабря этого же года. Такие хронологические разрывы не могут не обратить на себя внимание. Вряд ли задержки со встречами в два и пять месяцев могли объясняться неведением о приезде русских послов в окружении иерусалимского или антиохийского владык или игнорированием на протяжении, в любом случае, весьма длительного времени самими первосвященниками появления в Константинополе московских дипломатов. Этому предположению явно противоречат приведенные выше описания торжественного обеда на подворье у Феофана III и прихода Афанасия II на посольский двор. Столь же маловероятным представляется противодействие светских турецких властей контактам П. Мансурова и С. Самсонова с главами именно этих патриарших кафедр, так как, во-первых, разрешение великого визиря на посещение константинопольского, а потом и иерусалимского патриархов получалось незамедлительно,¹⁸³ а во-вторых, в отчете послов ни о каких, чинимых турками препонах не говорилось. Допустимо поэтому думать, что в момент появления в Константинополе в середине лета 1616 г. прибывших от царя Михаила Федоровича дипломатов иерусалимский и антиохийский патриархи в городе отсутствовали, приехав несколько позднее — в начале осени и начале зимы этого года, соответственно.

Вместе с тем, в отчетных документах П. Мансурова и С. Самсонова¹⁸⁴ нет сведений об их встрече или встречах с четвертым восточным владыкой — александрийским патриархом Кириллом III Лукарисом. Трудно предположить, что по той или иной причине — невнимательность или забывчивость составлявшего черновой вариант статейного списка подьячего, нежелание этого патриарха, в отличие от других архиереев, видеться с русскими дипломатами, осознанное стремление самих послов или Кирилла Александрийского скрыть имевшие в действительности место контакты — именно эти записи не попали в посольский отчет. Гораздо проще думать, что александрийский патриарх на протяжении более чем годового пребывания П. Мансурова и С. Самсонова в Константинополе действительно не появлялся в столице Османской империи, почему и не имел возможности встретиться с послами.

Подтверждение сказанному находится в интересной, подробной, сочетающей в себе теолого-исторический анализ различных сочинений Кирилла Лукариса с изложением большого количества конкретных

¹⁸³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 81, 114.

¹⁸⁴ Д. В. Лисейцев при анализе столбцов фонда коллекции «Сношения с Турцией» выделяет черновой и белой варианты статейного списка П. Мансурова и С. Самсонова (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1616 г. № 2; 1615 г. № 4), соответственно (*Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Ч. 2. С. 259–260*).

фактов биографии этого церковного деятеля, написанной с использованием совершенно других источников монографии О.-В. Олара. По имеющимся там сведениям, александрийский патриарх находился в Константинополе летом 1615 г., возвращаясь из Валахии в Египет, и побывал там еще раз 22 октября этого же года. На протяжении всего 1616 г. и, видимо, части 1617 г. Кирилл III пребывал в своей ближневосточной епархии, а 12 февраля 1618 г. он опять появился в Валахии.¹⁸⁵ К сожалению, О.-В. Олар не указывает, когда Лукарис уехал из Египта и заезжал ли он в Константинополь во время своего возвращения в дунайское княжество, но не будет слишком смелым полагать, что с покинувшими этот город 9 сентября 1617 г. русскими послами александрийский владыка в любом случае разминулся.

Помимо хронологии встреч с тремя восточными патриархами статейный список П. Мансурова и С. Самсонова позволяет выявить обсуждавшиеся ими с этими иерархами вопросы и, тем самым, в определенной степени определить круг занимавших константинопольскую, иерусалимскую и антиохийскую кафедры владык интересов, начиная с лета 1616 г. по начало осени 1617 г.

Для иерусалимского патриарха Феофана III самой насущной задачей в указанное время был поиск средств для продолжения борьбы с принадлежавшими к различным направлениям в исламе мусульманами и французами-католиками за Святые места. Точно такая же финансовая озабоченность, правда, по другой, связанной с необходимостью выполнения данных своей пастве обещаний причине, наблюдалась и у антиохийского патриарха Афанасия II.

Несколько более сложной рисуется позиция константинопольского патриарха. Представляется, что для Тимофея II не меньшее значение, чем русская денежная помощь (жалованье в размере шести сококов соболей он все-таки получил), в этот период времени имело успешное завершение переговоров П. Мансурова и С. Самсонова с турецкими властями по сугубо политическим вопросам: совместное выступление «ратей» обоих государств против «кызылбашского шаха» и «обчего недруга» польского короля, а также усмирение донских казаков. Характерно, что для обсуждения таких вопросов люди патриарха приходили к послам вместе с представителями турецких светских властей, а сам Тимофей II предоставил русским дипломатам своего толмача для переговоров и помогал советами, как лучше организовать взаимодействие с великим визирем и другими облеченными властью лицами. Однако ни на одной из встреч константинопольского патриарха или его людей, как, равным образом, и живших на иеруса-

¹⁸⁵ *Olar O.-V.* La boutique de Théophile. S. 93, 107, 109, 110, 116, 125.

лимском подворье служителей Феофана III с П. Мансуровым и С. Самсоновым тема положения православного населения в Речи Посполитой не обсуждалась ни разу. Конечно, патриарха Тимофея не могла не интересовать защита интересов проживавших в его епархии и исповедовавших именно это направление христианской религии людей от притязаний униатского духовенства. Тем не менее, ни о каких планах, не говоря уже о конкретных действиях по восстановлению православной иерархии в Киевской митрополии, в статейном списке П. Мансурова и С. Самсонова не говорится. Читающиеся же единственный раз в адресованной царю Михаилу Федоровичу грамоте константинопольского патриарха, хоть как-то касающиеся религии слова о нерушимости «святой и непорочной истинной православной крестьянской веры» являются, по нашему мнению, общим этикетно-формулярным выражением, характерным для посланий восточного патриарха и относятся к внутреннему положению только в Русском государстве, но никак не в Речи Посполитой. Поэтому утверждение Г. Херинга, что последовавшее Феофану III предложение о помощи «осажденным в Польше братьям по вере» исходило от московских посланников в Константинополе в 1616 г. Петра Мансурова и Семена Самсонова (...der bedrängten Glaubensbrüder in Polen annehmen, war 1616 von den Moskauer Gesandten in Konstantinopel, Petr Mansurov und D'jak Semen Samsonov, ausgegangen)¹⁸⁶ представляется совершенно ошибочным.

Несколько отвлекаясь от статейного списка П. Мансурова — С. Самсонова, стоит заметить, что в период 1616–1617 годов вопрос о православии на польско-литовских землях не находился в центре внимания и четвертого восточного патриарха — Кирилла III Александрийского. Если ранее, в 1614 г. (25 марта) он направил из Ясс грамоту Львовскому православному братству с призывом защищать истинную веру («...à défendre la vraie foi»),¹⁸⁷ то теперь, находясь, как было отмечено выше, в своей ближневосточной епархии, Лукарис боролся с другими, помимо униатов, врагами этого вероучения. В первую очередь к ним относились находившиеся в Константинополе и на Ближнем Востоке иезуиты. В 1616 г. Лукарис написал направленный против иезуитов Галаты, являвшихся, по его мнению, инструментом Антихриста («instruments de l'Antéchrist»), предназначенном для подчинения восточных христиан тирании Папы, «Краткий диалог» («Le bref dialogue», «Διάλογος βραχύς»),¹⁸⁸ а в 1617 г. — посвященный киприоту

¹⁸⁶ Hering G. Ökumenisches Patriarchat... S. 31.

¹⁸⁷ Olar O.-V. La boutique de Théophile. S. 106. Об этой грамоте см. также: Шустова Ю. Э. Документы Львовского Успенского ставропигийского братства (1586–1788). Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 103.

¹⁸⁸ Olar O.-V. La boutique de Théophile. S. 112–113.

Георгию Паргасу и обращенный против евреев «Краткий (лаконичный) трактат» («Κατὰ Ἰουδαίων»), а также несколько других произведений — «Об авторитете церкви» («Sur l'autorité de l'Église»), «О некоторых характерных различиях» между Восточной церковью и Латинами («Quelques différences spécifiques» entre l'Église orientale et les Latins), «Об очистительном огне Чистилища» («Sur le feu purificateur du Purgatoire»),¹⁸⁹ равным образом никак не касающихся проживавших на польско-литовских землях сторонников «греческого закона». Кроме того, О.-В. Олар приводит сведения о переписке Кирилла Лукариса в эти годы с кентерберрийским архиепископом Джорджем Эбботом, голландским купцом и политиком Девидом де Леу де Вильхемом и другими корреспондентами, в число которых ни один из патриархов не входил.¹⁹⁰

Возвращаясь же к отчету русских послов и обратив внимание на имеющиеся там данные о встречах московских дипломатов с восточными патриархами, стоит теперь рассмотреть вопрос о времени и обстоятельствах отъезда иерусалимского первосвященника из Константинополя, на который имеются два варианта ответа.

Первый основывается на записях в статейном списке П. Мансурова и С. Самсонова о том, что 17 июля и 7 августа 1617 г. они встречались с находившимся на иерусалимском подворье в Константинополе старцем Феофана III Аникеем, в котором, по справедливому, на наш взгляд, высказываемому рядом исследователей суждению, можно видеть доверенного человека патриарха, приехавшего вместе с ним в 1619 г. Москву и оставшегося там, небезызвестного Иоанникия Грека,¹⁹¹ однако во время этих встреч ни русская, ни греческая сторона об отъезде самого патриарха не упоминали.¹⁹² Значило ли это, что до середины августа 1617 г. Феофан продолжал оставаться в Константинополе или старец Аникей, наоборот, догнал греческую деле-

¹⁸⁹ *Olar O.-V.* La boutique de Théophile. S. 113–116.

¹⁹⁰ *Ibid.* S. 109–110, 116–125.

¹⁹¹ Библиографию трудов об Иоанникии Греке см.: *Белоброва О. А.* Иоанникий Грек // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 76–78; из более поздних работ см.: *Фонкич Б. Л.* Иоанникий Грек (К истории греческой колонии в Москве в первой трети XVII в.) // ОФР. Вып. 10. М.; СПб., 2006. С. 85–110; *Фонкич Б. Л., Оборнева З. Е.* Кирилл Лукарис и Россия. С. 136–137; *Опарина Т. А.* Иоанникий Грек и греческое землячество Москвы // ДРВМ. 2017. № 3 (69). С. 96–97; *Оборнева З. Е.* 1) Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020. С. 28, 45, 85, 195; 2) Характер милостыни Московского государства константинопольским монастырям и храмам в первой половине XVII в. С. 361; *Тимошина Л. А.* Материалы о приезде иерусалимского патриарха Феофана в Русское государство в 1619–1620 годах в документах Посольского приказа XVII в. // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 34. М.; СПб., 2021. С. 129.

¹⁹² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 197, 208.

гацию уже в пути, чтобы вместе появиться в Москве, остается неясным.

Вторая дата, март 1617 г., приведена в основанной на греческих источниках работе А. Пападопуло-Керамевса по истории Иерусалимского патриархата и повторена некоторыми современными исследователями.¹⁹³ Приведенные А. Пападопуло-Керамевсом сведения находят косвенное подтверждение и в статейном списке П. Мансурова и С. Самсонова: на состоявшейся 9 марта 1617 г., в последнее воскресенье перед началом Великого поста обедне и последовавшем затем торжественном обеде с участием 20-ти «лучших» греческих людей и русских послов находились только два восточных патриарха — Тимофей Константинопольский и Афанасий Антиохийский.¹⁹⁴ Понятно отсутствие на торжественном действе пребывавшего в это время на Ближнем Востоке александрийского патриарха Кирилла, но упоминание имени Феофана III заставляет полагать, что он также уже покинул Константинополь. В противном случае, отказ от приглашения иерусалимского владыки другими патриархами или игнорирование самим Феофаном подобной просьбы не находят объяснения. В таком случае, не только подтверждается справедливость сообщенных А. Пападопуло-Керамевсом сведений, но и появляется возможность их уточнения: иерусалимский патриарх покинул столицу Османской империи до 9 марта 1617 г., то ли решив отправиться в долгое и трудное путешествие до начала подготовки православных христиан к главному конфессиональному празднику, то ли надеясь на окончание зимних штормов и возможности более или менее безопасного судоходства по Черному морю, то ли исходя из неких других причин, обусловивших необходимость довольно поспешного отъезда. Попытаемся их определить.

Как отмечалось выше, 17 сентября 1616 г. патриарх Феофан рассказал русским послам о бедственном положении Святых мест, опять перешедших в руки «францовских людей», и подчеркнул насущную потребность в 4000 золотых, а П. Мансуров и С. Самсонов указали иерарху на отсутствие у них предназначенной для Иерусалимского патриархата царской милостыни.¹⁹⁵ Можно думать, что, получив такой отказ, Феофан III пытался в течение осени 1616 г. — зимы 1617 г. найти необходимые денежные средства в Константинополе, но безуспешно. В таком случае единственным выходом оставалась личная поездка иерусалимского владыки в Россию, возможно, памятью свое

¹⁹³ См., например: *Ченцова В. Г.* Разрешительная грамота... С. 59 и примеч. 3.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 145.

¹⁹⁵ Там же. Л. 117–118.

прошлое путешествие в Москву в 1603–1604 годах, когда, будучи еще архимандритом Святого Гроба, Феофан привез русскому царю грамоту тогдашнего иерусалимского патриарха Софрония с просьбой о милостыне и получил, помимо прочих даров, 2300 угорских золотых (2000 — от царя Бориса Годунова, 300 — от царицы Марии Григорьевны).¹⁹⁶ Однако в 1603 г. архимандрит Феофан ехал из Иерусалима «на Турскую землю ... на Царьгород ... да на Волоскую землю», а затем через Литовскую землю, Любеч и Чернигов в Москву.¹⁹⁷ Повторить же, пусть даже и в несколько видоизмененном виде, въезжая на территорию Русского государства, например, через Путивль, этот путь в первой половине 1617 г. было вряд ли возможно: перемирие на Днестре, под Яругой (Бушевский мирный договор) на невыгодных для Польши условиях было заключено представителями Османской империи и Польско-Литовского государства только 22 сентября 1617 г.,¹⁹⁸ крайне напряженными по-прежнему являлись отношения Речи Посполитой и с Русским государством, что вряд ли подразумевало свободный пропуск тех или иных лиц, пусть и принадлежавших к духовному званию, через границу, а до подписания Деулинского перемирия оставалось (если считать от марта 1617 г.) немногим менее, чем два года. Очевидно, что использовать в таких условиях обычный для представителей восточных церквей сухопутный маршрут через Волоскую и Литовскую земли было в реальных условиях невозможно. Именно эти сложные, остававшиеся и в первой половине 1617 г. все еще никак не урегулированными межгосударственные отношения, а вовсе не некая политическая, по мнению некоторых исследователей,¹⁹⁹ и мифическая, на наш взгляд, составляющая объясняют, как представляется, выбор иерусалимским патриархом второго, морского, варианта пути в Москву — из Константинополя до Кафы. Однако по прибытии и в этот город Феофан должен был бы принять непростое решение о дальнейшем направлении следования.

На первый взгляд, естественным продолжением путешествия должен был стать привычный «посольский» путь, которым постоянно

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1603 г. № 3; о приезде архимандрита Феофана в 1603–1604 годах и полученной им милостыне см., например: Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Кн. 6. С. 144–145; Кантевев Н. Ф. Собрание сочинений. Т. 2. С. 14–18; об особенностях формирования и бытования комплекса документов, «дела», связанного с его визитом в Москву см.: Тимошина Л. А. Материалы о приезде иерусалимского патриарха Феофана... С. 22–27.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1603 г. Л. 1–2.

¹⁹⁸ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 87.

¹⁹⁹ См., например: Chodyncki K. Kościół Prawosławny... S. 423–424; Миронович А. Деятельность иерусалимского патриарха Феофана... С. 117.

пользовались члены дипломатических миссий, отправлявшихся из Русского государства в Турцию и из Османской империи в Россию: из Кафы в Азов, затем — по землям донских казаков и Дону через Воронеж в Москву. Ранний, мартовский, отъезд иерусалимского патриарха из Константинополя как будто предполагал использование именно этого маршрута с возможностью преодоления расстояния от Кафы до Москвы в течение весны — лета 1617 г. без необходимости зимовать где-то в дороге. Тем не менее, эта возможность являлась, учитывая отсутствие сопровождения в виде тех или иных групп русских людей, достаточно иллюзорной, так как в русских посольских статейных списках постоянно подчеркивалась крайняя сложность передвижения по землям донских казаков, враждовавших и с Османской империей, и с ее вассалом — Крымским ханством, а в отношении русских властей все время высказывавших те или претензии по снабжению боеприпасами и различными видами «государева жалованья».²⁰⁰ Конечно, можно было надеяться, что к духовному лицу, одному из высших представителей греческой православной церкви, донские казаки не решились бы применить столь радикальные меры, какие они позднее предпримут в отношении Фомы Кантакузина и его архимандрита и священника,²⁰¹ но и рассчитывать на свободный и быстрый проезд

²⁰⁰ О «донском» пути см., например: *Заборовский Л. В.* Экономические связи России с Балканами в первой половине XVII в. // *Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 150–154; Лисейцев Д. В.* Русско-турецкие отношения в начале XVII века: от конфронтации к сближению // *ОИ. 2002. № 5. С. 172.*

²⁰¹ Летом 1630 г. донские казаки намеревались убить Фому Кантакузина как инициатора плана похода вместе с «турскими людьми» на Речь Посполитую, но в тот момент, к счастью, не выполнили задуманного, а 5 июня 1637 г. задержанный на Дону еще зимой этого года Фома Кантакузин был «порублен» казаками вместе с сопровождавшими его двумя духовными лицами как турецкий шпион (*Флоря Б. Н.* Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20–30-х гг. XVII а. // *Россия и Христианский Восток. Вып. 2–3. М., 2004. С. 267, 285–286.*)

Не можем не заметить, что в недавно вышедшей под редакцией Г. Г. Матишова и И. О. Тюменцева под грифами «Южного научного центра» РАН и Волгоградского филиала «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации» коллективной монографии (Очерки истории и культуры казачества юга России. Волгоград, 2014) этот сюжет, напрямую связанный с историей донского казачества, как, равным образом, и статья Б. Н. Флори в обширной, приложенной к тому библиографии (Там же. С. 576–602) не упомянуты. Отсутствие конкретного эпизода могло бы показаться досадным, но частным упущением, учитывая, тем более, избранную авторами коллективной монографии форму изложения материала — очерки, не подразумевающую полное и последовательное повествование об имевших место исторических событиях. Однако, если внимательно изучить содержание тома, то откроется удивительная картина: кроме краткого перечисления некоторых событий, в которых участвовали донские казаки в XVII в.,

по контролируемой казаками территории иерусалимскому патриарху вряд ли приходилось.

в историографическом по своей сути открывающем книгу разделе, написанном Н. А. Мининковым о казачьих сообществах (*Мининков Н. А. Формирование казачьих сообществ на Дону // Там же. С. 23–27*), почти все это столетие остается для читателей terra incognita. После очерка И. О. Тюменцева о донских казаках в Смутное время, хронологически заканчивающегося на походе в Русское государство польского королевича Владислава в 1618 г. (*Тюменцев И. О. Казачество в Смутное время в России начала XVII в. // Там же. С. 54–80*) следует работа А. И. Агафонова, относящаяся уже к XVIII в. (*Агафонов А. И. Донское казачье войско в XVIII — первой половине XIX вв. // Там же. С. 81–95*). В открывающем же том обращении «К читателю» Г. Г. Матишов и И. О. Тюменцев, обратив внимание всех заинтересовавшихся книгой читателей на тот факт, что «Новый импульс изучению истории и культуры казачества придало создание в 2002 г. в Ростове-на-Дону по инициативе академика Г. Г. Матишова лаборатории региональной истории и казачества Южного научного центра Российской академии наук», подчеркнули, что публикуемая монография была задумана «как обобщающий труд, подводящий промежуточные итоги профессиональным научным разработкам в области казачьей истории и культуры за последние тридцать лет» (*Матишов Г. Г., Тюменцев И. О. К читателю // Там же. С. 7*). Следует ли думать, что за эти самые три десятилетия никаких новых интересных исследований, касавшихся различных сторон истории донских казаков в XVII в. не появилось? С таким утверждением вряд ли можно согласиться. Помимо указанных в библиографии сочинений, можно обратить внимание на не вошедшие в этот обширный список появившиеся в последние десятилетия работы О. Ю. Куца (*Куц О. Ю. 1) О связях населения южнорусских городов с донскими казаками (по материалам второй четверти XVII в. // ОФР. Вып. 4. М.; СПб., 2000. С. 132–157; 2) Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй трети XVII в. (1637–1667) // ОФР. Вып. 8. М.; СПб., 2004. С. 122–164; 3) Азовская оборона 1641 г.: источники и ход событий // ОФР. Вып. 10. М.; СПб., 2006. С. 111–177; 4) Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009 и др. работы этого автора; полный перечень трудов О. Ю. Куца см.: *Петров К. В. Научная школа А. П. Павлова // Российское государство в XVI — начале XVIII века. Сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова. СПб.; М., 2022. С. 25–26, примеч. 28–33*). Рассмотревший научное творчество О. Ю. Куца К. В. Петров оценил работы исследователя как новаторские «по сравнению с существующей исторической литературой по данной теме» (*Там же. С. 26*). Не хочется думать, что причины такого игнорирования состоят в месте жизни и творчества талантливого историка — С.-Петербург и, соответственно, о непринадлежности к указанной выше «лаборатории» или в том обстоятельстве, что О. Ю. Куц, по меткому выражению К. В. Петрова, «не занимает институциональной позиции в корпорации историков» (*Там же. С. 29*), то есть является независимым исследователем, что в глазах правительственных историков является, видимо, непростительным. Ситуация тем более странная, что участвовавший в коллективных «Очерках» Д. В. Сень с работами О. Ю. Куца знаком (см.: *Там же. С. 29*).*

Что же касается почти полного отсутствия раздела или разделов, связанных с историей донских казаков в XVII в., осмелимся высказать предположение, что причина подобного умолчания объясняется нежеланием авторов монографии затрагивать «неудобные» темы: неоднозначные отношения русского правительства и казаков, выражавшиеся во взаимных претензиях и обвинениях, по вопросам регулярности, количественного и качественного состава посылавшегося на Дон государева жалованья

Немаловажным являлось и другое обстоятельство: отправившись в путешествие в сопровождении небольшой свиты из доверенных лиц, а не в составе посольской делегации, Феофан был бы вынужден не только самостоятельно пробираться по совершенно незнакомым ему землям, но и взять на себя все дорожные расходы (покупка продовольствия, найм средств передвижения — морских и речных судов, лошадей, проводников и т. д.) на довольно длительном и по расстоянию, и по времени пути. А учитывая цель его поездки — «за милостыней», трудно предполагать, что патриарх имел в своем распоряжении достаточное количество денег для единоличной оплаты своего путешествия в Россию.

В таких условиях лучшим вариантом представлялась бы поездка в Москву в сопровождении возвращавшихся на родину и уже хорошо знакомых иерусалимскому патриарху П. Мансурова и С. Самсонова. Однако зимой 1617 г. об их отпуске не было и речи: с середины января этого года русские дипломаты пытались наладить отношения с новым великим визирем — Халил-папой, с которым заново предстояло обсуждать опять обострившийся вопрос о причиняемых донскими казаками турецкой стороне «многих убытков», о польско-турецких отношениях и о многом другом, очередная смена великого визиря повлекла за собой новый тур переговоров и, что немаловажно, подарков, на приобретение которых требовалось изыскивать средства и т. д. В результате, П. Мансуров и С. Самсонов смогли отправиться из Константинополя

(напомним, что в 1630 г. казаки убили ехавшего с русскими послами А. Совиным и дьяком М. Алфимовым воеводу Ивана Карамышева (см., например: *Соловьев С. М. Сочинения* в восемнадцати книгах. Кн. 5. С. 198–199)), постоянно обострившиеся дипломатические отношения Русского государства с Османской империей и ее вассалом Крымским ханством из-за нападений донских казаков на турецкие и крымские морские и речные суда и территории этих государственных образований, разногласия в период «азовской» эпопеи, конечно же, роль донских казаков в крестьянской войне под предводительством Степана Тимофеевича Разина и многие другие сюжеты. Такой, исключающий практически целое столетие подход вряд ли позволяет решить поставленные авторами монографии задачи: «1) познакомить представителей власти и широкую общественность с современными профессиональными представлениями о казачестве Юга России; 2) послужить основой для критического осмысления проделанной работы и дальнейшего продвижения в изучении казачьей истории и культуры» (*Матишов Г. Г., Тюменцев И. О. «К читателю»*. С. 7). Выдвижение на первый план «представителей власти» придает, на наш взгляд, «Очеркам» характер «верноподданической записки», но кем бы ни были читатели этого труда, представление об истории казачества в XVII в. у них будет крайне неполным и даже весьма искаженным. Поэтому мы не можем, по крайней мере, на пространстве истории XVII в., согласиться с высказанной оценкой этого труда как «обобщающего» (*Бугай Н. Ф. Обобщающий труд по истории и культуре казачества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2016. Т. 21. № 2. С. 159–164*).

в обратный путь только 9 сентября 1617 г.²⁰² Патриарх же Феофан, очевидно, не мог, оставаясь в Константинополе неопределенно продолжительное время, дожидаться отъезда московских дипломатов. Следовало искать любую другую возможность попасть в Русское государство, и таковая действительно появилась.

Известно, что зимой 1617 г. в Бахчисарае находились русский посланник Федор Иванович Челюсткин и дьяк Петр Данилов,²⁰³ посланные в Крым к царю Джанибек Гирею и другим знатым татарам с поминками в 1616 г.²⁰⁴ По меткому замечанию Д. В. Лисейцева, сделанному при анализе поступавших в Посольский приказ отписок русских представителей в Крымское ханство, которые по своему содержанию и объему приближались, по мнению исследователя, к статейным спискам, «еще в XVI веке сложилась устойчивая практика долгого задержания русских посланников в Бахчисарае, а крымских — в Москве».²⁰⁵ Не стали исключением и Ф. И. Челюсткин с дьяком П. Даниловым. Прибыв в Крым вряд ли позднее зимы 1616 г., они продолжали оставаться в Бахчисарае и через год, зимой 1617 г. Однако в своей отписке из Бахчисарая находящимся в Константинополе послу П. Мансурову и дьяку С. Самсонову, которая датировалась временем не позднее апреля, а может быть, и марта 1617 г., они сообщали, что «...их де, Федора и Петра, крымской царь к великому государю отпускает вскоре».²⁰⁶ К русским дипломатам этот документ попал только 8 июня 1617 г., так как привезшие его служилые татары Зенгильдей

²⁰² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. Л. 134–143, 237.

²⁰³ О нем см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 143.

²⁰⁴ См.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами... С. 85, 95, 96; *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 2. С. 274. В другом месте своей монографии исследователь отмечает, что их отправление произошло в декабре 1615 г. (Там же. С. 337). А. В. Виноградов пишет, что решение об отправлении в Крым Ф. Челюсткина (Челюскина в тексте статьи) и дьяка П. Данилова было принято 29 декабря 1615 г. (*Виноградов А. В.* Дипломатические «ссылки» между Крымским ханством и Российским государством в период Смуты // *Средневековые тюрко-татарские государства.* 2020. № 12. С. 47). К сожалению, в этой части статьи, посвященной поездкам двух указанных лиц, а также Б. Нестерова в Крым и приезду в Москву крымского гонца Ислам-аги в конце 1615–1616 году, А. В. Виноградов допустил весьма существенные неточности при обозначении шифров использованных им архивных документов: «РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 39»; «РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–6», «РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. Л. 31–34», «РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 9. Д. 34» (Там же). Без указания года — 1615 (в первом случае) и 1616 (в остальных) — и исправления, видимо, простой опечатки (не «Д. 34», а «Л. 34» в последнем примере). Причины подобной «оплошности» автора статьи не вполне понятны, так как в других фрагментах исследования, относящихся к периоду 1604–1615 годов, ссылки на архивные шифры даны правильно.

²⁰⁵ *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 1. С. 258.

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 89. 1615 г. № 4. Л. 173.

Исенев (Исинев),²⁰⁷ Григорий Бидеев²⁰⁸ и Замятня (Янмаммет) Коротаяев²⁰⁹ из-за различных, исходящих от крымских властей задержек в пути смогли попасть в Константинополь только начале лета. Тем не менее, сведения о «скором» отпуске русских «крымских» посланников могли дойти до столицы Османской империи и, соответственно, до Феофана III и несколько ранее, через посредство постоянно ездивших из Бахчисарая в Константинополь крымских татар. В таком случае перед иерусалимским патриархом открывалась реальная возможность присоединиться к возвращавшимся в Москву из Крымского ханства посланникам. Это обстоятельство действительно требовало как можно более быстрого, невзирая на начинавшийся Великий пост и раннюю весну, отъезда из Константинополя в Кафу, чтобы оттуда незамедлительно добраться до Бахчисарая и застать там Ф. И. Челюсткина и П. Данилова.

Высказанное предположение о том, что иерусалимский патриарх, покидая Константинополь в начале марта 1617 г., стремился в кратчайшие сроки через Кафу попасть в Бахчисарай и вместе с московскими посланниками отправиться оттуда в Россию, подтверждается данными нескольких, возникших в разное время и при совершенно различных обстоятельствах источников. Первым является все та же, подготовленная Иовом Борецким и другими иерархами в апреле 1621 г. «Протестация», где сообщалось, что татарский хан на целый год задержал патриарха именно в Бахчисарае («*Chan Tatarski, v kto-rego rok cali v Baksysaraiu byl zahamowany...*»)²¹⁰. Очевидно, что узнать такие детали путешествия авторы полемического сочинения могли только из рассказов самого побывавшего в этом городе патриарха Феофана.

Второй источник представлен русскими приказными делопроизводственными материалами — двумя отписками очередных посланников в Крым Амвросия Лодыженского и подьячего Рахманина Болдырева, написанными не ранее 16 октября 1617 г.²¹¹ и не ранее 26 июля

²⁰⁷ О нем см.: *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 2. С. 389; *Виноградов А. В.* Переводчики Посольского приказа в русских посольствах в Крымское ханство... С. 25–26.

²⁰⁸ О нем см.: *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 2. С. 391.

²⁰⁹ О нем см.: Там же.

²¹⁰ *Жукович П.* Протестация митрополита Иова Борецкого... С. 8.

²¹¹ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1617 г. № 4. Л. 70–78. Датируется по упоминанию в тексте документа 16 октября как дня, когда к посланникам пришел Александр Чилибей и сообщил о походе «турских людей» из «Литовской земли» в «Будайскую» (Там же. Л. 77). Представляется, что отписка была отправлена действительно вскоре, так как за три дня до его прихода к А. Лодыженскому и подьячему Р. Болдыреву от калги Девлет Гирея приезжал Ишим мурза Сулешев, чтобы обсудить создавшееся положение, связанное с Казыевым улусом. Мурза

1618 г.,²¹² соответственно, в которых сообщалось, что иерусалимский патриарх действительно собирался поехать «к тебе, государю, с Федором Челюсткиным да с Петром Даниловым».²¹³ Из этих двух сви-

отметил, что во время пребывания в Крыму посла Григория Волконского (подробнее об этом посольстве см.: *Виноградов А. В. Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614–1615 годов // Вестник Волгоградского ГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 158–174*) татары дали шерсть «на том, что нам быть в дружбе и в братстве» с царем Михаилом Федоровичем. Однако Иштерек мурза вместе с астраханскими воинскими людьми приходил в дружественный Крыму Казыев улус и «отгонял» лошадей (Там же. Л. 75). Посланники отговорились тем, что уехали из Москвы давно и ничего не знают о событиях последнего времени, но подчеркнули, что русский царь неоднократно писал хану о том, что «Казыева улусу нагаи воруют, ходят в государеву землю воевать и людей в полон емлют многих, и царь бы и калга велели их унять, чтоб они на государеву украину воевать не ходили и полон бы, сыскав, велели отдать» (Там же. Л. 75). По всей вероятности, столь щекотливый вопрос требовал бы получения из Москвы соответствующих инструкций, почему и отписка могла быть послана достаточно быстро.

²¹² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. № 6. Л. 1–6. Документ датируется по получению А. Лодыженским и Р. Болдыревым 26 июля отписки из Кафы от посланных от царя Михаила Федоровича в Константинополь служивых татар Девлеткея Девлеткозина и Айгильдея Бидеева (Там же. Л. 6). О них см.: *Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 2. С. 388* (имя первого из них — в транскрипции «Девлекей Девлекозин»); о А. Лодыженском см.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сборник документов. М., 2015. С. 41, 127, 205, 288, 367, 418, 479; о подьячем Р. Болдыреве см.: *Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 61; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 80; Тимошина Л. А. Историографические мифы... С. 46, примеч. 27. Подьячий Рахманин (крестильное имя, видимо, Федор) Болдырев был в Крыму дважды: с А. Лодыженским в 1617–1618 годах и с О. Прончищевым в 1626 г., получив за эту вторую поездку чин дьяка. Можно думать, что он не только добросовестно исполнял свои непосредственные обязанности, но и обладал некими специальными навыками или способностями (например, знание татарского языка), необходимыми для таких нелегких во всех отношениях поездок. То же самое можно сказать и об А. И. Лодыженском, который не только дважды, в 1613–1614 и 1616–1617 годах ездил в Крым (*Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 2. С. 333, 334, 339*), но, по записи в боярском списке 1627/28 г., был приставом у турецкого посла («Подлинные» боярские списки... С. 127).*

Совпадение почерка отписок от имени А. Лодыженского и Р. Болдырева (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. № 6. Л. 1–6), только А. Лодыженского (Там же. Л. 7–8) или Р. Болдырева (Там же. Л. 9–10) позволяет сказать, что и процитированный выше фрагмент из их совместной отписки был написан рукой подьячего, а все они, являясь автографами Р. Болдырева, представляют собой очень хорошие образцы его почерка. Важность же содержания этих трех отписок доказывается тем обстоятельством, что на оборотах всех их имеются сделанные рукой дьяка С. Раманчукова пометы: «государю и бояром чтена, вклеить в столп», «государю и бояром чтена, в столп», «государю и бояром чтена, вклеить в столп» (Там же. Л. 1 об., 7 об., 9 об.).

²¹³ Там же. 1617 г. № 4. Л. 78; 1618 г. № 6. Л. 6.

детельств А. Лодыженского и Р. Болдырева очевидно, что высказанное выше предположение о поспешном отъезде патриарха Феофана в первых числах марта 1617 г. из Константинополя в надежде застать в Бахчисарае возвращавшихся на родину посланников Ф. И. Челюстинина и П. Данилова и вместе с ними отправиться в Москву подтверждается.

Таким образом, изложенные выше, основанные на рассмотрении статейного списка русских послов в Османскую империю П. Мансурова и С. Самсонова наблюдения о местах пребывания восточных патриархов в 1616 — начале 1617 г., времени их появления в Константинополе, круге их интересов и стоявших перед ними неотложных задач позволяют с уверенностью говорить, что встречающиеся в литературе утверждения об их общих, сформировавшихся в этот период замыслах о восстановлении православной иерархии в Киевской митрополии или о некоем *Соборе* или пусть даже и менее торжественно-официальном совещании всех четырех восточных патриархов и выработанных ими в этот период конкретных планов отправить одного из них, иерусалимского патриарха Феофана, в Польско-Литовское государство (К. Ходыницкий, А. Миронович, А. Борковский, К. О. Апанович, А. Паканич) неверны. Ни о какой согласованности действий и намерений всех четырех первосвятителей, когда двое из них, иерусалимский патриарх Феофан и антиохийский патриарх Афанасий, появились в Константинополе только осенью и зимой 1616 г., соответственно, а третий, александрийский патриарх Кирилл все это время вообще находился на Ближнем Востоке, не поддерживая, видимо, постоянных связей со своими, занимавшими патриаршие кафедры собратями, говорить не приходится. Кроме того, насущные интересы этих трех иерархов в указанное время были весьма далеки от вопросов упрочения положения православных церковных структур на землях Речи Посполитой, включали в себя обеспечение финансовых потребностей их патриарших кафедр или подразумевали идеологическую борьбу с различными духовными противниками, но отнюдь не с униатами на польско-литовских землях. Что же касается Тимофея II, то и для него существовавшая в это время трудная внешнеполитическая обстановка с весьма напряженными турецко-русско-польскими отношениями, которые в любой момент могли перерасти в открытые военные действия, не создавала благоприятных условий для каких-либо иллюзий и открытого высказывания желания о воссоздании православной иерархии в Киевской митрополии, даже если таковое и присутствовало в его мыслях.

Каким же образом, в таком случае, в грамотах, исходящих от имени Феофана III — Киевскому Богоявленскому братству от 26 мая 1620 г.

на права ставропигии,²¹⁴ Луцкому братству от 20 июня 1620 г. на сооружение Крестовоздвиженской церкви,²¹⁵ православным жителям Львова от 7 сентября 1620 г.²¹⁶ и в грамоте с неточно указанной датой, появившейся, видимо, не ранее февраля 1621 г., о поставлении митрополита Иова Борецкого и шести епископов,²¹⁷ а также в «Протестации» Иова Борецкого и других православных иереев²¹⁸ появились не только вполне естественные указания на константинопольского патриарха Тимофея II как канонического главы епархии, куда входила Киевская митрополия, но и на двух других патриархов — Кирилла Александрийского и Афанасия Антиохийского?

Для ответа на этот вопрос необходимо, прежде всего, обратить внимание на тот факт, что указанные источники по времени возникновения делятся на две группы — грамоты 1620 г. и документы 1621 г. Причем, наряду с некоторой хронологической разницей их создания, существенные отличия имеются и во фрагментах различных текстов с упоминаниями восточных патриархов.

Выше, при сравнении грамот от 26 мая 1620 г. Киевскому и 20 июня этого же года Луцкому братствам уже отмечалась очевидная лексическая близость их текстов, посвященных константинопольскому патриарху, что позволило предположить существование у обоих актов единого протографа. То же самое можно сказать и в отношении обозначения двух других восточных патриархов, как, равным образом, и следующего за перечислением имен первосвятителей текста. По грамоте от 26 мая 1620 г. Феофан получил одобрение своих действий от «...сполбратии нашей: Кирилла Александрийского, Афанасия Антиохийского, святейших патриархов; видячи церкви божия великое озлобление от апостатов законопреступных, пастырей их бывших, в земли Русской...».²¹⁹ Весьма похожий текст содержится и в грамоте от 20 июня 1620 г. (имеющиеся разночтения выделены курсивом): «...сполбратии нашей: Кирилла Александрийского, *судии вселенского*, Афанасия Ан*т*иохийского, святейших патриархов; ...видячи церкви божое озлобление от апостатов законопреступных, пастырев их бывших, в земли Руской...».²²⁰ Почти полное, за некоторыми исключениями,

²¹⁴ Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 2. Отд. 1. № 4. С. 397–399.

²¹⁵ Там же. Т. 1. Отд. 1. № 4. С. 8–11.

²¹⁶ АЗР. Т. 4. СПб., 1851. № 219. С. 508–509.

²¹⁷ АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. I. Материалы. № I. С. 1–9.

²¹⁸ Жукович П. Протестация митрополита Иова Борецкого... С. 8.

²¹⁹ Памятники изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 2. Отд. 1. № 4. С. 399.

²²⁰ Там же. Т. 1. Отд. 1. № 4. С. 9–10.

единообразие и этих текстов подтверждает мнение об их общем протографе, разумеется, с учетом того обстоятельства, что акты давались различным православным учреждениям, почему в «киевской» грамоте за словами о «Русской земле» следует уточнение «на знак бытности нашей в месте Киеве», которое, по понятным причинам, отсутствует в «луцком» документе.

Несколько иначе этот фрагмент представлен в грамоте от 7 сентября 1620 г. Львовскому братству. После указания на разрешение, полученное от патриарха Константинопольского, следует, что одобрение исходило и от «... прочих патриархов Александрийскаго и Антиохийскаго, спол-братий и сослужителей наших».²²¹ Понятно, что говорить о едином для всех *трех* документов протографе не приходится, однако устойчивое употребление в грамотах одних и тех же характерных выражений «сполбратий» и «сослужителей» позволяют думать, что все эти акты могли быть подготовлены одним и тем же лицом, но написаны, видимо, в разных условиях и, скорее всего, местах: первые два — при использовании в том или ином виде некоего письменного «образца», по крайней мере, для начала грамот, а третий — при отсутствии оно, «по памяти», но с естественным сохранением присущей одному и тому же писцу лексики. При этом необходимо отметить, что «львовская» грамота сохранилась до настоящего времени в виде торжественно оформленного подлинника, с портретом Феофана в верхней части листа, воспроизведенным киноварью патриаршим титулом, красиво выписанным, украшенным растительным орнаментом инициалом «Ф» (от первого слова имени «Феофанъ»), собственноручной подписью патриарха и его печатью внизу листа.²²² Однако текст документа был написан, как отметили его публикаторы, «западнорусской скорописью»,²²³ то есть предназначенный для передачи членам Львовского братства оригинал, как, вероятно, и предшествовавший ему в той или форме черновик, были подготовлены входившим в окружение патриарха Феофана человеком славянского происхождения со свойственной ему фразеологией.

Вряд ли, конечно, стоит полагать, что писец-славянин по своему разумению включил имена Кирилла Александрийского и Афанасия Антиохийского в тексты грамот. Во всей вероятности, это было сделано по прямому указанию Феофана III или, по крайней мере, с его ведома. Тем не менее, на наш взгляд, упоминание имен этих перво-

²²¹ АЗР. Т. 4. № 219. С. 508.

²²² Подробное описание этого документа и анализ особенностей изображения Феофана III см.: Ченцова В. Г. 1) Портреты иерусалимского патриарха Феофана на грамотах // ДРВМ. 2015. № 3 (61). С. 136; *Tchentsova V. Tel qu'en lui-même?* P. 355–362.

²²³ АЗР. Т. 4. № 219. С. 509.

святителей отражало не их действительное, невозможное по целому ряду приведенных выше причин участие в предпринимаемых в пользу Киевского, Луцкого и Львовского православных братств мерах, а стремление самого иерусалимского владыки вместе, не исключено, с его окружением, прежде всего, из числа киевского православного духовенства, подчеркнуть в сложных условиях пребывания Феофана в Речи Посполитой духовное единство всех восточных первосвятителей при защите интересов находящегося под их совокупным религиозным главенством православного населения. Любопытно при этом упоминание имени Афанасия II Даббаса, бывшего антиохийским патриархом до февраля (марта) 1619 г., место которого 2 мая 1619 г. занял Игнатий III Атыйя.²²⁴ Не исключено, что патриарх Феофан, давно покинувший Константинополь и находившийся уже на территории Русского государства при отсутствовавших в это время контактах Москвы с Антиохией, просто не знал о произошедших на антиохийской кафедре переменах. Возможно, имело значение и то обстоятельство, что указание на Афанасия II Даббаса, было призвано показать киевскому духовенству, членам братств и польским властям отсутствие сиюминутности, спонтанности в действиях Феофана III и продемонстрировать, наоборот, постоянно существовавшую у всех восточных патриархов заботу о своей пастве, чтобы таким образом придать большую значимость предпринятым иерусалимским патриархом действий.

Что же касается более поздних документов, в частности, «итоговой, появившейся не ранее февраля 1621 г.» грамоты о поставлении православного митрополита и шести епископов с появившимся там указанием, что это действие было произведено «единомысленным изволением и вручением братий сопастырей наших святых апостольских престолов святейших патриархов» с дальнейшим перечислением все тех же имен константинопольского, александрийского и антиохийского патриархов, причем это «изволение» было выражено не только устно, но и «через грамоты», то безусловно доверять написанному вряд ли стоит. Необходимо учитывать отмеченную выше сомнительность самого документа, требующего, в первую очередь, внимательного изучения обстоятельств появления и последующего бытования этого текста. Кроме того, нельзя не обратить внимание на содержащиеся в акте чрезвычайно существенные логические несоответствия. Во-первых, патриарху Феофану III, как уже не раз отмечалось, для поставления каких-бы то ни было православных духовных лиц

²²⁴ См.: Панченко К. А. Ближневосточное Православие под османским владычеством. С. 577.

в находившейся под юрисдикцией константинопольского патриарха Киевской митрополии требовалось официально оформленное разрешение только Тимофея II, как раз и представленное его грамотой апреля 1618 г. Никакие другие, в частности, исходившие от имени антиохийского и александрийского патриархов, акты канонического значения не имели. В-вторых, опираясь на указанную выше дату прекращения патриаршества Афанасия Антиохийского получается, что грамота от его имени могла датироваться временем не позднее февраля (марта) 1619 г. Однако в этот период никто, никакие общественные группы, будь то православные братчики, киевское духовенство и уж, тем более, только что вернувшиеся из Московского похода запорожские казаки, о необходимости скорейшего восстановления православной иерархии не задумывались, почему и существование такой грамоты антиохийского владыки, даже если предположить, что она каким-то чудом дошла до Феофана, представляется невозможным. Следовательно, и в отношении этого текста с употребленным там словом «грамоты» во множественном числе и указанием на трех восточных патриархов можно говорить только о все том же стремлении его составителя или составителей, готовивших документ, возможно, уже в отсутствие иерусалимского патриарха на территории Речи Посполитой, обосновать священнодействия Феофана III ссылкой на авторитет других высших иерархов греческой церкви.

Не меньшая потребность такой же опоры на якобы существовавшее единство намерений представителей четырех патриарших кафедр прослеживается и у авторов «Протестации» в условиях уже начавших высказываться польскими властями сомнений в каноничности действий иерусалимского патриарха при воссоздании православного епископата Киевской митрополии, а равно необходимость отвести от Феофана III высказывавшиеся польской стороной обвинения в шпионаже в пользу турок. Отсюда и упомянутые, будто бы исходившие от всех трех патриархов, Константинопольского, Александрийского и Антиохийского, «свидетельские письма», в действительности представленные, как совершенно точно отметил в своем комментарии опубликовавший этот документ П. Н. Жукович, только грамотой Тимофея II.²²⁵ Указания же на александрийского и антиохийского патриархов могли быть просто позаимствованы из текста наиболее ранней гра-

²²⁵ «Druga zywe y listowne prozby z Jeruzalem y z Konstantigjola s yszelismy y widzieli. Trzecia od Konstantinopolskiego, Alexandryskiego i Antiochiskiego ss. Patryarchow Listy swiadeczne, ze iest Patryarcha, i ze dla jałmyzmy S. Peregrynatią podiał. Czwarata, iz nam Metropolite y Eposkopow poświęcił, czym in summa swoiey Patriarchiey dowiodł» (*Жукович П.* Протестация митрополита Иова Борецкого... С. 8 и примеч. 15).

моты Киевскому Богоявленскому братству 26 мая 1620 г., причем не только реально выяснять, но и просто задуматься над возможностью участия этих первосвятителей в деятельности Феофана III на территории Речи Посполитой авторы полемического сочинения, видимо, не собирались. Показательно, что в «*Verificatia niewinności...*» Мелетия Смотрицкого, включающей в себя копии многих, связанных с пребыванием Феофана Иерусалимского в Польско-Литовском государстве документов, в том числе и грамоты Тимофея II, никаких указаний на существование посланий Кирилла Александрийского и Афанасия Антиохийского, не говоря уже о воспроизведении текстов этих актов, нет.

Таким образом, анализ сообщенных в статейном списке П. Мансурова и С. Самсонова сведений с привлечением некоторых других документов показывает, что у исследователей, по крайней мере в настоящее время, нет никаких доказательств в пользу имевших место накануне или за некоторое время до отъезда Феофана III из Константинополя, то есть до начала марта 1617 г., совещаниях (соборах) восточных патриархов, где обсуждался бы вопрос о необходимости скорейшего восстановления православной иерархии в Киевской митрополии и использования для этой цели поездки иерусалимского владыки. Патриарх Феофан отправился в Русское государство, о чем он сам и заявлял в Москве и что отмечалось многими историками, за милостью, ²²⁶ необходимой, в первую очередь, для борьбы за Святые места. Именно этим обстоятельством, а не какими-то другими целями объяснялось его поспешное отправление в Бахчисарай в надежде встретить там русских посланников Ф. Челюсткина и дьяка П. Данилова, чтобы вместе с ними отбыть побыстрее в Москву и получить там, раз уж не удалось в Константинополе, требующееся иерусалимскому патриарху денежное вспомоществование.

Рассмотрев причины и обстоятельства отъезда Феофана Иерусалимского из Константинополя для встречи с находившимися в Крымском ханстве Ф. Челюсткиным и дьяком П. Даниловым, необходимо остановиться на дальнейших перипетиях предпринятого восточным патриархом путешествия, так как именно они, учитывая дату грамоты Тимофея II, а не события осени 1616 — начала весны 1617 г., обусловили получение Феофаном III этого документа. Для этого обратимся еще раз к отпискам А. Лодыженского и Р. Болдырева, отправленных в Крымское ханство на смену Ф. Челюсткину и дьяку П. Данилову, о которых говорилось выше. В донесении, подготовленном

²²⁶ Подробнее см., например: *Панченко К. А.* Ближневосточное православие под османским владычеством. С. 355 и примеч. 44.

не ранее 16 октября 1617 г., сообщалось: «Да поехал был к тебе, государю, с Федором Челюсткиным да с Петром Даниловым еросалимской патриарх, и царь ево велел воротить, что поехал деи был без отпуску, а ныне де, государь, царь и калга ево отпустили, и он деи хочет ехать к тебе, государю, к Москве с нами, холопи твоими, вместе, как нас отпустят».²²⁷ Во второй отписке, появившейся не ранее 26 июля 1618 г. читается: «Да поехал был летось к тебе, государю, с Федором с Челюсткиным да з дьяком с Петром Даниловым еросалимской патриарх Феофан, и царь ево ис Перекопи велел воротить, что пошел деи был без царева ведома, и ныне, государь, калга-царевич отпустил ево к тебе, государю, а с ним архимарит да келарь, да архидьякон, да три человека людей».²²⁸

Из этих двух свидетельств А. Лодыженского и Р. Болдырева очевидно, что патриарх Феофан, отправившись морским путем из Константинополя в Кафу и затем преодолев сухопутную дорогу из Кафы в Бахчисарай (около 150 км), действительно застал там Ф. И. Челюсткина и П. Данилова и вместе с ними отправился к пограничному пункту, соединявшему полуостров с материком. Определение «летось» в отписке июля 1618 г. вкуче с именами предыдущих посланников дает основания думать, что описанные в документе печальные для иерусалимского патриарха события происходили летом предыдущего, 1617, года, однако имеется возможность несколько уточнить указанную дату.

В статейном списке А. Лодыженского и подьячего Р. Болдырева отмечено, что указ о поездке в Крымское ханство появился 29 апреля 1617 г.²²⁹ 13 июня 1617 г. они добрались до Валуек, куда пришла

²²⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. № 4. Л. 78.

²²⁸ Там же. 1618 г. № 6. Л. 6.

²²⁹ Там же. Л. 1. О поездке А. Лодыженского и Р. Болдырева см.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 102; Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 2. С. 245, 274, 339, 372, 373 и др. По помете на л. 1 об. «127-го октября в 1 день подал Рахманин Болдырев», сделанной рукой дьяка С. Раманчукова (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. № 4) статейный список был представлен в Посольский приказ 1 октября 1618 г. самим подьячим, в то время как А. Лодыженский опять находился в Крыму (см. ниже). Определить принадлежность почерка пометы на л. 1 об. статейного списка помогает сравнение этой записи с известным автографом С. Раманчукова на памяти из Посольского приказа от 31 марта 1615 г. казначею Н. В. Траханиотову и дьякам Ж Шипову и Б. Милованову о выдаче на отпуске жалованья, «две цки белых», послу нагайского Казыева улуса Эш Алею (РГАДА. Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 1. Стб. 70. Л. 132). Д. В. Лисейцев, анализируя механизмы приказного делопроизводства и обратившись к материалам поездки А. Лодыженского и Р. Рахманинова, отметил, что в крымских делах есть «...и другие примеры использования прежней документации при составлении наказов...» (далее следует большая цитата из наказа крымском гонцу Исмаил-аге. — Л. Т.). Источником при составлении наказа посланникам в Крым А. Лодыженскому и Р. Болдыреву,

весть, что им навстречу со стороны Крыма идут Ф. И. Челюсткин и дьяк П. Данилов в сопровождении крымского представителя Ибреим-паши. 26 июня они, как и было обычно принято при отправлении делегаций с той и другой стороны, сошлись на своеобразной границе, противоположных берегах небольшой речки Ураевой, где Ибреим-паша «отпустил от себя» на другой берег возвращавшихся в Москву посланников с «товарыщи». ²³⁰ Несколько дней входившие в обе дипломатические миссии люди провели вместе, вероятно, обмениваясь новостями, и только 3 июля А. Лодыженский и Р. Болдырев отправились в дальнейшей путь, чтобы 7 июля придти на Донец. Однако затем, 15 июля, они, «оберегаясь от черкас», пошли не в сторону Перекопи, откуда приехали их предшественники, а переправились через «Чингарский перевоз», то есть использовали более длинный путь через Чонгарский полуостров в северной части залива Сиваш на Азовском море, «...а с Чингарского перевозу Обросим и Рахманин пришли в Крым на стан в Яшлово, где прежние посланники стаивали, июля в 22-м числе, и назавтрее того числа царь (Джанибек Гирей. — Л. Т.) велел Обросиму и Рахманину быть у себя на посольстве». ²³¹ Следовательно, путь от речки Ураевой до ближайших окрестностей Бахчисарая ²³² занял у них 20 дней. Соответственно, можно предположить, что возвращавшиеся из Крыма в сопровождении Ибреим-паши и избрав-

отправленным в 1617 г., был наказ Ф. Челюсткину и П. Данилову, посланным в Крым в 1616 г. ... (далее приводятся источниковедческие доказательства этого вывода. — Л. Т.)» (*Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 2. С. 274*). Точно такое же утверждение с той же самой цитатой и точно такими же аргументами читается в монографии Н. М. Рогожина (*Рогожин Н. М. Посольский приказ колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 269*). Такие удивительные совпадения в работах этих историков отмечались нами и ранее (см.: *Тимошина Л. А. Грамоты вселенских патриархов 1682 г., привезенные П. Б. Возницыным, в делопроизводстве Посольского приказа и археографии // ОФР. Вып. 12. М.; СПб., 2008. С. 216, примеч. 37; С. 283, примеч. 184*), и они, кажется, подтверждают мнение об успешности сочетания Н. М. Рогожиным служения науке с организаторской работой (*Вандалковская М. Г., Пихоя Р. Г. Вместо предисловия. Научная школа М. Н. Тихомирова // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...». К 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 7*).

²³⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. № 4. Л. 1.

²³¹ Там же. Л. 2.

²³² Строго говоря, русские посланники всегда останавливались в находившемся поблизости от Бахчисарая Яшлово стане, получившем название по роду беев Яшлау (см.: *Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 120–122*), в Бахчисарай же они посылали своих служилых татар «для вестей» или ездили сами на аудиенции к крымским властям. Поэтому, говоря о Бахчисараяе как месте пребывания русских посланников и, видимо, патриарха Феодана, в статье будет подразумеваться, без специальных оговорок, именно Яшлов стан.

шие более короткий маршрут на материк, через Перекоп, Ф. И. Челюсткин и П. Данилов затратили на путь от Бахчисарая до речки Ураевой, появившись там 26 июня, около двух или чуть более недель. Таким образом, хронологическое указание «летось» из отписки А. Лодыженского и Р. Болдырева на время отъезда русских посланников вместе с иерусалимским патриархом Феофаном из крымской столицы соответствует, на наш взгляд, первой декаде — первой половине июня 1617 г.

Однако, как следует из отписок А. Лодыженского и Р. Болдырева, дальше Перекопи, пограничного населенного пункта на Перекопском перешейке, соединяющем полуостров с материком, куда Ф. Челюсткин и П. Данилов прибыли после середины июня 1617 г., иерусалимский патриарх проехать не смог, так как «пошел» «без ведома» крымского хана. Видимо, Феофан с немногочисленными сопровождавшими его людьми, появившись в Бахчисарае вряд ли позднее начала июня, присоединился к Ф. И. Челюсткину и П. Данилову неофициально, не уведомив крымские власти и не предъявив им никаких документов. Сообщенное в отписке подтверждается и текстом статейного списка А. Лодыженского и Р. Болдырева, где при описании встречи на речке Ураевой отмечены только некие анонимные «товарыщи», сопровождавшие возвращавшихся в Москву посланников. Вряд ли отсутствие имени восточного патриарха можно объяснить забывчивостью или небрежностью составлявшего этот документ Р. Болдырева или тем обстоятельством, что фигура Феофана III Каракалла представлялась всем дипломатам настолько незначительной, что ее допустимо было вообще отдельно не упоминать. Единственный вывод, который можно сделать и из этого документа — патриарх не сумел покинуть Крымский полуостров.

Потерпев неудачу, Феофан, возможно, остался в Перекопи, ожидая появления там новых русских посланников, о приезде которых было, видимо, уже известно, или самостоятельно, что представляется менее вероятным, вернулся в Бахчисарай, куда вскоре, 22 июля 1617 г., приехали и новые посланники А. Лодыженский и Р. Болдырев. По всей вероятности, иерусалимский патриарх не считал возможным, не сумев вместе с Ф. Челюсткಿನым и дьяком П. Даниловым добраться до Москвы, отправиться, так и не найдя денежных средств, в обратный путь в Константинополь. Не исключено, что и крымские власти могли противодействовать такому решению. Во всяком случае, когда уже находившемуся в Бахчисарае А. Лодыженскому надо было отправить приехавшего из Москвы служилого татарина Зянгильдея Исенева далее в Константинополь, то русский дипломат встретился с немалыми трудностями, обусловленными существовавшими в Крымском ханстве традициями: «...а одва де Обро-

сим того добился, что калга Зянгилдю отпустил, для того, что де преж того не бывало того, что через Крым ходить во Царьгород». ²³³ Что же касается все еще находившихся в Константинополе русских послов П. Мансурова и С. Самсонова, к которым Феофан также мог бы попытаться присоединиться для путешествия в Москву, то летом 1617 г. о времени их отъезда из столицы Османской империи, как отмечалось выше, еще ничего точно не было известно и сами послы всячески искали возможность покинуть город, ²³⁴ а когда 9 сентября 1617 г. они все-таки сели на корабль, то из-за плохой погоды, которая «разметала посольские корабли», они сначала попали в «Синапский уезд» в 450 верстах от Константинополя, затем были вынуждены зазимовать в Стефанове урочище в районе Керчи, а когда 29 марта уже 1618 года все-таки сумели добраться до Кафы, то местный паша задержал их там до 21 июня, когда они смогли отправиться в Азов, где остались еще на пять долгих месяцев, до конца ноября 1618 г. ²³⁵ Разумеется, патриарх Феофан не мог предвидеть ни стихийные бедствия, ни недружественную в отношении русских дипломатов политику кафинского и азовского пашей, но и предпринимать обратный путь в Константинополь, чтобы оттуда опять, уже в третий раз, пересечь Черное море, вряд ли казалось ему целесообразным, по многим, в том числе и финансовым, причинам.

В такой ситуации иерусалимскому владыке оставалось только надеяться на возможность выехать в Москву вместе с прибывшими на смену Ф. И. Челюсткину и дьяку П. Данилову новыми посланниками, учитывая, разумеется, то обстоятельство, что отъезд А. Лодыженского и подьячего Р. Болдырева из-за очень трудных и традиционно длительных переговоров, касавшихся двух наиболее важных вопросов: для русской стороны — участие татарских отрядов в военных действиях против Речи Посполитой, «общего врага польского короля», для крымских властей — прекращение «воровства» донских казаков, то есть их набегов на Азов и другие населенные пункты и нападений на морские и речные суда, также не мог быть скорым. Положение усугублялось началом военного похода из Крыма в «Кизылбаши», в который 27 августа, по данным статейного списка, отпра-

²³³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. № 3. Л. 26. Тот факт, что «в 1616–1618 гг. З. Исинеев ездил через Крым в Османскую империю», отметил А. В. Виноградов. Однако, указав на попытки задержания служилого татарина кафинским пашою, автор статьи не упомянул чинимые и крымскими властями препоны такой поездке (Виноградов А. В. Переводчики Посольского приказа в русских посольствах в Крымское ханство... С. 26).

²³⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 185–209.

²³⁵ Там же. Л. 237–264.

вился и сам хан Джанибек Гирей, оставив в Бахчисарае калгу Девлет Гирея,²³⁶ что до некоторой степени могло и затруднять, и замедлять переговоры. Понятно, что в таких условиях допустить повторную неудачу с выездом из Крыма было никак невозможно, почему перед иерусалимским патриархом встала насущная задача — обеспечить себе возможность уехать в Москву вместе с А. Лодыженским и Р. Болдыревым.

Известно, что русские посланники пробыли в Бахчисарае, обсуждая с калгой различные вопросы русско-крымских отношений, но не заговаривая о своем возвращении, всю вторую половину 1617 г., зиму и начало весны 1618 г. Однако 6 апреля 1618 г., после того как до них дошли сведения о прибытии в Кафу 29 марта 1618 г. ехавших из Константинополя П. Мансурова и С. Самсонова, они стали просить крымские власти, чтобы и их отпустили назад «тотчас»,²³⁷ возможно, стремясь по тем или иным соображениям попасть в Москву вместе с возвращавшимися из Османской империи послами и еще не зная, что П. Мансуров и С. Самсонов будут задержаны в пути очень долго.

Крымские власти не ответили категорическим отказом, но и отпуск посланников не мог произойти немедленно, так как из-за постоянных нападений донских казаков на Азов вопрос об отношении к ним продолжал обсуждаться, а главное, в Бахчисарае ждали известий об отправлении из Москвы нового русского представителя.²³⁸ Только 6 июня 1618 г. к А. Лодыженскому и Р. Болдыреву приехал служилый татарин Тулубай Бавкеев²³⁹ с грамотами царя Михаила Федоровича, сообщавшими, что в Крым едет Степан Хрущев с запросными деньгами и другими грамотами. 11 июня калга принимал посланников у себя, которые передали ему грамоты и уже присланные поминки. Они еще раз поговорили о казаках, от которых на море «великая теснота», но вопрос об отъезде был, видимо, так или иначе решен.²⁴⁰

К сожалению, в статейном списке А. Лодыженского и Р. Болдырева точная дата отъезда не указана. Можно только отметить, что 26 июля они все еще были в Бахчисарае, получив там отписку из Кафы от служилых татар,²⁴¹ а далее на этом же листе статейного списка

²³⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. № 4. Л. 4–5.

²³⁷ Там же. Л. 22.

²³⁸ Там же. Л. 23–39.

²³⁹ Это был уже второй приезд Т. Бавкеева к А. Лодыженскому и Р. Болдыреву, первый состоялся осенью 1617 г. (*Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Вып. 2. С. 339, 340). О Т. Бавкееве см. также: Там же. С. 186, 188, 189, 245, 393.

²⁴⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. № 4. Л. 40–41.

²⁴¹ Там же. Л. 43.

читается: «И как калга отпустил к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русиис Крыма к Москве Обросима и Рахманина, да с ними ж послал к государю царевых и своих послов Мустофу-мурзу с товарищи, да с ними ж отпустил еросалимского патриарха [Феофана] ... со встрешными [людьми] ... к Валуйке».²⁴² Допустимо поэтому думать, что русские посланники отправились в обратный путь в этот же или на следующий день, 27 июля, а 8 августа 1618 г. приехали на уже знакомый им стан на Ураеву речку вблизи Валуйек,²⁴³ использовав, очевидно, как и их предшественники Ф. И. Челюсткин и дьяк П. Данилов в июне 1617 г., путь на материк через Перекопъ и затратив примерно такое же, как и они, время, около двух недель. Чрезвычайно важным является тот факт, что, как следует из написанной не ранее 8 августа 1618 г. отписки А. Лодыженского и Р. Болдырева, они пришли в район Валуек на Ураеву речку не только с отправившимся вместе с ними из Бахчисарая крымским послом Мустафой-мурзой со свитой, но и с иерусалимским патриархом и сопровождавшими его людьми.²⁴⁴

Следовательно, Феофан III на этот раз не только смог выехать из Бахчисарая, но и благополучно, не вызвав никаких возражений у крымских властей, миновать пограничный пункт на Перекопском перешейке. Возникает вопрос, почему эта вторая попытка его проезда в Москву, в отличие от первой, оказалась удачной. Ответ на него может быть разным.

Допустимо полагать, что лояльное на этот раз отношение местных властителей к восточному патриарху объяснялось хлопотами А. Лодыженского и Р. Болдырева, которые не в пример Ф. Челюсткину и П. Данилову, обратились к тем или иным татарским должностным лицам с просьбой разрешить Феофану с его людьми присоединиться к ним на обратной дороге. Однако такое обращение обязательно должно было бы носить официальный характер и, соответственно, отразиться в их статейном списке, где никаких подобных записей, в отличие от очень подробных рассказов о встречах с ханом, затем с калгою и другими крымскими чиновниками и обсуждении с ними различных вопросов, нет, почему и подразумевать такой вариант решения вопроса не приходится.

Другую причину удачи второй попытки Феофана III поехать в Москву можно было бы видеть в том, что отказ в проезде за пределы Крым-

²⁴² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. № 4. Л. 43. Подлинное дело в читальный зал РГАДА не выдается, на микрофильме очень плохого качества текст на нижнем, поврежденном крае столбцового листа не читается.

²⁴³ Там же; 1618 г. № 6. Л. 7.

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. № 6. Л. 8.

ского полуострова или, наоборот, разрешение такой поездки были даны разными представителями высшей политической элиты: «царем», то есть ханом Джанибек Гиреем, летом 1617 г., и калгой Девлет Гиреем летом 1618 г., соответственно, что такие, прямо противоположные распоряжения были обусловлены некими внешне- или внутривосточными обстоятельствами, в частности, особенностями отношений с Речью Посполитой, стремлением подобным путем добиться урегулирования вопроса о донских казаках, то есть прекращения посылки им из России «государева жалованья», влиянием высших турецких властей, в первый раз направленным на противодействие иерусалимскому патриарху, а во второй — на поощрение его намерений, личностными характеристиками хана и калги и их отношением к представителю иной конфессии, что накладывало отпечаток на их решения.

Стоит сразу сказать, что вопрос с вознаграждением донских казаков государевым жалованьем «за службу» возник отнюдь не во второй половине 1610-х годов и продолжал обсуждаться без видимых успехов крымской или русской сторонами не только в 1618 г., но и спустя многие десятилетия, что позволяет сразу же исключить этот фактор. Сложнее обстоит дело с другими побудительными мотивами. Возможно, конечно, предположить, что турецкие власти, узнав о намерении Феофана ехать в Русское государство за милостыней, часть которой, бесспорно, пошла бы на выкуп Святых мест, в 1617 г. считали более выгодным для себя, чтобы иерусалимскими святынями продолжали владеть «франки», и отправили крымскому правителю распоряжение не выпускать патриарха с полуострова, а в 1618 г. их планы резко изменились, и патриарх получил возможность ехать в Москву. Однако найти документальные свидетельства или выстроить логическое объяснение столь резкой смене умонастроений турецких властей за такое короткое время не удастся.

Маловероятной представляется и возможность влияния личного отрицательного отношения, если таковое вообще имело место, султана Ахмеда I, еще правившего (умер 22 ноября 1617 г.) в момент отъезда первосвященника из Константинополя, именно к патриарху Феофану, сменившегося точно таким же, только положительным со стороны его сына, Османа II, занявшего султанский престол 26 февраля 1618 г., на запрещение восточному владыке выезда с Крымского полуострова или, наоборот, разрешение оно. Кроме того, любое решение сопровождалось бы тем или иным официальным распоряжением. Однако включенная в отписку А. Лодыженского и Р. Болдырева, очевидно, со слов Феофана, формулировка отказа пропустить его через Перекоп в середине июня 1617 г. — «пошел деи был без царского (то есть крымского хана Джанибек Гирея. — Л. Т.) ведома»,

которую он, вероятно, услышал непосредственно от крымских властей, показывает, что ни о каком повелении турецкого султана Ахмеда I речь не шла. Ничего не говорилось и о поступившем из Константинополя к лету 1618 г. распоряжении султана Османа разрешить Феофану III выехать за пределы Крымского полуострова.

Столь же неправдоподобным и бездоказательным представляется суждение о различном отношении к иерусалимскому патриарху со стороны крымского хана и наследника престола, почему Джанибек Гирей воспрепятствовал поездке Феофана III за милостыней, а калга Девлет Гирей разрешил ее.

Таким образом, если исключить или, по меньшей мере, усомниться в участии внешних сил в лице русских посланников А. Лодыженского и Р. Болдырева или турецких и крымских властителей, то удачу второй попытки выезда патриарха следует связывать с деятельностью самого Феофана, которому во что бы то ни стало следовало уведомить крымские власти о своих намерениях, чтобы обязательно получить соответствующее разрешение, когда одного устного, исходящего от самого иерусалимского патриарха заявления было бы явно недостаточно.

Единственно возможным в сложившихся условиях шагом было, как представляется, обращение одного восточного иерарха к другому — иерусалимского к константинопольскому, имевшему хоть какое-то отношение к официальным крымским светским властям, так как проживавшее на территории ханства, пусть и крайне немногочисленное православное население находилось в ведении именно константинопольской кафедры. Иными словами, допустимо думать, что патриарх Феофан III Каракалл запросил у патриарха Тимофея II Мармариса некий сопроводительный документ с обозначением направления своей поездки, каковым и стала исходящая от константинопольского патриарха грамота апреля 1618 г. Очевидно, что необходимость в таком акте могла возникнуть только при появлении у иерусалимского патриарха реальной возможности покинуть Бахчисарай, а таковая возникла после обращения А. Лодыженского и Р. Болдырева к калге Девлет Гирею с просьбой об отпуске 6 апреля 1618 г., в которой не было отказано. По всей вероятности, русские посланники сообщили о встрече с калгой жившему если и не вместе с ними на одном дворе, то, в любом случае, не слишком далеко патриарху, с которым они на протяжении своего пребывания в Бахчисарае наверняка общались хотя бы как с духовным лицом, исповедовавшим одну с ними религию. Феофан же, видимо, с нетерпением ждавший таких известий, сразу же предпринял все зависящие от него меры для обеспечения своего свободного проезда в Русское государство — обратился к константинопольскому патриарху.

Высказанному предположению не противоречит и хронология событий. Сведения о появившихся в Кафе 29 марта 1618 г. возвращавшихся из Османской империи послах П. Мансурове и С. Самсонове, послужившие, видимо, побудительной причиной для просьбы об отпуске, дошли до посланников А. Лодыженского и Р. Болдырева не позднее 6 апреля этого года, а скорее, немного, хотя бы на день, ранее, чтобы они имели время ознакомиться с полученным сообщением и подготовить адресованное крымским властям прошение, что вполне возможно, так как на их доставку от порта на юго-восточной части полуострова до Бахчисарая не обремененному поклажей или обозом гонцу требовалось вряд ли более недели. Следовательно, если патриарх Феофан решил отправить кого-то из сопровождавших его людей сразу после обращения А. Лодыженского и Р. Болдырева к калге, то его гонец мог появиться в Кафе не позднее 13 апреля. Морское путешествие из Кафы до Константинополя при нормальной погоде занимало около девяти дней.²⁴⁵ Если предположить, что этот человек, имея от патриарха инструкции побыстрее добраться до цели поездки, в течение нескольких дней нашел подходящее судно, то, в таком случае, в середине — второй половине 20-х чисел апреля он уже мог попасть в столицу Османской империи и связаться, вероятно, при помощи кого-то из остававшихся на иерусалимском подворье людей с константинопольским патриархом и изложить ему просьбу Феофана III. Патриарху же Тимофею II, в свою очередь, хватило бы одного дня на подготовку очень небольшого текста отправляемой иерусалимскому владыке грамоты, чтобы датировать это послание апрелем 1618 г.

Высказанному предположению о связи выдачи грамоты апреля 1618 г. с вставшей перед патриархом Феофаном необходимостью предъявить крымским властям некий документ о его поездке в Русское государство никак не противоречит и содержание исходящего от Тимофея II акта.

В начале грамоты, после титула константинопольского патриарха и перечисления адресатов послания (преосвященные митрополиты, архиепископы, епископы и другие духовные лица, к которым по своему социальному статусу только и мог обращаться патриарх Тимофей), указывается, что правом на отправление божественной литургии («do odprawowania Boskiey liturgiey») и других видов архиерейского служения константинопольский патриарх благословляет святейшего патриарха Иерусалимского кир Феофана, доброго брата и сослужив-

²⁴⁵ Так, П. Мансуров и С. Самсонов, при поездке в Османскую империю, отправились из Кафы в Константинополь 4 июля 1616 г., а прибыли туда 13 июля этого же года (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 48).

теля «смирения нашего» («w świętym Duchu miły brat y społsłużyciel pokorności naszey»), который имеет потребность отправиться в «Московскую землю» («maiąc potrzebe, iedzie do ziemi Moskiewskiej»).²⁴⁶

Вряд ли эти слова даже при очень большом желании можно трактовать как наступившую именно весной 1618 г. насущную необходимость скорейшего восстановления православного епископата в Киевской митрополии, для чего необходимо было сначала добраться до Москвы, а затем каким-то способом беспрепятственно проникнуть на территорию находящейся в состоянии войны с Русским государством Речи Посполитой.²⁴⁷ Самое же поверхностное сравнение выражения «brat y społsłużyciel» с текстом грамот Киевскому Богоявленскому (26 мая 1620 г.), Луцкому (20 июня 1620 г.) и Львовскому (7 сентября 1620 г.) братствам показывает, что писец исходивших уже от имени патриарха Феофана грамот был, очевидно, знаком с греческим оригиналом грамоты Тимофея II, так как ее перевод на польский язык, сделанный, вероятно, Мелетием Смотрицким для готовившегося издания «Verificatia niewinności...», появился позднее. При этом этот писец, самостоятельно переведя греческие слова, использовал образные и легко запоминающиеся выражения в подготовленных уже им самим документах. Однако, как отмечалось выше, по распоряжению иерусалимского патриарха или исходя из собственного понимания ситуации, к этим позаимствованным из «константинопольской» грамоты словам для придания большего авторитета выдаваемым православным братствам грамот сделал существенное смысловое дополнение. Относившаяся только к Феофану характеристика — «брат» («сполбрат») и «сослужитель» — оказалась распространена и на двух других восточных патриархов — александрийского и антиохийского, о которых в грамоте Тимофея II, подчеркнем это еще раз, речи не шло. Что же касается крымских властей, по крайней мере, в лице калги Девлет Гирея, такого, выраженного в самой общей форме подтверждения намерений иерусалимского патриарха было достаточно, чтобы не задерживать его больше в Бахчисарае и свободно пропус-

²⁴⁶ АЮЗР. Ч. 1. Т. 7. С. 298. В греческом оригинале — «к границам Московии» (см.: Ченцова В. Г. Разрешительная грамота... С. 60).

²⁴⁷ В 1606 г. поехавшие в Москву за милостыней представители Львовского братства по распоряжению Сигизмунда III были арестованы и отправлены назад (Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие... С. 188–189; Тимошенко Л. В. Князь В.-К. Острожский и «единоверная» Московская Русь (К проблеме взаимоотношений православных религиозных культур Восточной Европы) // Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: общее и различное. М., 2012. С. 100). Вряд ли в 1618 г. как русская, так и польская сторона дали бы разрешение патриарху Феофану на свободное пересечение границы, хотя до ареста дело, может быть, и не дошло бы.

тить вместе с А. Лодыженским, Р. Болдыревым, крымским послом Мустафой мурзой и другими людьми через Перекоп. Понятно, что пребывание и проезд по территории, небольшая часть населения которой все же исповедовала православие и находилась в юрисдикции константинопольской кафедры, требовало и выдачи иерусалимскому патриарху разрешения на священнодействие в чужой епархии. Однако само расположение слов о «Московской земле» («московской границе») и «архиерейском служении в своей епархии», когда первое выражение предшествует второму, косвенным образом показывает, какой фактор являлся определяющим, а какой — если и не в полном смысле второстепенным, то обусловленным именно первым — необходимостью продвижения в Русское государство через константинопольскую епархию.

Важно иметь в виду и еще одно обстоятельство. В «Протестации» Иова Борецкого и других иерархов во фрагменте, излагающем предысторию приезда восточного патриарха в Киев, есть намек на то, что крымский хан мог заподозрить в Феофане польского шпиона, якобы выступавшего за войну с турками и стремившегося к подготовке перемирия Москвы с поляками, почему и продержал его в Бахчисарае целый год.²⁴⁸ О подобных деталях своего путешествия авторам полемика сочинения мог рассказывать только сам патриарх Феофан, воспроизведя, по всей вероятности, услышанное на границе при объяснении отказа пропустить его через Перекоп. Русским же посланникам А. Лодыженскому и Р. Болдыреву, единоверцам иерусалимского владыки, причина такого запрета была указана крымскими властями в самом общем виде, возможно, без желания возбуждать у них излишнего недовольства и вопросов, как «неведение» хана Джанибек Гирея. В таком случае, представленная Феофаном III в июне 1618 г. грамота от имени константинопольского патриарха Тимофея II, в котором вряд ли можно было видеть сторонника действующих в то время польских властей, преимущественно католиков и униатов по своему вероисповеданию, очевидно, помогала снять с направлявшегося в Москву иерарха подозрения или, по крайней мере, являлась оправдательным для всех сторон документом. Разумеется, константинопольский патриарх, административно подчинявшийся светским турецким властям,²⁴⁹ не мог санкционировать поездку Феофана в Русское государство за милостыней или отдать крымским властям распоряжение о его

²⁴⁸ Жукович П. Протестация митрополита Иова Борецкого... С. 8.

²⁴⁹ Выше уже отмечалось, что находившиеся в Константинополе послы П. Мансуров и С. Самсонов получали разрешение от великого визиря на посещение подворий константинопольского и иерусалимского патриархов (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1615 г. № 4. Л. 81, 114–115).

пропуске на территорию России, но он имел возможность подтвердить наличие у иерусалимского владыки потребности в таком путешествии, направление его движения — к границам «Московии», и указать на имевшиеся у этого духовного лица полномочия, придав тем самым поездке Феофана за милостыней в достаточной степени официальный характер.

Следовательно, рассмотрение документов русско-крымских и русско-турецких связей 1617–1618 годов позволяет сказать, что появление грамоты константинопольского патриарха Тимофея II иерусалимскому патриарху Феофану III от апреля 1618 г. было обусловлено личной инициативой второго из иерархов, обусловленной трудной из-за позиции хана Джанибек Гирея, по тем или иным причинам не пожелавшего пропустить иерусалимского патриарха через Перекоп, ситуацией с продолжением путешествия в Россию за милостыней. Эта конкретная, связанная исключительно с целями и намерениями иерусалимского патриарха, причина снимает все противоречия по поводу отсутствия антиохийского и александрийского патриархов в Константинополе в этот период и якобы состоявшимся там соборе по вопросу восстановления иерархии в Киевской митрополии. Такое объяснение лишает смысла и поиск тех или иных логических объяснений того обстоятельства, каким образом восточные патриархи, пусть даже в лице только константинопольского владыки, могли предположить, что задержанный на год в Крымском ханстве Феофан III все же сумеет каким-то образом проникнуть не только на территорию России, но и беспрепятственно проехать оттуда в находившуюся в крайне напряженных отношениях с Русским государством Речь Посполитую. Одновременно появляется возможность рассеять возникавшие у исследователей недоумения по поводу существенной задержки с выдачей такой грамоты, коль скоро Феофан отправился в Москву еще в начале весны 1617 г. На самом деле документ был выдан именно в тот момент, когда в нем появилась необходимость, вовремя попал в Бахчисарай и оправдал цель своей выдачи, обеспечив иерусалимскому патриарху беспрепятственный выезд с Крымского полуострова вместе с русскими посланниками А. Лодыженским и Р. Болдыревым.²⁵⁰

²⁵⁰ Удивительно, но в недавно вышедшей (ответственный редактор А. В. Юрасов) под грифами Российского исторического общества и Института российской истории РАН коллективной двухтомной монографии (История Крыма в двух томах. Т. 1–2. М., 2019), «первого обобщающего научного труда по истории Крымского полуострова с древнейших времен и до современности» (Юрасов А. В., Мальгин А. В. Введение // История Крыма в двух томах. Т. 1. С. 15), сведения о поездках Ф. И. Челюсткина и дьяка П. Данилова, А. Лодыженского и подьячего Р. Болдырева отсутствуют вообще, их имен нет и в составленном к тому указателе (Там же. С. 542–556). 15 глава

В связи со сказанным интересно было бы задаться вопросом о человеке, доставившем патриарху Феофану грамоту Тимофея II. Предполагается, что, если личность отправленного из Бахчисарая около 6 апреля 1618 г. гонца с адресованной константинопольскому патриарху просьбой не имела особого значения и им мог быть любой человек из окружения иерусалимского первосвященника, то доверить готовый документ первому попавшему или не занимающему определенного положения в греческой церковной структуре лицу вряд ли было возможно. Этому посланнику должны были доверять и не сомневаться в его преданности и адресант, и адресат послания, то есть и патриарх Тимофей, и патриарх Феофан. Для первого из указанных иерархов такое условие подразумевало хорошее знакомство с выбранным кандидатом, маловероятное, если речь шла о рядовом «человеке» из свиты Феофана,²⁵¹ но и иерусалимский патриарх должен был хорошо знать

первого тома «Крымское ханство во второй половине XV — XVII в. Политическая история и международные отношения», где и должен был бы содержаться рассказ об этих и других дипломатических миссиях, включает в себя §4 «Русско-крымские отношения в Смутное время (Там же. С. 422–425; автор Д. В. Лисейцев), который заканчивается 1613 г., воцарением Михаила Федоровича, а в следующем за ним §5 «Крымское ханство, Речь Посполитая, украинское казачество и Русское государство в XVII в.» (Там же. С. 426–432; автор И. В. Зайцев) чрезвычайно кратко говорится о поездке Шахин Гирея в Запорожье зимой 1624–1625 годов и заключении договора с казаками о взаимопомощи (Там же. С. 427), все же остальное изложение посвящено описанию различных военных столкновений или, наоборот, совместных операций указанных в заголовке параграфа сил с редкими упоминаниями заключенных Москвой договоров. В результате, дипломатические отношения Русского государства с Крымским ханством после 1613 г. вообще остались вне поля зрения автора этого параграфа, а следовательно, сведения о русско-крымских отношениях на протяжении большей части XVII в. оказались отрывочными и крайне неполными, что не позволяет охарактеризовать указанный параграф 15 главы как хоть сколько-нибудь «обобщающий», хотя и касающийся почти всего XVII в. Такое положение вызывает тем большее удивление, что одновременно с первым томом «Истории Крыма» появилась, например, статья, посвященная также не упомянутой в коллективной монографии миссии князя Г. Г. Волконского (*Виноградов А. В. Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614–1615 годов // Вестник Волгоградского ГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 158–174*). Создается впечатление, что такая отрывочность приведенных сведений о русско-крымских дипломатических отношениях отражает или некие административно-организационные неурядицы, или искусственное разделение тематики между отдельными историками, когда один исследователь не считает возможным обращаться к сюжетам, якобы изучающимся другими специалистами.

²⁵¹ Похожая ситуация сложилась чуть позже, в 1622 г. Когда приехавшие в Константинополь с государевым жалованьем для духовных лиц и учреждений русские послы И. А. Кондырев и Т. В. Бормосов обнаружили, что иерусалимский патриарх уже уехал из города, они обратились к ставшему после Тимофея II новому константинопольскому патриарху Кириллу I Лукарису, чтобы он порекомендовал им надежного

этого гонца. Попробуем предложить удовлетворяющую всем этим требованиям персону.

Выше было отмечено, что после отъезда патриарха Феофана из Константинополя в начале марта 1617 г. на иерусалимском подворье оставался старец Аникей, к которому летом этого года несколько раз обращались русские послы. Вместе с тем, старец же Аникей фигурирует как приехавший в Москву вместе с патриархом Феофаном бывший келарь Святого гроба Иоанникий Грек²⁵² и на аудиенции у царя Михаила Федоровича получивший достокан ценой в три рубля, портищ камки багровой, 40 куниц и 10 рублей денег.²⁵³ Бросаются в глаза интересные совпадения: остававшийся в Константинополе на иерусалимском подворье человек, видимо, являлся доверенным лицом патриарха Феофана, так как оставить наблюдение в свое отсутствие за таким весьма важным для патриаршей кафедры объектом вряд ли можно было первому встречному монаху. А постоянные обращения русских послов к старцу Аникею при возникновении тех или иных трудных ситуаций происходили, скорее всего, по рекомендации, данной самим Феофаном перед отъездом, что еще раз характеризует этого «подворника» как весьма близкого патриарху человека. Точно так же приехавший в Москву с иерусалимским владыкой старец Аникей — Иоанникий Грек продолжал, оставаясь в русской столице, поддерживать контакты с приезжавшими туда представителями Православного Востока, особенно если речь шла о Святых местах, что свидетельствует о продолжавших существовать его тесных связях с иерусалимской патриаршей кафедрой.²⁵⁴

посланника. Лукарис указал на находившегося на иерусалимском подворье игумена Амфилохия как на человека, которому «мочно» верить (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1622 г. № 2. Ч. 1. Л. 254).

²⁵² Указание на посвященную Иоанникию Греку литературу см. в примеч. 189.

²⁵³ См.: Тимошина Л. А. Материалы о приезде иерусалимского патриарха Феофана... С. 129.

²⁵⁴ Крайне субъективным представляется мнение Н. Ф. Каптерева о том, что патриарх Феофан «хотел иметь при московском дворе преданного ему агента ..., который бы направлял щедрую русскую милостыню главным образом в Иерусалим» (Каптерев Н. Ф. Собрание сочинений. Т. 2. С. 42). Такую милостыню, щедрую или не очень, приехавшее в Москву духовенство Православного Востока получало в соответствии с составлявшимися в Посольском приказе, основанными на примерах предыдущих раздач и несколько скорректированными в соответствии со складывавшимися конкретными условиями визитов росписями выдачи государева жалованья (примеры см.: Тимошина Л. А. Материалы о приезде иерусалимского патриарха Феофана... С. 119–120, 122–123, 128–129 и др.), повлиять на составление которых Иоанникий Грек при всем своем и патриарха Феофана желании не мог. Не стоит также преувеличивать значение роли Иоанникия при подготовке документов для русских послов в Турцию И. А. Кондырева и Т. Г. Бормосова (см.: Фонкич Б. Л. Иоанникий Грек. С. 89, 99–100; Фонкич Б. Л., Оборнева З. Е. Кирилл Лукарис и Россия.

Кроме того, круг обязанностей келаря, человека, занимавшего в обителях, независимо от их местоположения, такую хозяйственно-административную должность, состоял в заведывании кладовой со съестными припасами, их отпуском на монастырскую кухню, организацией братской трапезы и др.²⁵⁵ Однако и находившийся на иерусалимском подворье в Константинополе старец Аникей, не называвшийся, разумеется, келарем, так как организационная структура этого городского представительства иерусалимской кафедры отличалась от монастырской, должен был, в первую очередь, заниматься вопросами повседневного существования подворья и живущих там людей, то есть выполнять ровно тот же круг обязанностей, что и монастырские келари, каковым в свое время являлся и Иоанникий Грек.

И наконец, когда осенью 1622 г. русские послы И. А. Кондырев и Т. Г. Бормосов прибыли в Константинополь, то на иерусалимском подворье находился уже не «старец Аникей», а старец «Анфилофей», также приезжавший вместе с иерусалимским патриархом в Москву будущий великий архимандрит Великой церкви Амфилохий,²⁵⁶ которого вернувшийся в Иерусалим патриарх «...оставил на своем патриаршеском дворе».²⁵⁷ Получается, что до этого момента никакого

С. 136–137; *Оборнева З. Е.* Характер милостыни... С. 361). Он, конечно, рассказал об известных ему на Христианском Востоке православных обителях, однако в Посольский приказ приехавший в свите патриарха Феофана старец пришел не по собственной инициативе, а, формально, по указу царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича (что вскользь отмечалось и авторами указанных выше работ), на самом же деле, по всей вероятности, по распоряжению возглавлявшего это учреждение думного дьяка И. Грамотина. Помимо Иоанникия для подготовки росписи послывшегося с послами государева жалованья предполагалось расспросить и приехавшего с угорским митрополитом старца Нила, а главное — неизменным оставался механизм приказной делопроизводственной работы: к «сказке» Иоанникия дописали, используя имевшиеся в приказе документы, размеры послывшейся с Т. Коробейниковым милостыни или полностью воспроизвели все сведения из подготовленной во второй половине 1590-х годов росписи, если Иоанникий отговаривался своим «незнанием». Затем И. Грамотин своей рукой и вряд ли консультируясь с Иоанником Греком сделал пометы о величине предназначавшейся для отправления православному духовенству в 1622 г. милостыни. Попутно стоит отметить, что, на наш взгляд, подготовленная в Посольском приказе так называемая «сказка» Иоанникия Грека, опубликованная без надлежащего источниковедческого исследования, с довольно большим количеством неточностей, подчас пропуском отдельных слов и предложений (*Фонкич Б. Л.* Иоанникий Грек (К истории греческой колонии в Москве в первой трети XVII в.) // ОФР. Вып. 10. М.; СПб., 2006. С. 101–110), нуждается в повтором издании ее текста.

²⁵⁵ См.: *Доброцветов П. К.* Келарь // ПЭ. Т. 32. М., 2013. С. 340–342.

²⁵⁶ Подробнее о его пребывании в Москве см.: *Тимошина Л. А.* Материалы о приезде иерусалимского патриарха Феофана... С. 78–79.

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1622 г. № 2. Ч. 1. Л. 254.

официального назначенного Феофаном III «управляющего» на иерусалимском подворье, видимо, не было, следовательно, старец Аникей в Константинополе уже не проживал, находясь в Москве и именуясь «Иоанникий Грек».

Все вышеизложенное позволяет, вслед за исследователями, большинство из которых ориентировалось на совпадение имен, а также принадлежность старца Аникея и Иоанникия Грека к окружению иерусалимского патриарха, не только отождествить проживавшего в 1617 г. на иерусалимском подворье в Константинополе и встречавшегося с русскими послами П. Мансуровым и С. Самсоновым человека с появившимся в Москве бывшим келарем Святого Гроба, но и считать, что гонцом, доставившим грамоту Тимофея II в Крымское ханство патриарху Феофану был старец Аникей. Именно он, привезя в мае, может быть, в самом начале июня 1618 г. в Бахчисарай грамоту константинопольского патриарха Тимофея II, остался там, видимо, по распоряжению самого иерусалимского патриарха и вместе с ним отправился в дальнейший путь. Тем самым снимается незамеченное предшественниками противоречие, когда остававшийся в Константинополе после отъезда иерусалимского владыки из этого города человек все же оказался в свите Феофана во время прибытия Феофана в Москву.

Выяснив вопрос о привезшем грамоту апреля 1618 г. гонце, каковым, по нашему мнению, стал старец Аникей — Иоанникий Грек, стоит кратко остановиться на обстоятельствах пути Феофана III со свитой по территории Русского государства до столицы, которые позволяют представить реальную военно-политическую обстановку, сложившуюся на южных рубежах России летом 1618 г.

Выше отмечалось, что 8 августа 1618 г. А. Лодыженский и Р. Болдырев пришли на стан на Ураеву речку вместе с крымским послом Мустафой мурзой и иерусалимским патриархом Феофаном с сопровождавшими его людьми. И в этот же день к ним приехал валуйский воевода Афанасий Тургенев и рассказал о внезапном взятии Ельца «запорожскими черкасами», то есть казаками гетмана П. Конашевича Сагайдачного, и разграблении там «государевой казны»,²⁵⁸ которую вез в Крымское ханство посланник Степан Хрущов, ехавший

²⁵⁸ Об этом рейде запорожских казаков см., например: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 102; Брехуненко В. Війни українських козаків з Росією до часів Богдана Хмельницького. Київ, 2007. С. 40–49; Сас П. М. Запорожці у польсько-московській війни наприкінці смути (1617–1618 рр.). Біла Церква, 2010. С. 311–334; Курбатов О. А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 207–210 (здесь же см. наиболее подробный на сегодня историографический обзор и библиографию вопроса: Там же. С. 26–43, 472–482).

в сопровождении возвращавшихся татарских послов и гонцов. В результате, А. Лодыженский и Р. Болдырев были вынуждены разделиться: первого из них направлявшиеся в Крым и приехавшие в Валуйки Ишим мурза и Янтемир мурза взяли с собой как заложника, а подьячий вместе с другими людьми поехал в Москву. В отписке, составленной не ранее 14 августа 1618 г., он писал: «Пошли, государь, крымские люди Ишим мурза да Янтемир мурза со встречными людьми от Валуйки назад в Крым и Обросима Ладыженсково воротили с собою ж, а меня, холопа твоего, да послов Мустофу [мур]зу с товарищи отпустили к тебе, государю. И я, холоп твой, пришел с Валуйки на Оскол августа в 14 день, а с Оскола, государь, пошли на Ливны, и по городом воеводы провожатых дают мало, человек по двадцати, а инде по тридцати пеших людей, и те, государь, з дороги розбегаютца, и подвод, государь, послом и гонцом и ково мне, холопу твоему, отпустить к тебе, государю, с отписками не дают. И про то, государь, крымские послы на меня, холопа твоего, шумят, преж деи сего ходили мы ко государю в послех, и нам деи по всем городом кормы и подводы давали и провожатых деи посылавали конных, а не пеших. И я им, холоп твой, говорил, видите вы сами, что ныне многие города от воров и от черкас разорены, и где мочно взять корму, и вам ту (так!) дают, ... а мне, холопу твоему, наперед послов ехать к тебе, государю, к Москве не с кем и послов приказать некому. Да со мною же, холопом твоим, идет к тебе, государю, *еросалимской патриарх Феофан* (выделено нами. — Л. Т.)».²⁵⁹ Понятно, что значительные путевые трудности испытывал примерно в течение недель и ехавший с Р. Болдыревым иерарх вместе с сопровождавшими его людьми. Все они, кроме А. Лодыженского, вынужденного вернуться в Крым, добрались до Тулы, по сведениям статейного списка, 1 сентября 1618 г., преодолев расстояние от Оскола до этого города, вероятно, с непродолжительной остановкой в Ливнах, в 400–450 км за 18 дней: «...а Рахманин с крымскими послы и з гонцы и иеросалимской патриарх пришли на Тулу 127-го сентября в 1²⁶⁰ числе и по го-

²⁵⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. № 6. Л. 9–10.

²⁶⁰ Плохое качество выдаваемого в читальный зал РГАДА микрофильма вместо оригинала статейного списка не позволяет с полной уверенностью воспроизвести написанное на самом краю чуть поврежденного правого края листа число. Возможно чтение «е» — 5. В. Г. Ченцова, со ссылкой на монографию А. И. Пападопуло-Керамевса, пишет, что патриарх Феофан добрался до Тулы в августе 1618 г. (Ченцова В. Г. Разрешительная грамота... С. 60). В более ранней работе, где отписки Р. Болдырева не использовались, мы тоже писали о конце августа 1618 г. как времени появления восточного патриарха в этом городе (Тимошина Л. А. Историографические мифы... С. 51), что неточно.

судареву цареву и великого князя указу велено патриарха и крымских послов поставить на Туле до государева указа, а Рахманину велено быть к государю к Москве».²⁶¹

Трудно представить, что такую дорогу в весьма непростых условиях постоянных военных набегов запорожских казаков на южные русские города, когда русские воеводы не имели возможности в достаточной степени обеспечить охраной и транспортом даже официальные дипломатические миссии, сумел бы в одиночку преодолеть посланный константинопольским патриархом гонец с грамотой, чтобы вручить иерусалимскому патриарху этот документ именно в Туле, даже если предположить, что он сумел бы каким-то образом уговорить крымские власти пропустить его через Перекоп, а затем, встретив на пути возвращающегося вместе с татарами А. Лодыженского, узнать от него о дальнейшем направлении движения Р. Болдырева и иерусалимского патриарха. Поэтому высказанное П. Подвысоцким и повторенное затем другими исследователями предположение о том, что патриарх Феофан получил грамоту Тимофея II во время своего проживания в Туле, даже без учета всех других высказанных выше соображений, представляется невозможным.

Приехав в Тулу вместе с подьячим Р. Болдыревым 1 или, может быть, 5 сентября 1618 г., Феофан III, безусловно, уже имея при себе грамоту Тимофея II, оставался там почти пять месяцев, до конца января 1619 г., так как только 24 января этого года из Посольского приказа была дана грамота приставу В. И. Полтеву, который должен был сопровождать иерусалимского патриарха из этого города в Москву.²⁶² Трудно сказать, предъявлял ли Феофан Иерусалимский грамоту патриарха Тимофея II во время аудиенции «на приеме» у царя Михаила Федоровича 13 апреля 1619 г.²⁶³ В реконструированном «деле о приезде» этого восточного патриарха таких сведений нет,²⁶⁴ да и адресован документ был самому Феофану, а не русскому царю, почему и особых причин заявлять о посвященном каноническим вопросам послании константинопольского патриарха во время встречи с Михаилом Федоровичем, как кажется, не было. Другое дело — вернувшийся в Москву ростовский митрополит Филарет, в поставлении которого в патриархи Московские, как неоднократно отмечалось в литературе, участвовал вместе с высшим русским духовенством и

²⁶¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. № 3. Л. 47.

²⁶² Тимошина Л. А. Материалы о приезде иерусалимского патриарха Феофана... Приложение. № 1. С. 118.

²⁶³ О дате царской аудиенции подробнее см.: Там же. С. 70.

²⁶⁴ Там же. С. 117–143.

Феофан Иерусалимский.²⁶⁵ Конечно же, во время своего почти годового пребывания в Москве с зимы 1619 по 4 февраля 1620 г. иеруса-

²⁶⁵ См., например: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 278–279; *Козляков В. Михаил Федорович. М., 2004.* С. 122–126; *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. С. 355; *Белякова Е. В.* Повесть о начале патриаршества в России — неиспользованный источник по истории патриарха Филарета // *От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы научной конференции (Москва, 20–22 ноября 2013 г.). М.; Вологда, 2016.* С. 444–453; *Корогодина М. В.* Схождение благодатного огня по рассказам иерусалимского патриарха Феофана (1620 г.) // *ДРВМ. 2020. № 1 (79).* С. 160–167. Совершенно ошибочной представляется позиция Б. Л. Фонкича. В ранней работе историка читается: «Важнейшим событием в истории русской церкви, русско-греческих связей первой половины XVII в. явилось поставление Феофаном в московские патриархи митрополита ростовского и ярославского Филарета. Поставление Филарета Никитича было оформлено грамотой патриарха Феофана, составленной в Москве 5 июля 1619 г.» (*Фонкич Б. Л.* Грамота иерусалимского патриарха Феофана об утверждении московским патриархом Филарета Никитича // *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV — начала XVIII в. М., 2003. С. 400 (= *Cyrrillomethodianum. 1989–1990 [1994]. Т. XIII–XIV.* С. 45)), превратившееся затем в следующее: «Как известно, 5 июля 1619 г. он поставил в московские патриарха митрополита ростовского и ярославского Филарета» (*Фонкич Б. Л.* Иоанникий Грек. С. 86). Речь в последнем случае, конечно же, не идет об акте хиротонии митрополита Филарета в патриарха Московского, состоявшемся в действительности 24 июня 1619 г. (см., например: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 737), а о выданной через десять дней после поставления Филарета от лица иерусалимского патриарха «благословенной», «настойной» грамоте, уже по своей хронологии и с учетом того факта, что собор русского духовенства имел право на избрание и наречение московского патриарха и без участия восточных первосвященителей, никак не являвшейся «ставленной». Как писал А. В. Карташев, «Все сделано канонически по правилам, без всякого превышения власти. Участие в хиротонии патр. Феофана было случайностью. И без него собор русских архиереев также правомерно поставил бы в патриархи Филарета» (*Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. С. 95; см. также, например: *Козляков В. Михаил Федорович. С. 123*). Юридическую необязательность выдачи такой грамоты от имени восточного патриарха прекрасно сознавал и сам Филарет Никитич. Летом 1626 г., обращаясь к архимандриту Владимиру с просьбой прислать новую «настойную» грамоту взамен сгоревшей в 1626 г., он специально подчеркивал право русского духовенства «поставляти на Москве патриархов соборне» и объяснял обращение к Феофану личным благорасположением к иерусалимскому патриарху — «от великого сердечнаго желания для духовные любви» (подробнее см.: *Тимошина Л. А.* Список с грамоты иерусалимского патриарха Феофана III 5 июля 1619 г.: особенности перевода // *Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия. Материалы международной научной конференции Москва, 29–30 сентября 2021 г. Вып. 2. М., 2021.* С. 197–199). Лучшими же доказательствами того обстоятельства, что грамота 5 июля 1619 г. действительно не имела юридического значения, являясь выражением взаимного уважения двух иерархов, служат, например, такие хорошо известные факты, как последовавшее 2 июля 1619 г. от имени обоих *патриархов* повеление митрополиту Крутицкому

лимский владыка неоднократно встречался с новонареченным московским патриархом. Поэтому не вызывает особых сомнений, что патриарх Феофан рассказал патриарху Филарету о полученной им еще от одного первосвященника, Тимофея II Константинопольского, грамоте на право священнодействия в константинопольской епархии. Косвенным доказательством может послужить собственноручная грамота Феофана III от 12 июля 1620 г., отправленная Филарету Никитичу из Киева.

В. Г. Ченцова, проанализировавшая греческий текст этого документа, отметила, что иерусалимский патриарх сообщил в Москву об отказе от предоставленной польским королем охраны и обратила внимание на одно чрезвычайно важное, но ускользавшее от внимания современных исследователей, возможно, из-за отсутствия русского перевода грамоты, обстоятельство:²⁶⁶ «Из текста письма понятно,

Ионе «предложить дело Дионисия (Зобниновского. — Л. Т.) и его товарищей на Соборе» или рассылка по городам окружной грамоты от имени Михаила Федоровича, появившейся на два дня ранее подготовленного от лица Феофана III документа, 3 июля 1619 г., где царь уже говорит о своем отце как поставленном на московскую кафедру патриархе (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 279, 280). Утверждение же Б. Л. Фонкича полностью искажает историческую реальность. Нельзя забывать, что до грамоты Феофана Иерусалимского от 5 июля 1619 г., новонареченному патриарху, видимо, в тот же день, 24 июня этого года была дана ставленная грамота с подписями и печатями русских митрополитов, архиепископов и епископов. Именно эту грамоту, по всей вероятности, имел в виду Филарет Никитич, говоря о праве русского духовенства поставлять патриарха Московского «соборне». Эта грамота также погибла в пожар 1626 г., но была сразу же восстановлена с использованием, как, вероятно, и в утраченном оригинале, пергамена и подписями русского духовенства (см.: Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135. М., 1971. № 296. С. 130). Находившийся в Москве иерусалимский владыка, конечно, активно участвовал в различных действиях, связанных с избранием нового московского патриарха, но всегда вместе с представителями «освященного Собора Русской земли», не предпринимая ничего единолично (подробное, основанное на чине наречения и поставления Филарета Никитича на патриаршество описание всех этих действий см.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 276–279) и не нарушая тем самым никаких канонических установлений, связанных с архиерейским служением опять-таки на территории чужой, только теперь не константинопольской, а московской епархии.

²⁶⁶ Грамоту иерусалимского патриарха Феофана московскому патриарху Филарету Никитичу упомянул Б. Л. Фонкич в переопубликованной позднее статье 1994 г. (*Фонкич Б. Л.* Иерусалимский патриарх Феофан и Россия. Обзор греческих грамот Российского государственного архива древних актов // *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV — начала XVIII в. М., 2003. С. 412–413 (= Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 214)). Однако, исходя, видимо, из поставленной перед собой задачи — представить общий перечень хранящихся в РГАДА грамот иерусалимского патриарха, автор статьи в отношении этого документа ограничился самым кратким описанием акта, указав только размер двух листов бумаги, цвет

что уже в это время речь шла о возможном будущем восстановлении православной иерархии, поскольку „их земля жаждала архиерея“ ... (далее воспроизводится соответствующий фрагмент на греческом языке. — Л. Т.)». ²⁶⁷ Вряд ли иерусалимский патриарх стал бы касаться в своем послании московскому патриарху, а может быть, и вообще специально писать из Киева Филарету Никитичу, такого вопроса, если бы московский первосвященник не знал о наличии у Феофана III грамоты Тимофея II апреля 1618 г., позволявшей утолить подобную «жажду», ²⁶⁸ но в рамках данной статьи мы не будем затрагивать по-прежнему требующего серьезного изучения с привлечением всех возможных источников вопроса об активном участии русской стороны в восстановлении православной иерархии в Киевской митрополии, или, наоборот, игнорировании «Москвой» этого процесса, причем сторонники и той, и другой точек зрения в большинстве случаев не утруждают себя поиском убедительных, новых доказательств, ограничиваясь простой констатацией своих позиций. Хотелось бы только обратить внимание на тот факт, что в момент приезда в Москву патриарх Феофан действительно имел при себе документ, который мог послужить законным основанием, даже если впоследствии польские власти и отрицали юридическую правомерность грамоты апреля 1618 г., для такого восстановления, о чем, по всей вероятности, были осведомлены русские духовные, а через них и светские власти.

Одновременно нельзя не отметить, что об имеющейся у иерусалимского патриарха грамоте Тимофея II апреля 1618 г. знали и в Киеве, причем задолго до появления там самого Феофана. Относительно недавно А. А. Булычев обнаружил в библиотеке Московской Синодальной типографии печатный экземпляр изданного в Киеве 16 января 1619 г. Анфологиона и описал книгу, отметив наличие на ее страницах трех записей. Наиболее интересной в данном случае представляется третья, справедливо определенная автором статьи как «подносная», сделанная «очень красивым профессиональным украинским полууставом», которая гласит, что это произведение «правоверней-

чернил, количество строк на каждом листе и тот факт, что текст и адрес выполнены рукой самого Феофана. Содержания и обстоятельств возникновения документа Б. Л. Фонкич не касался.

²⁶⁷ *Ченцова В. Г.* Разрешительная грамота... С. 61.

²⁶⁸ Можно было бы обратить внимание и на отрывок «настойной грамоты», датированный в описи фонда-коллекции «Сношения России с Грецией» 8 января 1620 г., «данной в Киеве от иерусалимского патриарха Феофана киевскому архиерею» (*Бантыш-Каменский Н. Н.* Реестры греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел. Российский государственный архив древних актов. Фонд 52. Опись 1. М., 2001. С. 42), и попытаться определить время и обстоятельства попадания этого документа в Москву.

шему» и «благочестивейшему» царю Михаилу Федоровичу преподносит архимандрит Киевского Печерского монастыря Елисей Плетенецкий,²⁶⁹ и заканчивается словами, что книга «...дароносится ... року 1619 месяца маа 1 дня».²⁷⁰ Сам А. А. Булычев посчитал, что эту последнюю запись «можно интерпретировать двояко» — как сделанную «неким печерским книжником» по распоряжению архимандрита в Киеве или появившуюся уже в Москве, когда «прибывший в первый день мая эмиссар Плетенецкого ... удостоился августейшей аудиенции».²⁷¹ А. А. Булычев не отдает предпочтения ни одному из указанных вариантов, по нашему же мнению, ответ однозначен. Во-первых, трудно представить, что прямо перед торжественной церемонией привезший подарок от Елисея Плетенецкого гонец где-то добывает перо и чернила и пишет, находясь, видимо, в весьма удобном месте, чтобы каллиграфически выполнить довольно большой текст, «дарственную» от лица самого архимандрита, нигде не оговаривая полученного им ранее соответствующего распоряжения Плетенецкого. Во-вторых, случаи, когда «дарственные», «подносные», «вкладные» и иного рода записи при передаче тех или иных памятных предметов, в том числе и книг, уважаемым светским и духовным лицам или церковным учреждениям делались на месте самими посланниками и без уточнений «по велению», «по повелению» с указанием имени дарителя, нам неизвестны. Поэтому единственным местом, где могла быть сделана эта запись, видится Киевский Печерский монастырь.

Следовательно, отправленный в Москву, не исключено, в сопровождении одного или нескольких лиц с печатным экземпляром Анфоло-

²⁶⁹ О нем см.: *Кагамлык С. Р.* Елисей // ПЭ. Т. 18. М., 2008. С. 412–413.

²⁷⁰ *Булычев А.* О посольстве властей Киево-Печерской лавры в Москву в 1619 г. // Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: общее и различное. М., 2012. С. 180. Тому же киевскому изданию посвящена и еще одна статья этого же автора: *Булычев А. А.* Заметки о славянских изданиях кирилловского шрифта XVI–XVII столетий из собрания РГАДА: 2. О «подносном» экземпляре Киевского Анфологиона 1619 г. // Книжная старина. Вып. 2. СПб., 2011. С. 22–24. На первую из указанных статей обратила внимание В. Г. Ченцова, рассказывая о контактах властей Киево-Печерской лавры с «московским царским двором» после Деулинского перемирия (*Ченцова В. Г.* Разрешительная грамота... С. 61 и примеч. 13), а на вторую — Б. Н. Флоря, также отметивший возобновление контактов духовенства Киевской митрополии с Москвой и высказывавший предположение, что отправление этой, а за ней и еще нескольких напечатанных в организованной Е. Плетенецким типографии книг могло бы свидетельствовать о желании получить из Москвы материальную поддержку для этой типографии (*Флоря Б. Н.* Россия и восточно-славянские земли... С. 93–94). В «энциклопедической» статье ни одна из работ А. А. Булычева не упомянута и, соответственно, факт привоза Анфологиона в Москву не отмечен.

²⁷¹ *Булычев А.* О посольстве властей Киево-Печерской лавры... С. 180.

гиона человек, выехав из Киева вскоре после появления «дарственной» надписи и, путешествуя явно налегке, к началу июня 1619 г. уже мог появиться в русской столице. Встречался ли он там с уже находившимся в Москве иерусалимским патриархом, пока неизвестно. Однако допустить такую возможность не представляется слишком смелым, так как Феофан почти сразу после своего приезда в Москву погрузился в связанные с книгами богословские споры о прилоге «и огнем» в молитве на Богоявление, поддержав позицию Дионисия Зобниновского, справщика Московского печатного двора Ивана Наседки и других,²⁷² что само по себе предполагало, помимо естественного для занимавшего иерусалимскую патриаршую кафедру лица знакомства с богослужебной литературой, его же интерес к вновь появлявшимся изданиям и связанным с ними людям. Поэтому Феофан вполне мог познакомиться с человеком, который привез в дар московскому царю от печерского архимандрита сборник литургического и учительного содержания, включающий службы великих праздников и избранных святых.²⁷³ Возможно, иерусалимский патриарх, обсуждая с ним деятельность основанной Елисеем Плетенецким типографии,²⁷⁴ затрагивал и более общие вопросы положения православного населения на территории Речи Посполитой, не забыв упомянуть об имевшейся у него грамоте патриарха Тимофея II.²⁷⁵

²⁷² См., например: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 280–281; *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 37–43.

²⁷³ См.: *Турилов А. А., Статис Г., Никитин С. И.* Анфологион // ПЭ. Т. 3. М., 2003. С. 10–11.

²⁷⁴ Об этой типографии см., например: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 260, 466–469, 699.

²⁷⁵ Оставляем в стороне вопрос о довольно долгом хронологическом перерыве между выходом Анфологиона из печати, 16 января 1619 г., и дарственной надписью архимандрита Елисея, сделанной 1 мая 1619 г., когда, казалось бы, отвезти только что вышедшее издание в Москву было проще всего по зимнему пути, а не ждать почти три с половиной месяца. Одно из возможных объяснений может быть связано с тем, что после относительно недавно заключенного Деулинского перемирия монастырские власти, опасаясь в первое время каких-либо неприятных инцидентов в дороге, решили повременить с отправлением гонца до теплого времени. Однако в качестве гипотезы, нуждающейся в серьезнейшей проверке, можно предположить, что к началу мая 1619 г. в Киеве узнали о готовящемся в соответствии с Деулинским соглашением размене пленными, состоявшемся 1 июня 1619 г. на реке Поляновке за Вязьмою (см.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 275), и, не зная, разумеется, точно, когда именно Филарет Никитич появится в Москве, но догадываясь о начавшемся движении делегации, включавшей митрополита Ростовского и Ярославского в сторону русской границы, решили отправить на имя царя ценный подарок, чтобы хоть каким-то образом выразить свою радость в связи с таким исходом событий. По мнению А. А. Булычева, настоятелем Киево-Печерского монастыря

К сожалению, ничего нельзя сказать о времени отъезда из Москвы посланца или посланцев Елисея Плетенецкого: дождался ли они возвращения Филарета Никитича и его поставления в патриарха Московского, обсуждали ли с ним положение исповедовавших «греческий закон» людей на территории Польско-Литовского государства, участвовал ли в такой встрече или встречах иерусалимский патриарх, остается неизвестным. Однако такие хронологические совпадения — пребывание в Москве Феофана III с имевшейся у него грамотой константинопольского патриарха на право архиерейского служения, приезд гонца или гонцов от архимандрита Киево-Печерского монастыря с экземпляром Анфологиона, возвращение и интронизация Филарета Никитича — дают некоторые основания дать положительный ответ на поставленные вопросы. А в таком случае вернувшийся в Киев в середине лета или начале осени 1619 г. посланник не мог, как представляется, не рассказать Елисею Плетенецкому о наличии у иерусалимского владыки такого документа.

Стоит заметить, что в дальнейшем, после появления самого патриарха Феофана в Киеве, грамота апреля 1618 г. стала не только «основанием», «позволяющим утверждать» законность восстановления иерусалимским владыкой православной церковной иерархии в Киевской митрополии,²⁷⁶ но использовалась патриархом и в других целях, для получения дополнительных по отношению к полученной в русской столице милостыне средств для борьбы за Святые места. С одной стороны, иерусалимский патриарх, привлекая внимание к находящимся в Палестине святыням, не один раз, устно и письменно, повествовал о чуде схождения Благодатного огня в храме Воскресения,²⁷⁷ а с другой — за подписью патриарха Феофана «очевидно, за по-

«двигал обыкновенный прагматический расчет», выразившийся, с одной стороны, в том, что «наряду с молдавскими господами московские цари были крупнейшими иностранными ктиторами иностранной братии», а с другой — намерение печерского архимандрита «распространять это весьма дорогостоящее в производстве издание не только на Украине и в Белоруссии, но и в России» (Булычев А. А. О посольстве властей Киево-Печерской лавры... С. 183). Соображения, конечно, не лишены резона, но только, как отмечает сам автор статьи, никаких других, связанных с приездом доставившего эту книгу человека документов найти не удалось, тем самым, называть этот визит «посольством» явно преждевременно. Полагать же, что царь Михаил Федорович без официального обращения печерской братии стал бы попечителем монастыря, представляется сомнительным, хотя при вручении книги самодержец, скорее всего, выдал привезшим ее тот или иной по величине, выраженный в деньгах или соболях, ответный дар. Что же касается возможности продажи издания в Русском государстве, то вряд ли сам царь решал такие вопросы.

²⁷⁶ Ченцова В. Г. Разрешительная грамота... С. 60.

²⁷⁷ См.: Корогодина М. В. Схождение Благодатного огня... С. 160–166; Ченцова В. Г. Разрешительная грамота... С. 62 и примеч. 15.

жертвования раздавались подписанные его рукой разрешительные грамоты, которыми верующим после исповеди отпускались грехи».²⁷⁸ Примерами таких документов являются разрешительные грамоты неким Прохору (Ждану) Молкевичу и Мелании,²⁷⁹ которые, по всей вероятности были не единственными, так как в более поздних источниках известно применение видоизмененных текстов таких документов в магических целях.²⁸⁰ Кроме того, некоторые исследователи полагают, правда, не приводя никаких аргументов, что на первом этапе пребывания патриарха Феофана в Киеве его деятельность не отличалась от поведения других восточных иерархов, которые, в основном, собирали на Украине милостыню и продавали ставропигиальные грамоты.²⁸¹ Не вдаваясь в дискуссию о справедливости подобных суждений, заметим, что, в любом случае, для выдачи в Киевской митрополии такого рода грамот за пожертвования или без таковых требовалось разрешение константинопольского патриарха, предоставленное грамотой Тимофея II апреля 1618 г.

В заключение рассмотрения истории появления и применения грамоты константинопольского патриарха зададимся вопросом, почему текст этого документа в виде копии на греческом языке и перевода на польский представлен в «*Verificatia niewinności...*» Мелетия Смотрицкого, но отсутствует в «Протестации» Иова Борецкого и других иерархов, несмотря на то, что оба полемических, появившихся в 1621 г. сочинения были одинаково направлены на защиту патриарха Феофана от высказывавшихся польскими властями обвинений в его адрес и обоснование правомерности действий восточного иерарха на территории Речи Посполитой. Ответ на этот вопрос, как кажется, довольно прост.

Во время предоставления грамот различным православным братствам или участия в хиротонии православных митрополита и епископов Феофан III находился в Киеве или в относительной близости от города и, имея при себе оригинал грамоты апреля 1618 г., мог всегда предъявить этот документ для ознакомления и подтверждения имеющихся у него прав на архиерейское служение любому заинтересованному лицу, будь то киевский митрополит, окружавшее

²⁷⁸ *Ченцова В. Г.* Разрешительная грамота... С. 62.

²⁷⁹ *Сухих Л. А., Страшко В. В.* До перебування 1620 року... С. 218–219; *Ченцова В. Г.* Разрешительная грамота... С. 71–73.

²⁸⁰ *Опарина Т. А.* «Чужие» письма в русской магии // *Studia Slavica Hungarica*. 2004. Vol. 49. № 1–2. Р. 53–62.

²⁸¹ *Плохий С.* Наливайкова віра. С. 152. Мнение предшественника разделяет, по всей вероятности, А. Гиль, так как пересказывает написанное С. Плохием без каких-либо собственных возражений (*Гиль А. Паисий Черхавский...* С. 189).

его духовенство, члены православных братств и другие духовные и светские лица. Во время же подготовки «Протестации» после отъезда иерусалимского патриарха за пределы Речи Посполитой авторы этого полемического сочинения уже никак не могли получить, не озаботившись этим ранее, список с увезенной Феофаном грамоты константинопольского патриарха Тимофея.

Другое дело, что Мелетий Смотрицкий, приехавший в Киев, как отмечено выше, в качестве послушника епископа Владимирского и Брестского Леонтия Карповича и несколько неожиданно около середины октября 1620 г. поставленный Феофаном III на ту же кафедру, должен был по возвращении в Вильно в ноябре этого же года представить местным властям в случае неминуемо возникшей бы необходимости документ, подтверждающий наличие соответствующих полномочий у рукоположившего его лица. По всей вероятности, Мелетий предвидел ситуацию, которая могла бы сложиться в недалеком будущем, почему и посчитал необходимым запастись непосредственно в Киеве списком с грамоты константинопольского патриарха апреля 1618 г. Феофану III, чтобы потом являть всем заинтересованным лицам копию столь важного документа и воспроизвести этот текст в своем сочинении.

Таким образом, рассмотрение более широкого круга, чем в предшествующей историографии, источников, связанных с обстоятельствами возникновения грамоты константинопольского патриарха Тимофея II апреля 1618 г. иерусалимскому патриарху Феофану III, прежде всего, русских дипломатических документов по связям с Османской империей и Крымским ханством, позволяет придти к выводу, что причина появления этого документа была обусловлена личными, сложившимися у Феофана обстоятельствами, связанными с невозможностью покинуть летом 1617 г. Крымский полуостров во время путешествия за милостыней в Москву, и никак не крылось в наличии у него или предстоятелей других патриарших кафедр уже сложившихся к этому времени далеко идущих планов восстановления православной церковной иерархии в Киевской митрополии. Получив в начале лета 1618 г. в Бахчисарае или окрестностях города, а не в Туле и, тем более, не в Киеве, как полагали некоторые исследователи, официальный документ с обозначением направления его поездки в Московскую землю (к московским границам), патриарх Феофан добился от крымских властей разрешения вместе с посланниками А. Лодыженским и подьячим Р. Болдыревым через пограничный Перекопь покинуть Крымский полуостров и направиться в русскую столицу. Более же подробное изучение дальнейшей судьбы этого документа, связанной с пребыванием и деятельностью патриарха Феофана III в Русском государстве и в Речи Посполитой в 1618–1621 годах, тре-

бует комплексного источниковедческого рассмотрения весьма разнообразного круга источников и воссоздания строго хронологической, объективной, с учетом всех возможных факторов картины действий этого патриарха по восстановлению православной иерархии в Киевской митрополии, обусловленных наличием у него полученной от Тимофея II грамоты апреля 1618 г., что находится вне возможностей автора данной работы и предполагает приложения усилий других исследователей.

В. В. Митрофанов

**ПИСЬМА М. А. ДЬЯКОНОВА С. Ф. ПЛАТОНОВУ
С 28 ЯНВАРЯ 1890 г. ПО 24 ИЮЛЯ 1891 г.**

Проблема взаимосвязей отечественных деятелей науки, выражавшаяся, в первую очередь, через переписку остается в центре внимания исследователей.¹ Появились и статьи, в которых ставятся вопросы методов изучения эпистолярной, их классификацию.²

Отношения между С. Ф. Платоновым и М. А. Дьяконовым после переезда второго в Дерпт продолжали укрепляться, о чем свидетельствуют и публикуемые письма. Они охватывают небольшой временной период — с 28 января 1890 г. по 24 июля 1891 г. (здесь мы следуем за архивистом, сделавшим такую разбивку корреспонденции М. А. Дьяконова по делам хранения). Их насчитывается 17 штук, несколько ответных опубликовано: за 29 августа 1890, 29 января, 20 марта и 1 мая 1891 г.³ Другие ждут публикатора.

Обращает на себя внимание, что тематика писем М. А. Дьяконова во многом совпадает с перепиской С. Ф. Платонова с П. Н. Милюковым⁴ и Н. М. Бубновым.⁵ Поэтому публикация очередного массива

¹ Мягков Г. П., Филимонов В. А. Казанские ученые в коммуникативном пространстве Н. И. Кареева // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. С. 164–173; Мамонтова М. А. Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 267–277; Серых А. А., Шестаков А. А. Научное сообщество как коммуникативная модель: общее и особенное // Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия. 2016. № 1. С. 27–36.

² Кобак А. В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2012. Вып. 2. С. 142–148.

³ Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. В двух томах Т. 1. М., 2003. С. 30–33.

⁴ Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. В двух томах. Т. 2. Кн. 1. М., 2011. 320 с.

⁵ Митрофанов В. В. «...я простился с Вами, моим добрым феём...»: переписка Н. М. Бубнова и С. Ф. Платонова // Вестник Северо-Восточного государственного

эпистолярный дерптского профессора существенно дополнит общую картину состояния ученой корпорации трех центров науки: Петербурга, Москвы и Дерпта. Кроме этих университетов упоминаются Новороссийский, Казанский и Киевский. С. Ф. Платонов же выступает в данном случае связующим, центральным звеном в получении и аккумуляции информации, к тому же владеющим наиболее достоверными сведениями о передвижениях русских историков по кафедрам и учебным заведениям, так как к этому процессу были причастны Е. Е. Замысловский и В. Г. Васильевский.

Корреспонденты были настолько близки, что доверяли друг другу многие «тайны», секреты, а порой, как это было с публикацией монографии П. Н. Милюкова, сообщалось и об «измене»,⁶ о возможности перевода М. А. Дьяконова в Одессу (кстати, за советом о такой перспективе М. А. Дьяконов обращался и к К. Н. Бестужеву-Рюмину). Н. Н. Платонова по этому поводу сделала 29 января 1891 г. запись в дневнике: «Сегодня Сережа получил письмо от Дьяконова, последнему предлагают кафедру в Одессе на место Леонтовича за выслугой лет. Дьяк[он]ов колеблется и спрашивает у Сережи совета».⁷

Принципиально важным для обоих корреспондентов в данное время являлся вопрос о выборе тем докторских диссертаций, о чем не раз упоминает М. А. Дьяконов. Эта проблема для него никак не решалась, так как для этого необходима была многомесячная командировка в столицы, прежде всего, в Москву для работы с архивными материалами. Согласование поездки, которая зависела от попечителя, занимает немало строк в публикуемых письмах. Для улучшения ситуации связанной с оторванностью от архивов используется возможность высылки необходимых рукописей в Дерпт, но и здесь возникали препоны, порой трудно преодолимые. Сам М. А. Дьяконов все больше склонялся к теме по истории сословий в России.

Для С. Ф. Платонова 1890 г. был непростым в том, что касалось его административной карьеры. Благоприятному разрешению трудностей во многом способствовали внешние обстоятельства, связанные с болезнью Е. Е. Замысловского. Именно об этом С. Ф. Платонов под большим секретом пишет в Москву и Дерпт. Просит дать совет по теме докторской диссертации. Его опубликованное письмо от 16 апреля 1890 г. П. Н. Милюкову⁸ во многом объясняет сомнения и, в некото-

университета. История. Электронный международный научный журнал. 2022. Т. 3. Вып. 3. С. 70–111.

⁶ После разговора с В. Г. Васильевским и Л. Н. Майковым о публикации приложения к диссертации П. Н. Милюкова С. Ф. Платонов 16 апреля 1890 г. писал ему: «...только не выдайте моей „измены“» (Академик С. Ф. Платонов. Т. 2. Кн. 1. С. 28).

⁷ Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). Рязань. 2020. С. 48–49.

⁸ Академик С. Ф. Платонов. Т. 2. Кн. 1. С. 29–30.

рой степени, растерянность историка. Письмо с аналогичным содержанием, но еще ранее, 26 декабря 1886 г., было отправлено и М. А. Дьяконову, о чем свидетельствует ответное послание от 28 января следующего года. В нем он не дал своего определенного совета по теме диссертации, но высказал серьезные опасения и возможные последствия для С. Ф. Платонова от общения с ректором М. И. Владиславлевым.

Из переписки с П. Н. Милюковым и Я. Л. Барсковым известно, что С. Ф. Платонов возлагал определенные надежды на помощь с диссертацией на В. О. Ключевского, искал с ним встречи, ждал содействия.⁹

А 30 октября 1890 г. Надежда Николаевна в своем замечательном по содержанию дневнике сделала интересную запись, свидетельствующую о важном административном назначении мужа: «Вчера Сережа, наконец, узнал в министерстве, что его утверждение исправляющим должность экстраординарного профессора состоялось. Наконец-то!.. Только бы ему теперь поскорей справиться с докторской диссертацией!». ¹⁰ Однако эта надежда осуществится только через 9 лет! Последовавшие в этом же году приглашения С. Ф. Платонова в Ученый комитет Министерства народного просвещения и на должность помощника редактора «ЖМНП» настолько укрепили его положение, что можно было вопрос с докторством и не форсировать. К тому же будущий главный редактор В. Г. Васильевский 3 февраля 1890 г. был избран академиком.

Слухи о назначениях С. Ф. Платонова быстро распространялись по университетам. Так, уже 16 июня 1890 г. М. А. Дьяконов поздравлял друга с вступлением в новую должность помощника редактора «ЖМНП», хотя начало официального ходатайства В. Г. Васильевского относится к 12 июня, а согласие министерства было получено только 20 числа.

Среди приятных новостей для М. А. Дьяконова следует считать выход первого значимого труда, в основу которого была положена его магистерская диссертация. Следует заметить, что книга вызвала неоднозначные отзывы. Именно они и волновали больше всего автора.¹¹

⁹ Митрофанов В. В. К вопросу взаимоотношений В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова // Творческое наследие В. О. Ключевского в истории, культуре и литературе. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения выдающегося историка В. О. Ключевского. Пенза, 2016. С. 135–139.

¹⁰ Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). С. 43.

¹¹ Рец.: М. А. Дьяконов. Власть московских государей // Юридическая летопись. 1890. № 2. С. 153–156; В. Л-нъ. М. Дьяконов. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси. СПб. 1889 // Исторический вестник. 1890. № 2. С. 452–457.

Особенно его интересовал анонимный автор, подписавшийся как «В. Л-нъ». Несколько раз в письмах звучит просьба к С. Ф. Платонову выяснить его фамилию. Под этим псевдонимом угадывается В. Н. Латкин. Конечно же, фамилия автора критической рецензии С. Ф. Платонову была известна, о чем свидетельствует и фраза в письме П. Н. Милюкову от 10 февраля 1890 г.: «Читали Вы вылазку Латкина против книги Дьяконова в „Ист[орическом] Вестнике“?». ¹² В рецензии были повторены многие положения, озвученные В. Н. Латкиным еще на диспуте, где он выступал вторым оппонентом.

Одна из центральных тем писем — это подготовка диссертаций и публикация книг с их текстами, защиты 1891 г. Упомянут магистерский диспут Н. Д. Чечулина, ¹³ состоявшийся 11 марта, где он представил диссертацию о городах Московского государства, ¹⁴ 9 мая проходила многочасовая защита А. С. Лаппо-Данилевского, ¹⁵ 21 мая имел место диспут И. П. Филевича. ¹⁶ Примечательно, что С. Ф. Платонов непосредственно принимал во всех них участие вторым оппонентом. Систематизировав и переработав свои положения, возражения и замечания, высказанные во время оппонирования и сформулированные в факультетских отзывах, С. Ф. Платонов публиковал их в виде рецензий. ¹⁷ Подготовка к выступлениям была утомительной, требовала немало времени. Диспут — не формальность, там нужно было показать свою эрудицию, профессионализм в вопросах, выносимых на защиту перед присутствующими коллегами, в том числе и именитыми, а также, порой многочисленной, публикой. Вот как о майских днях С. Ф. Платонов писал П. Н. Милюкову 10 числа (стоит указать, что 7 мая он выступал оппонентом и на диспуте В. Е. Якушкина):

¹² Академик С. Ф. Платонов. Т. 2. Кн. 1. С. 16.

¹³ Исторические диспуты в 1890 г. // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при императорском С.-Петербургском университете за 1890 год. Т. 1. СПб., 1890. С. 298–300.

¹⁴ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. 349 с. (Записки Историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета. Т. 22).

¹⁵ Историческое обозрение... за 1890 год. Т. 1. С. 283–294.

¹⁶ Там же. С. 294–298. С. Ф. Платонов написал и отзыв для историко-филологического факультета о диссертации И. П. Филевича ««Борьба между Литовским и Польским государствами за обладание русскими землями», датированный 3 мая 1890 г. (ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1457. Л. 1–12). Эта рукопись готовится к печати.

¹⁷ Платонов С. Ф. 1) Рец. на: Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889 // ЖМНП. 1890. № 5. С. 140–154; 2) Рец. на: Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889 // Библиограф. 1890. № 1. С. 27–32; 3) Новые монографии по истории русского права // Юридическая летопись. 1890. № 11. С. 417–419.

«С диспутом Л[аппо-]Данилевского и с чтением диссертации Филевича и студенческих сочинений я замотался за эти недели до того, что не мог и подумать об обстоятельном ответе на Ваше письмо».¹⁸

Появление книги А. С. Лаппо-Данилевского было значимым событием в историографии петровского времени.¹⁹ О желании написать на нее рецензию М. А. Дьяконов упоминает в письме от 26 апреля 1890 г., несмотря на то, что книгу он получил только 25 числа. Возможно, о ней будущий рецензент мог судить по имевшимся у него отдельным листам. А в июне рецензия была уже выслана С. Ф. Платонову. Следовательно, письма М. А. Дьяконова позволяют составить хронологию его работы над рецензией, что является важным фактом для историографии.

Давая высокую оценку труду, М. А. Дьяконов высказывает ряд замечаний и возражений: по структуре, вопросу о видах податей и повинностей, о первом упоминании выкупа пленных, отсутствии сведений о возникновении сборов на жалование стрельцам, отметил, что материал о возникновении оброка не собран в одном месте. Были замечания по поводу хронологических рамок исследования и о том, что не все части труда являются в одинаковой мере оригинальными. Не согласился рецензент и с утверждениями автора по вопросам о тягле половников, различиями между крестьянами в узком смысле и бобылями и др. Ряд замечаний касается терминологии, о чем говорится в заключительной части рецензии.²⁰

В этой связи представляет историографический интерес вопрос о написании академического отзыва на труд А. С. Лаппо-Данилевского, представленного на Уваровскую премию.

Примечательно, что М. А. Дьяконов писал С. Ф. Платонову о намеке В. Г. Васильевского на рецензирование книги по поручению Академии наук, однако от такого лестного предложения он уклонился,

¹⁸ Академик С. Ф. Платонов. Т. 2. Кн. 1. С. 32.

¹⁹ *Сторожев В. Н.* Новое исследование по истории государственного хозяйства в Московском государстве. Рец.: Организация прямого обложения в Московском государств со времен смуты до эпохи преобразования. Исследование А. Лаппо-Данилевского. СПб., 1890 г. // Юридический вестник. 1890. № 11. С. 462–474; *Чечулин Н. Д.* К вопросу о населенности посадского двора в XVII веке // ЖМНП. 1891. № 3. С. 18–29; *В. М.* Рец.: Организация прямого обложения в Московском государств со времен смуты до эпохи преобразования. Исследование А. Лаппо-Данилевского. СПб., 1890 г. // Исторический вестник. 1890. № 8. С. 449–454. Автор, указав на ряд недостатков, пришел к выводу, что книга «крайне отрадное и ценное явление в нашей исторической литературе» (Там же. С. 454).

²⁰ *Дьяконов М. А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. А. Лаппо-Данилевский. СПб. 1890 // ЖМНП. 1890. № 8. С. 370–380.

не чувствуя себя готовым к подобного рода отзывам. По сведениям П. А. Трибунского и А. В. Макушина, первым получил это предложение С. Ф. Платонов, к сожалению, мотивы отказа не приведены. Потом предложение было адресовано М. А. Дьяконову, указавшему, в свою очередь, на П. Н. Милюкова.

Попытки С. Ф. Платонова убедить своего коллегу из Дерпта не увенчались успехом.²¹ А после утверждения он писал об этом М. А. Дьяконову и поздравлял П. Н. Милюкова 24 января 1891 г.: «...Академия сегодня поручила Вам отзыв о книге Лаппо-Данилевского, поданной на Уваровскую премию. До 1-го мая авось успеете написать печатный лист и поэтому не отказывайтесь».²²

Следовательно, именно М. А. Дьяконову историография обязана появлением рецензии П. Н. Милюкова, которая может считаться самостоятельным исследованием.²³ Увеличение объема произошло за счет специальной разработки такого важного исторического источника как грамоты Коллегии экономии, привлечения новых актовых материалов из разных архивов, в результате чего текст превратился в целую книгу среднего объема. Заметим, что П. Н. Милюков в это время заканчивал работу над магистерской диссертацией по теме «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого».

Сам С. Ф. Платонов откликнулся на книгу небольшой рецензией,²⁴ где отметил как многие положительные черты книги, так и частные недостатки. Основную же, «самую главную слабую сторону труда» он определил так: «книга написана вообще тяжелым языком».²⁵

Большой резонанс вызвала полемика С. Ф. Платонова с Д. И. Иловайским, немало сведений об этом находим в переписке с П. Н. Милюковым. Так, 2 декабря 1890 г. С. Ф. Платонов писал в Москву:

²¹ Академик С. Ф. Платонов. Т. 2. Кн. 1. С. 215.

²² Там же. С. 74.

²³ Милюков П. Н. Организация прямого обложения в московском государстве со времен смуты до эпохи преобразования. Исследование А. Лаппо-Данилевского. СПб., 1890 г. // Отчет о тридцать третьем присуждении наград графа Уварова. Приложение к LXX-му тому записок императорской Академии наук № 3. СПб., 1892. С. 20–202. Успех был потрясающим и способствовал перепечатке отзыва. Вскоре отзыв появился отдельной книгой (Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Рец. на соч. А. С. Лаппо-Данилевского: Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1892. 183 с.).

²⁴ Платонов С. Ф. Новые монографии по истории русского права. Рец.: А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // Юридическая летопись. 1890. № 11. С. 414–417.

²⁵ Там же. С. 417.

«Иловайского я от души хочу пощипать (речь идет о желании С. Ф. Платонова написать рецензию на «Историю России» т. III. — В. М.) и, конечно, не усташусь с его стороны инсинуаций, подобных тем, какими он попотчевал Герье и Карелина. Только боюсь, что у меня не хватит для этого пороку. Постараюсь выдумать его на Святках и напечатать в феврале или марте. Книжка-то местами просто возмутительна».²⁶ На что получил написанный с юмором ответ: «Рад также я Вашему намерению пощипать моего старого приятеля Иловайского и с нетерпением ожидаю момента, когда можно будет поздравить Вас с его враждой».²⁷ В ряде писем Дьяконову С. Ф. Платонов сообщает о своей работе над рецензией: 29 января 1891 г. — «Я пишу статью на III т[ом] Иловайского...», 20 марта 1891 г. — «...писал рецензию на Иловайского...».²⁸

По свидетельству Н. Н. Платоновой, инициатива в написании рецензии исходила от Н. И. Кареева, который «между прочим... просил Сережу написать для следующего выпуска «Истор[ического] обозрения» рецензию о книге (III т[ом] «Истории») Иловайского, и Сережа обещал; в настоящую минуту Сережа пишет об этой книге в «Журн[ал] Мин[истерства народного просвещения]».²⁹

Сведения об этом дошли и до Дерпта. Следует заметить, что полемика с Д. И. Иловайским продолжает изучаться современными исследователями.³⁰

Одна из важных особенностей корреспонденций М. А. Дьяконова — попытки затронуть дискуссионные научные темы, например, вопрос о четях. В этой связи упоминается вывод С. М. Середонина, что приказы не назывались четвертями. Представляет интерес и проблема с юридическим статусом такой категории населения как земцы. В рецензии на книгу Н. Д. Чечулина С. Ф. Платонов писал, что этот класс «исчезал» в XVI в. «Писцовые книги и другие документы XVI века дают полное основание отрицать какое бы то ни было „юридическое“ различие между земцами и детьми боярскими, и именно писцовые книги скорее всего могут восстановить нам процесс превращения зем-

²⁶ Академик С. Ф. Платонов. Т. 2. Кн. 1. С. 61. Суть проблемы в полной мере изложена в комментарии к письму (Там же. С. 204–205).

²⁷ Там же. С. 62.

²⁸ Академик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 32.

²⁹ Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). С. 48. Платонов С. Ф. Рец. на: Иловайский Д. И. История России. Т. 3. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М., 1890 // ЖМНП. 1891. № 3. С. 180–199.

³⁰ Мамонтова М. А. Poleмика С. Ф. Платонова и Д. И. Иловайского по поводу модели исторического исследования как коммуникативное событие // Феномен несогласия в истории гуманитарных и естественных наук и биографиях ученых. Хрестоматия. Новосибирск, 2007. С. 427–430.

цев в московские чины. Обстоятельства, повлиявшие на перемену в положении земцев, заключались в установлении московских порядков в Новгородской области». ³¹ Далее С. Ф. Платонов писал: «Земцы пользовались в Новгороде правом личного землевладения и поэтому в московское время подпали служебной повинности и стали именоваться детьми боярскими по московской служебной терминологии», «под влиянием московских порядков они расходились по разным словесным группам». ³²

«Чечулин характеризует их состояние крайне неудовлетворительно: „Земцы, — говорит он, — были детьми боярскими, быть может, несколько низшими, чем дети боярские остальных областей, но все же какими-то служилыми людьми. Тот же факт, что они, ~~вместе с тем,~~ несомненно, являлись иногда и тяглыми, нужно объяснять тем, что, поселившись почему-либо в городе, на общинной городской земле, они принимали участие и во всех общинных повинностях“ (С. 43)». ³³ В своем замечательном лекционном курсе под земцами С. Ф. Платонов понимал «мелких землевладельцев». ³⁴

В этой связи М. А. Дьяконов упоминает новинки, появившиеся в ряде журналов по интересному для него вопросу, в частности, указывает на статью В. Н. Сторожева. ³⁵ По сути в заметке разбирается мнение о земцах Н. Д. Чечулина, которое он сформулировал в своей книге «Города Московского государства в XVI веке».

Обратил внимание М. А. Дьяконов и на рецензию того же автора на книгу В. Е. Якушкина. ³⁶ В. Н. Сторожев по этому поводу заметил: «Но отождествлять „дачу“ и „оклад“ отнюдь нельзя. Это — весьма крупная юридическая ошибка». ³⁷ С. Ф. Платонов, в свою очередь, также откликнулся на эту книгу небольшой рецензией, ³⁸ где особое внимание уделено авторскому подходу к характеристике «поземельного надела». В «первом своем виде» он был «служилым», когда же

³¹ Платонов С. Ф. К истории русского города XVI века (1890) // Платонов С. Ф. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 3. М., 2012. С. 76.

³² Там же. С. 77.

³³ Там же. С. 76.

³⁴ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. В 2-х частях. М., 1994. С. 138.

³⁵ Сторожев В. Н. О «земцах» // Юридический вестник. 1890. Май. Июнь. С. 241–245.

³⁶ Н. Ст-в. Рец.: В. Е. Якушкин. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. Вып. 1. XVIII век. М., 1890. 240, 150 с. // Юридический вестник. 1890. Май. Июнь. С. 227–231.

³⁷ Там же. С. 229.

³⁸ Платонов С. Ф. Новые монографии по истории русского права. Рец.: Якушкин В. Е. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. Вып. 1. XVIII век. М., 1890. 240, 150 с. // Юридическая летопись. 1890. № 11. С. 419–421.

«поместная система пала», тогда можно было говорить о «крестьянском поземельном наделе». Автор исследования прослеживает разные эпохи и изменение позиции правительства последовательно от надела «служилых людей» к наделу городов, затем государственных поселян и помещичьих крестьян. В книге выделяется граница между «государственным интересом» и «свободой частного землевладения», это произошло при Екатерине Великой. В связи с рассматриваемым трудом С. Ф. Платонов уделил внимание «серьезной критической статье» П. Н. Милюкова,³⁹ где он разбирает указанную книгу. В первую очередь предьявлены замечания «методологического характера». А суть аграрной политики правительства XVIII в. характеризуется как «верный путь национализации крестьянской земли». С. Ф. Платонов полагает, что если признать правоту П. Н. Милюкова, утверждавшего, что правительство было заинтересовано в «широком проведении вотчинных прав государства в сфере казенного хозяйства», то «придется дать совершенно иное содержание „тому законодательному принципу крестьянского надела“, который отстаивал В. Е. Якушкин, по мнению которого, для сохранения надела, правительство пользовалось «правом ограничения частного землевладения».⁴⁰

Выясняются некоторые детали крупных скандалов в научном обществе,⁴¹ например, отставка К. С. Веселовского с поста постоянного секретаря Петербургской академии наук, занимавшего должность с 1857 г. В это же время произошел и еще ряд крупных отставок в Археологической комиссии — И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, которые стали итогом интриг В. Г. Тизенгаузена — члена комиссии.

Несмотря на расстояние, отношения между М. А. Дьяконовым и его учителем по университету В. И. Сергеевичем продолжали оставаться натянутыми, о чем свидетельствует и выражаемое в переписке отсутствие надежды получить его последнюю книгу. Близкие же отношения между корреспондентами, о чем было известно В. И. Сергеевичу, наложили печать холодности и на С. Ф. Платонова, о чем он писал П. Н. Милюкову.

В письмах содержится немало интересных сведений о редакциях ряда журналов: «Юридическая летопись», «Юридический вестник», «ЖМНП» и их редакторах — издателя «Библиографа» Н. М. Лисовском, Л. Н. Майкове, В. Г. Васильевском.

³⁹ Милюков П. Н. Русская аграрная политика прошлого столетия // Русская мысль. 1890. № 5. С. 198–213

⁴⁰ Платонов С. Ф. Новые монографии по истории русского права. С. 421–422.

⁴¹ Свешников А. В. «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX — начала XX в. // Мир историка. Историко-графический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 231–262.

В письмах не раз указывается на переписку с А. С. Лаппо-Данилевским⁴² и о получении от него корреспонденций. В это время отношения между А. С. Лаппо-Данилевским и С. Ф. Платоновым были деловыми. Поэтому М. А. Дьяконов интересовался и вопросами, затрагивавшими творческую деятельность будущего академика. Например, о ситуации с печатанием его книги.

Встречаются и многочисленные просьбы личного характера: навести справки об утверждении в звании магистра, устроить публикацию в «ЖМНП», выслать необходимую литературу, диссертацию, отiski и отдельные листы публикуемых исследований.

Жизнь западного университета дополняется существенно важными фактами: назначение ректора, профессоров на кафедры, болезнь И. И. Дяткина, новшества в учебном процессе, прежде всего, изменение правил о полукурсовых испытаниях наделали много шума и вызвали переполох как в студенческой среде, так и среди профессоров немецкого происхождения, мероприятия по введению документооборота на русском языке. Бедность библиотеки, небольшое количество выписанной периодики волновали молодого преподавателя. Заботит его и тенденция с сокращением желающих поступать на юридический факультет. Немало времени отнимала работа по составлению лекций по читаемым курсам: семейного и византийского, наследственного права, основным же курсом была история русского государственного права.

Среди проводимых изменений в области образования в крае следует указать на введение в гимназиях преподавания на русском языке, что должно было привести к выпуску в 1892 г. первых гимназистов, прошедших через эту систему.

Часто сообщается о новинках литературы, за которыми М. А. Дьяконов следил особенно тщательно. В этой связи он высказывает лаконичные суждения о книгах А. А. Исаева, В. А. Мякотина, Н. П. Семенова, Д. И. Азаревича, С. А. Муромцева. Привлек его внимание и выход книги, подготовленной Н. А. Поповым, с богатым актовым материалом из архива Министерства юстиции.

Особенностью писем являются частые приветы Василию Григорьевичу Дружинину. Поздравления были направлены и в связи с избранием его секретарем Археологического общества. Примечательно, что

⁴² Барсков Я. 1) Памяти А. С. Лаппо-Данилевского и М. А. Дьяконова // Вестник литературы. 1919. № 9. С. 9–10; Гришин К. П. 1) М. А. Дьяконов и А. С. Лаппо-Данилевский: из истории отношений историков // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. Сборник статей. В двух томах. Т. 2. М., 2013. С. 163–177; 2) Личные и научные взаимоотношения академиков А. С. Лаппо-Данилевского и М. А. Дьяконова // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 60–64.

на этом посту он сменил известного графа И. И. Толстого, при этом покинул место секретаря Отделения русской и славянской археологии РАО, где управляющим был С. Ф. Платонов. Новым же секретарем 27 октября 1890 г. стал А. С. Лаппо-Данилевский.⁴³ Нередко упоминаются близкие друзья С. Ф. Платонова и участники кружка молодых историков: И. А. Шляпкин, С. М. Середонин. А коллег С. Ф. Платонова из древней столицы М. А. Дьяконов именуует «московскими знакомыми». Это очень важный вопрос, так как связи с московскими историками у С. Ф. Платонова укреплялись, например, с П. Н. Милюковым, Я. Л. Барсковым, позже с А. И. Яковлевым, М. М. Богословским, С. В. Бахрушиным и др. (кстати, все они ученики В. О. Ключевского, с которым отношения у петербуржца не сложились) и продолжались не одно десятилетие. Именно в этих контактах современные исследователи видят мост, по которому проходят связи между столичными историческими школами.

На страницах писем не раз встречается описание Дерпта. М. А. Дьяконов с любовью рассказывает о городе, его весенней красоте, когда много цветущих деревьев и кустарников, отмечая, впрочем, и такое неудобство как пыль. Летний Дерпт погружается в «*летний сон*».

Отдельные сведения об этом времени зафиксированы в источнике личного происхождения З. Г. Френкеля — выдающегося отечественного гигиениста и геронтолога, статистика и демографа, действительного члена Академии медицинских наук СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора, организатора здравоохранения и общественного деятеля России. Он в своих воспоминаниях отметил: «Старое университетское здание — массивное и какое-то ординарное, с небольшой канцелярией, в которой всех и по всем вопросам принимал Herr Secretar Vokownev — секретарь Боковнев, говоривший по-немецки, но иногда отвечавший и по-русски...».⁴⁴

Среди личных проблем указывается на болезни детей и свои с женой, стесненные бытовые условия, особенно, когда приезжали гости, необходимость переезда с квартиры на квартиру. О семье Дьяконовых, их быте, жизни, общении тепло написано в упомянутых воспоминаниях: «Раньше, чем Дерпт официально был переименован в Юрьев (в декабре 1893 г.), русификация в Дерптском университете проводилась на юридическом факультете. После смерти И. И. Дитятина одним из первых экстраординарным профессором истории русского

⁴³ Протоколы заседаний императорского Русского археологического общества // ЗРАО. Т. 5. СПб., 1892. С. X, XXXII.

⁴⁴ Френкель З. Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб., 2009. С. 88.

государственного права был приглашен⁴⁵ (по указанию министерства, но с соблюдением требований устава относительно выборов советом) Михаил Александрович Дьяконов. Если я не ошибаюсь, лекции на русском языке он начал читать в 1891 г.⁴⁶ Он держал себя вполне корректно по отношению к немецким профессорам и местным особым правам коллегиальных университетских учреждений. Не помню, когда произошло мое первое знакомство с ним — либо на вечере в Обществе русских студентов, либо через Анну Николаевну Деген. Михаил Александрович очень интересовался передовыми течениями среди русского студенчества. В высшей степени культурный, знающий и любивший нашу литературу, он производил очень приятное впечатление своею простотою и искренностью, я бы сказал, особою правдивостью, сквозившей во всех его высказываниях. Такое же впечатление принадлежности к хорошей передовой русской интеллигенции производила и его жена — Надежда Александровна, окончившая петербургские Высшие Бестужевские курсы. Но мне, может быть, даже больше, чем родители, доставляли удовольствие исключительно милые дети Дьяконовых — Саша, ему тогда было лет 6–7, и трехлетняя Наташа... Я охотно отзывался на приглашение Дьяконовых и бывал у них, всякий раз встречая дружелюбный прием также и со стороны детей. У них вызывало веселье, когда я их забавлял, высоко подымая и подбрасывая». ⁴⁷ Эти факты представляют значительную ценность на фоне лаконичности подобных сведений.

В письмах затрагиваются и другие темы, что является ярким свидетельством дружеских отношений между С. Ф. Платоновым и М. А. Дьяконовым. Этот фон подтверждает недавно сделанный вывод, что «между „ученым сословием“ Дерптского и Петербургского университетов постоянно осуществлялся обмен научной информацией и культурными традициями». ⁴⁸ При этом в конце XIX в. наметилась принципиально важная тенденция, которая изменила преподавательский состав. Если «профессорская корпорация Дерптского университета на протяжении первой половины XIX в. оставалась достаточно герметичной и однородной в национальном отношении...», а «преподавателей, приехавших из России, было очень мало...», ⁴⁹ то эта почти вековая тра-

⁴⁵ Здесь автор допускает неточность о времени назначения М. А. Дьяконова в Дерптский университет.

⁴⁶ Здесь так же допущена неточность.

⁴⁷ Френкель З. Г. Записки и воспоминания. С. 110.

⁴⁸ Казакова К. С., Жуковская Т. Н. Университетские связи Петербурга и Дерпта в первой половине XIX в. и проблема единства академического пространства Российской империи // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. 2018. № 11. С. 94.

⁴⁹ Там же. С. 85.

диция стала нарушаться. Одним из первых преподававших на русском языке приват-доцентов на юридическом факультете был именно М. А. Дьяконов. Затем в Дерпт в 1891 г. был назначен Е. Ф. Шмурло, сменивший А. Г. Брикнера. О характере столичного историка, его частной жизни сообщается в письмах. С ним М. А. Дьяконов был хорошо знаком по кружку русских историков в Петербурге, знал о его работе над докторской диссертацией. Поэтому его приезд вызвал определенные надежды на нормальное общение.

Письма насыщены сообщениями о важных и интересных фактах и событиях, касающихся не только личной жизни и карьерного успеха корреспондентов, они являются важным источником по истории науки, жизни университетов за отдельно взятый небольшой промежуток времени. Приведены важные факты о творческих поисках М. А. Дьяконова и С. Ф. Платонова, хронологии подготовленных ими исследований, уточняется круг их общения и отношения к коллегам.

№ 26. 28 января 1890 г.

28 января

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]90¹

Большое Вам спасибо, дорогой Сергей Федорович, за письмо, которое и само явилось сюрпризом, та как я предполагал, что Вы все еще прибываете в пыли московской археологии, и заключало в себе некие сюрпризы.

Прежде всего, позвольте Вас поздравить с тем переломом в Вашей жизни, который был так желателен для пользы дела и который был так необходим для сохранения Ваших сил. От души желаю Вам полного успеха и на университетской кафедре. Непрочность материального положения, правда, всегда для семейного человека тяжела (это я испытываю на себе), но уж лучше временно пожаться и сосредоточиться на одном деле, чем тратить свое время и силы для добычи «презренного металла». При таких условиях вопрос о докторской диссертации является, конечно, насущным. Вы хотите знать мое мнение насчет Бориса Годунова, который может сослужить роль «благодетеля». Судить мне об этом трудно, так как я не знаю, насколько обширен и оригинален тот материал, которым Вы обладаете для этой монографии. Но не могу не заметить одного, что требования² членов факуль-

¹ Ответ на письмо от 26 декабря 1889 г. (Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. В двух томах. Т. 1. М., 2003. С. 28–29).

² Слово написано сверху зачеркнутого слова «указания».

тета, поспешить с диссертацией и намеки их, будто одна книга не делает репутации человека³, кажутся мне обоюдоострыми, а по отношению к докторской диссертации и опасными. Я уверен, что к Вашей⁴ докторской диссертации будут предъявлены строгие требования, если не факультетом, то обществом или, вернее, представителями исторической науки, так как Вы выступаете преемником не только Замысловскому⁵, но и Бестужеву⁶. Впрочем, все это Вы, конечно, знаете и понимаете лучше меня. Во всяком случае, и в этом деле, т. е. в деле диссертации, желаю Вам скорейшего и полного успеха. Простите мне и еще одно замечание, может быть, также лишнее, но которое кажется мне весьма серьезным. Вы сообщили об отношениях к Вам Влад[иславле]ва⁷. Я готов даже допустить, что этот человек гораздо лучше, чем о нем думают, как это мне доказывал Ланге⁸, близко его знающий. Но все же его надо остерегаться, т. е. не его, а отношений с ним. У нас так распространены сплетни, что малейший намек, неосторожное слово раздувают в слона, а это может легко навредить репутации человека, общественное положение которого не выяснилось. Это мне приходится испытывать на себе по поводу моего диспута (об этом сообщу как-нибудь потом). На все это можно было бы плевать, если бы не имелась в виду кафедра, влияние которой тем шире и плодотворнее, чем меньше всяких неблагополучных сплетен возбуждал и возбуждает данный ее обладатель. Поэтому-то отношения к В[ладиславле]ву не должны давать даже поводов к сплетням. Простите мне это замечание и объясните хоть горьким чувством уже потерпевшего на этой почве. Теперь про это зло. Прежде всего, я невольно, как оказывается, заставил Вас писать отчет о моем диспуте в Юрид[ическую] лет[опись]⁹. Простите эту невольную вину, благодаря которой Вы потеряли 2–3 часа за совершенно ненужным делом. Затем, никакого

³ Эта фраза, сказанная ректором университета М. И. Владиславлевым, повторена из письма С. Ф. Платонова.

⁴ Здесь и далее не оговариваются подчеркивания, имеющиеся в ркп.

⁵ Замысловский Егор Егорович (1841–1896) — историк, профессор Петербургского университета (1884–1896), член-корреспондент АН (1888).

⁶ Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) — историк, профессор Петербургского университета (1865–1882), преподаватель цесаревича Александра Александровича (император Александр III), директор Петербургских Высших женских курсов (с 1878 г.), ординарный академик АН (1890).

⁷ Владиславлев Михаил Иванович (1840–1890) — философ, профессор с 1866 г.; с 1887 г. — ректор Петербургского университета.

⁸ Ланге Ричард Осипович (1858–1903) — историк литературы, педагог, приват-доцент (1886–1903) Петербургского университета, директор Петровского училища.

⁹ Юридическая летопись — ежемесячный юридический журнал, выходивший в С.-Петербурге с 1890 по 1892 г. Редактором-издателем был профессор Н. Д. Сергеевский.

иного приговора Вашему «поведению», кроме спасибо, произнести не могу. Досадно мне только, что мою злополучную речь преследуют недоразумения. Я не хотел лишь одного — печатать ее под своей подписью или хотя и без подписи, но с указанием, что речь воспроизводится с доставленной автором рукописи. В этих двух случаях выходило бы так, что я считаю речь достойной напечатания и вообще поучительной. Но так как я совсем иного мнения о ней, поэтому и писал¹⁰ и Вам, и Сергеевскому¹¹, что печатать ее не желаю. Ник[олаю] Дм[итриеви]чу я выразил это определеннее и категоричнее вследствие письма А. Х. Гольмстена¹², который мне сообщил, что передал р[у]к[о]п[ись] Н[иколаю] Д[митриеви]чу и от его уже имени обращается ко мне за разрешением «воспользоваться р[у]к[о]п[исью], причем, однако, мера и форма этого пользования в точности еще не могут быть определены». Это мне показалось весьма неясным, поэтому-то я и написал Н[иколаю] Д[митриеви]чу, что печатать речь не желаю даже в выдержках, т. е. в кавычках, как Вы верно поняли. Но затем я ее предоставил в полное распоряжение, как частный материал, Н. М. Коркунову¹³, т. к. Гольмстен указал, что он будет писать о моей диссертации. Мне казалось, что этим я предоставил ему все права воспроизведения р[у]к[о]п[иси], но за своей ответственностью.

Если я в письме выразился неясно, то в этом отчасти виноват Гольмстен, распоряжение к[ото]рого моею р[у]к[о]п[исью] мне очень не понравилось, а я писал ответ под этим впечатлением. В результате, однако, новое недоразумение, которое может вызвать неудовольствие на меня со стороны Н. Д. Сергеевского и Н. М. Коркунова. Объясните им при случае мои мотивы и передайте мое извинение за причиненные редакции хлопоты. А теперь к Вам еще просьба. Если Вас не затруднит, то не наведете ли Вы при случае справки в университете или у кого-либо из юристов-профессоров, утвержден я в звании магистра или нет. Этот формальный вопрос меня интересует вот с какой стороны: Мне Капустин¹⁴ еще в августе писал по поводу размеров мо-

¹⁰ Слово написано над зачеркнутым «говорил».

¹¹ Сергеевский Николай Дмитриевич (1849–1908) — юрист, государственный и общественный деятель, профессор Петербургского университета.

¹² Гольмстен Адольф Христианович (1848–1920) — юрист, профессор, декан юридического факультета и ректор Петербургского университета.

¹³ Коркунов Николай Михайлович (1853–1904) — юрист, правовед, философ права, профессор (1894–1901) Петербургского университета.

¹⁴ Капустин Михаил Николаевич (1828–1899) — юрист, историк права, государственный деятель, профессор (с 1855 г.) Московского университета, директор Демидовского юридического лицея в Ярославле (1870–1883), попечитель Дерптского (1883–1890) и Санкт-Петербургского (1890–1899) учебных округов, преподавал международное право цесаревичу Николаю Александровичу.

его жалованья, что хотя министр¹⁵ назначил мне 1200 р. вместо 1500, на что он — Капустин — думает, что я скоро получу степень магистра и «дальнейшее увеличение жалованья», а что «разница в 25 р. в месяц не м[ожет] б[ыть] особенно чувствительна тем более, что она «временная». До сих пор нет никаких вестей насчет «дальнейшего увеличения», и это меня начинает беспокоить тем более, что по слухам Капустин со стороны забот о материальной обстановке своих преподавателей всегда был удивительно энергичен. Меня и беспокоит теперь вот что: не оказалось ли у меня¹⁶ в министерстве сильных противников, благодаря нашептываниям здешних доброжелателей, их же имена ты, господи, веши. Выяснить эту сторону вопроса для меня крайне важно, и я решаюсь даже написать Капустину и просить его выяснить мне виды на будущее. Но для этого я должен знать, утвержден ли я магистром, а сверх того и петербургский адрес нашего попечителя, к[ото]рый, по сведениям здешней газеты, отправляется на продолжительное пребывание в Питер. Адрес его, вероятно, будет в университете, т[ак] к[ак] он верно будет председателем комиссии. Одобрите ли Вы таковой образ моих действий?

Живем мы так себе, преимущественно своим домком. Я, впрочем, уже начал чтение лекций, т[ак] к[ак] 22 здешние каникулы кончились. Это почти единственное сношение с внешним миром, т[ак] к[ак] бывать почти нигде не приходится. В университете теперь ждут с нетерпением назначение ректора¹⁷. Тревожный вопрос — кого назначат — волнует немцев очень сильно. Прошел слух о казанском проф[ессоре] Подвысоцком¹⁸, но недоумение возбуждает способ его перевода сюда, т[ак] к[ак] кафедра фармакологии здесь замещена. Из Казани же, говорят, шлют сюда некоего Маленберга¹⁹ на кафедру археологии и классич[еской] филологии вместо знаменитого здесь Лешке²⁰. Боимся

¹⁵ Делянов Иван Давыдович (1818–1897) — государственный деятель, попечитель Петербургского учебного округа (1858–1861, 1862–1866), директор Публичной библиотеки (1861–1882), товарищ министра народного просвещения (1866–1874), министр народного просвещения (1882–1897).

¹⁶ Далее зачеркнуто слово «среди».

¹⁷ Мейков Оттомар Фридрихович (1823–1894) — юрист, профессор Казанского университета, ректор Дерптского университета (1890–1892).

¹⁸ Подвысоцкий Валериан Осипович (1822–1892) — фармаколог, доктор медицины с 1878 г., с 1885 г. профессор Казанского университета.

¹⁹ Автор письма допускает неточность в написании фамилии. Мальмберг Владимир Константинович (1860–1921) — историк древнегреческого искусства, археолог, приват-доцент Казанского университета (1888–1890), профессор Дерптского университета (1890–1907), директор Музея изобразительных искусств имени Александра III (1913–1921).

²⁰ Лешке Георг (1852–1915) — профессор кафедры классической филологии и археологии Дерптского университета (1879–1887).

мы еще, как бы нелегкая не занесла к нам Апухтина вместо милейшего Мих. Ник. Апухтина, ведь выжила m-ме Гурко, а он уж славился всякого рода «обрушениями».

В последнее время Надя чувствует себя лучше, а Саша здоров, растет и шалит. Примите сами и передавайте наш привет Надежде Николаевне²¹ и Клеопатре Александровне²² и поцелуйте девочек. Как они поживают?

Желаем всего лучшего.

Преданный Вам М. Дьяконов.

Василию Григорьевичу²³ мой сердечный поклон.

Юр[идическую] лет[опись] я еще не видел, но она получается в университете. Выписывать же ее не могу пока, т. к. финансы мои не блестят; но выписал нынче и Юр[идический] вестн[ик]²⁴ и вообще ничего не получаю, ибо Лисовский²⁵ даже не посылает Библиографа²⁶, несмотря ни на напоминания и Вас[илия] Григ[орьевича].

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 1–3 об.

№ 27. 8 февраля 1890 г.

8 февраля

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]90

Очень, очень благодарен Вам, Сергей Федорович, за сообщения о моем деле касательно магистерства. На другой же день по получении Вашего письма я отправил письма М. П. Белозерову, вложив туда прошение и деньги. Вероятно, диплом мой скоро и перешлют. Я попрошу Вас только как-нибудь, при удобном случае спросить у Белозерова, не числятся ли за мной какие-н[и]б[удь] недоимки еще, вроде гербовых марок, почтовой пересылки и проч[ее]. Если да, то пополните, пожалуйста, их, а я уж разочтусь с Вами, когда получу от Вас сведения. Итак, еще раз благодарю Вас за все.

²¹ Платонова (Шамонина) Надежда Николаевна (1861–1928) — переводчик, биограф писательницы Н. С. Кохановской (Соханской). Супруга, соратница и единомышленница историка С. Ф. Платонова.

²² Платонова (урожд. Хрисанфова) Клеопатра Александровна (1838–1901) — мать С. Ф. Платонова.

²³ Дружинин Василий Григорьевич (1859–1936) — историк, археолог, коллекционер, член-корреспондент (1920) РАН.

²⁴ Юридический вестник — журнал, издававшийся в 1867–1892 годах Московским юридическим обществом.

²⁵ Лисовский Николай Михайлович (1854–1920) — библиограф, книговед, профессор Московского университета, с 1884 г. — редактор журнала «Библиограф».

²⁶ Библиограф — ежемесячный журнал, выпускался в Петербурге с 1884. Издатель — Э. Ф. Лисовская.

Все поджидал Юридической летописи до ответа Вам, но только сегодня ее добыл и прочел, кроме статьи Исаева²⁷, в числе поклонников борзописательства коего не состою. Книжка²⁸ вообще мне понравилась и особенно практичной мне кажется литературная хроника, хотя кое-что против распределения материала по рубрикам можно бы и возразить. Для меня, по крайней мере, не ясно, почему в I отд[еле]нии общих вопросов права фигурируют книги Мякотина²⁹ и Семенова³⁰? Затем лично я сожалею, что не нашел отзывов об этих двух книгах. Общий же характер рецензий мне понравился, хотя я уже слышал обвинение (не от Дитяткина³¹, он еще не видал вовсе журнала) в излишней мягкости, причем указывали на книгу Азаревича³². Судить не берусь, ибо книги не знаю; но про некоторые литературные подвиги сего господчика слыхивал, и знаю, что о первых томах его системы, например, Муромцев³³ иного мнения. Специально рецензией на мою книгу, конечно, очень доволен и рад, что она появилась в такое

²⁷ Исаев А. А. Черты развития политической экономии на Западе и в России // Юридическая летопись. 1890. № 2. С. 91–115. Заметим, что нумерация страниц журнала сквозная.

²⁸ В номере среди вновь вышедшей литературы упомянута книга М. А. Дьяконова «Власть московских государей. Исторические очерки. СПб.» (Там же. С. 157).

²⁹ Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) — историк, писатель и политик.

Речь идет о книге: *Мякотин В.* Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. СПб., 1889. 232 с. На книгу были опубликованы несколько рецензий, в частности: Рец.: *Мякотин В. А.* Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. СПб. // Русская мысль. 1889. Кн. 10. С. 428–429. Здесь книга названа «почтенной работой», «единственный труд не только в нашей исторической литературе, но в исторической литературе вообще» (Там же. С. 428).

³⁰ Семенов Николай Петрович (1823–1904) — государственный деятель, писатель, переводчик.

Речь идет о книге: *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссии по крестьянскому делу. Т. 1. СПб., 1889. 848 с.). Труд выходил в течение ряда лет (1889–1893), состоял из трех томов, третий из которых делился на две части.

³¹ Дитятин Иван Иванович (1847–1892) — юрист, в 1878–1891 годах преподавал в Харьковском и Дерптском университетах. В 1891 г. вышел в отставку.

³² Азаревич Дмитрий Иванович (1848–1920) — профессор римского права, профессор Демидовского лицея, Новороссийского, Варшавского университетов.

Речь идет о книге: *Азаревич Д.* Система римского права. Университетский курс. Т. 2. Ч. 2. Варшава, 1889. 224 с. На эту книгу была опубликована рецензия: Рец.: *Азаревич Д. И.* Система римского права. Университетский курс. Т. 2. Ч. 2. Варшава // Юридическая летопись. 1890. № 2. С. 139–140.

³³ Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) — правовед, один из основоположников конституционного права России, социолог-позитивист, публицист и политический деятель.

именно время³⁴, когда мне нанесен смертельный удар неловко прикрывшимся рецензентом Историч[еского] вестника³⁵. Отвечать ему не думаю, т[ак] к[ак]³⁶ не стоит вообще пускаться в скандальную полемику. А рецензент ведь и еще собирается анатомировать меня и, конечно, с теми же приемами «неизбежной логической необходимости». Разве только придется ответить в том случае, если будущую рецензию поместит какой-н[и]б[удь] более приличный журнал.

Ну, а как Вы располагаете теперь своим временем? Как идет издание повестей³⁷ и как Вы порешили с темой докторской диссертации? Все это меня, конечно, очень и очень интересует, и я с нетерпением буду ждать Вашего решения, как и решения Вас[илия] Григ[орьевича]. Сам я еще брожу как слепой подле вопросов по истории сословий. Статья Ключевского, дающая столь оригинальную перспективу истории сословий, лишь еще больше подзадоривает в этом направлении, но удастся ли наткнуться на что-н[и]б[удь] в этих вопросах, сказать нельзя. Пока хочется отметить лишь наиболее неясные или спорные по печатному материалу, хотя и эта работа немалая, но она меня не пугает даже и на случай безрезультатности поисков, т[ак] к[ак] эту работу я должен же проделать.

О новостях здесь я только что написал Вас[илию] Григ[орьевичу] и повторять не буду. Вспомнив, что сегодня день торжества нашего университета, как и где Вы это празднуете. Здесь затевал что-то Висковатов, но я уклонился, т[ак] к[ак] компания все незнакомая и к тому же столь иной раз нетактичная, что можно, попав туда, оказаться в неловком положении. Так на недавнем обеде судей был провозглашен тост не только за единение с полицией, но даже за жандарма. Из нас, доцентов, там никто не будет, хотя я и Гримм³⁸ подписались на по-

³⁴ Рец.: М. А. Дьяконов. Власть московских государей // Юридическая летопись. 1890. № 2. С. 153–156. Рецензент делит монографию на две части: первую (I–IV главы), где представлен «свод известного, но разбросанного историко-литературного материала», и вторую часть (V–VI главы), за которой «нужно признать значение большее». В частности, отмечена новизна в 5 главе, где автор «знакомит нас со своеобразным и малоизвестным московским обычаем „царского местничества“, а в последней главе «пересмотрен старый вопрос о праве отъезда из Москвы „вольных слуг“». В заключение рецензент находит исследование «серьезным историческим трудом» (Там же. С. 166). Вставая на защиту М. А. Дьяконова от критики, рецензент отметил, что автор «дал слишком широкое заглавие своей книги и не оговорив достаточно в предисловии» предмет и объект своего исследования.

³⁵ В. Л-нз. М. Дьяконов. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси. СПб. 1889 // Исторический вестник. 1890. № 2. С. 452–457.

³⁶ Далее зачеркнуто слово «это».

³⁷ Речь идет об издании: РИБ. Т. 13. Памятники древнерусской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1891. 982 с.

³⁸ Гримм Давид Давидович (1862–1934) — юрист, профессор (1910–1911), ректор Петербургского университета (с 1901 г.).

здравительной телеграмме, отправляемой Меншуткину³⁹ от лица как бы пьющей компании.

Пока довольно. Тороплюсь сегодня же отправить письмо. Привет всем Вашим, от Нади и меня.

Ваш М. Дьяконов.

8 февраля.

А при случае не забудьте послать мне Обзорение преподавателей на нынешний семестр.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 4–5 об.

№ 28. 10 марта 1890 г.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]90

Спасибо Вам за весточку, дорогой Сергей Федорович; признаюсь, что поджидал Вашего письма, так как давно уж не имел из Питера известий, кроме письма А. С. Лаппо-Данилевского.

Прежде всего, поздравляю Вас, как члена Ученого комитета⁴⁰, и желаю сердечно быть если и не членом пока, то хотя бы секретарем другого научного учреждения, буде возможно там быть секретарем, не будучи членом. Я не знаю о другом возможном назначении, но думаю, что Вы могли бы быть заместителем Веселовского. Если же⁴¹ вопрос идет не об этом, то желаю полного успеха и во всем другом, хотя кроме Публичной библиотеки и редакции Ж. М. Н. Пр. не знаю о чем и подумать.

Об избрании Бестужева⁴² я услышал еще до получения Вашего письма от m-me Бодуэн-де-Куртенэ⁴³. Ему и Васильевскому посылаю свои поздравления и пожелания. А как же произошла отставка Ве-

³⁹ Меншуткин Николай Александрович (1842–1907) — химик, профессор Петербургского университета. О Н. А. Меншуткине подробнее см.: *Старосельский П. И., Соловьев Ю. И.* Николай Александрович Меншуткин. М., 1969. 296 с.

⁴⁰ С 19 декабря 1890 г. С. Ф. Платонов был назначен членом Ученого комитета. Официальное приглашение С. Ф. Платонову от Министерства народного просвещения поступило 17 марта 1890 г. с предложением должности члена Ученого комитета по рассмотрению исторических сочинений. Подробнее см.: *Митрофанов В. В.* С. Ф. Платонов и Ученый комитет Министерства народного // Тюменский исторический сборник. Вып. 9. Тюмень, 2006. С. 90–101.

⁴¹ Далее зачеркнуто «реч».

⁴² В 1890 г. императорская Академия наук избрала К. Н. Бестужева-Рюмина своим действительным членом по Отделению русского языка и словесности.

⁴³ Бодуэн де Куртенэ Ромуальда (Янина) Ромуальдовна (1857–1935, урожденная Багницкая) — польская писательница.

селовского⁴⁴? Это любопытная история, которая здесь произведет сенсацию, ровно как и новые избрания. А кто же будет вместо Строева? Немец какой-н[и]б[удь]?

Книжку⁴⁵ Сергеевича видел: ее выписал Дитятин и отдал пока в мое пользование. Едва ли получу ее от Сергеевича, имея особенно в виду то, что и Вам он ее не презентовал, карая за близость ко мне, как Вы думаете. Пока он не прислал ее и Энгельману, которому должен прислать в оплату за курс государственного права⁴⁶. Книжка действительно прелюбопытная, поскольку я мог с ней познакомиться, и для нашего брата настольная. В общем она мне представляется вторым изданием *Опытов*⁴⁷ Чичерина⁴⁸, появляющимся через 40 лет. Тот же проникающий книгу скепсис, та же формальная логика событий и в то же время такая же простота и ясность рассказа, даже тот же вид цитирования источников. А какой образцовый язык: простой, ясный! Недаром он кольнул Ключевского за красоту слога, хотя, на мой взгляд, и неудачно с ним полемизирует, особенно по вопросу о прикреплении крестьян. Но даже над Ключевским он подтрунивает! Я успел некоторые отделы просмотреть благодаря любезности Дитятина. Книга здесь не получена, но нельзя ее и выписать, п[отому] ч[то] до сих пор не могу добиться назначения на мой предмет денег. Это удивительная история! Никому из нас денег не дают, да и нельзя было ждать, чтобы они это сделали по собственной инициативе, и потому я подал докладную записку в⁴⁹ факультет и приложил список недостающих по каталогу и вновь вышедшие книги по русской истории. А дефекты были удивительные: Р[усская] и[сторическая] б[иблиотека]⁵⁰ всего VI томов, нет никаких изданий Архивных комиссий⁵¹, Чтений в Общ[е-

⁴⁴ Речь идет об отставке К. С. Веселовского (1819–1901) с поста неперменного секретаря академии, занимавшего должность с 1857 г.

⁴⁵ Речь идет о книге: *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1890. 708 с.

⁴⁶ Речь идет о книге: *Энгельман И. Е.* О давности по русскому гражданскому праву. Историко-догматическое исследование. СПб., 1868. 244 с.

⁴⁷ Речь идет о книге: *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. Сборник статей. М., 1858. 389 с.

⁴⁸ Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) — правовед, один из основоположников конституционного права России, философ, историк, публицист, педагог, почетный член Петербургской академии наук (1893), почетный член Московского университета (1900)

⁴⁹ Далее зачеркнуто «унив».

⁵⁰ Русская историческая библиотека — серия сборников документальных источников и литературных памятников, издававшаяся Археографической комиссией в 1872–1927 годах. Всего вышло 40 томов.

⁵¹ Архивные комиссии (Губернские ученые архивные комиссии) — учреждения по сбору местных исторических архивов, охране исторических памятников и древностей в дореволюционной России.

стве] лет[описца] Нестора⁵², даже Киевской старины⁵³! И что же мне объявляет декан? Говорит, что в нынешнем году приходится всего по 8 руб. на предмет, т[ак] к[ак] нужно де из сумм Юрид[ического] факультета заплатить долг по библиотеке за проф[ессора] Дицеля⁵⁴ свыше 350 р. и долг, сделанный им, когда он был еще на филологическом факультете. Все это очевидные штуки, и я намерен, когда получу формальный ответ, обжаловать его Совету. Во всяком случае, теперь нельзя купить никакой новой книжки, а своих денег тоже нет, т[ак] к[ак] на 98 р. в месяц не раскутиться, так что никаких новинок я и не вижу.

Завтра⁵⁵ Вы сражаетесь с Чечулиным⁵⁶ и, вероятно, его пощипаете изрядно, ибо книга⁵⁷ дает очень удобную для того почву. Но я очень удивлен тем, что Васильевский будет оппонировать. Вероятно, будут и частные оппоненты. А как себя чувствует Н[иколай] Д[митриевич]? Спокоен и невозмутим как всегда? Желаю, чтоб его хоть раз хорошенько проняли. А как обстоит дело с варшавской кандидатурой? Неужели же туда прочат Филевича⁵⁸ и он победит Шмурло⁵⁹? Как поживает последний и много ли сделал для докторской диссертации? Завтра вечером будет, вероятно, празднество. Прошу передать мой привет историкам и поздравление магистру⁶⁰.

⁵² Киевское общество летописца Нестора основано в 1872 г. на базе научного кружка в Киеве, официально открылось в январе 1873 г. В 1874 г. перешло в ведение Киевского университета. С 1879 г. издавало «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца».

⁵³ Киевская старина — ежемесячный историко-этнографический и литературный журнал. Издавался в Киеве на русском языке в 1882–1907 годах.

⁵⁴ Дицель Генрих (1857–1935) — профессор, заместитель проректора Дерптского университета.

⁵⁵ Речь о магистерском диспуте. 11 марта 1890 г. состоялся магистерский диспут Н. Д. Чечулина. Официальными оппонентами были В. Г. Васильевский и С. Ф. Платонов. Второй из оппонентов, указав на достоинства труда, отметил и недостатки. Главным был назван «методологический» (Диспут Н. Д. Чечулина // Историческое обозрение. Сборник исторического общества при императорском С.-Петербургском университете за 1890 год. Т. 1. СПб., 1890. С. 298–300).

⁵⁶ Чечулин Николай Дмитриевич (1863–1927) — историк, сотрудник Публичной библиотеки (1896–1915), попечитель Виленского учебного округа (1915–1917), член Археологической комиссии (с 1909 г.), член-корреспондент АН (1921).

⁵⁷ Речь идет о книге: *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. 349 с. (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Т. 22).

⁵⁸ Филевич Иван Порфирьевич (1856–1913) — историк и публицист. В 1890 г. защитил магистерскую диссертацию «Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие» и был направлен в Варшавский университет, где занял должность экстраординарного профессора на кафедре западно-русской истории.

⁵⁹ Шмурло Евгений Францевич (1853–1934) — историк, профессор Петербургского, затем Дерптского университетов (1891–1903), член-корреспондент РАН.

⁶⁰ Речь идет о Н. Д. Чечулине.

Живем мы так себе. Надя должна лежать еще быть может недели две с залишком. Лежанье ее истомило, конечно, но ничего не поделаешь с этим. Сашка здоров и буянит. Лето нам придется, вероятно, провести в Дерпте за полным безденежьем. Если даже представление попечителя пройдет, то ведь три месяца еще будем получать старое жалование. А какие планы насчет лета у Вас? Куда Вы думаете двинуться нынче?

А как поживает Василий Григорьевич? Ему мой привет на особицу. Надежде Николаевне и Вам шлем наши сердечные приветы и пожелания и поцелуи ребятам. Всяких успехов и всего лучшего.

Ваш М. Дьяконов.

10 марта.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 6–7 об.

№ 29. 7 апреля 1890 г.

7 апреля

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]90

Спасибо Вам, дорогой Сергей Федорович, за письмо, а меня простите за промедление с ответом и примите наше хоть и позднее поздравление с прошедшими праздниками. Вы, вероятно, уже знаете от Василия Григорьевича, какое тревожное время было у меня на последней неделе и как трудно мне было чем-либо заняться кроме ухода за больными. Теперь вот уж дней пять как Надя и Саша на ногах. Девочка наша, по-видимому, здорова, но очень медленно растет, т. е. прибавляет в весе, вероятно, вследствие недостаточного питания в течение Надиной болезни. С рождением дочери, к[ото]рую зовем Наташей⁶¹, наша семья получает вполне законченный вид: больше желать теперь нам некого. Рождением дочери особенно довольна Надя.

А я должен был с 2 дня праздников засесть за лекции. Здесь ведь лекции продлятся до 20-х чисел мая, и мне остается еще немало материала, чтобы закончить госуд[арственное] устройство и управление Москов[ского]г[осудар]ства. Все я еще не вполне привык рассчитывать размеры отдельных частей курса, который выходит неровным.

23 числа мне объявлено, что я назначен экстраординариусом, при том с 4 декабря, т[ак] ч[то] за апрель мы получаем уже профессорское жалованье, что для нас теперь очень кстати. Однако нам не скоро удастся оправиться, т. е. расплатиться с долгами, сделанными при

⁶¹ Алексеева Наталия Михайловна (1891–1973) — первая в России женщина-ориенталист.

переезде в Дерпт, а потому едва ли мы рискнем выселяться на дачу, что теперь для нас не так просто. Впрочем, летняя обстановка в Дерпте довольно добропорядочная: хотя пыли довольно, но есть неподалеку места для прогулок, куда и можно будет укрываться с ребятами. Я, впрочем, мечтаю побывать в Питере и сделать маленькое путешествие через Ригу в Ревель морем. Но ведь это пока одни мечты.

А какие ваши планы насчет лета? Завидую Вам, что Вы при таком числе лекций все же успеваете и писать. Буду ждать с интересом Вашей статьи о начале Москвы⁶². Надеюсь, что Лисовский, прислал мне вчера 2 первых номера, не остановится на этом, как в прошлом году, и я буду иметь возможность в скором времени прочесть Вашу статью. А номеров Библиографа за прошлый год (кроме 2-х первых) я так и не получил. Если бы были лишние деньги, то послал бы ему 5 р., так как иным способом от Лисовского очевидно не получить журнала. А будет его Библиограф органом Исторического общества или нет? И как поживает Кареевское общество⁶³? Об его деятельности за последнее время что-то мало слышно. Я знаю только, что общество предполагает издавать журнал с бесплатными статьями, но в каком виде и когда предполагается провести этот план в исполнение — ничего не знаю. До сих пор я не имею еще и устава, хотя Н[иколай] И[ванович] обещал еще в ноябре прислать его. Поэтому не знаю и своих финансовых обязательств⁶⁴.

А как подвигается печатание книги А. С.⁶⁵? От него я давно уже не имею никаких вестей. Вероятно, работа уже подходит к концу. А читали Вы вышедшие листы? На мой взгляд, книга обещает быть очень интересной и не идет в сравнение с Чечулинской. А что он: все менторствует? Не собирается выступать на кафедру? И как он чувствует себя после жестокого поражения на диспуте? Не он ли и упрекал Вас в жестокости? А Середонину⁶⁶ желаю от души и дальнейших успехов, хотя не понимаю его философии насчет четей⁶⁷. Ведь есть

⁶² Речь идет о работе: *Платонов С. Ф.* О начале Москвы (Заметка по поводу доклада И. Е. Забелина на VIII-м Археологическом съезде в Москве) // Библиограф. 1890. № 5/6. С. 58–63.

⁶³ Речь идет об Историческом обществе при Петербургском университете.

⁶⁴ Речь идет о членских взносах в общество.

⁶⁵ Речь идет о книге: *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. 557 с. (Записки Историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета. Т. 23).

⁶⁶ Середонин Сергей Михайлович (1860–1914) — историк, близкий друг С. Ф. Платонова.

⁶⁷ Речь идет о четвертных приказах: *Середонин С. М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. 399 с.;

прямые указания, что так назывались управления под начальством дьяков, т. е. приказы. И такие указания относятся ко времени до учреждения опричнины. Двинские земства в 1556 г. находились в ведении д[ьяка] Путила Нечаева; Важская земля в ведении казначея и д[ьяка] Ив. Неучародова или иного дьяка, кому царь Вагу прикажет. Даже прямо упоминается «Четвертной приказ» на Москве в 1582 г. Как же Середонин утверждает, что приказы в XVI в. не назывались четвертями? Верно, однако, то, что указанные Флетчером приказы в ведении думных дьяков (Посольск[ий], Помест[ный], Казанский и Разряд[ый]) четьями не назывались. Впрочем, я уже многое про приказы забыл, может и сам вру. Вот что-то написал о приказах и именно о четвертях А. С.⁶⁸ Слышал он доклад С. М.? Ну а что Шляпкин со своей диссертацией делает⁶⁹? Как продвигается докторская работа Шмурло?

А к Вам и Вас[илию] Григ[орьевичу] у меня вот такая просьба. Сюда в унив[ерситетскую] библиотеку надо выписать труды архивных комиссий. Но я не знаю ни полного списка трудов, ни даже всех комиссий, а тем паче адресов. Не можете ли Вы мне сообщить такой список? Я был бы очень и очень благодарен за это.

Желаем Вам и всем Вашим всего лучшего.

Ваш М. Дьяконов.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 8–9 об.

№ 30. 26 апреля 1890 г.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]90

Простите за невольную задержку с ответом на Ваше письмо, дорогой Сергей Федорович; за него и за поздравления сердечно благодарю. Поздравляю и Вас со своей стороны с дебютом в Ученом комитете и, уверен, за успех Ваш там. Желаю от души, чтобы в мае пришлось Вам приняться за другое дело. Если Вы летом остаетесь вблизи Пи-

Платонов С. Ф. Как возникли чети? // ЖМНП. 1892. № 5. С. 158–171. Эта тема затрагивается и в статье современного историка: Лисейцев Д. В. Четвертные приказы в России начала XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 203–210.

⁶⁸ А. С. Лаппо-Данилевский

⁶⁹ Е. Ф. Шмурло в «Записках» по этому поводу 11 февраля 1889 г. заметил: «Этот сезон насчет диссертаций был урожайный; да и в ближайшем будущем предстоят работы Дьяконова, Лаппы, Чечулина и Шляпкина, если только последний когда-либо окончит своего «Дмитрия Ростовского» (*Демина Л. И.* «Мне как историку позволительно оценивать события исторической меркой». Из «Записок» Е. Ф. Шмурло о Петербургском университете. 1889 г. // Отечественные архивы. 2006. № 1. С. 77).

тера, то надеюсь в начале июня увидаться с Вами, так как думаю, как только кончатся здесь дела, съездить проветриться, людей посмотреть. А на мое счастье, кажется, и Вас[илий] Григ[орьевич] останется в Питере, ибо должен будет фигурировать на конгрессе⁷⁰. К сожалению, я сваял дурака и не позаботился раздобыть членский билет, на что думаю, имел бы право, как прикосновенный в некотором смысле к кнотоведению. Теперь, вероятно, это уже поздно. А мог бы проехать обратно в Дерпт даром.

Хотел бы я попасть в Манеж к 9-му мая, благо можно было съездить, не пропуская лекций. Но нельзя из-за местных политических соображений брать отпуск, да признаться и некогда.

На днях юридический факультет получил неожиданный сюрприз от попечителя⁷¹. Признаться, ни мы, ни студенты не рассчитывали нынче весной на экзамены; в том же смысле высказался и попечитель, будучи здесь. А теперь прислал копию с представления министру о применении к здешнему университету целиком правил о полукурсовых испытаниях. Эта неожиданность обескуражила студентов, и они просят закончить курс по возможности скорее. А мы рассчитывали читать до 1 июня. Теперь приходится гнать на почтовых. В частности, у меня это распоряжение расстроило практические занятия, так как студенты бросили рефераты и принялись за зубреж.

Вчера только получил книгу Лаппо-Данилевского, раньше у меня были отдельные листы до 22-го, которые я и прочитал. Дочитывать пока некогда, но хотелось бы о книге написать заметку. Если Вы сами не поместите в Ж. М. Н. Пр. своего отчета⁷², то нельзя ли, буде это будет удобно, спросить Л. Н. Майкова⁷³, не поместит ли он моей рецензии⁷⁴. Иначе я затрудняюсь насчет возможности напечатания заметки.

⁷⁰ IV Международный тюремный конгресс проходил в Санкт-Петербурге в июне 1890 г.

⁷¹ Капустин Михаил Николаевич (1828–1899) — юрист, историк права, государственный деятель, профессор (с 1855 г.) Московского университета, директор Демидовского юридического лицея в Ярославле (1870–1883), попечитель Дерптского (1883–1890) и Санкт-Петербургского (1890–1899) учебных округов, преподавал международное право цесаревичу Николаю Александровичу.

⁷² С. Ф. Платонов откликнулся на книгу рецензией: *Платонов С. Ф.* Новые монографии по истории русского права. Рец.: А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // Юридическая летопись. 1890. № 11. С. 414–417.

⁷³ Майков Леонид Николаевич (1839–1900) — исследователь истории русской литературы, академик, в 1868–1882 годах — помощник редактора, в 1882–1890 годах — редактор «ЖМНП».

⁷⁴ Дьяконов М. А. Рец.: А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // ЖМНП. 1890. № 8. С. 370–380.

Еще к Вам у меня следующие просьбы. Сергеевич в своей книге ссылается на историко-юрид[ический] матер[иал] Арх[ива] Мин[истерства] юст[иции] вып. 1. (стр.-). Потом в Нов[ом] вр[емени]⁷⁵ я видел сообщение об издании под ред[акцией] Попова⁷⁶ записных книг Разряда с половины XVI в.⁷⁷ Об этих изданиях я не имею представления. Это не мифы? Если они продаются, то припасите для меня экземпляры. В июне я их захвачу и расплачусь тогда с Вами. Конечно, если все это не затруднит Вас с какой бы ни было стороны.

А как поживает Василий Григорьевич? Его поздравляю с избранием в преемники Толстого⁷⁸ по Арх[еологическому] общ[еству]⁷⁹. Я думаю, это было приятно ему. А что слышно про нашу «Беседу»⁸⁰? Канула она в воду совсем? Пожалуйста, передайте еще мою благодарность Е. Ф. Шмурло за присылку статьи⁸¹ из Ж. М.⁸² В скором времени за недосугом едва ли ему соберусь написать.

Наши планы насчет лета начинают-таки выясняться. Караваевы едут на дачу в Виленскую губ[ернию], где наняли большой дом, и зовут нас туда. Вероятно, часть лета мы и проведем с ними. Говорю часть лета, так как в начале июня мне хочется побывать в Питере, а затем в июле нам придется опять переселяться на квартиру, так как с этой гонят: будут осенью устраивать трактир. Да и оставаться в ней на зиму было бы нельзя: очень холодно.

До сегодняшнего дня здесь стояло роскошное время, и Дерпт совсем расцвел: везде море зелени и белый цвет вишень и яблонь. Правда изрядно и пыли, но на Домберге⁸³ можно и от пыли укрыться.

Примите от нас Вам и всем Вашим радушный привет.

⁷⁵ Новое время — русская газета, издававшаяся в 1868–1917 годах в Санкт-Петербурге.

⁷⁶ Попов Нил Александрович (1833–1891) — историк, славист, архивист, член-корреспондент Петербургской академии наук (1883).

⁷⁷ Речь идет об издании: Акты Московского государства. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. 802 с.

⁷⁸ Толстой Иван Иванович, граф — нумизмат и археолог, с 1885 по 1890 год — секретарь Императорского русского археологического общества, с 1899 г. — был помощником председателя этого общества.

⁷⁹ В. Г. Дружинин был секретарем общества с 1890 по 1906 г.

⁸⁰ Речь идет о публикации: Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев. Апокрифический памятник XVI века. СПб., 1889. XXIII, 32 с.

⁸¹ Речь идет об одной из публикаций «О письмах и бумагах императора Петра Великого», которые помещались в ЖМНП на протяжении ряда лет (1889–1894).

⁸² Речь идет о «ЖМНП».

⁸³ Домская горка (эст. Тоометägi, Тоомемяги) — исторической холм в Тарту, место основания города. В XIX в. территория холма была превращена в парк по проекту Й. Краузе. Для удобства пешеходного сообщения с городом были устроены мосты — Ангелов и Английский.

Желаем всего лучшего.

Ваш М. Дьяконов.

26 апреля.

А какие слухи о будущем министре?⁸⁴ Будет им наш Капустин или Бычков, или Тертый⁸⁵, или даже Феоктистов⁸⁶?

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 10–11 об.

№ 31. 15 мая 1890 г.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]90

Спасибо Вам, дорогой Сергей Федорович, за хлопоты по вопросу о помещении рецензии и за извещение об этом. За нее я еще не принимался и думаю приняться на днях (завтра я кончаю свой курс). Всея книжки толком я еще не одолел, хотя и имею уже несколько замечаний и возражений в запасе. Вот на досуге досмотрю книжку, кое-что проверю и тогда набросаю заметку. Ее, быть может, привезу сам или пришлю, если позволите, на Ваше имя.

О диспуте Л[а]п[по]-Д[а]н[илевского]⁸⁷ еще не имею сведений, кроме бестолковых газетных отчетов в Нов[ом] вр[емени] и Новостях: в Русск[их] вед[омостях]⁸⁸, вероятно? не будет отчета, т[ак] к[ак] Кареев на этот раз не будет корреспондировать, ибо был участником сражения. Судя по газетам, впрочем, диспут был очень мирным: газеты отметили только похвалы.

А что за книжка Филевича?⁸⁹ Кто будет его вторым оппонентом?⁹⁰ Если книжка хорошая, то нельзя ли будет похитить в университете

⁸⁴ Речь идет о слухах об отставке министра народного просвещения И. Д. Делянова.

⁸⁵ Филиппов Тертый Иванович (1826–1899) — государственный контролер, публицист, православный богослов, собиратель русского песенного фольклора, почетный член Петербургской академии наук.

⁸⁶ Феоктистов Евгений Михайлович (1828–1898) — писатель, журналист, редактор «ЖМНП» (1871–1883), начальник главного управления по делам печати Министерства внутренних дел (1883–1896), сенатор (1896).

⁸⁷ Диспут проходил 9 мая 1890 г. Первым официальным оппонентом был Н. И. Кареев, вторым — С. Ф. Платонов (см.: Сборник Исторического общества при императорском С.-Петербургском университете за 1890 год. Т. 1. СПб., 1890. С. 283–294).

⁸⁸ Русские ведомости — российская общественно-политическая газета, выходившая в Москве с 1863 по март 1918 г.

⁸⁹ Речь идет о магистерской диссертации: *Филевич И. П.* Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-vlадимирское наследие. Исторические очерки. СПб., 1890. 233 с.

⁹⁰ Защита проходила 21 мая 1890 г. Первым оппонентом был В. Г. Васильевский, вторым — С. Ф. Платонов (Сборник Исторического общества при императорском С.-Петербургском университете за 1890 год. Т. 1. СПб., 1890. С. 294–298).

один экземпляр на мой пай? А если нет, то бог с ним. Но вот какая вполне законная просьба: нельзя ли Безобразова просить выслать сюда в университет все экземпляры последних диссертаций. Университеты ведь обязаны обмениваться диссертациями или вообще приняли это за правило. Между тем здесь не оказывается многих диссертаций и изданий как С.-Петербургского, так и других университетов. Покупать же их при бедности здешнего университета очень невыгодно. Я кое-как добился ассигнования на мой предмет 200 р. из специальных сумм; но большинство их пойдет на приобретение дефицитов в источниках, сборниках и пополнение начатых выпиской изданий. Бедность в русских журналах здесь поразительная: книги не выписываются: Р[усская] мысль⁹¹, Наблюдатель⁹² и вовсе не было выписываемо Киевской старины, Философского журн[ала] Грота⁹³, Русского вестника⁹⁴ и многих изданий духовных академий. О старых, уже прекратившихся журналах, и говорить нечего. Поэтому и приходится хлопотать о даровой присылке хоть диссертаций. С большим нетерпением жду окончания семестра, чтобы удрать отсюда на несколько дней в Питер, и застать тама по возможности побольше людей. Но когда можно будет урваться, еще не знаем, ибо до сих пор ничего не известно насчет экзаменов: будут ли они и когда. Если экзаменов совсем не будет, то я мог бы попасть в Питер еще в 20 числа мая. А когда Вы освобождаетесь совершенно, и когда Ваша семья переселяется на дачу? Признаюсь, что я бы не посоветовал Вам поселиться в Парголово или вообще в этих местах: там уж больно густое поселение и вообще неважно. Уж Вам следовало бы подвинуться подальше, напр[имер], к Белоострову или Териокам⁹⁵; хорошо, кажется, и в Левашове, хотя в эти отдаленные пункты не так часто ходят поезда. Мы на дачу, может быть, и совсем не попадем, так как к нам в июне хочет приехать с Урала сестра с мужем. Если нельзя будет всем нам и нашим гостям поместиться на даче у Караваевых, то значит проживем лето здесь. Это в смысле обстановки вовсе не так

⁹¹ Русская мысль — литературно-политический журнал, выходивший в Москве с 1880 г. ежемесячно.

⁹² Наблюдатель — ежемесячный журнал, выходивший в С.-Петербурге в 1882–1904 годах. Редактором и издателем журнала был А. П. Пятковский.

⁹³ Грот Николай Яковлевич (1852–1899) — профессор, создатель первого русского философского журнала.

⁹⁴ Русский вестник — журнал, издававшийся в 1856–1906 годах в Москве и Петербурге М. Н. Катковым.

⁹⁵ Рыбацкий поселок Териоки у места впадения Жемчужного ручья в Финский залив известен еще с XVIII в. В начале XX в. Териоки был самым крупным дачным поселком на побережье Финского залива с численностью населения до 3500 жителей, а в летнее время сюда приезжало до 55000 дачников.

страшно, как в Питере. Последнее время порядком-таки нас донимала пыль, т[ак] как с половины апреля не было дождей. Но вчера благодатный дождь оживил совершенно Дерпт, и здесь теперь очень хорошо. У нас в университете распространен слух, что будущий семестр откроется у нас при новом начальстве: Капустин будет министром, а у нас новый попечитель⁹⁶. Но кто? При здешних условиях это очень важный вопрос. Называют нескольких кандидатов: Лаврентьева⁹⁷, Спешкова⁹⁸ и даже Висковатова. *Verrons-verrons!*⁹⁹

И так, быть может, до скорого свидания. А пока желаю поскорее кончить все Ваши дела и уж со спокойным духом приняться за другие.

Всего лучшего.

Ваш М. Дьяконов.

15 мая.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 12–13 об.

№ 32. 16 июня 1890 г.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]90

Посылаю Вам, дорогой Сергей Федорович, заметку на книгу Л[а]п[по]-Д[а]н[илевского], пользуясь разрешением Вашим выслать ее по Вашему адресу. Оставшись после Вас у Васильевского, я говорил с ним насчет помещения моей рецензии в Ж. М. Н. Пр., и, хотя он и мне повторил намек, что я мог бы получить эту книгу для рецензии по поручению Академии, но я уклонился от этого, так как не обладаю пока достаточным количеством пороха для академической рецензии, и указал на Милюкова, как на человека, могущего дать более обстоятельный разбор книги Л[а]п[по]-Д[а]н[илевского]¹⁰⁰. Я думаю, что поступил правильно. Не так ли?

⁹⁶ Лавровский Николай Алексеевич (1825–1899) — доктор русской словесности; первый директор Нежинского историко-филологического института, профессор и ректор Варшавского университета, в 1890–1899 годах попечитель Дерптского учебного округа.

⁹⁷ Лаврентьев Леонид Иванович (1835–1914) — писатель, деятель образования, помощник попечителя Петербургского округа (с 1885 г.), член Ученого комитета Министерства народного просвещения (с 1887 г.), попечитель Западно-Сибирского учебного округа (1899–1914).

⁹⁸ Спешков Сергей Федорович (1847–?) — помощник попечителя (с 1901 г. — попечитель) Казанского учебного округа (1893–1905).

⁹⁹ Посмотрим, посмотрим (*фр.*).

¹⁰⁰ По этому поводу С. Ф. Платонов писал М. А. Дьяконову 29 января 1891 г.: «Комиссия по Уваровским премиям отдала книгу Лаппо-Д[анилевского] Милюкову

Мне было приходила в голову мысль, что редакция имеет в виду какого-либо рецензента, помимо меня, и желает от меня мягким образом отделаться; но по размышлении отверг сию мысль, так как, думаю, не подавал повода В. Г. Васильевскому быть со мной в такой мере неискренним. Однако, предупреждаю на случай Вас, что быть назойливым вовсе не желаю и готов взять статью назад, буде она признана будет почему-либо не подходящей, или если у редакции есть или имеется ввиду более основательная рецензия (я, между прочим, слышал, что Кареев собирается писать рецензию на книгу Л[а]п[по]-Д[а]н[илевского]¹⁰¹). О результате попрошу Вас меня уведомить при случае.

Теперь надеюсь, можно Вас поздравить с вступлением в круг новых обязанностей по редакции¹⁰². Не смею теперь просить Вас поделиться новыми впечатлениями: теперь у Вас, пожалуй, все время занято, но авось в свободную минутку черкнете и об этом. На первых же порах Вам, кажется, придется, нести все обязанности, так как Васильевский, кажется, уезжает в свой медвежий угол. Желаю Вам самых лучших успехов.

Хоть с моей стороны будет, пожалуй, назойливо еще раз просить Вас навести справки о том, кто рецензировал мою книгу, но я все-таки решаюсь на это, главным образом, потому, что обратиться лично или письменно к Майкову с этим вопросом очень неловко: он меня слишком мало знает и отделается незнанием. Вы же с ним хорошо знакомы, и Вам он скажет это прямо. Мне нечего говорить, что ни для Майкова, ни для Вас не может от того проистечь никаких неприятных последствий, так как об этом сообщении от меня никто не узнает. Или это Вам покажется неудобным?

на рецензию, что для Милюкова — честь» (Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 30).

Милюков П. Н. Рец.: Организация прямого обложения в московском государств со времен смуты до эпохи преобразования. Исследование А. Лаппо-Данилевского. СПб. 1890 г. // Отчет о тридцать третьем присуждении наград графа Уварова. Приложение к LXX-му тому записок императорской Академии наук. № 3. СПб., 1892. С. 20–202.

Известна и краткая рецензия: *Милюков П. Н.* Рец.: *Лаппо-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований // Русская Мысль. 1890. № 9. С. 412–414. Книга «принадлежит несомненно к числу самых замечательных явлений в русской исторической литературе последнего времени» (Там же. С. 412) — так оценил труд рецензент.

¹⁰¹ Такой рецензии не выявлено, известны отзывы на «Методологию истории» А. С. Лаппо-Данилевского.

¹⁰² Речь идет о назначении С. Ф. Платонова помощником редактора «ЖМНП».

А видали ли Егора Егоровича?¹⁰³ Как его нашли и что он поговаривает о будущем и о назначении себе преемников?¹⁰⁴

Пока прощайте. Тороплюсь отправить на почту заказную бандероль с своей рукописью. Мои все пока здравствуют и шлют свой привет всем Вашим. У нас теперь гостит Колодезникова, а на днях мы ждем с Урала сестру с мужем и сыном.

Желаю всего лучшего.

Ваш М. Дьяконов.

16 июня.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 14–15.

№ 33. 24 июня 1890 г.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]90

Прежде всего поздравляем Вас, дорогой Сергей Федорович, и Надежду Николаевну с новорожденной девочкой¹⁰⁵ и от души желаю Надежде Николаевне поскорее оправиться совершенно, а девочке крепнуть и расти. Очень большое Вам спасибо за письмо. Я был рад письму с известием, хотя мне было совестно, что Вы при массе дела и беспокоейств первым ответили на мое письмо, а я прособирался ответить на Ваше. Простите за оплошность. В свое оправдание могу принести только одно: у нас в доме теперь такое вавилонское столпотворение, что просто голова идет кругом. В нашей маленькой квартирке собралась теперь куча народа: кроме Колодезниковой, которая гостит у нас с конца мая, неделю назад приехала моя мама, а вслед за ней сестра с мужем и с сыном. На беду, еще мальчик прихварывает, что еще более увеличивает суету. В ближайшем же будущем население у нас еще увеличится: приедет Надин брат и две моих младших сестры (более взрослая из них состоит Вашей слушательницей¹⁰⁶). Для размещения гостей мы принесли на нашем же дворе две студенческих комнаты и то едва разместим всех. Такой обильный наплыв народа

¹⁰³ Замысловский Егор Егорович.

¹⁰⁴ По этому поводу Надежда Николаевна записала 28 августа 1891 г.: «Сегодня был[и] ... у нас Зам[ысловский] и Вас[илий] Г[ригорьевич] ... Зам[ысловск]ий объявил, что выходит в отставку... Завтра он едет говорить об этом с министром. Он обещает С. Ф-чу употребить все усилия для того, чтобы на его место в унив[ерсите]те утвердили его, С. Ф-ча» (*Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). С. 36.*)

¹⁰⁵ Платонова Надежда Сергеевна родилась 17 июня.

¹⁰⁶ Дьяконова Екатерина Александровна — учительница частного пансиона Л. Р. Горн. Под № 1102 значится как выпускница 1893 г. историко-филологического отделения (Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах. 1882–1889 г. 1893–1895 г. 2-е изд. СПб., 1896. С. 86).

продолжится, впрочем, недолго, максимум до половины июля. На природе, конечно, дела делаются меньше,¹⁰⁷ поэтому, чтоб наверстать потерянное, мы не поедем в Виленскую губ[ернию] к Караваевым, нам ведь еще предстоит в августе перебираться на новую квартиру, что опять отнимет время. А мне непременно нужно набросать конспект истории семейного и вещного права, а быть может, даже и наследственного, чтобы с началом семестра приняться за чтение кое-каких источников: писцовых книг Новгородских¹⁰⁸, актов Фед[отова]-Чех[овского]¹⁰⁹ и актов М[осковского] г[осудар]ства¹¹⁰. Авось, думается, нападку на след темы для будущей работы. Теперь же пока не чувствуешь под ногами твердой почвы, не имея установленной почвы, и работа представляется совершенно невозможной. А меж тем хотелось бы очень начать раскопки материала, ибо такая работа очень крепит ум, спешный же просмотр литературы как-то рассеивает сосредоточенность и способность критического анализа: приходится при этом уж очень многое принимать на веру, так как немного так ясно, как, например, предложенное Вами объяснение положения земцев. Вспомнилось мне это по поводу заметки Сторожева¹¹¹ в Юр[идическом] вест[нике] о земцах¹¹². Он выступил защитником одностороннего взгляда Соловьева, повторенного Чечулиным, на основании новгород-

¹⁰⁷ Далее зачеркнуто «так что».

¹⁰⁸ К этому времени вышли четыре тома: Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. 1. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 1 половина. СПб., 1859. 906 стб.; Т. 2. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 2 половина. СПб., 1862. 890 стб.; Т. 3. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года. 1 половина. СПб., 1868. 960 стб.; Т. 4. Переписные оброчные книги Шелонской пятины: I. 1498 г., II. 1539 г., III. 1552–1553 гг. СПб., 1886. 584 стб.

¹⁰⁹ Федотов-Чеховский Александр Алексеевич (1806–1892) — доктор законовения, ординарный профессор и декан юридического факультета Киевского университета св. Владимира.

Речь идет об изданиях: Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 1. Киев, 1860. 419 с.; Т. 2. Киев, 1863. 431 с. (фактически книга вышла в 1889 г., об этом см. рецензию Н. Чечулина (ЖМНП. 1890. № 10. С. 396–493)); Указатели к 1-му тому актов, относящихся до гражданской расправы древней России. Киев, 1884. 74 с.; Указатели ко 2-му тому актов, относящихся до гражданской расправы древней России. Киев, 1884. 43 с.

¹¹⁰ Речь идет об издании: Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. Т. 1. Разрядный приказ Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. 767 с.; Т. 2. Разрядный приказ Московский стол, 1635–1659. СПб., 1894. 773 с.; Т. 3. Разрядный приказ Московский стол, 1660–1664. СПб., 1901. 674 с.

¹¹¹ Сторожев Василий Николаевич (1866–1924) — археограф, публицист и педагог.

¹¹² Сторожев В. Н. О «земцах» // Юридический вестник. 1890. Май. Июнь. С. 241–245.

ских десятней. Сей муж, по-видимому, не очень-то глубоко плавает: такое впечатление производят его заметки о десятнях и земцах. А между тем над каким завидным материалом сидит он! В той же книжке Юр[идического] вестн[ика] он разбирает еще книгу Якушкина¹¹³; и меня, признаться, удивило незнакомство Якушкина с такими основными понятиями, как «оклады», «дача»¹¹⁴. Об этом только я и узнал из рецензии Сторожева. Вот рецензия Милюкова¹¹⁵ etwas anderes¹¹⁶, хотя написана очень тяжеловатым языком. По-видимому, он не успел ее пообделать, по крайней мере, в некоторых частях.

Здесь теперь полное затишье. Впрочем, недавно из Москвы проник слух, что политико-экономом сюда будет назначен Герценштейн¹¹⁷. Его я знаю немного по статьям в Русск[ой] мысли, к[ото]рые мне нравятся. Но не знаете ли Вы о нем чего-н[и]б[удь] большего от Ваших московских знакомых? Другой проникший сюда слух очень уж непригляден, хотя и невероятен: Павел Покровский¹¹⁸ сообщил Дитятиным, будто Шмурло развелся или окончательно разъехался с своей женой¹¹⁹. Вы ничего об этом не знаете? Я все думаю, что тут недоразумение, хотя Покровский — родной дядя Шмурло и стоит с ним близко.

Большое Вам спасибо за желание посодействовать мне раскрытием тайны¹²⁰. Это, конечно, дело неспешное, поэтому, пожалуйста, не утруждайте себя специальными хлопотами об этом деле, а закиньте удочку лишь при удобном случае. Еще раз шлем Вам и Надежде Николаевне свои поздравления и искренние пожелания всего лучшего. Ребяток целуем.

¹¹³ В. Н. Ст-в. Рец.: В. Е. Якушкин. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. Вып. 1. XVIII век. М., 1890. 240, 150 с. // Юридический вестник. 1890. Май. Июнь. С. 227–231.

¹¹⁴ В. Н. Сторожев в рецензии по этому поводу заметил: «Но отождествлять „дачу“ и „оклад“ отнюдь нельзя. Это — весьма крупная юридическая ошибка» (Там же. С. 229).

¹¹⁵ Милюков П. Н. Русская аграрная политика прошлого столетия // Русская мысль. 1890. № 5. С. 198–213

¹¹⁶ Другое дело (нем.).

¹¹⁷ Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) — ученый-экономист, публицист, политический и общественный деятель.

¹¹⁸ Покровский Павел Корнильевич (1849–1904) — окончил Дерптский университет, вместе с С. Ф. Платоновым и Е. Ф. Шмурло преподавал в одном из самых престижных учебных заведений Санкт-Петербурга — частной гимназии Ф. Ф. Бычкова (так называемой Бычковой гимназии; с сентября–ноября 1883 г. — гимназия и реальное училище Я. Г. Гуревича)

¹¹⁹ Развод с Александрой Николаевной (урожд. Яковлевой, в браке с 1882 г.) состоялся в 1892 г., называют и 1891 г.

¹²⁰ Речь идет об авторе упомянутой рецензии.

Ваш М. Дьяконов.

В. Г. Дружинину мой низкий привет. Теперь он, надеюсь, почивает на лаврах с закрытием конгресса¹²¹ и собирается в Кыштым. Счастливого ему пути.

24 июня.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 16–17 об.

№ 34. 16 июля 1890 г.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]90

Душевно просим Вас, дорогой Сергей Федорович, принять наше, хотя и позднее поздравление с днем Вашего Ангела и пожелания всего лучшего: прежде всего, конечно, полного здоровья, а затем скорейшего титулярного упрочения на кафедре¹²². Простите меня, пожалуйста, за мою рассеянность, благодаря которой я шлю Вам это позднее поздравление. В оправдание свое могу привести только одно: на первые числа июля пришелся как раз максимальный отъезд наших гостей, коих собралось в нашей маленькой хате семь человек, так что все наши комнаты были обращены во временные спальни, да и их оказалось недостаточно. Суета, шум, беседы и споры совсем сбили нас с повседневной колеи, и я в этой суматохе совсем забыл о 5-м июля. Сегодня только, проведив последних гостей и приводя в порядок свои вещи, бумаги и голову, я констатировал и свою мало извинительную рассеянность. Простите же меня на этот раз и не сердитесь.

Ну как же Вы поживаете, как здоровье Надежды Николаевны (ее мы так же поздравляем с прошедшим дорогим именинником) и маленькой Нади? Как живут старшие девочки? И как Вы управляетесь

¹²¹ В. Г. Дружинин состоял при министерстве чиновником IX класса. За труды по организации IV Международного тюремного конгресса В. Г. Дружинин был пожалован императором Аннама (будущего Вьетнама) Тхань Тхай орденом Аннамского дракона. В 1891–1895 годах В. Г. Дружинин производил раскопки городища Большая Наного близ Кыштымского завода в Екатеринбургском уезде Пермской губернии (Раскопки в Пермской губернии // Отчет императорской Археологической комиссии за 1891 год. СПб., 1893. С. 106–107, 130; Раскопки в Пермской губернии // Отчет императорской Археологической комиссии за 1892 год. СПб., 1894. С. 70–71; Производство археологических раскопок // Отчет императорской Археологической комиссии за 1893 год. СПб., 1895, С. 22; Производство археологических раскопок // Отчет императорской Археологической комиссии за 1894 год. СПб., 1896. С. 29–30).

¹²² 20 октября 1890 г. С. Ф. Платонов был назначен исполняющим обязанности профессора по кафедре русской истории, став приемником К. Н. Бестужева-Рюмина и Е. Е. Замысловского.

со своими старыми и новыми делами? Предполагаете ли подыскать себе новую квартиру поближе к редакции или останетесь пока на старой? Если урвется свободная минутка, черкните, пожалуйста, о себе пару слов.

А мы с 20 июня жили очень людно и шумно. Такой компанией своей мы давно уж не собирались, а потому время прошло совсем незаметно. Погода, за исключением последней недели, нам вполне благоприятствовала, так что мы вдоволь нагулялись. Саша с своим гостем по целым дням исчезали из дома, являлись буквально только есть и спать. Зато сегодня Саша ходил совсем потерянный. Да и правда: тишина и пустота в доме кажутся необычными.

Наш Дерпт еще продолжает пребывать в летнем сне. Из близко касающихся мне новостей две заслуживают внимания. Наконец получены, надеюсь, правила полукурсовых экзаменов на юридическом факультете без всяких почти изменений от прочих университетов, за исключением только срока экзаменов: сроков назначено четыре — в начале и в конце каждого семестра. Значит, после 10 августа мы будем, вероятно, производить свои первые экзамены. Вторая новость печальная и пока секретная: недавно приехавший из Москвы специалист психиатр признал здоровье Дитятина почти совершенно безнадежным, так что кафедра его освободится, хотя неизвестно с какого времени. De facto же она и теперь уже свободна, ибо на днях почти официально сообщено директором псих[ологической] клиники декану юридического факультета о психическом заболевании Дитятина. Все это очень грустно и вообще, и в частности для преобразованного юрид[ического] факультета, единственным правоспособным представителем которого являюсь отныне один я. К сожалению, недавно получены новые вести из Москвы о том, что Герценштейн отказался от доцентуры здесь, т[ак] к[ак] получил хорошее место в каком-то банке. Неужели же и тут сказалась еврейская кровь? Теперь, таким образом, мы пребываем в полном неведении, кто и когда придет на кафедры политич[еской] экономии и полицейского права и финансового.

Прощайте; еще раз прошу извинить нас и хоть парой слов откликнуться на нашу просьбу.

Вам и всем Вашим шлем наш искренний привет. Будьте здоровы.
Ваш М. Дьяконов.

А Васильевского нет? Не сообщите ли летний адрес, я должен его поблагодарить за книгу.

О Дитятине пока не рассказывайте, пожалуйста, никому.

16 июля.

№ 35. [9] августа 1890 г.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: Авг[уст] [18]90

Позвольте Вас поблагодарить, дорогой Сергей Федорович, за то, что Вы распорядились о высылке мне гонорара и оттисков. Прошу не посетовать на меня за то, что я прилагаю при сем и расписку для редакции в получении гонорара, т. к. я иначе затрудняюсь, на чье имя ее выслать, и, кстати, Вы проконтролируете и формальную сторону дела. Так как я получил 27 экз[емпляров] оттисков, то отсюда я заключил, что мне высланы все оттиски, так что Вы ни для кого не оставили их. Если это именно так, то в начале сентября я пришлю для историков экземпляры; тогда будет случай.

А как Вы поживаете и все Ваши? Перебрались ли уже на новую квартиру, и кончился ли уже Ваш вокат? Как в конце концов устроились Вы с институтом и лицеем?¹²³ Обо всем этом хочется знать, но я отнюдь не решаюсь просить Вас о скорейшем ответе, т. к. предугадываю, что урвать и полчаса бывает трудно. Но уверен, что Вы напишете, когда поуправитесь. Теперь, верно, Питер оживает, съезжаются все с воката. Я интересуюсь ближайшим возвращением Васильевского, Бестужева, Вас. Григорьевича с Урала и Лапны, так как хотел бы им написать по поводу разных тем (Васильевского хочу поблагодарить за книгу).

У нас завтра начало лекций по уставу¹²⁴, хотя большинство начинают позже. Да и конец августа здесь неудобное время: будет выставка, скачки, бега и проч., а во всем этом студенты принимают живое участие. Профессора, однако, все съехались, а вместе с этим начинаются разные толки и пересуды разных слухов, событий и проч. Мы ждем новых коллег, но пока еще ничего об этом не знаем, хотя назначение должны бы уже воспоследовать. Всего важнее теперь назначение политэконома, т. к. здешний Dietzel уволен с 1-го июля. Здесь циркулировал слух о Бржеском¹²⁵. Вы ничего об этом не слышали? Это было бы приятное приобретение для нашего кружка, если о таком вообще может быть речь. Дитятин по-прежнему не подает надежд. По закону он может состоять на службе год, т[ак] ч[то] о замещении его кафедры пока еще нельзя поднимать вопроса, хотя на нее

¹²³ Об этом см. письмо С. Ф. Платонова от 29 августа (Академик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 30–31).

¹²⁴ Устав (гл. 6. П. 55) устанавливал вакации (каникулы) с 10 июня по 10 августа (Устав императорского Дерптского университета 1865 года. СПб. 1865. С. 19). Следовательно, письмо датируется 9 августа 1890 г.

¹²⁵ Фамилия написана с двумя «с». Бржеский Николай Корнилович (1860–1910) — экономист, магистр финансового права, общественно-политический деятель, публицист. В 1888 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Податная реформа: Французские теории XVIII столетия».

грызут здесь зубы, т. е. собственно один здешний доцент Бергбом¹²⁶. Но его, по всем видимостям, при Мейкове не пустят. Тайно узнал я о плане предложить мне кафедру госуд[арственного] права с назначением и[сполняющего] д[олжность] ординарного. Но я на это не соглашусь, за исключением каких-либо крайних ультиматумов, а предложу прочесть курс русск[ого] госуд[арственного] права до замещения кафедры. Но, пожалуйста, это совершенно между нами, ибо об этом говорить строго запрещено. Возможность даже последнего исхода, во всяком случае для меня, очень прискорбная необходимость, т. к. из-за этого на несколько месяцев опять придется откладывать свои работы, о которых я уже начинаю тосковать, хотя пока и задумываться об этом некогда. Сижу теперь над XVIII в., хотя не кончил и половины конспекта по гражд[анскому] праву. С этим курсом выходит нечто странное: вчера узнал, что декан объявил его необязательным вопреки моей письменной заметке на немецк[ом] языке. Завтра буду с ним иметь объяснение и свое право нарушать не позволю.

Вчера получил № 5–6 Библиографа и прочел Вашу любопытную заметку о Москве¹²⁷. Подобранные Вами фразы говорят очень убедительно о военном значении г. Москвы¹²⁸. Я думаю, что Вам обязан за присылку этого №, т. к. № 3–4, мне не высланы, и я даже не считаю себя вправе напоминать редакции, т. к. ничего не дал и, вероятно, не дам в нынешнем году.

Пока прощайте. Желаю Вам и всем Вашим всего лучшего, и шлем приветы.

Ваш М. Дьяконов

Вас. Григ. мой сердечный привет, если он уже в Питере¹²⁹.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 20–21 об.

№ 36. 20 октября 1890 г.

20 октября

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]90

Дорогой Сергей Федорович!

Давно уже я начинал подумывать и беспокоиться о причинах Вашего сравнительно долгого молчания. Вы меня избаловали письмами,

¹²⁶ Бергбом Карл (1849–1927) — юрист, доцент государственного и международного права в Дерптском университете.

¹²⁷ Платонов С. Ф. О начале Москвы (Заметка по поводу доклада И. Е. Забелина на VIII-м Археологическом съезде в Москве) // Библиограф. 1890. № 5/6. С. 58–63.

¹²⁸ По этому поводу С. Ф. Платонов 29 августа 1890 г. писал в ответ: «...очень рад, что моя статейка не производит впечатления бездоказательности» (Академик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 31).

¹²⁹ В ответном письме С. Ф. Платонов подробно рассказал о всех новостях и высказал свои советы (Там же. С. 30–31).

а потому я, быть может, становлюсь безмерно требовательным. Последнее Ваше письмо я получил в конце августа¹³⁰, и с тех пор Вы умолкли. Я боялся, не заболели ли Вы, и высказал это опасение в письме Вас. Григ. Но вскоре после того получил от Вас бандероль¹³¹, написанную Вашей рукой, откуда и заключил, что мое опасение насчет Вашего нездоровья неосновательно, к счастью.

Надеюсь, что у Вас не было и нет поводов, кроме чисто внешних, к прекращению переписки или приостановке ее. Позвольте же надеяться, что причина Вашего молчания временная, обусловленная недосугом. Дело, конечно, прежде всего; у Вас же его теперь так много, так что, пожалуй, и не до переписки. При таких условиях претендовать на Ваше молчание было бы грешно; я и не претендую.

Сию минуту получил от Вас бандероль. Очень, очень благодарю Вас и за прежнюю, и за только что полученную: такой милый и неожиданный подарок лучше всего рассеивает все мои опасения. Значит Вы не забыли меня и не сердитесь, а это главное. Из только что полученного письма Вас. Григ. я узнал, что один лишь недосуг — причина Вашего молчания. Теперь я успокоился. Другая приятная весть о Вас, что вопрос об экстраординатуре — вопрос времени и формальности¹³².

Позвольте же поздравить Вас с таким благоприятным исходом и пожелать, чтобы все формальности поскорее протекли.

Боюсь осыпать Вас вопросами о житьи-бытьи, делах, занятиях и проч., хотя, конечно, Вы могли бы рассказать много любопытного. Но позволю себе спросить Вас об одном деле по поручению одного из моих коллег-юристов. Приват-доцент Гримм закончил свою диссертацию по римскому праву и просил узнать, не может ли она быть

¹³⁰ Письмо датировано 29 августа 1890 г. (Академик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 30–31).

¹³¹ С. Ф. Платонов писал об этом 29 августа: «Получили ли Вы „Материалы“ Багалея? Они Вам высланы бандеролью. Присылайте отзыв, когда и какой хотите, а том — оставьте себе» (Там же. С. 31).

¹³² 29 сентября 1890 г. состоялось факультетское заседание, на котором было принято решение просить ректора ходатайствовать перед министром о назначении С. Ф. Платонова исполняющим обязанности экстраординарного профессора университета по кафедре русской истории. Уже после назначения 3 ноября С. Ф. Платонов делился своими сомнениями по этому вопросу с П. Н. Милюковым: «Я не верил в успех факультетского за меня ходатайства, и пока дело шло — был спокоен. Теперь же не могу привыкнуть к мысли, что я „профессор“...» (Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 57).

Примечательно, что в тот же день, 20 октября, когда М. А. Дьяконов писал письмо, министр удовлетворил ходатайство. Стоит заметить, что 20-го же октября и С. Ф. Платонов писал П. Н. Милюкову, но не обмолвился и словом про эту судьбоносную новость.

напечатана в Ж. М. Н. Пр. Диссертация называется «Об обогащении»¹³³ и по объему не превысит 5 листов. В гонораре Гримм не заинтересован, но желал бы получить оттиски по соглашению с типографией. Хотя я его предупредил, что едва ли редакция признает такую работу подходящей для напечатания в журнале, но не считал себя вправе дать ему положительный ответ, а потому и решаюсь беспокоить Вас с этим делом. Работы я не знаю, но она уже одобрена знаменитыми берлинскими романистами, что служит лучшей рекомендацией для нее. Прибавлю от себя, что автор человек умный и хороший.

Затем считаю долгом принести повинную за промедление с отзывом на книгу Багалея¹³⁴. Причина, отчасти, лежит в том, что в Дерпте не оказалось 1-го тома материалов, а не имея его под руками, неловко набросать заметку. Впрочем книга уже выписана, так что надеюсь в ближайшем будущем набросать коротенький отзыв для напечатания петитом.

Других же готовых работ не имею. Главы, не попавшие в книгу, лежат в прежнем виде, а в таком виде печатать их нельзя. Не знаю даже приблизительно, когда получу возможность исправить этот материал для печати. До сих пор лекции занимают все мое свободное время, и в смысле новых занятий я оказываюсь все в прежнем положении: не знаю ни будущей своей темы, ни даже того, в каком направлении начать свои поиски. Меня начинает страшить предполагаемая попытка прозондировать почву вопроса об общественных классах XVI в., так как центр тяжести этой работы должен быть отнесен насчет архивного материала. Но как выбраться отсюда для занятий в М[оскву] и С.-П[етер]б[ург]? При Капустине такая возможность вполне улыбалась, а при новом попечителе это остается вопросом. Сюда еще присоединяется непредвиденное обстоятельство: бедность преподавательских сил на юрид[ическом] факультете. Теперь вакантны и кафедра госуд[арственного] права, и политич[еской] экономии. Если же уда-

¹³³ Гримм Д. Д. Очерки по учению об обогащении. Вып. 1–3. СПб.; Дерпт, 1891. 448 с.

¹³⁴ Публикация вышла в начале 1891 г. (Дьяконов М. А. Реч. на кн.: Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии, собранные в разных архивах и отредактированные Д. И. Багалеем. Т. 2. Харьков, 1890 (Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 2. Вып. 1) // ЖМНП. 1891. № 2. С. 379–384). 20 марта 1891 г. С. Ф. Платонов в письме М. А. Дьяконову высказал свое мнение: «Статейка Ваша о Багалее весьма интересна и солидна, хотя она мала, как будто Вы начали и раздумали продолжать; а к Багалею Вы отнеслись мягко. Что скажете о моей, посланной Вам сегодня?» (Академик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 33).

лось бы уехать мне, то на первых семестрах осталось бы два преподавателя. Одно это обстоятельство может мне серьезно помешать получить командировку. Если же это не удастся, то вопрос о теме¹³⁵ остается совершенно открытым. Если же придется работать исключительно в Дерпте, то, пожалуй, по нужде примешься за раскапывание здешних *Urkundenbücher*¹³⁶, ибо этот материал еще мало затронут и обработан.

А как здоровье Надежды Николаевны и Ваших девочек? Наша Наташа заметно растет и начинает сильно буйнить, а Саша стал совсем большой мальчик.

Примите от нас самый искренний привет Вам и всем Вашим.

Желаает всего лучшего Ваш М. Дьяконов.

Извините, что письмо начал с *le* «Гражданин», это не из подражания, а по недосмотру¹³⁷.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов, Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 22–24.

№ 37. 8 ноября 1890 г.

Сердечно поздравляю Вас, дорогой Сергей Федорович, с возведением в профессорский ранг. Хотя, я совершенно понимаю испытанные Вами при этом тяжелые думы, но все же радуюсь душевно, что, наконец, Вы имеете над ногами твердую почву. Да и Ваши тяжелые думы¹³⁸ имели бы повод, если Вы кого-либо устранили из более известных и опытных преподавателей. Но так как такого не было, то повод сводится лишь к сомнениям за собственные силы; а с такими думами легче справиться.

Во всяком случае приветствую Вас и желаю быстрых преуспеваний и на профессорском пути. С будущего года у Вас будет побольше свободного времени, чтобы двинуть и докторскую работу. Пока же сбывайте с рук издание памятников¹³⁹ и пишите о пожилом и поводе. Хотя, последний для меня все не ясен, но с тем большим удовольствием прочту я Ваши толкования и объяснения.

У нас новостей никаких пока, но с дня на день ожидается попечитель, а вместе с ним и выяснение многих неясных вопросов. Прежде всего, мы ждем решения вопроса об экзаменах, которых у нас еще

¹³⁵ Речь идет о теме докторской диссертации.

¹³⁶ Актовые книги (*нем.*).

¹³⁷ По всей видимости, последнее предложение к этому письму не относится. Оно написано на первой странице следующего листа. При этом нумерация идет как л. 24, а оборот это листа пронумерован как л. 25, как и следующий так же л. 25.

¹³⁸ Далее зачеркнуто: были.

¹³⁹ Речь идет о подготовке 13 тома РИБ.

не было, что начинает сильно беспокоить студентов. А затем надеемся услышать имена новых преподавателей: политэконома, прежде всего, а затем и преемника, быть может, Дитятину. Кто будет читать в будущем семестре этот курс, еще неизвестно, а между тем уже составляется расписание лекций.

Недалек и конец семестра у нас: в декабре здесь лекции уже не читаются почти. Я опасаюсь, что не успею должным образом справиться с историей гражданского права, а потому начинаю спешить, что невыгодно отражается на форме изложения. Если экзаменов у нас в декабре не будет, то я при благоприятном стечении обстоятельств очень бы желал попасть в Питер около половины декабря, чтобы к праздникам вернуться домой. Впрочем, все это еще не так скоро.

Неужели Сергей Мих[айлович]¹⁴⁰ уже успел отпечатать свою работу? Или она поступила на Вашу цензуру в рукописи? А что же медлит с выпуском своей книги Шляпкин¹⁴¹?

Пока до свиданья. Тороплюсь заняться историей наследственного права, чтобы набросать конспект.

Еще раз приветствуем Вас и Надежду Николаевну и желаем всяких благ.

Ваш М. Дьяконов.

8 ноября.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]90.

Дерпт, Geichstraße, 37.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 25–25а, 25 об.

№ 38. 26 января 1891 г.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]91

Дорогой Сергей Федорович!

Давненько и я не беседовал с Вами, и от Вас давно уже нет вестей. А я-таки соскучился неведением. Если бы не болезнь детей, то я раньше собрался бы побеседовать с Вами; но ребяташки хворают с перерывами хотя, но с 25 дек[абря]. Последнее, что измучило нас порядком — это катаральный бронхит, особенно, у Саши. Он пролежал около двух недель, сильно похудел и нас намучил и измучил. Но вот уже третий день он на ногах.

¹⁴⁰ Речь идет о брошюре: *Середонин С. М.* Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. СПб., 1891. 32 с.

¹⁴¹ Речь идет о книге: *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб., 1891. 581 с. (Записки Историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 24).

А хотелось мне давно побеседовать с Вами, прежде всего, по эгоистическим соображениям: спросить Вас, какого Вы мнения о переходе из Дерпта в Одессу на ту же кафедру и с тем же чином на место отслуживающего 30 лет Леонтовича.¹⁴² Такой запрос получил я в начале января от Н. Ланге.¹⁴³ Он пишет, что при открывшемся случае он указал в университете на меня и «это указание имеет много шансов быть принятым», а также, что «в числе возможных кандидатов мое имя стоит выше всех». Я до сих пор еще не смог решить этого вопроса окончательно, т. к. хотя и желательно перейти отсюда в русский университет, но против Одессы очень много и возражений: она и дорога очень, и очень далека от Питера; тамошний юридический факультет прославился на всю Россию, да и студенчество там сомнительное: евреи, греки, армяне и прочие культурные нации. В случае какой-либо работы до Москвы и до Питера не так легко доскачешь. Наконец, перевод в Одессу зависит ведь от министерства, которое едва ли на это согласилось бы без особых хлопот с моей стороны; а хлопотать теперь, когда я попал на кафедру без года неделя, как-то неловко. Как Вы смотрите на это дело и что предприняли бы на моем месте?¹⁴⁴ Мне очень хочется знать поскорее мнение друзей, и потому буду ждать с нетерпением Вашего совета: что ми ума придаете, что отвечаете?

Как Вы поживаете? Успели ли хорошо утилизировать праздники и как принялись за новую упряжку? Какие новости в университете при новом ректоре?¹⁴⁵ В чем и как он проявил себя? Как поживают

¹⁴² Леонтович Федор Иванович (1833–1911) — юрист, правовед, профессор, ректор (1869–1877), декан юридического факультета (с 1879 г.), проректор (с 1881 г.) Новороссийского университета, профессор (1892–1902) Варшавского университета.

¹⁴³ Ланге Николай Николаевич (1858–1921) — психолог, приват-доцент, затем профессор Новороссийского университета, учредитель и глава Одесского философского общества.

¹⁴⁴ В ответ С. Ф. Платонов в письме от 29 января 1891 г. советовал: «Мысль о переезде в Одессу не представляется мне особым благом. Это значит — променять „чужой“ университет на „дурной“ за ничтожную прибавку». В этом письме имеются ответы и на другие вопросы, интересовавшие М. А. Дьяконова (Академик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 32). Сделанное М. А. Дьяконову предложение было настолько важным, что нашло отражение и в «Дневнике» Надежды Николаевны. 29 января 1891 г. она записала: «Сегодня Сережа получил письмо от Дьяконова: последнему предлагают кафедру в Одессе на место Леонтовича, выбывающего за выслугой лет. Дьяк[онов] колеблется и спрашивает у Сережи совета» (Н. Н. Платонова. Дневник (1889–1921). С. 48–49).

¹⁴⁵ Никитин Петр Васильевич (1849–1916) — филолог-классик, профессор Историко-филологического института (с 1883 г.), профессор, ректор (1890–1897) Петербургского университета, ординарный академик, вице-президент (1900–1916) Академии наук.

историки, ближайшим образом Василий Григорьевич, как подвигаются диссертации и как вступительная лекция Чечулина?¹⁴⁶ Закидал Вас вопросами, простите за это, но я уже давно не имею сведений из Питера, а потому, естественно, хочется знать обо всем этом.

На этой неделе начались лекции и у нас. Мне в 6 часов недельных надо будет обозреть историю госуд[арственного] устройства и управления в Москве и империи и дать курс истории уголовного права. 7-й час практические занятия, на которых предполагаю продолжать чтение Русской Правды.

Новостей у нас никаких, точно о нас забыли совсем: программы не возвращены, экзаменов не назначили и не прислали никаких новых преподавателей на юрид[ический] факультет. Один аллах ведает, когда и как будут сдавать студенты полукурсовые испытания. Ввиду таких отчаянных беспорядков число желающих поступать на юридический факультет все более и более уменьшается: в январе поступило всего 8 человек из 90 общего числа поступивших. Немцы злорадствуют и не дивятся: все де это в порядке вещей и иначе быть не могло. А это еще больше злит. Вот де и преобразования. По этому опыту можно себе представить, как пойдут преобразования других факультетов, медлить с которыми неудобно потому уже, что через 1½ года будет первый выпуск из здешних гимназий с полным русским курсом.

А как поживают все Ваши? Просим принять наш общий привет.
Ваш М. Дьяконов.
26 янв[аря].

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 26–27 об.

№ 39. 19 февраля 1891 г.

Большое Вам спасибо, дорогой Сергей Федорович, за Ваш добрый совет насчет Одессы; я им всецело воспользуюсь, т. к. действительно переход в Одесский университет не представляет целого ряда тех пре-

¹⁴⁶ По этому поводу С. Ф. Платонов писал в ответ: «...лекция же Чечулина никому не понравилась. Похвалил его только Васильевский, назвав „здравомыслом“, но в этом очень меткий намек на резонерство, далекое от теории науки, которым уснащена была лекция» (Академик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 32). В «Историческом обозрении» было отмечено, что 22 января 1891 г. Н. Д. Чечулин начал в Петербургском университете чтение специального курса «Русские мемуары XVIII в.» (Вступительные лекции в Петербургском университете // Историческое обозрение. Т. 2. СПб., 1891. С. 169–170). Сам текст лекции с правками и дополнениями опубликован: Чечулин Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников // Библиограф. 1891. № 7–8. С. 89–102.

имущества, которыми я могу воспользоваться, оставаясь здесь. Бестужев отозвался в том же духе, хотя заметил, что начинать деятельность в русском университете было бы легче. Если бы мне только удалось воспользоваться с января будущего года командировкой в СПб. и Москву на шесть месяцев, то я бы остался временно-примиренным с Дерптом, но только временно. Впрочем, по нужде, эту срочность пребывания здесь придется дотянуть до смерти.

Отмечу любопытную черту отношений ко мне здешних немцев по поводу Одесского университета: сожалеют о возможности моего ухода, но сердечно благословляют на дальний путь, отнюдь не удерживая. Для меня не остается сомнений, что при видимых хороших отношениях и при всей моей скромности, я все же стал им поперег горла, и они совсем не прочь изрыгнуть меня вон. Несомненно, что с ними я никогда не сживусь, хотя меня они и не задевают, как это имеет место относительно некоторых из вновь прибывших.

А как Вы разделались с Иловайским в Историческом обществе?¹⁴⁷ Я прочел анонс о Вашем сообщении, но не знаю до сих пор, состоялось ли оно, т. к. в Нов[ом] врем[ени] об этом не было известий. Ведь Ваше сообщение появится рецензией в ЖМНП¹⁴⁸. Это будет очень и очень интересно не только само по себе, но и по той позиции, какую принял Иловайский по отношению к своим преемникам. Остались ли Вы довольны его ответом Сторожеву¹⁴⁹, где и Вам попадает малую толику, хотя особенно Вашему покорнейшему слуге? Но я с удовольствием прочитал этот фельетон и от души хохотал. Надо отдать, впрочем, справедливость Иловайскому: он парирует не только нахально, но иногда и ловко, как, напр[имер], в ответе по поводу слога

¹⁴⁷ По этому поводу Надежда Николаевна 14 февраля 1891 г. записала в «Дневнике»: «13-го в Истор[ическом] обществе; заседание было в XI аудитории, но народу набралось так много, что мест не хватало, целая толпа стояла. Вероятно, всему виной был доклад С. Ф. о книге Иловайского, которая в последнее время, благодаря газетной полемике Илов[айско]го с Безобразовым и Сторожевым, наделала много шума. Итак, жребий брошен: С. Ф. прочел резкий и неодобрительный отзыв о книге...» (Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). С. 51).

¹⁴⁸ Платонов С. Ф. Рец.: *Иловайский Д. И.* История России. Т. 3. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М., 1890 // ЖМНП. 1891. Ч. 274. Март. С. 180–199. С. Ф. Платонов работал над текстом рецензии быстро, так, 29 января 1891 г. он писал М. А. Дьяконову: «Я пишу статью на III т[ом] Иловайского...». А 20 марта указывал: «...писал рецензию на Иловайского» (Академик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 32). Эта тема была затронута и в письме 31 декабря 1890 г. П. Н. Миллюкову: «Засел теперь за Иловайского...» (Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 66).

¹⁴⁹ Речь идет о публикации: *С-жев В. Н.* Историография и компиляция. По поводу третьего тома «Истории России», соч. Д. И. Иловайского // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 914–929. Д. И. Иловайский парировал обвинения (см.: *Иловайский Д. И.* Рецензия — эхо или сказка про белого быка // Новое время. 1891. 13 февраля).

в общей оценке магистерских работ. К тому же и нахальство его имеет свое оправдание: рецензия Сто[роже]ва была чересчур уж страстна и отчасти претенциозна. Эту претенциозность я замечаю уже не впервые; такого же впечатления произвела на меня и его рецензия книги Сергеевича в Юрид[ическом] вестн[ике].

Вчера увидел февральскую книжку ЖМНПр., которая действительно внушительного вида и интересна между прочим и по программам¹⁵⁰. А не знаете, кто составлял программу по русской истории? Она довольно-таки обширна, но написана по незатейливой схеме. Две вещи меня смутили: «спадение татарского ига» и «влияние поместной системы на положение крестьян»; я испугался, что забываю в Дерпте и русский язык, и историю права. А что слышно нового в университете, в профессорских кружках¹⁵¹ и в кружке р[усских] историков? Я внимательно слежу за появлением новых книг, но до сих пор тщетно ожидал встретить близкие имена Шляпкина и Середонина с их книгами. Что же они медлят?¹⁵² Почему не продолжается печатание диссертации Милюкова?¹⁵³ Государственное хозяйство петровской Руси было бы приятнее видеть на месте библиографии римского права. Кстати, если Вам это не покажется почему-либо неудобным, то не возьметесь ли при случае передать Е. Ф. Шмурло мое желание иметь его рецензию¹⁵⁴ об издании Куракинского архива¹⁵⁵. Свою заметку я на днях высылаю с оказией всем историкам.

¹⁵⁰ Правила, требования и программы испытаний в комиссии Историко-филологической, утвержденные г. министром народного просвещения 10 декабря 1890 года // ЖМНП. 1891. Ч. 273. № 2. С. 1–41. Отмеченные М. А. Дьяконовым пункты (Там же. С. 33).

¹⁵¹ Имеются ввиду кружки, которые собирались у Н. И. Кареева, Г. В. Форстена, известные среды у С. Ф. Платонова и др.

¹⁵² Намек на магистерские диссертации.

¹⁵³ Необходимость издания других материалов заставила В. Г. Васильевского передвинуть публикацию работы П. Н. Милюкова с февральского номера на мартовский (*Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в связи с реформой Петра Великого // ЖМНП. 1891. № 3. С. 30–146). Эта ситуация нашла отражение в переписке С. Ф. Платонова. 21 декабря 1890 г. он писал П. Н. Милюкову: «Обидит ли Вас перемещение с февраля на март?». П. Н. Милюков ответил: «Считайте 5 главу отложенной на март в полном составе» (Академик С. Ф. Платонов. Т. 2. Кн. 1. С. 64–65).

¹⁵⁴ *Шмурло Е. Ф.* Рец.: Новый свидетель эпохи преобразований. Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый им под ред. М. И. Семеновского, издателя-редактора «Русской старины». Кн. 1. СПб. 1890 // ЖМНП. 1891. № 1. С. 187–223. Эта публикация названа среди «наиболее обстоятельных», посвященных изданию фамильного архива Куракиных (*Трифанкова Ю. В.* Б. И. Куракин: личность и дипломатическая деятельность. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2007. С. 6).

¹⁵⁵ Архив Ф. А. Куракина был издан в десяти томах. С. Ф. Платонов подготовил для Ученого комитета отзыв на седьмую книгу «Архива», который недавно был выявлен и опубликован (*Митрофанов В. В.* Платонов С. Ф. Отзыв на книгу «Архив князя Ф. А. Куракина» // Документ. Архив. Информационное общество: Материалы

Извините, что опять попрошу Вас передать редакции журнала мою расписку насчет получения денег за рецензию. Как Вы ее нашли? Теперь она мне показалась очень уж скомканной: я побоялся давать больше выписок, но, кажется, следовало бы. А замечания против редактора Материалов не слишком мягки? Об этом бы следовало спросить нашего разумника, то бишь здравомысла¹⁵⁶. Как он подвигается на кафедре? И не намерен ли отвечать Иловайскому за нахальный намек?

Прощайте. Все домашние теперь здоровы и шлют всем Вашим свой привет. Всего лучшего.

Ваш М. Дьяконов.

19 февр[аля] [18]91 г.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 28–29 об.

№ 40. 26 марта 1891 г.

Большое вам спасибо, дорогой Сергей Федорович, за письмо и за при- сланные отписки статей Милюкова и Вашей рецензии, которая напи- сана блестяще¹⁵⁷ и вполне высоко. В только что полученном письме из Киева молодой историк гов[орит], что «Платонов, можно сказать, совершенно уничтожил Иловайского». Я бы к этому прибавил — «исто- риографическую претенциозность», ибо полное уничтожение Иловай- ского и не стояло в Ваших планах, как видно из конца рецензии¹⁵⁸. Из упомянутого письма я впервые узнал, что Иловайский вторично отвечал Вам в Моск[овских] вед[омостях] (первое его возражение по Вашему адресу я знаю) и угрожает чуть ли не судебным процес- сом за клевету! Это значит, Вы довели до геркулесовых столбов его ма- нию величия; тут уж, кажется, дело идет о патологических припад- ках. И как он навредил себе своими полемическими статьями! В Киеве все, кто их читал, «возмущены». Да и понятно. Спасибо за сообща- емые вести. Слух о Шмурле сюда не проник¹⁵⁹, но находит подтверж-

I Международной научно-практической конференции. Москва, 26–27 сентября 2013 г. М., 2014. С. 80–82).

¹⁵⁶ Речь идет об И. П. Синигове. В письме от 13 октября 1889 г. С. Ф. Платонов писал М. А. Дьяконову о его первой лекции, после которой В. Г. Васильевский, ка- саясь варяжского вопроса, сказал фразу: «не мой он враг, а здравого смысла» (Ака- демик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 26).

¹⁵⁷ Речь идет о рецензии на книгу Д. И. Иловайского.

¹⁵⁸ В последнем абзаце С. Ф. Платонов написал: «...мы не задались целью во что бы то ни стало уничтожить значение труда г. Иловайского» (*Платонов С. Ф. Рец.: Иловайский Д. И. История России. М., 1890. Т. III. С. 199*).

¹⁵⁹ 20 марта 1891 г. С. Ф. Платонов по этому случаю писал с просьбой «не разгла- шать» эти сведения: «Шмурло едва ли не будет в Дерпте вместо Брикнера» (Акаде- мик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 32).

дение в том, что до сих пор Бр[икнер] не утвержден на след[ующий] срок, хотя 30 лет службы исполнилось ему в начале января¹⁶⁰. Это тем более удивляет здесь всех, что утверждение проф[ессора] Лемберга¹⁶¹ (минеролог) получено на днях, хотя утверждение лишь на 2 года деятельности! Вторым событием, волнующим здешние университетские круги, является отнятие помещения у академисхе Mysje¹⁶² — профессорско-студенческого клуба, к[ото]рый спокон веков помещался в университетском здании. А это распоряжение вызвано предстоящим изменением в распределении лекций, к[ото]рые читались здесь до обеда и после обеда до 8 ч. вечера. Попечитель же заявил, что он нах[одит] это удобным и желает, чтобы все лекции читались утром от 9 до 3 ч. Теперь это выполнить невозможно, т. к. имеется всего шесть аудиторий. Новые аудитории и будут устроены в довольно обширном помещении академической мусее. Этими мерами новый попечитель вызвал неудовольствие среди немцев, и о Капустине начинают вспоминать если еще и не с сожалением, то с большей мягкостью. О каких-либо новых реформах пока не слышно, но немцы очень мрачно смотрят на будущее: начинают, кажется, убеждаться, что возвращение к доброй старине становится все менее и менее вероятным. Вообще же живется по-прежнему сносно: в последнее время пришлось поусиленнее заняться подготовкой конспекта для новой части курса, т. к. одно время слишком увлекся посторонними вопросами — пересматривал и не без пользы для себя и для лекций старые акты, начав с Фед[отова]-Чех[овского], А. Э., А. И. и нек[ото]рых томов Р. И. Б. Хочется получше ориентироваться в научных актах и тогда уж приступить к писцовым книгам, какие напечатаны. Мне было очень обидно, что Надя, будучи нынче в СПб., не могла попасть к Вам, хотя и имела это в своем маршруте. Приключение здесь с нашей девочкой (по глупости няни она набрала в рот kalii permanganasi¹⁶³ и запорошила им глаз, т. ч. и рот и глаз были сильно воспалены) заставило меня вызвать Надю обратно сюда, т[ак] ч[то] она и не могла побывать везде, где думала. А как теперь Вы ведете себя? Оправились после переутомления? Вашему плану путешествия по Волге могу только завидовать, но, к сожалению, не имею ни возможности, ни поводов к такой интересной прогулке¹⁶⁴. Лето мы останемся в Дерпте, и я пред-

¹⁶⁰ Подробнее об этом (Платонова Н. Н. Дневник. С. 49; Примечание 23 к записи от 31 января. С. 552).

¹⁶¹ Лемберг Иван Иванович (Иоганн Теодор Лемберг, 1842–1902) — минеролог, окончил курс в Дерптском университете, где занял кафедру минералогии.

¹⁶² Так в ркп.

¹⁶³ Марганцовокислый калий (калий пермарганат, калиевая соль марганцевой кислоты).

¹⁶⁴ В письме от 14 апреля 1891 г. С. Ф. Платонов писал П. Н. Милюкову: «Около 1 июня я на Волгу, около 15–20 оттуда дня на три в Москву» (Академик С. Ф. Платонов. Т. 2. Кн. 1. С. 93). Маршрут путешествия и его сроки указаны в дневнике

полагаю на свободе порыться побольше в актах и вообще материалах в надежде найти какой-н[и]б[удь] крючок, за к[ото]рый можно было ухватиться в поисках за темой¹⁶⁵.

Просим принять и передать всем Вашим и Вас. Григ. наш общий привет. Н. Дм. Чечулину прошу передать благодарность за присланные оттиски. К сожалению, не могу такого же сказать по адресу И. А. Шляпкина, к[ото]рый не удостоил меня присылкой и своей диссертации. Впрочем, быть может, он претендует на меня за то, что я его своевременно не поздравил¹⁶⁶; но оправданием мне служит домашний переполох, случившейся 16-го, когда мы боялись за жизнь нашей девочки. Теперь она уже здорова, но поздравление было бы несвоевременным и истолковано корыстными целями.

Еще раз прощайте. Желаем всего лучшего.

Ваш М. Дьяконов.

26 марта [18]91 г.

Кстати: вышел ли 2 вып. Историко-юрид[ических] матер[иалов] Арх[ива] Мин[истерства] юст[иции], где напечатаны десятки? Объявлений я не видал, но нашел ссылку в последней статье Милюкова. Как же он решил насчет переселения в СПб.? И неужели только мы трое «русских историков» фигурируем на премии?¹⁶⁷ Вот оскудение-то... или я неверно Вас понял? А кончили Вы издание текстов?

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 30–31 об.

№ 41. 30 апреля 1891 г.

Благодарю Вас очень, Сергей Федорович, за присланную книгу Шляпкина¹⁶⁸. В своем письме к нему я позволил себе отметить, что книгу его я получил благодаря Вашей любезности. Не знаю, как он это примет, но указать на это я считал и правом, и обязанностью.

Н. Н. Платоновой: «3 июня С. Ф. уехал в свое путешествие по Волге, из к[ото]рого вернулся 22 июня. Он доехал от Твери до Саратова, на обратном пути заезжал в Давыдовку... Затем он доехал до Нижнего, потом через Москву, где остановился на сутки, домой» (*Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). С. 58*).

¹⁶⁵ Речь идет о теме докторской диссертации.

¹⁶⁶ Диспут состоялся 17 марта 1891 г.

¹⁶⁷ В письме от 20 марта 1891 г. С. Ф. Платонов сообщал по этому вопросу: «на Уваровской премии 1891 года стоите Вы (рецензия Шпилевского), В[асилий] Григорьевич Дру[жинин] (он не был отвергнут в 1890-м) и Лаппа (рецензия Милюкова)» (*Академик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 32*).

¹⁶⁸ Речь идет о книге: *Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709)*. СПб., 1891. 581 с. (Записки Историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 24).

А здесь отставка Брикнера произвела положительный террор среди немцев, каждый из них считает дни своей жизни в университете. Бедный же старик был сначала совершенно ошеломлен, а теперь, хотя и оправился несколько, но смотрит на будущее не розовыми глазами. Он и прочие немцы уверены, что его отставка есть кара за принадлежность к балтийской партии, за направление лекций и литературной деятельности, в частности за *Europäisierung Russlands*¹⁶⁹. Эти догадки подтверждаются и получаемыми им сведениями из Петербурга. Я не знаю его петербургского источника, но в нек[ото]рых отношениях достоверность его касательно судьбы Брикнера и его преемника отчасти уже подтвердились. Тем серьезнее считаю я сообщенные мне Брикнером сведения, касающиеся лично меня.

Эти сведения меня очень поразили. На меня будто в СПб. косо смотрят за дружбу с немцами, настолько же, что мне грозит перевод в другой университет по меньшей мере, а то и больше того. По этим сведениям, я оказываюсь уже обвиненным и приговоренным. Не хотелось бы этому верить, т. к. вины за собой не ведаю и совесть моя чиста. Не могу я быть в дружбе с немцами уже потому, что не состою ни с кем из них абсолютно ни в каких отношениях и ни с кем даже не знаком домами, т. е. ни мы ни у кого из немцев не бываем, ни у нас никто из них. Исключение составляет Брикнер, с которым приходилось, да и то редко, иметь отношения исключительно, впрочем, научно-литературные. Правда, что я с ними до сих пор ни с кем не ругался, как вообще ни с кем в Дерпте. Если они почему-то смотрят на меня миролюбиво, то в какой мере должен я на себе нести ответственность за это? Извините за подробности; но все это меня слишком волнует, а потому я и позволил себе обратиться к Вам с просьбой такого рода: не можете ли Вы помочь мне проверить такого рода сведения. Вы знаете, как и где это можно сделать, не придавая делу огласки. Может быть, Вы или Шмурло что-либо уже и слышали на эту тему? А Вы, конечно, понимаете, как важно для меня знать справедливость этих слухов хотя для того, чтобы теперь же просить о переводе в Одессу, благо там обо мне уже возбудился вопрос. Подвергаться же неприятностям и по поводу лишь сплетен было бы уж очень обидно. Если же сплетни действительно проникли так далеко, то я знаю, кому этим одолжен, да и Вы, вероятно, догадаетесь об этом. На последней неделе я предполагал съездить в Ригу для переговоров с начальством о возможности получить командировку в Москву. Теперь тем более постараюсь привести этот план в исполнение. Это свидание, быть может, что-либо раскроет.

¹⁶⁹ Европеизация России. В ркп.: *Europeizirung Russlands*.

Пока до свидания. Желаем душевно отдохнуть на предстоящих праздниках и приятно их провести. Всем Вашим наш дружеский привет.

Ваш М. Дьяконов.

Не начата ли печатанием в Библиографе диссертация С. М. Середонина? Если это диссертация, то когда же она окончится? Не рисковал ли он очень, связавшись с Библиографом?

Василию Григорьевичу мой дружеский привет. Как он поживает?

9 апреля [18]91 г.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 32–22.

№ 42. 24 июля 1891 г.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: [18]91

Дорогой Сергей Федорович!

Давненько я уже не беседовал с Вами и главной виной тому было отсутствие подходящего настроения вследствие нездоровья, которое тянулось довольно долго. Вскоре после моего последнего письма к Вам я стал чувствовать себя неважно, и это все, очевидно, длилось почти до половины июля, когда моя болезнь окончилась довольно неожиданным образом: у меня вышел изрядный камень из мочевого пузыря. Последние полторы недели он меня совершенно измучил, я даже собирался уже умирать, да вдруг ожил. Теперь я опять здоров, лучше прежнего.

Скверное самочувствие испортило мне все лето и помешало занятиям. В середине июня мы совершили поездку в Виленскую губ[ернию] к Караваевым, где пробыли две недели. По возвращении же оттуда я почти все время лежал, обретаясь в отвратительнейшем настроении. Хотел написать Вам к 5-му поздравительное письмо, да за благо рассудил отложить это, чтоб начав за здоровье, не кончить за упокой. Исправляю теперь свое промедление и шлю вместе с женой сердечное поздравление и пожелание Вам и всем Вашим всяких благ.

А как Вы прокатились по Волге? Как поживают на даче все Ваши¹⁷⁰? Авось Вы найдете свободную минутку и черкнете обо всем этом.

Здесь теперь самое глухое время: мы живем в Дерпте как на необитаемом острове, совершенно одни, т. е. все наши знакомцы поразъехали в разные стороны. В начале июня здесь были вновь назначены

¹⁷⁰ Платоновы отдыхали на даче в Бабино Николаевской железной дороги (Академик С. Ф. Платонов. Т. 1. С. 33).

профессора: Карышев¹⁷¹ — политико-эконом из Москвы и Шмурло. Первый произвел очень хорошее впечатление москвича бойкого на язык, довольно прямодушного с обычной, впрочем, дозой «себе на уме». Мы с ним довольно скоро стали в простых товарищеских отношениях. Шмурло, наоборот, приехал в совершенно минорном настроении, был молчалив, скучен и как-то безнадежно смотрел в будущее. Это меня, признаюсь, несколько огорчило, так как я имел ввиду стать с ним в более тесные отношения, чем это было в СПб. Здесь ведь он все же единственный сотоварищ по специальности, иметь постоянные отношения с к[ото]рым просто необходимо. Но если настроение его и впредь будет таким же, то, пожалуй, мои планы могут и не осуществиться. Ну, увидим!

Мои занятия подвинулись очень мало: я все еще не могу доехать до писцовых книг и просматриваю все другие издания актов. А теперь вот отвлекся рецензией на диссертацию об артели здешнего немца Штера¹⁷². Я писал¹⁷³ Вам о своем намерении приготовить такую рецензию для Ж. М. Н. Пр. и надеюсь, Вы не откажете поместить ее: она не будет велика¹⁷⁴. Затем надо будет обработать для Кареевского сборника небольшую заметку об автокефальности русской церкви¹⁷⁵. Я обещал Карееву дать ему что-нибудь для 3-й книжки, но прочитав предисловие II т., боюсь, что моя заметка не подойдет к программе. Ну, была бы честь предложена: если не возьмет, я плакать не буду.

А что новенького? Не видно ли Милюкова? Что он замолк со своей диссертацией? А где Вас. Гр. Дружинин, как он поживает? Как здоровье другого Вас. Гр.?¹⁷⁶ Как долго Вы проживете на даче?

Пока прощайте. Желаем вам и всем Вашим всего лучшего.

Ваш М. Дьяконов.

24 июля.

ОР РНБ. Ф. 585. С. Ф. Платонов. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2857. Л. 34–35 об.

¹⁷¹ Карышев Николай Александрович (1855–1905) — экономист, статистик, земский деятель, публицист, с апреля 1891 г. — экстраординарный профессор Дерптского университета, в мае 1892 г. защитил в Московском университете докторскую диссертацию.

¹⁷² Штер Георгий Карлович (1857–1898) — профессор политической экономии Казанского университета, в 1880 окончил Дерптский университет, где в 1890 г. защитил магистерскую, а на следующий год и докторскую диссертации.

¹⁷³ Этого письма в деле нет.

¹⁷⁴ Речь идет о работе: *Georg Staehr. Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen und Bedeutung des russischen Artels. Ein Betrag zur Kultur — und Wirtschaftsgeschichte des russischen Volkes. I–II. Dorpat, 1890–1891 // ЖМНП. 1891. № 10. 518–532.*

¹⁷⁵ Речь идет о работе: *Дьяконов М. А. К истории древне-русских церковно-общественных отношений // Историческое обозрение. Т. 3. СПб., 1891. С. 72–108.*

¹⁷⁶ Речь идет о В. Г. Васильевском.

С. Н. Кистерев

ПО ПОВОДУ КНИГИ А. Е. ЖУКОВА
«ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД 1560 г.»

Некоторое время назад было высказано суждение о наступлении нового этапа в отечественном летописеведении, не ограничивающегося теперь исключительно текстологическим исследованием памятников с целью, прежде всего, выявления их протографов, но нацеленного на изучение конкретных летописей и отличающегося вниманием к содержащим их текстам рукописям, подвергаемым палеографо-кодикологическому анализу.¹ Насколько нам известно, данный тезис не встретил существенных возражений,² а новая литература, посвященная русскому летописанию XIV–XVII вв., подтверждает его справедливость. Библиография данной тематики включает в себя не только статьи, в которых уделяется внимание отдельным летописям,³ но и ра-

¹ Кистерев С. Н. Вехи в историографии русского летописеведения // ОФР. Вып. 7. М., 2003. С. 24–27.

² Разумеется, если не принимать за оные апелляции к примерам обращения А. Е. Преснякова и Н. П. Лихачева к изучению рукописей отдельных памятников, на которые указывает В. Г. Вовина-Лебедева (*Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв.* СПб., 2011. С. 53. Примеч. 82). Речь должна идти о воплощенной в практике тенденции, о ситуации, при которой прежний, с опорой на один метод исследования подход становится анахронизмом, а не о частных эпизодах в историографии истории летописания, длительное время не имевших последствий, что, очевидно, не принял во внимание критик, которому заодно осталось «непонятно, каким образом текстология способствует односторонности работы, так как она не исключает ни источниковедческого анализа, ни изучения рукописей (Так же. С. 53). Безусловно, текстология сама по себе ничему способствовать не может, и речь должна идти об исследователях, вынужденно или произвольно ограничивающих свой «арсенал» одним текстологическим методом, не прибегая к иным, им известным и кем-то в той или иной степени разработанным. Текстология, конечно, ничего другого не исключает, зато этим часто грешат текстологи.

³ В качестве примера упомянем: Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // ВИД. Т. 4. Л., 1972. С. 77–104. Статья воспроизводилась в других изданиях.

боты, пополняющие фонд летописных текстов с изложением результатов их изучения.⁴ Особо стоит отметить появление специальных, более или менее объемных сочинений, авторы коих избрали предметом приложения своих усилий крупные сохранившиеся до наших дней памятники.⁵ Таковым является и вновь вышедшая монография, посвященная обширному тексту, известному в историографии под наименованием «Летописный свод 1560 г.».⁶

Это не первое сочинение А. Е. Жукова, излагающее итоги его работы в области изучения русского летописания XVI столетия — несколько лет назад им была защищена диссертация о Летописце начала царства,⁷ — почему в авторе книги следует видеть обладателя достаточного опыта в определенной области, что само по себе заставляет относиться к его труду серьезно и с должным вниманием. По этой причине возникает надежда, что специалисты в недалеком будущем найдут время и силы для того, чтобы со знанием дела произвести оценку книги в целом или высказаться хотя бы по некоторым, затронутым в ней проблемам. Со своей стороны ограничимся лишь кратким обзором работы и некоторыми соображениями, возникшими в процессе поверхностного ознакомления с книгой.

Как всякое сочинение подобного плана, работа А. Е. Жукова открывается Введением, страницы которого отведены под изложение истории изучения Свода 1560 г. в предшествующей историографии. На основе обзора этой литературы, естественно, здесь же определяются задачи производившегося вновь исследования, результаты какового предполагается представить в последующих четырех главах.

⁴ Обратим внимание хотя бы на некоторые публикации: *Новикова О. Л.* 1) «Сокращенный свод» в 70–90-х гг. XV века и его Соловецкий вид // *Летописи и хроники. Новые исследования.* 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 162–234; 2) «Сокращенный свод» редакции 1491 г. (ГИМ, Син. 963) // *Летописи и хроники. Новые исследования.* 2017–2018. М.; СПб., 2019. С. 65–129.

⁵ *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998; *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004; *Морозов В. В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005; *Хазанова С. И.* Пискаревский летописец. Происхождение, источники, авторство. М., 2014.

Правда, принадлежность Нового летописца к числу собственно летописных произведений некоторыми исследователями отрицается. «Следует отметить, — пишет А. В. Сиренов, — что Новый летописец, как и Степенная книга, не является произведением летописного жанра. Это скорее историко-литературный трактат, стилистические особенности которого не были восприняты последующей историографической традицией» (*Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 208).

⁶ *Жуков А. Е.* Летописный свод 1560 г. Исследование. М.; СПб., 2022. 203 с. Далее ссылки на книгу приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.

⁷ *Жуков А. Е.* «Летописец начала царства» и русское летописание XVI в. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.

Нельзя сказать, что в обзоре ранее вышедших работ не наблюдается недочетов. Иной раз речь заходит о каком-то тексте без указания на то, что он в недалеком прошлом был подвергнут специальному изучению, почему и соответствующей ссылки не приводится, случается, что повествуется о некоей частности, на которую обращали внимание иные исследователи, но их работы в данном месте не указываются. При этом важно заметить, что в последующем, в основных главах, те и другие труды упоминаются, то есть ни о каком игнорировании их говорить не приходится. Тем самым, умолчания носят технический и случайный характер и восполняются в дальнейшем изложении, тогда как в целом историография собственно Свода 1560 г. представлена, насколько можем судить, исчерпывающе.

Во Введении автор касается одного из важнейших вопросов терминологии. Поводом для этого стали возражения В. В. Морозова против употребления Б. М. Клоссом именованной «свод» и «летопись» как синонимов, тогда как по «давней традиции», будто бы, летописью принято называть текст, сохранившийся в рукописях, а сводом — только гипотетически выявленные памятники. И поскольку Б. М. Клосс в своих работах оперировал именно определением «свод 1560 г.», Жуков никак не мог пройти мимо возникшего в очередной раз в ученой среде несогласия. Он обратил внимание на место в известном труде Д. С. Лихачева, где, как кажется, толкование «свода» как гипотетического памятника оформлено «в окончательном варианте», и аргументированно показал присутствующую в построениях ученого непоследовательность (С. 9–10).⁸ В дополнение к сказанному Жуковым можно заметить, что подобная непоследовательность была присуща высказываниям не одного только Д. С. Лихачева. Примерно то же наблюдается в работах и выдающегося исследователя-летописевода второй половины минувшего столетия.

Обращая внимание на неудобство использования наименований, присвоенных М. Н. Тихомировым и А. Н. Насоновым некоторым изданным ими текстам, Я. С. Лурье, явно выдавая желаемое за действительное, писал: «Понятие „свод“ давно закрепилось в нашей науке как текстологический термин — обозначение гипотетически восстанавливаемого сложного летописного источника».⁹ Не изменилось его суждение и позднее: «Конечно, большинство дошедших до нас летописей представляет собой своды — соединения ряда предшествовавших памятников. Но со времени А. А. Шахматова понятие „свод“

⁸ Это явление в работах Д. С. Лихачева отмечалось и ранее. См.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. С. 495.

⁹ *Лурье Я. С.* Изучение русского летописания // ВИД. Т. 1. Л., 1968. С. 18.

закрепилось за гипотетическими протографами сохранившихся летописей». ¹⁰ Остается лишь гадать, в какой среде такое закрепление произошло, если учитывать некую степень причастности М. Н. Тихомирова и А. Н. Насонова к летописеведению. ¹¹ Однако важно здесь то, что, согласно словам самого же Я. С. Лурье, в наличествующих рукописях иной раз сохранились именно «своды», которые лишь при публикации следует переименовывать в «летописи». Такого же мнения придерживался в свое время М. Д. Приселков, когда, представляя новый план издания ПСРЛ, предлагал называть сохранившиеся «летописные своды» «летописями», дабы лишь отличать их от плодов ученых построений. ¹² Тем самым, очевидно, что для Приселкова реальные летописи в рукописях также были, причем, видимо, все или в большинстве своем и заранее, «сводами». Таким образом, оказывается, что для М. Д. Приселкова, Я. С. Лурье, Д. С. Лихачева и В. В. Морозова имело значение только обозначение текстов в изданиях, а не их реальное содержание, тогда как в действительности большинство публиковавшихся, в том числе и при участии некоторых из них, памятников, выступая в виде «летописей» как текстов в рукописях, являлись сводами, хотя бы на уровне совмещения полного или сокращенного варианта Повести временных лет с дополнительными статьями, восходящими к более поздним произведениям чаще всего безымянных летописцев. В итоге А. А. Шахматов и вслед

¹⁰ Лурье Я. С. Предисловие // Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 27.

¹¹ Как утверждал В. И. Буганов, с суждением которого невозможно не согласиться, «тема „Русское летописание“ была для Михаила Николаевича Тихомирова одной из ведущих в его научной деятельности по существу в течение всей творческой жизни» (Буганов В. И. М. Н. Тихомиров и отечественное летописеведение // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 5).

Емкая и вряд ли устаревшая характеристика места А. Н. Насонова в летописеведении была дана В. А. Кучкиным: «Особое место в творчестве А. Н. Насонова занимала разработка вопросов истории русского летописания. Более половины научных трудов исследователя посвящено данной проблематике. В этой сложной области исторического знания А. Н. Насонов был и остается авторитетом первой величины. Один из наиболее ярких последователей замечательного русского ученого, основоположника современной летописной текстологии академика А. А. Шахматова, А. Н. Насонов во многом развил и дополнил его методику, тесно связав появление летописных сводов с фактами социально-экономической и политической жизни средневековой Руси» (Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь // Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. М., 1974. С. 5).

¹² Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. С. 501. О предлагавшемся М. Д. Приселковым плане и его обсуждении см.: Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 139–141; Вовина-Лебедева В. Г. Н. Ф. Лавров, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков и группа по изданию русских летописей 1936 г. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 290–308.

за ним Я. С. Лурье и другие изменили смысл слова «свод», придав ему характер термина, чем исключили саму возможность не только именовать реальные тексты «сводами», что было бы бедой небольшой, но и видеть хотя бы в некоторых из них подлинные своды, что уже породило большую проблему.¹³

К сожалению, не все в выдвигаемой против позиции В. В. Морозова аргументации А. Е. Жукова выглядит справедливым, поскольку в своих умозаключениях автор опирается, в частности, на случай именованного одного из крупнейших московских летописных памятников XV в. «сводом 1479 г.», ссылаясь при этом на содержащую его текст известную Эрмитажную рукопись (С. 10). Необходимо учитывать, что в данном манускрипте летописное изложение обрывается буквально на полуфразе,¹⁴ после чего переписчик XVIII столетия по непонятной причине прервал свою работу. Вследствие этого утверждать, что текст оригинала, послужившего материалом для изготовления копии, оканчивался именно повествованием о событиях 1477 г., невозможно без того, чтобы не подвергать себя опасности допустить серьезную ошибку. Нельзя полностью исключить вероятности, что антиграф Эрмитажной рукописи или его источник имел более обширный летописный текст, включавший и известия, относящиеся к последующим годам. Правда, мнение об Эрмитажном списке как о непосредственно отражающем «свод 1479 г.», какового, очевидно, придерживается Жуков, достаточно распространено в литературе, причем даже в специально летописеведческой, почему особо упрекать автора рассматриваемой монографии в такой оплошности не приходится.

Тем не менее, в целом проблема терминологии решается А. Е. Жуковым верно, хотя и кажется, что собственные суждения исследователь мог бы декларировать более категорично, поскольку несомненно, что всякий летописный свод, в свою очередь, является летописью, и многие летописи представляют собой своды, созданные на основе ранее существовавших сочинений этого же жанра.¹⁵

Как бы то ни было, стоит признать, что Введение к книге А. Е. Жукова представляет интерес не только в качестве историографического

¹³ А. К. Бороздин, в отличие от А. А. Шахматова, оперировал словами, не изменяя их первоначальный смысл, подразумевая под «сводом» именно нечто, полученное путем сведения воедино нескольких источников. Исходя из этого, «сводом» мог оказаться как реальный текст в рукописи, так и гипотетический протограф. См.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. С. 428–429.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 317.

¹⁵ Подробнее см.: *Кистерев С. Н.* Классификационные основания и эдические принципы в летописной археографии // ОФР. Вып. 7. М., 2003. С. 295–297.

обзора, но и как пример решения важного для летописеведения теоретического вопроса. По меньшей мере, позиция автора обозначена достаточно ясно.

Завершая Введение, автор книги указывает на вопросы, которые намерен детально рассмотреть в своем труде: взаимоотношение сохранившихся списков Свода, круг использованных при его создании источников, место Свода среди других памятников книжности второй половины XVI — начала XVII века, обстоятельства возникновения памятника, в первую очередь — время и место его составления. В четырех дальнейших главах исследователь старается неуклонно следовать своему плану.

Первая глава открывается параграфом, основное содержание которого представляет описание сохранившихся и ставших известными списков Свода. При этом А. Е. Жуков уделяет внимание всему составу рукописей, не ограничиваясь лишь частями, заключающими в себе только тексты Свода, что нельзя не отметить как достоинство данной работы, выгодно отличающее ее от многих трудов, посвященных отдельным литературным памятникам. Предложенные описания отражают особенности использованной писцами бумаги, состояние переплетов манускриптов, почерки, коими эти манускрипты написаны, наличие читательских и владельческих записей и некоторые дополнительные сведения.

В качестве упрека автору можно указать разве что на отсутствие росписи отмеченных водяных знаков по листам рукописей, тогда как почерки всегда даются с приведением конкретных листов, ими писанных. Разумеется, определение филиграней в данном случае позволяет установить время создания рукописи, но если бы его можно было совместить с анализом почерков, это дало бы возможность более детально видеть процесс работы писцов, которые могли использовать одну и ту же бумагу совместно или писать каждый на бумаге с различными знаками. Параллельная роспись по листам почерков и водяных знаков лучше представила бы для читателя особенности некоторых кодексов, например, № 6 (РНБ, ОСПК, F.IV.585), где филигранные первой его части датируются в промежутке от 1487 до 1566 г., что заставляет подозревать, может быть, и несправедливо, конволютный характер не только всей рукописи в целом, но и отдельных ее частей.

Очередной параграф главы 1 посвящен проблеме взаимоотношения выявленных списков Свода и завершается стеммой, учитывающей все ранее описанные рукописи и их предполагаемые протографы. На этой основе представлена история рукописной традиции Свода в целом. Построения автора в данной части выглядят, на наш взгляд,

достаточно убедительно, хотя относительно одного момента в изложенных суждениях можно предложить не рассмотренную исследователем возможность. Жуков отмечает, что текст в Архивском списке подвергнут существенной правке, тогда как сама рукопись является белой, почему проведение правки и следует относить к некоему предшествующему его созданию манускрипту. На этом основании, возводя Архивский и Румянцевский списки к общему протографу, автор отмечает: «...Можно предположить, что Архивский список восходит к общему протографу с Румянцевским не напрямую, а через промежуточное звено, в котором содержалась правка» (С. 29). Характер этого промежуточного звена в данном случае не уточняется, что, в первую очередь, позволяет видеть в нем еще одну, неизвестную, рукопись.

Заметим, что оба списка, Румянцевский и Архивский, датированы в книге одинаково рубежом XVI–XVII веков (С. 14–15), то есть хронологическая соотносимость между ними не установлена. Следовательно, остается вероятность, что первый из них списан с общего протографа несколько ранее, чем создавался второй. В таком случае текст, использованный для Румянцевского в своем первоначальном виде, мог впоследствии претерпеть серьезные изменения уже в той же протографической рукописи, путем внесения исправлений и дополнений на свободных полях бумажных листов или в результате вставки листов бумаги для более пространных фрагментов, а после завершения такой редакторской работы переписан набело, в результате чего и появился Архивский список. Это допущение позволяет видеть в общем протографе обоих названных списков одну и ту же рукопись, сохранившую на разных этапах два отличающихся друг от друга текста — исходный и отредактированный. При данном варианте указанное А. Е. Жуковым промежуточное звено будет выступать не в виде особой рукописи, а в образе измененного текста одного и того же манускрипта.

Сказанное вовсе не означает, что в случае со списками Свода ситуация непременно должна представляться именно таковой, но хотелось бы обратить внимание на ее вероятность, а это весьма часто не учитывается текстологами, работающими в области истории древнерусской литературы, что вынуждает их в конструируемых стеммах плодить множество протографов, во всяком из которых обыкновенно видится отдельная рукопись, тогда как надежды обрести ее и даже целенаправленные поиски представляются напрасными.

Наши замечания в данном случае никак не влияют на справедливость выводов автора книги, причем именно потому, что, резонно пред-

положив существование «промежуточного звена», он никак не обозначил своего мнения относительно его образа.¹⁶

Третий параграф главы содержит изложение итогов исследования существующих, выявленных самим А. Е. Жуковым, редакций Свода, определение времени их возникновения и причастности к их созданию представителей отдельных родов русской знати из числа светских служилых людей — Колычевых и Шетневых. Принимая в целом выводы автора книги и предоставляя другим возможность в чем-то их оспорить, остановимся только на одном моменте в аргументации Жукова, призванном объяснить некоторые особенности «Шетневской» редакции Свода. По мнению автора, возникшая в конце XVI в. угроза претензий на престол со стороны Ирины Годуновой стала причиной устранения из оригинального текста Свода известий, свидетельствовавших об участии в государственных делах вдовы Василия III Елены Глинской. В связи с этим в книге читаем: «Можно предположить, что противники Годуновых готовились к политической битве, которая могла последовать сразу после смерти Федора Ивановича. В частности, им было необходимо свести к минимуму значение „прецедента Елены Глинской“. С этой целью они должны были сократить количество упоминаний о ее участии в большой политике. Возможно, с этой целью и была составлена редакция Свода 1560 г., отразившаяся в Архивском списке и его копиях. Полагаем, что данная работа была произведена между 1591 и 1598 г. (после гибели царевича Дмитрия, но до смерти царя Федора). После кончины государя события развивались слишком стремительно: Ирина Годунова постриглась в монахини, а на земском соборе царем был избран ее брат Борис. В условиях кризиса власти в 1598 г. не было времени редактировать летописи, а после избрания Годунова на царство исчез смысл подобной работы» (С. 48–49).

Сказанное вызывает, на наш взгляд, обоснованные сомнения, поскольку представляется, что оперировать в ближайшем будущем текстами вновь созданной в частном кругу летописи для отрицания дей-

¹⁶ Стоит отметить, что сам А. Е. Жуков помнит о возможности последовательного использования одной и той же рукописи, текст в которой со временем претерпевает некие изменения, когда во 2-й главе излагает свой взгляд на восхождение Патриаршего и Оболенского списков Никоновской летописи, Свода 1560 г. и Лицевого летописного свода к одной и той же, постепенно пополняемой известиями рукописи Летописца начала царства (С. 94). Это, в свою очередь, дает основание говорить о наличии в одной рукописи более двух текстов, подобно тому, как в делопроизводственных документах одновременно читаются первоначальный текст, написанный младшим подьячим, вариант, возникший после внесения правки рукой старшего подьячего, и окончательный, впоследствии переписанный набело, текст, появившийся в результате поправок дьяка.

ствительных или мнимых реалий более чем полувековой давности было бы несколько затруднительно. Разумеется, противники Годуновых могли бы ссылаться на подготовленное ими историческое сочинение, отвергая факт причастности бабки Федора Ивановича к решению государственных вопросов, но и их оппоненты также располагали возможностью утверждать обратное, оперируя ссылками на более ранние и уже в силу этого более авторитетные летописи. Столкновение политических сторон неминуемо привело бы к сравнению текстов, в ходе которого обнаружались бы произведенные в Шетневской редакции поновления, которые можно было бы интерпретировать как попытку фальсифицировать историю, а это сыграло бы не в пользу антигодуновской партии.

Тем самым, предложенное А. Е. Жуковым объяснение появления в Шетневской редакции новелл, связанных с представлением места Елены Глинской в политической жизни страны периода ее регентства, кажется неубедительным, вследствие чего требуется иной подход к трактовке обнаруженной тенденции, проявившейся в работе составителей этой редакции Свода.

Не пытаясь предложить таковую, заметим, что в построениях автора книги, по нашему мнению, проявляется влияние давнишней гипотезы о юридическом значении летописных текстов в русском обществе XVI и предшествующих столетий.

В свое время, цитируя Ипатьевскую летопись под 1289 г., И. Д. Беляев писал: «Здесь опять ясно видно, что цель ведения государственной летописи состояла в том, чтобы ею утверждать и увековечивать правительственные распоряжения князя, чтобы на нее впоследствии ссылаться как на законный кодекс. Князь здесь не довольствуется данною им грамотою, но приказывает внести ее с прописанием обстоятельств дела в летописец и таким образом гласно признает государственную летопись официальным и надежным хранилищем правительственных распоряжений, как бы записною книгою государства».¹⁷ Заметим, что, даже при признании правоты умозаключений одного из пионеров в изучении русского летописания, в данном случае речь шла о летописи как вторичном тексте, призванном лишь сохранить в своем составе важный юридический документ, на который при нужде и надлежало ссылаться в обоснование каких-то прав.

В дальнейшем преемники И. Д. Беляева существенно изменили это мнение в сторону большей значимости литературных текстов в политической жизни. Так, В. С. Иконников писал: «Уже на первых

¹⁷ Беляев И. Д. О разных видах русских летописей // Временник МОИДР. Кн. 5. М., 1850. С. 7.

порах гражданственности летописи имеют целью не один исторический интерес или частную пользу. Они служат выражением политических соображений, подтверждением существующих прав, справочным кодексом и выражением воли власти. Таким образом, можно сказать, они получают официальный характер...».¹⁸ Безусловно, летописные произведения отражали политические интересы их составителей, принадлежавших к неким официальным кругам или другим общественным группам, описанные в них события служили примерами для тех или иных властей, могли выдвигаться в качестве аргументов в дискуссиях по конкретным вопросам, но ничто не придавало самим летописям характера нормативного акта, обязывающего читателя, кем бы он ни был, воспринимать их сообщения как непреложное руководство к действию. Официальное происхождение летописи делало ее авторитетной для самих официальных структур, но никак не для оппонентов. Параллельное ведение летописей в различных княжествах само по себе указывает на возможность противостояния сторон с опорой каждой из них на имеющиеся в ее распоряжении исторические сочинения.

Однако последнее обстоятельство странным образом часто не учитывалось отдельными исследователями. «Некоторые летописи, — писал, в частности, Д. С. Лихачев, — возникли в связи с вокняжением того или иного князя, другие — в связи с учреждением епископства или архиепископства, третьи — в связи с присоединением какого-либо княжества или области, четвертые — в связи с построением соборных храмов и т. д. Все это наводит на мысль, что составление летописных сводов было моментом историко-юридическим; летописный свод, рассказывая о прошлом, закреплял какой-то важный этап настоящего».¹⁹ В данном случае интерпретация летописных памятников как неких документов доведена до своего логического завершения.²⁰ Летописному своду того или другого времени, безразлично,

¹⁸ *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 1. Киев, 1908. С. 322.

¹⁹ *Лихачев Д. С.* Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963. С. 56.

²⁰ В другой работе Д. С. Лихачев прямо называл летописи документами: «Летопись никогда не была делом частного лица, частной инициативы. Летопись была официальным произведением, важнейшим государственным документом» (*Лихачев Д. С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.; Л., 1962. С. 97). Ему вторил Я. С. Лурье: «Летопись была рассчитана в первую очередь не на потомков, а на современников, и в ряде случаев летописные своды прямо использовались как документ в политической борьбе» (*Лурье Я. С.* Проблемы изучения русского летописания // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 45).

присвоен юридический статус, в соответствии с которым сообщения памятника об исторических событиях должны приобретать характер обязывающего акта, хотя бы в области понимания прошедшего. При этом не рассматривается ситуация с летописными произведениями, вышедшими из неофициальных кругов, каковые никак не могли расцениваться в том же качестве.

Что же касается известных примеров привлечения на дипломатические переговоры знатоков летописных текстов, например, дьяка Степана Бородатого в 1471 г., то в них следует видеть не более чем случаи обращения к видным специалистам в роли возможных переговорщиков или просто консультантов,²¹ высказывания которых для обладающей собственными историческими представлениями противной стороны никак не должны были становиться решающими деловыми свидетельствами.

Несомненно, в любом серьезном политическом диспуте оппоненты имели возможность ссылаться на сами исторические прецеденты, пусть даже в интерпретации конкретных летописных памятников, но никак не на авторитет самих этих текстов, а это опять-таки заставляет отнестись к гипотезе А. Е. Жукова с долей сомнения. Своеобразная трактовка периода регентства Елены Глинской могла всерьез восприниматься в среде, близкой составителям Шетневской редакции, но только не их противниками, располагавшими иными историографическими свидетельствами. Она отвечала интересам своих создателей и их сторонников, но выдвигать ее в роли доказательства чего-либо в условиях политического противостояния было бы неразумно и даже опрометчиво. Тем самым, кажется необходимым продолжить поиски удовлетворительного объяснения произведенной редакторами Свода работы.

Уместным, на наш взгляд, был бы вопрос о справедливости сохранения именованного «Свод 1560 г.» в отношении текста, возникшего спустя довольно-таки продолжительное время в близкой к Шетневым среде. Разумеется, работа сторонних редакторов, изменяющих тем или иным способом первоначальный вид некоего произведения, тем более дополняющих его или, напротив, проводящих некие сокращения, порождает в итоге новую «редакцию», но не следует забывать, что та-

²¹ Именно в такой роли знатока-советчика был привлечен дьяк Степан Никифорович Бородатый вдовой великой княгиней Марии Ярославны. Отправляясь в 1471 г. в поход на Новгород, Иван III «испроси у матери своей у великой княгини дьяка Степана Бородатого, умеющего воротити летописцем руским. „Егда, — рече, — придут, и он воспоминает ему говорити противу их измены давные, кое изменяли великим князем в давныя времена, отцем его и дедом и прадедом“» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. С. 172). Напоминать Степан Никифорович должен был бы о конкретных исторических фактах, а не о том, как и где они запечатлены.

ковая сама по себе является и новым произведением, появившимся в результате работы совсем других людей и в другой же исторической обстановке. Это не праздный терминологический вопрос, поскольку речь идет, в первую очередь, о восприятии вновь созданного текста не только исследователями, но и современниками редакторов, а для них «редакция» и призвана была выступать в роли самостоятельного летописного труда. Подозревать, что редакторы стремились выдать свое детище за подлинное создание далеких предшественников, у нас нет никаких оснований. Читатель, обратившийся, в нашем случае, к Шетневской рукописи или копии с нее, несомненно, воспринимал читаемое им в качестве именно оригинального произведения, но никак не варианта ранее существовавшего. «Редакция» как изначальное определение характера работы над текстом самого его автора или некоего последователя, вознамерившегося тем или иным способом изменить этот текст, превратилось в технический, употребляемый в работе текстолога термин, тогда как в действительной истории книжности для простого читателя или очередного «историографа», поставившего себе целью продолжить труды предшественников, лежащая перед глазами рукопись выступала в образе летописи вообще, вполне самостоятельного памятника. Как текстолог, автор рассматриваемой книги вполне мог ограничиться свойственным его коллегам термином «редакция», но как историк летописания, кажется, имел все основания сделать некоторые оговорки, которых в его работе не находится. Впрочем, данные замечания не могут быть адресованы персонально А. Е. Жукову, поскольку он, насколько можно понять, просто следовал утвердившейся издавна традиции.

Замечания по проблеме соотношения понятий «редакция» и «произведение» высказывались и раньше,²² но именно устойчивость существующей традиции заставляет лишний раз вернуться к той же теме, поясняя собственную позицию. В связи с этим отметим важное место в рассуждениях Д. С. Лихачева в его «Текстологии», которая с момента появления ее первого издания «стала настольной книгой специалистов по древнерусской литературе и широкого круга филологов, археографов, историков»²³ и в силу этого оказывающей наибольшее влияние на развитие целого ряда направлений исследований в различных хронологических периодах.²⁴ «Прежде всего — что на-

²² См.: Кистерев С. Н. Классификационные основания и эдичионные принципы в летописной археографии. С. 294–298.

²³ Толстая С. М. Текстология Д. С. Лихачева и лингвистика текста // Труды Отделения историко-филологических наук. 2016. М., 2017. С. 116.

²⁴ «„Текстология“ Д. С. Лихачева, — вторит М. С. Толстой и дополняет ее Л. И. Сазонова, — стала настольной книгой и программой действий для многих исследователей литературы, истории и культуры не только Средневековья, но и Нового времени»

зывать произведением в древней русской литературе, — писал ученый, — как отграничить одно произведение от другого и, следовательно, как разграничить работу авторов? В решении этой проблемы есть специальные трудности. Многие из произведений древнерусской литературы представляют собой коллективные, многослойные произведения, компиляции или литературные обработки предшествующих произведений. В составлении некоторых памятников древней русской литературы принимало участие много авторов, работавших разновременно, дополнявших и переделывавших работу своих предшественников». ²⁵ Важно не упустить из вида, что работавших разновременно, а тем самым и последовательно, творцов наличного и подвергаемого изучению текста Д. С. Лихачев именовал «авторами», в отношении которых вполне справедливым выглядит вопрос: авторами чего? Выше исследователь представил целый перечень созданий древнерусских книжников, упомянув «коллективные, многослойные произведения», «компиляции», «литературные обработки предшествующих произведений». На первый взгляд, в данном перечне существуют три типа памятников с позиций определения авторства, однако такое суждение оказывается на поверку ложным. Компиляция начинает историю своего существования не с того момента, как были созданы все использовавшиеся для ее образования тексты, а со времени соединения их или их фрагментов в нечто единое, что и предстает глазам исследователя в означенном виде. Следовательно, имея собственного автора, компиляция является его и ничьим больше произведением. Немногим в этом отношении отличаются от нее коллективные или, иначе, многослойные произведения, для которых и сам Д. С. Лихачев не нашел и, скорее всего, не искал за ненадобностью иного термина, помимо «произведение». Если же литературная обработка текста, кроме прочего, отражает авторский стиль, то некое сочинение, существовавшее более или менее продолжительное время до такой обработки, а затем бытовавшее в преображенном виде, представлено пусть очень близкими, но все же разными текстами, каждому из которых присущи черты индивидуального авторского стиля, что и превращает творение одного автора в принадлежащее другому, а в этом процессе появляется новое произведение, сосуществующее с прежде созданным. Отсюда в авторах перечисленных Д. С. Лиха-

(Сазонова Л. И. 1) Теоретические основания трудов Д. С. Лихачева по истории литературы и культуры // Труды Отделения историко-филологических наук. 2007. М., 2009. С. 320; 2) Вспоминая Дмитрия Сергеевича Лихачева // Труды Отделения историко-филологических наук. 2016. М., 2017. С. 192).

²⁵ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. С. 305.

чевым видов памятников древнерусской литературы следует видеть творцов именно в большей или меньшей степени оригинальных произведений.

Как нет автора, который не создал ничего, никакого произведения, так нет и произведения, у которого не было бы автора. Следовательно, автор и произведение нерасторжимо связаны друг с другом в реальности и в этом единстве должны рассматриваться исследователями. Л. И. Сазонова справедливо подчеркивает, что Д. С. Лихачев определял направление текстологической работы как «восхождение от текста к человеку, стоящему за ним».²⁶ При этом, видимо, особенно важно учитывать, что за в большей или меньшей мере преобразованным авторским текстом стоит другой человек. И если внесение изменений в текст осуществлено без ведома автора (что мы имеем в случае в Шетневской «редакцией») или вопреки его желанию, такой текст не может рассматриваться как его произведение, ибо принадлежит другому автору, является его творением, почему и должен считаться произведением последнего, то есть, как отличающееся от прежде существовавшего, произведением новым.

Все это непосредственно касается летописных памятников, о которых Д. С. Лихачев писал буквально в следующем после уже процитированного абзаца: «Известно, что летописи представляют собой своды предшествующего летописного материала. Работа различных летописцев соединена в них не крупными кусками, а по большей части отдельными небольшими летописными статьями под каждым годом отдельно. Работа по атрибуции отдельных летописных текстов связана поэтому прежде всего с работой по расслаиванию летописи и по ее хронологизации».²⁷ В данном случае речь идет об атрибуции использованных при создании нового произведения текстов, ранее читавшихся в составе аналогичных, то есть летописных (о других здесь и не говорится), сочинений. Однако в атрибуции нуждается и сам рассматриваемый целый летописный памятник, который имеет своего составителя, коего нельзя называть иначе как автором, и, по этой причине, есть его творение. Характер этого нового текста будет определяться как «свод» или «компиляция», или еще каким-то образом, но ничто не способно отнять у него статус авторского произведения.

В связи с этим оказывается, что декларировавшиеся трудности кроются не в том, чем являются в реальности памятники древней литературы, а в их восприятии последующими исследователями, что и

²⁶ Сазонова Л. И. 1) Теоретические основания трудов Д. С. Лихачева... С. 318; 2) Вспоминая Дмитрия Сергеевича Лихачева. С. 191. В приведенной здесь же цитате из «Текстологии», правда, говорится еще и об обществе, стоящем за человеком.

²⁷ Лихачев Д. С. Текстология. С. 305.

нашло отражение в формулировках самого Д. С. Лихачева, для кого проблема заключается не в том, что представляют собой эти памятники, а как их следует называть, коль удастся отграничить одно от другого.

Учитывая сказанное, полагаем, что именование переработанного спустя длительное время текста Свода 1560 г. «редакцией» должно иметь более веские основания, чем просто следование традиции, но таковые, на наш взгляд, найти вряд ли удастся.

Очередная, 2-я, глава работы А. Е. Жукова посвящена определению источников сведений и текстов, использованных составителями Свода в их работе. В первом параграфе рассматривается место в этом ряду Воскресенской летописи в виде ее третьей редакции. Произведенный автором анализ показал наибольшую близость Свода к группе списков Воскресенской, отражающих несохранившийся протограф, определенный ранее А. В. Сиреновым и получивший наименование «двухтомник».²⁸ Тем самым, выявление источника Жуковым доведено до уровня конкретных рукописей, что, несомненно, является достоинством проведенной работы, пусть даже сами эти рукописи относятся к более позднему, нежели создание Свода, времени, и действительным источником для его составителей послужил некий несохранившийся или не выявленный до сих пор список. В очередной раз при этом оправдывается сказанное некогда А. Е. Пресняковым: «Можно сказать, что среди дошедших до нас списков летописей такие, которые непосредственно связаны между собой как оригинал и копия или как непосредственный источник, из которого выписки делались, и свод, их воспринявший на свои страницы, большая редкость. Обычно родство сравниваемых летописей, хотя бы самое близкое, более сложно и зависит именно от пользования общим источником, непосредственно до нас не дошедшим».²⁹

Зато иная ситуация сложилась при изучении автором книги соотношения текстов Свода и Никоновской летописи, когда исследование привело к выводу, что при возможности существования в 60-х годах XVI в. неких неизвестных современной науке списков Никоновской, «велика, однако, вероятность, что при создании Свода 1560 г. был использован непосредственно список Оболенского» (С. 56). Это ответственное заявление демонстрирует как отсутствие у исследователя сомнений в верности проведенного им текстологического анализа, так и определенную смелость без желания «спрятаться» за спасительные

²⁸ Сиренов А. В. «Двухтомник» Воскресенской летописи // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 251–252.

²⁹ Пресняков А. Е. А. А. Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС. Т. 25. Пг., 1922. С. 167–168.

гипотезы о существовании неких промежуточных вариантов — списков, ради того, чтобы не выглядеть в своих заключениях излишне категоричным. В будущем специалисты смогут проверить справедливость сказанного А. Е. Жуковым, и не исключено, что они смогут лишь подтвердить его, пусть осторожное, но все-таки открытое утверждение.

Такая же осторожность проявлена автором в выводах о соотношении Свода с группой Софийской 2-й — Львовской летописей и Румянцевского летописца, сохранившегося в манускрипте XVIII в. Эта тема, по мнению Жукова, нуждается в продолжении исследований, но основное заключение — об использовании в Своде более исправного, нежели лежащий в основе Софийской 2-й и Львовской, списка свода 1518 г. (С. 66) — выглядит достаточно аргументированным.

Если в случае с Новгородским летописным сводом 1539 г. (§4 2-й главы) автор пришел к выводам об использовании составителями Свода 1560 г. более раннего, чем список Дубровского, варианта текста (С. 73), а привлечение гипотетического архетипа «Летописца начала царства» сопровождалось внесением ими стилистической правки (§7, С. 96), то его стремление отыскать источник Свода среди сохранившихся конкретных рукописей увенчалось относительным успехом при обращении к Разрядным книгам, когда Жукову удалось определить восхождение известий Свода через посредство убедительно выявляемой несохранившейся принадлежавшей роду Колычевых разрядной книги к списку РНБ, Q.IV.103 (§5. С. 74–75). Зато в §6 (С. 82–92) показано прямое использование в Своде 1560 г. Медоварцевского сборника (БАН, Арханг. Д. 193). Правда, в связи с последним следует заметить, что сведенные в таблицу содержащиеся в сборнике и Своде чтения не всегда оказываются понятны читателю ввиду отсутствия в настоящее время публикации текстов как Медоварцевской рукописи, так и Свода. Например, пункт 5 в таблице 6 выглядит для этих двух памятников в образе «—», а для списка Дубровского как «знамение», и читателю остается лишь догадываться о смысле им увиденного.

А. Е. Жуков не ограничился выявлением источников Свода, но и постарался в отдельном, 8-м, параграфе представить методы работы составителей образывавшейся компиляции при заимствовании более или менее пространных текстов в свое произведение. В итоге автор заключил, что преследовалась цель образования «максимально подробного изложения исторических событий» (С. 100) с применением метода «клея и ножниц» (С. 98). Однако не следует забывать, что следование этому методу совмещалось со стилистической правкой, то есть в некотором роде литературной обработкой исходных материалов, что отчасти отмечено самим же исследователем хотя бы на примере текста Повести о присоединении Пскова, в отношении которой справедливо

говорится как представленной в Своде в самостоятельной редакции (С. 90).

Окончание второй главы (§9) отведено рассмотрению вопроса, в решении которого А. Е. Жуков, по его собственным словам, выступает в роли первопроходца. Речь идет о справочном аппарате Свода 1560 г., состоящем из разделения текста на главы, составленного на этой основе оглавления, выделения заголовков отдельных известий и надписей в колоннитулах. Не вдаваясь в обзорное всего содержания этого параграфа и предоставляя эту честь более сведущим специалистам, ограничимся лишь некоторыми замечаниями, в общем-то, и не касающимися основной темы, а относящимися к опыту обращения автора к рукописям с летописными текстами предшествующих XVI в. столетий.

На наш взгляд, А. Е. Жуков несколько неосмотрительно заявляет, что «древнейшие сохранившиеся списки русских летописей датируются XIV в.», да и к названному столетию относятся лишь рукописи Синодального списка Новгородской I и Лаврентьевской летописей (С. 102). К сожалению, обычно упускается из вида наличие статей с русскими известиями, дополняющих текст читающегося в составе Новгородской кормчей (ГИМ, Син. 132) Летописца патриарха Никифора.³⁰ Летописец расположен на л. 567 об.–576, и если учитывать, что они принадлежат к изначальному составу рукописи (л. 628–631 приплетены к блоку позднее и датируются XIV в.³¹), то русская часть памятника представлена рукописью XIII в.³² Впрочем, еще М. Н. Тихомиров сетовал по поводу того, что опубликованный им заново летописец «почти не использовался в наших исторических работах, хотя по существу является первым датированным списком русской летописи, в котором изложение русских событий доведено до 1279 г., т. е. современно самой рукописи».³³

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846. С. 248–252; Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 235–239. Более позднее, к сожалению, изобилующее неточностями, воспроизведение текста см.: Пиотровская Е. К. Византийские хроники IX века и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора) // ППС. Вып. 97 (34). СПб., 1998. С. 129–132.

Это дополнение к Летописцу патриарха Никифора не учитывалось в свое время даже таким специалистом-летописеведом, каким был Я. С. Лурье. См.: Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1975. М., 1976. С. 87.

³¹ Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 2. М.; СПб., 2017. С. 79.

³² О более точной датировке Синодальной кормчей см.: Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 1. М.; СПб., 2017. С. 66–71.

³³ Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности. С. 234.

Второе, на что хочется обратить внимание, — итоги некоторых наблюдений автора книги над особенностями написания текстов в Лаврентьевской летописи: «Красный пигмент применялся в Лаврентьевской летописи, прежде всего, для того, чтобы выделить наиболее значимые события. Чаще киноварью прописывалась только дата события... В то же время текст наиболее значимых сообщений выполнялся киноварью целиком. Разумеется, эти колористические приемы не вели к формированию полноценного справочного аппарата. Вместе с тем, примечательна сама практика выделения красным пигментом наиболее значимых сообщений. Нигде больше, кроме Лаврентьевской летописи, мы с подобным подходом не сталкивались» (С. 102). Безусловно, присутствующие в Лаврентьевской рукописи киноварные обозначения дат и выделения иной раз красным пигментом начальных слов годовых статей, а то и целых известий нуждаются в объяснении. Однако справедливо ли последние воспринимать как наиболее значимые для создателей манускрипта? Для примера обратимся лишь к двум страницам рукописи.³⁴

На л. 66 об. читается: **«Почата бысть церкви Печерская надъ основаньемъ Стефаномъ игуменомъ изъ основанья бо Феодосии почаль, а на основанье Стефанъ поча, и кончана бысть на третье лето месяца июля 11 день. В се же лето придоша сли из Немець къ Святославу»**. Конечно, продолжение строительства церкви в Печерском монастыре могло расцениваться писцами или их руководителями как весьма важное событие, учитывая значимость обители в истории русской церкви. Однако придание того же статуса известию о прибытии немецких послов вызывает уже сомнения. Заметим, что так же киноварью написано известие об освящении церкви митрополитом Ефремом на л. 69 об., хотя в соседнем столбце сообщение об освящении церкви митрополитом Иваном писалось чернилами.

На л. 67 начало статьи 6585 г. дано киноварью **«Поиде Изяславъ с ляхы»**, затем чернилами о встречном походе Всеволода, после чего весь остальной текст годовой статьи киноварью **«Седе Борисъ Чернигове месяца мая 4 день, и бысть княженья его 8 днии, и бежа Тмутороканю к Романови, Всеволодъ же противу брату Изяславу на Вольтынь, и створиста миръ. И пришедъ Изяславъ, седе Кыеве месяца июля 15 день, Олегъ же сынъ Святославль бе оу Всеволода Чернигове»**. Первые слова годовой статьи возможно принимать за ее же заголовок, естественным образом сливающийся с основным текстом. Однако последующие сообщения о перемещениях князей трудно рас-

³⁴ В данном случае используем издание: Лаврентьевская летопись. Факсимильное издание. СПб., 2017. При цитировании киноварь обозначена полужирным шрифтом.

смаатривать как исключительно значимые, особенно последнее из них — о нахождении Олега в Чернигове. Это, в свою очередь, заставляет искать причину написания отдельных известий киноварью в чем-то ином, нежели выделение кажущихся важнейшими сообщений.

При этом нельзя возводить появление киновари в Лаврентьевской рукописи к ее антиграфу, чего, впрочем, и не делает А. Е. Жуков. Против такой версии свидетельствует текст на л. 55: «**В лето 6568.** Преставися Игорь сынъ Ярославль в семь же лете Изяславъ и Святослав...». Создается впечатление, что на «Ярославль» сообщение заканчивалось, а «в семь же лете» открывало следующее, но переписчик прочитал иначе и ошибочно. То же самое касается и текста в статье 6562 г. «**И победи торкы в семь же лете приходи Болушь**», то есть не Всеволод победил в том же году, а тогда же приходил Болуш.

Так или иначе, но киноварные написания в Лаврентьевском манускрипте следует подвергнуть специальному исследованию, каковое в рассматриваемой книге было бы неуместно, тогда как предложенная А. Е. Жуковым их интерпретация не выглядит удовлетворительной. Необходимо учитывать, что письмо последних текстов летописи на л. 172 об.—173 полностью выполнено киноварью, то есть все эти тексты следовало бы относить к числу особо значительных для писцов группы Лаврентия.

Третья глава монографии А. Е. Жукова отведена исследованию отражения Свода 1560 г. в памятниках русского историописания XVI—XVII вв., в чем автор оправданно следует примеру своих предшественников, прежде всего, видимо, Б. М. Клосса и А. В. Сиринова.³⁵

Первый параграф посвящен Степенной книге царского родословия и, несомненно, представляет интерес как продолжение исследований А. В. Сиринова, А. С. Усачева и С. Н. Богатырева.³⁶ Вероятно, отдельные положения данного параграфа вызовут какие-либо замечания со стороны упомянутых ученых, как наиболее сведущих в теме, почему не будем самостоятельно рассматривать все заключающиеся в нем положения. Коснемся лишь одного частного вопроса об использовании в Своде и Степенной книге текстов посланий патриарха Иоакима и царя Ивана IV, ранее ставшего предметом полемики между А. С. Усачевым и С. Н. Богатыревым, в которую был вынужден вмешаться и автор рассматриваемой книги.

³⁵ Имеем в виду работы: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980; *Сиринов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. М.; СПб., 2010.

³⁶ *Сиринов А. В.* Степенная книга. История текста. М., 2007; *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009; *Богатырев С. Н.* Датировка Степенной книги // ДРВМ. 2012. № 4 (50). С. 77–94.

Еще в предшествующей главе исследователь пришел к выводу, что послания попали в Свод из несохранившейся рукописи второй редакции Летописца начала царства (С. 95). Теперь же автор анализирует расхождения во мнениях А. С. Усачева и С. Н. Богатырева. Первый из них полагал, что послания в Степенную книгу могли быть заимствованы из посольской книги по связям России с Православным Востоком.³⁷ Второй, заметив общие расхождения Свода 1560 г. и Степенной книги в изложении текстов посланий с посольской книгой, заключил, что в Степенной использован Свод, тогда как посольские материалы послужили или могли послужить дополнительным источником.³⁸ Воспроизведя отмеченные Богатыревым различия повествовательных памятников с посольской книгой, Жуков заключает: «Приведенные исследователем чтения показывают, что источником Степенной книги послужил летописный текст, а не материалы Посольского приказа, как полагает А. С. Усачев» (С. 111). Однако заслуживает внимания вопрос о правомочности без всяких оговорок использования текста собственно посольской книги для формулировки столь ответственного вывода.

Послание Иоакима Александрийского в книге помещено на л. 126–134. Ответное послание Ивана Васильевича читается на л. 136 об.–140. Сама посольская книга представляет собой конвюлют, образованный из пяти различных частей, причем фрагменты с л. 31–72 и 85–211 были написаны именно в момент создания этого конвюлюта в его первоначальном виде, к которому впоследствии были присоединены с добавлением недостающей бумаги тексты документов 1571 г. (л. 212–238). Формирование кодекса в его современном виде относится ко времени после московского пожара 1571 г.³⁹ Отсюда следует, что рукопись посольской книги с текстами посланий Иоакима и царя возникла позднее работы составителей как Свода 1560 г., так и Степенной книги, почему использоваться в их работе никак не могла. В таком случае,

³⁷ Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность... С. 182. Примеч. 259. Текст посольской книги опубликован в издании: Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. С. 127–306. Подробный разбор этой публикации см.: Кистерев С. Н. Новое издание документов о России и греческом мире в XVI веке // ОФР. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 311–334.

³⁸ Богатырев С. Н. Датировка Степенной книги. С. 84.

³⁹ Итоги кодикологического исследования рукописи посольской книги см.: Кистерев С. Н. 1) Сборник древнейших документов о связях России с иерархами православного Востока // Чтения памяти профессора Н. Ф. Каптерева (Москва, 15–16 октября 2003 г.). Материалы. М., 2003. С. 16–21; 2) Процесс формирования сборника древнейших документов о сношениях России с иерархами православного Востока // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 1. М.; СПб., 2007. С. 430–440.

говоря об употреблении документации Посольского приказа, можно подразумевать не посольскую книгу, а предшествующие ей документальные фонды этого учреждения, на основе которых книга и была создана. В таком случае отмеченное С. Н. Богатыревым различие «богомъ пресвятеишему» (Свод и Степенная книга) и «богом пресветлеишему» (посольская книга) может возводиться к спискам с перевода грамоты Иоакима, содержавшегося в делопроизводственном столбце Посольской избы.⁴⁰ И если текст грамоты Иоакима был заимствован в Свод из Летописца начала царства второй редакции, то и рассматриваемое искажение его могло попасть оттуда же.

В пользу привлечения копий делопроизводственной документации свидетельствует и именование в тексте ответного послания Ивана Васильевича купца Позднякова уничижающим «Васка», что свойственно как раз приказной практике, вероятно, невольно отразившейся в переписывавшемся кем-то из приказной же среды тексте (третье из отмеченных С. Н. Богатыревым расхождений). Этот же «кто-то», возможно, допустил пропуск фрагмента с упоминанием шуб в числе подарков царя патриарху (четвертое расхождение, указанное С. Н. Богатыревым), тогда как копиист, работавший над посольской книгой, в свою очередь, опустил указание на новгородское происхождение архидьякона Геннадия (второе отличие, по С. Н. Богатыреву).

Сказанное не отвергает высказанного А. Е. Жуковым суждения об использовании в Степенной книге именно летописного текста, но призвано обратить внимание на необходимость учета при обращении к тексту посольской книги ее вторичного характера по отношению к подлинному делопроизводству Посольского приказа, как и того обстоятельства, что материалы этого делопроизводства имелись в распоряжении составителей летописных памятников опять же в виде более или менее точных копий. Первым же, к кому эти копии должны были попасть в руки, судя по построениям автора книги, могли оказаться составители Летописца начала царства. При этом не следует забывать и о черновых материалах, остававшихся у привлекавшихся посольским ведомством к работе переводчиков после того, как беловики были ими сданы в приказ.

Проводя дальнейший анализ взаимоотношения Свода 1560 г. и Степенной книги, А. Е. Жуков приходит к выводу о прямой зависимости второй от первого, но при этом замечает, что и она оказала свое влияние на Свод, воспринявший от нее принцип деления на соответст-

⁴⁰ Н. М. Рогожин, изучая посольскую документацию конца XVI в., пришел к выводу, что первоначально она группировалась в виде столбцов и лишь потом переносилась в тетради (Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. М., 1994. С. 161).

вующие разделам Степенной книги главы, допуская, что таковое было произведено несколько позднее. Весьма важным выглядит общее заключение: «Так или иначе, мы едва ли ошибемся, если скажем, что во второй половине 50-х — начале 60-х гг. XVI в. в Москве разрабатывался подход к истории России как к процессу смены царств и правителей» (С. 119). А если так, то и обратное влияние Степенной на Свод могло проявиться в результате обсуждения соответствующих проблем участниками историографического процесса.

Не имея случая ознакомиться с рукописями Русского временника или Хронографа 1599 г., исследованных А. Е. Жуковым в продолжении третьей главы в их соотношении со Сводом, оставим данную часть книги полностью на долю настоящих специалистов в данной области и обратимся к рассмотрению следующей, 4-й, главы, в которой автор занялся вопросами, связанными с происхождением собственно Свода.

Глава состоит из двух параграфов, первый из которых многообещающе озаглавлен «Летописный свод 1560 г. в контексте политических процессов третьей четверти XVI в.», а второй — «К вопросу о месте и времени составления Свода 1560 г.». На взгляд консервативного читателя, параграфы должны были бы располагаться в обратном порядке, поскольку без определения времени создания памятника говорить о его месте в политическом процессе конкретной трети столетия, вроде бы, несколько преждевременно. Однако автор, видимо, уже здесь исходит из устоявшегося мнения о возникновении Свода именно в 1560-х годах, а дальнейшее изложение призвано лишь уточнить хронологию работы его составителей.

Как бы то ни было, процитировав для начала известное положение А. А. Шахматова о значении мирских страстей и политических интересов (как следует из приведенного нами ранее места из сочинения В. С. Иконникова, распространенное в историографии начала XX столетия), А. Е. Жуков подчеркивает, что оно справедливо и в отношении изучаемого им Свода, а стараясь выявить особенности заложенной в последнем исторической концепции, обращается к обозрению оригинальных известий, не читающихся в его источниках, в первую очередь, крупных летописных произведениях первой половины — середины XVI в. Очертив круг таких известий, автор пытается «определить цели, которые преследовал составитель Свода 1560 г., внося эти статьи в текст повествования» (С. 147).

Нужно заметить, что из шести вопросов, которые обычно стоят перед исследователем в любой области исторической науки (что? где? когда? кто? почему? зачем?) последний наиболее сложен, поскольку он, в отличие от остальных, касается поступков исключительно живых существ, и среди них человека, направленных на достижение неких целей, что может быть обусловлено внешним принуждением,

собственным осознанием необходимости или личным произволом. Именно решение этой трудной задачи автор книги ставит перед собой при анализе некоторых фрагментов изучаемого памятника, как принято, исходя из априорного суждения о сознательных действиях авторов Свода.

Обращаясь к вставным известиям о переходе Глинских в 1508–1509 годах на русскую службу, А. Е. Жуков замечает: «Летописец как будто стремится припомнить, какие семейства присягали на верность Москве, и отмечает, что все они получили от государя радушный прием и пожалования. Объяснить вставку подобного перечня в контексте 40-х гг. XVI в. затруднительно, однако в условиях 60-х гг. она выглядит вполне оправданной» в связи с началом Ливонской войны. «В этих условиях, — читаем далее, — не лишним было напомнить выходцам из Великого княжества Литовского об их обязательствах по отношению к московскому престолу» (С. 149). Кажется, в данном месте вновь проявляется влияние мнения о летописях как своеобразных юридических документах, но явственна более общая проблема: направленности летописного повествования на сознание потенциального читателя. Если понимать сказанное Жуковым буквально, то в первую очередь потомки выходцев из Литвы должны были воскресить в памяти, кому они, как и их предки, были обязаны своим положением в Русском государстве в третьей четверти XVI столетия. В таком случае приходится признать, что предполагалось чтение Свода именно этими людьми. Другим вариантом может рассматриваться ситуация, при которой некий читатель имел возможность сам узнать или вспомнить о том же и напомнить сыновьям и внукам тех самых выходцев. В любом случае Свод приобретал бы характер источника сведений, использовавшихся в политических процессах периода царствования Ивана IV, но заодно должен был представляться для всех сторон достаточно авторитетным историческим пособием. Что могло придать ему этот статус, остается непонятным, тем более, что в среде приближенных к царской персоне, как сам Жуков в дальнейшем оговаривает, Свод «либо не считался авторитетным, либо не был достаточно известен» (С. 161). Скорее, таким пособием он мог являться только для одной из противостоящих партий, и на основании почерпнутых из него данных она в дальнейшем оказывалась способной действовать с опорой на полученные знания в области недавней истории. При этом необходимо учитывать и то обстоятельство, что свойственные летописцу мирские страсти и политические интересы не обязательно усваивались читателями его произведения, пусть даже и созданного по их же просьбе или прямому заказу. Нельзя исключить, что автор летописного повествования писал тексты, будучи движим какими-то собственными пристрастиями, но читатель,

ценя общее содержание этих текстов как комплекса известий о прошлых событиях, не всегда особенно вдавался в смысл им прочитанного, то есть иногда не улавливал заложенной в произведение концепции. А таким читателем мог оказаться даже тот, по чьему заказу произведение возникло. Если автор и старался вписать свой труд в какой-то политический или иного свойства контекст, то пользователь не обязательно учитывал это обстоятельство, видя в читаемом не более как рассказ о прошлом, удовлетворявший его познавательные интересы.

Несомненно, что в 60-х годах XVI в. мог возникнуть некий интерес к «псковской проблеме», как выражается А. Е. Жуков, почему в Свод 1560 г. попала московская по происхождению Повесть о соединении Пскова, но это не значит, что она включена в состав летописи «на случай возникновения дискуссий с представителями городской оппозиции» (С. 152). Вряд ли определенные оппозиционные к Москве круги в Пскове вняли бы увещаниям, основывавшимся на текстах вновь созданной летописи, в которой читалась давно изготовленная в Москве же тенденциозная, по меньшей мере, для самих псковичей, Повесть. Да и не уговорами следовало бы воздействовать на оппозицию, а мерами куда более решительными и жесткими, как это и случилось впоследствии. Однако сами эти меры должны были предприниматься на основе убежденности в собственной правоте, а таковая имела бы источником историческое знание, почерпнутое из текста Повести. Составитель Свода предложил материал для понимания «псковской проблемы», дело читателя было участвовать в ее решении с использованием полученных сведений, но только в том случае, если читатель действительно был причастен к проведению государственной политики.

Составитель Свода излагал историю с промосковских позиций, и именно в этом виде она представляла интерес и откладывалась в сознании относительно многочисленных, судя по количеству списков произведения, читателей, но эти списки датируются временем куда более поздним, чем 1560-е годы, к которым возможно относить только оригинал сочинения, лишь гипотетически предполагая существование его ранних копий, а следовательно, говорить о широком распространении текста Свода в ближайшее к его возникновению время нет достаточных оснований, почему и оказывать воздействие на публику заложенные в нем идеи способны были весьма ограниченно.

К сожалению, эти особенности древнерусской книжности вообще и исторических и публицистических произведений в частности, редко учитываются ее исследователями, что, кажется, проявляется и в работе А. Е. Жукова, винить которого было бы опрометчиво, поскольку «кто без греха...». Да и основным предметом для него все же являются источниковедческие проблемы.

Перейдя в следующем параграфе 4-й главы к вопросу о происхождении Свода, автор рассматриваемой книги уже на основании предшествующего анализа его источников констатирует: «Летописный свод 1560 г. является памятником, двойственным по своему характеру. Круг материалов, привлеченных при его составлении, указывает на связь составителя с митрополичьим скрипторием, однако содержание и общий характер повествования свидетельствуют о внимании автора к „земским“ вопросам, что может указывать на участие в работе людей из окружения монарха» (С. 164). В дальнейшем, исходя из наличия в тексте Свода вставок из разрядной книги с большим массивом сведений о роде Колычевых, Жуков допускает, что именно представитель этого рода — Федор Иванович Умной Колычев — и «мог принимать участие в работе над текстом Свода 1560 г.» (С. 165). Через две страницы допущение превращается в относительно обоснованное суждение: «Полагаем, что Федор Иванович был редактором Свода 1560 г., который внес в его текст наиболее важные и злободневные сведения. Если наше предположение соответствует действительности, то в окончательном виде Свод 1560 г. сложился в окружении царя» (С. 167; см. и С. 171). Судить о степени справедливости весьма важного умозаключения предоставим другим и остановимся лишь на следующем буквально в той же строке: «Это не значит, однако, что книжники из окружения митрополита не принимали никакого участия в работе. Часть мероприятий по подготовке текста могла осуществляться в скриптории московского владыки. Возможно, именно этим объясняется внимание составителя Свода к вопросам церковной истории» (С. 167). Если помнить о том, что Жуков видит в Своде непосредственный источник Степенной книги, о чем он пишет и в данном параграфе своей работы (С. 170), что в работах других исследователей (П. Г. Васенко и А. С. Усачева) создание Степенной отнесено к периоду до 31 декабря 1563 г.,⁴¹ то убедительным выглядит и вывод о возникновении Свода ранее этой даты (С. 170). Однако те же обстоятельства заставляют, во-первых, признать, что рукопись Свода оказалась в распоряжении только лишь будущего митрополита Афанасия, когда он еще оставался Андреем, и отмеченное влияние митрополичьего скриптория могло осуществляться через посредство именно этого иерея, а во-вторых, следы обратного воздействия Степенной книги на Свод, о чем сказано ранее автором рассматриваемой работы, свидетельствуют о тесном личном общении Ф. И. Умного с протопопом

⁴¹ Не рассматриваем здесь возражений С. Н. Богатырева, придерживающегося иной датировки Степенной книги (*Богатырев С. Н.* Датировка Степенной книги. С. 90–93), поскольку обязаны в данном случае исходить лишь из принятых А. Е. Жуковым гипотез.

Благовещенского собора, а позднее — монахом Чудова монастыря, Андреем, в ходе которого, видимо, и проходило обсуждение структуры исторических сочинений, проявившееся в Своде в виде деления на главы, а в Степенной — на степени, всякий раз отведенные для изложения обстоятельств истории конкретного правления.⁴²

Завершая краткие заметки о втором параграфе 4-й главы, оговорим, что среди поставленных во Введении задач значилось определение места и времени создания Свода, но не числилось выяснение вопроса об авторе-редакторе, зато в завершающем 4-ю главу фрагменте внимание уделено времени и авторству, но отнюдь не месту. Видимо, для автора книги очевидно, что Ф. И. Колычев, если именно он был редактором Свода (или и составителем тоже?), трудился над своим произведением в столице.

Основной текст книги А. Е. Жукова, как принято, завершается разделом, озаглавленным «Заключение», в котором, опять же в соответствии с традицией, подводятся некоторые итоги проведенного исследования, но на самом деле содержание его в данном случае значительно шире. «Что может дать рассматриваемый памятник исследователю с точки зрения дополнения картины исторических событий?» — задается вопросом автор и тут же предлагает ответ: «В общем-то, немного, хотя нельзя сказать, что совсем ничего», поскольку в нем в сравнении с другими летописями содержатся некоторые уникальные сведения. «С литературной точки зрения, — читаем в том же абзаце, — Свод 1560 г. также не представляет особого интереса», так как составитель, компилируя тексты своих источников, «не вносил в повествование существенной редакторской правки» (С. 172). Однако эти пессимистические, как может показаться, заключения тут же отвер-

⁴² Вероятно, более корректным было бы говорить не об обратном влиянии собственно Степенной книги на Свод 1560 г., а о воздействии некоторых идей будущего митрополита на историческое сознание царского сановника, которому вряд ли был доступен текст творения Андрея-Афанасия в каком бы то ни было виде. В связи с этим стоит учитывать и один из выводов А. В. Сиренова о степени распространения Степенной книги в читательских кругах второй половины XVI в.: «Только после создания специального списка, предназначенного, видимо, для копирования, списки-копии стали расходиться по монастырям. Начало этого процесса относится к 1594 г. В предшествующий период Степенная книга была известна только узким кругам московских книжников, близких либо к царскому двору, либо к окружению первосвященника русской церкви. Можно предположить, что инициатива распространения Степенной книги принадлежит патриарху Иову, во всяком случае, несомненно то, что рукописное тиражирование Степенной книги проходило с его ведома и одобрения» (Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. С. 197). Нельзя исключить, что Ф. И. Умной принадлежал к этому узкому сообществу читателей, но сама Степенная должна была уже существовать в виде какого-то адаптированного для чтения текста.

гаются. «Значит ли это, — читаем далее, — что потенциал Летописного свода 1560 г. для изучения русской истории крайне низок? Представляется, что ответить на данный вопрос следует отрицательно. Современный исследователь не должен относиться к источнику потребительски, выискивая в нем лишь иллюстративный материал для собственных построений. Произведения древнерусской книжности следует рассматривать как явление своей эпохи» (С. 172). Невозможно не согласиться с автором в том, что потенциал Свода как источника весьма велик и что к произведениям книжности следует относиться именно так, как постулирует Жуков. Однако нельзя не оговорить, что сентенция о задачах современного исследователя страдает существенным изъяном, если не воспринимать ее как неудачное выражение, а видеть в ней отражение принципиальной позиции в оценке методов работы коллег.

Современный исследователь, как и многие его предшественники, а тем более последователи, вообще не имеет права выискивать в источнике каких-либо иллюстраций для, видимо, заранее сложившихся в его представлении построений. Напротив, его построения могут формироваться исключительно на сведениях источника, тем самым заведомо не носящих иллюстративного характера. Отношение к источнику останется потребительским, но изменится характер этого потребления. Время же иллюстративного метода в историографии давно минуло, хотя и имеется множество примеров сознательных или не очень попыток его воскрешения в новейшей литературе. Искатель иллюстраций, если говорить серьезно, вообще не является исследователем, скорее, мечтателем, романтиком, ищущим подтверждение собственных иллюзий в прочитанных им текстах, которые для него не становятся, тем самым, историческим источником, будучи источником заимствования не столько фактов, сколько мифологем.⁴³

⁴³ В связи с этим примечательно одно из утверждений современного историографа, дающего характеристику метода работы «историографа государства Российского»: «В российской истории Карамзин искал не истину, а свой образ прошлого. Поэтому из громады собранных им источников он черпал то, что соответствовало этому образу. Этот образ российской истории, построенный Карамзиным, представлял собой нечто иное, как конструктивистский тип исторического исследования, в основе которого лежал и лежит до сих пор один метод — поиск в исторических источниках свидетельств, укладывающихся, подтверждающих заранее придуманную конструкцию прошлого. Карамзин шел не от источника к исторической реконструкции, а от собственной концепции к источнику, в котором искал доказательства своей схеме российского исторического процесса. То было ничем иным, как потребительским использованием исторических источников — способ написания истории, встречающийся и в наши времена» (Козлов В. П. Н. М. Карамзин: время и бремя русского писателя и историка // Труды Отделения историко-филологических наук. 2016. М., 2017. С. 74).

Своей задачей в изучении летописного памятника А. Е. Жуков считает выявление единого замысла, коим руководствовался его составитель, и понимание мотивов «включения того или иного сообщения в состав памятника» (С. 173). Таким образом, для исследователя главным является определение идеологической направленности Свода, то есть, опосредованно, идеологии, коей руководствовались его авторы. Именно это в сочетании с некоторыми техническими приемами изложения и оформления текста позволяет автору монографии определить место памятника в историографическом процессе второй половины XVI столетия (С. 173–175). В итоге Жуков заключает: «Обращаясь к Летописному своду 1560 г., можно обнаружить в нем некоторое количество оригинальных сведений, не встречающихся в других источниках. Однако подлинное значение данного памятника лежит в другой плоскости. Свод 1560 г. важен для нас как весьма своеобразное явление политической мысли своей эпохи. Лишенный публицистической направленности, он закладывает фундамент для дискуссий и построения политико-исторических концепций» (С. 176).

Не будем спорить с автором в этом концептуальном выводе, тем более, что в его фразе присутствует важная для данного случая оговорка «для нас». Со своей стороны заметим, что подлинное значение Свода и результатов его изучения, не отрицая важности оценки его как политического произведения, видим несколько в ином.

Автор книги особо обращает внимание на относительно малое количество оригинальных известий в тексте Свода, тем самым затрагивая проблему использования сохранившихся повествовательных и документальных текстов как источников для извлечения исторических фактов. Однако следует учитывать, что сам Свод, его составление в определенных хронологических рамках в сочетании с гипотезой о личности, как минимум, редактора является важнейшим таким фактом.⁴⁴ Доступность включенных в текст литературных сочинений в данном месте, в данное время и конкретному лицу сама по себе представляется таким же историческим фактом, как и проявленное

⁴⁴ Заслуживает внимания давнее высказывание одного из исследователей в смежной области: «Конечно, потомству мало заботы о том, как величали летописца; но его личность, его характер в высшей степени значительны при оценке достоверности сообщаемых им сведений, потому что они покидают свой неизгладимый отпечаток на самом повествовании. Недостаточно еще знать, что такой-то летописатель к одним событиям жил близко, других — был современником, очевидцем. Не это главное в нем, а положение, которое он занимал в обществе, его образование, нравственные его качества» (Иванов Н. Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их, хранящихся в библиотеках Санкт-петербургских и московских. Казань, 1843. С. 107).

составителем или редактором внимание к исторической проблематике, причем не аморфное представление о некоей литературной среде или скриптории, а конкретное, персонифицированное.⁴⁵ Фактом, выявленным на основе анализа текстов и принципов их оформления, видится и совпадение или отличие интересов современников, коими являлись Ф. И. Колычев, если действительно он был причастен к возникновению Свода, и протопоп Андрей, трудившийся над Степенной книгой. И сама проявляющаяся в текстах Свода политико-идеологическая тенденция является фактом, «оригинальным известием», сообщаемым посредством целого комплекса известий неоригинальных. Тексты Свода о многом из перечисленного не сообщают прямо, но их анализ приводит к этим выводам. Как полученные в результате исследования, эти факты, в первую очередь, являются историографическими, но при соответствии их реальности выступают как исторические.

Впрочем, эта сторона Свода после произведенного А. Е. Жуковым его исследования представляется наиболее важной именно нам, что никого ни к чему не обязывает. У каждого могут существовать собственные приоритеты, почему и суждения о важности будут отличаться.

В связи с употреблением автором монографии термина «потребительское отношение», завершая поверхностное обозрение книги, заметим одну странность в использовании А. Е. Жуковым предшествующей историографии. В свое время Я. С. Лурье справедливо упрекал историков именно в таком отношении к летописям, использовании их известий без учета итогов работ специалистов-летописеведов.⁴⁶

⁴⁵ См., например: Усачев А. С. Об одном читателе Чудовского списка Степенной книги // Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010. М.; СПб., 2010. С. 281–287.

⁴⁶ Лурье Я. С. 1) О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М., 1973. С. 83–84, 89; 2) О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1975. М., 1976. С. 102.

После опубликования трудов А. А. Шахматова сложилось мнение, что в дальнейшем использование летописных текстов без учета полученных им результатов станет невозможным или недопустимым, однако этого не произошло, что вызвало соответствующую негативную реакцию Я. С. Лурье, который, констатируя факт, не искал причин, его обусловивших. Одна из них указана В. Г. Воиной-Лебедевой: «Историкам очень часто хотелось, чтобы в результате анализа летописания возникла какая-то четкая картина, представление об истории текста, на которую можно прямо ссылаться в исторических работах. Работа по изучению летописей всегда, несмотря на неоднократные заявления о большой культурной значимости летописей самих по себе, рассматривалась как предварительный этап ...к использованию далее научно препарированного летописного текста в качестве источника. Поэтому работы Шахматова вызывали уважение и даже преклонение, часто не сопровождающиеся их подробным разбором и обдумыванием, так как давали в результате эту четкость реконструируемых источников» (Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей:

В работе Жукова иной раз наблюдается прямо противоположное явление — игнорирование трудов некоторых историков, которое не влечет за собой всякий раз негативных последствий, но способно создавать отрицательное впечатление у читателя. В частности, на с. 149 утверждается, что Иван Турунтай Пронский был близок М. Глинскому, но не указывается источник этого суждения, явно восходящего к высказанному в историографии мнению. В особом примечании на с. 158, посвященном грамоте 1560 г. о царском титуле, желательно было бы видеть упоминание работы А. Л. Хорошкевич, сличившей тексты грамоты в составе летописи, с одной стороны, и в посольской книге, с другой.⁴⁷ Сведения о роде Колычевых приводятся с использованием книги М. Л. Боденко-Колычева, что является положительным фактом внимания к литературе далекого прошлого, но остается не упомянутой посвященная тому же роду работа А. А. Зимина.⁴⁸ На с. 153 в рассуждениях о Василии Михайловиче Тучкове не находит применения статья С. О. Шмидта.⁴⁹ Не проводя специальных библиографических изысканий, ограничимся только этими примерами, и надеемся, что и они стали следствием недоразумения, не отражая какую-то принципиальную позицию автора монографии.

Не сомневаемся, что работа А. Е. Жукова в дальнейшем вызовет интерес специалистов, а значит, и появление откликов на нее, содержащих аргументированную критику и, может быть, не во всем позитивную, но всегда доброжелательную оценку. Теперь же лишь заметим, что вновь вышедшая книга представляет собой важнейшее явление в сфере изучения истории русского летописания XVI в., отражая в той или иной степени все положительные особенности нового, сложившегося на протяжении последних десятилетий историографического этапа в этой области.

XIX–XX вв. С. 821–822). Практика последних десятилетий показала, что положение сохраняется и после опубликования трудов самого Я. С. Лурье, бывшего приверженцем шахматовского метода.

⁴⁷ Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 282–285. Учитывать работу А. Л. Хорошкевич тем более важно, что вопрос о трактовке грамоты 1560 г. и после новейшей публикации Б. Л. Фонкича остается до конца не решенным. См.: Кистерев С. Н. Новое издание документов о России и греческом мире в XVI веке. С. 326–327.

⁴⁸ Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 56–71.

Странное пренебрежение предшествующей историографией, в том числе и работами А. А. Зимина, повлекло умолчание о важной для содержания книги А. Е. Жукова статье, включающей и публикацию фрагмента текста из рукописи РГБ, Румянц. 255: Зимин А. А. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. 1970. № 5. С. 68–73.

⁴⁹ Шмидт С. О. Новое о Тучковых (Тучковы, Маким Грек, Курбский) // Исследования по социально-политической истории России (Труды ЛОИИ. Вып. 12). Л., 1971. С. 133–141.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	— Археографический ежегодник
АЗР	— Акты западной России
АЮЗР	— Архив Юго-Западной России
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДРВМ	— Древняя Русь. Вопросы медиевистики
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словестности
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории
МОИДР	— Московское общество истории и древностей российских
ОИ	— Отечественная история
ОФР	— Очерки феодальной России
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПЭ	— Православная энциклопедия
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РНБ	— Российская национальная библиотека
СККДР	— Словарь книжников и книжности Древней Руси
ХЧ	— Христианское чтение

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мошкова Л. В.</i> Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: Палеографические заметки (Статья восьмая)	3
<i>Тимошина Л. А.</i> Грамота константинопольского патриарха Тимофея II иерусалимскому патриарху Феофану III (апрель 1618 г.)	71
<i>Митрофанов В. В.</i> Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову с 28 января 1890 г. по 24 июля 1891 г.	173
<i>Кистерев С. Н.</i> По поводу книги А. Е. Жукова «Летописный свод 1560 г.»	225
Список сокращений	255

Научное издание

ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»

Вып. 41

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 22.04.2023

ИП Новикова О. Л.
ОГРНИП 319784700175460
194352, Санкт-Петербург, пр. Художников, д. 30, к. 1, пом. 437
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

